

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11/97

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта
и Р. Люксембург? 3

СТАТЬИ

- Л. Е. Файн — Военно-коммунистический «эксперимент»
над российской кооперацией (1918—1920 гг.) . 25
- Т. М. Исламов — Венгерское восстание 1956 г. в отече-
ственной историографии 42

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Н. А. Листопадов — У Не Вин . 56

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин — Записки для немногих . 79

ПУБЛИКАЦИИ

- Карел Чапек. — Беседы с Т. Г. Масариком . 102

СООБЩЕНИЯ

- А. Ю. Полунов — Церковь, власть и общество в России
(1880-е — первая половина 1890-х годов) . 125
- О. О. Антропов — Астраханские казаки в эмиграции . 137

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. В. Шмелев** — А. В. Колчак и возрождение русского флота. 1906—1911 годы 143
- С. Е. Руднева** — Делегация Московской городской думы на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.) . 148
- Л. Е. Морозова** — Семен Иванович Шаховской-Харя . . 154
- И. Н. Сергеев** — Страницы из истории подмосковного Царицына 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

ТРЕХТОМНИК «ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XX ВЕКА».

- В. И. Старцев** — История России. XX век 163
- Т. Г. Фруменкова** — История России с начала XVIII до конца XIX века 166
- М. М. Кром, Т. И. Пашкова** — История России с древнейших времен до конца XVII века 168
- К. Е. Рогов** — Г. Солсбери. 900 дней. Блокада Ленинграда 170
- О. Е. Мисюрович** — Т. К. Прусис. Русское общество и греческая революция 171
- А. Я. Шевеленко** — Новая английская серия монографий о средневековых авторах 173

Был ли причастен К. Радек к гибели К. Либкнехта и Р. Люксембург?

35. Оправдательное заявление Шейдемана ¹

От редакции

В сегодняшнем дневном номере публикуются несколько отрывков из оправдательных документов, которые тов. Шейдеман передал организованной партией комиссии по расследованию дела Скларца в начале января 1920 года. Документ вначале был предназначен не для общественности, но после того как из-за болтливости, которая, к сожалению, не редкость, часть документов была опубликована, мы считаем необходимым познакомить общественность со всем текстом, чтобы пресечь попытки выдергивания произвольно отдельных предложений и отрывков. Из-за объема документа мы вынуждены разбить публикацию на несколько номеров нашей газеты. Документ начинается общими замечаниями, и вторая часть посвящена опровержению выдвинутых против тов. Шейдемана отдельных обвинений.

Уважаемые товарищи!

Вы правильно поступили, передав мне обширную связку так называемого обвинительного материала. Я должен ответить на пункты, направленные против моей персоны. При изучении материала я все время задавал себе один вопрос:

1) как стало возможным, что на основе документов сутяжнического помещательства могли смешать с грязью имена незапятнанных людей, чем занимались в течение нескольких недель даже серьезные газеты, ибо эти люди на протяжении десятилетий занимались исключительно общественной жизнью; 2) необходимо ли от таких занятых людей, среди которых старые партийные товарищи, требовать, чтобы они защитили себя от этих глупых обвинений, прямо или косвенно выдвинутых против них?

А. Общие замечания

У меня при чтении документов создалось впечатление, что оба Зонненфельда больные люди. Зонненфельд-отец, который начинает свои обвинения десятью ужасными стихотворными строфами, сказал «шутливо» (это подчеркнуто в двух местах материала с хорошо знакомой ему позиции торговца), что в его руках материал, по крайней мере, стоимостью в один миллион, который можно получить от 1) скомпрометированных, стремящихся не допустить публикации, и 2) от газет, имеющих возможность извлечь из этого собственные выгоды.

Зонненфельд-сын в принципе придерживается такой же точки зрения,

Окончание. См. Вопросы истории, 1997, №№ 9, 10.

что и отец, но оценивает материал еще выше, еще грандиознее, чем отец, — в 1 500 000 марок. По показаниям отца (сделанным для облегчения вины сына), сын не хотел растрачивать взятые деньги, а хотел только заработать на материале, а потом вернуть деньги (их встреча состоялась в Ганновере на железнодорожной станции перед бегством сына в Голландию; эти показания отца были сделаны позднее, когда их материал уже не оценивался так высоко).

История об обстоятельствах, сопровождавших убийство Либкнехта и Люксембург, в которой, по утверждению обоих Зонненфельдов, принимал участие и я, по-моему, также свидетельствует о том, что оба они патологически ненормальные люди. В противном случае их нужно было бы считать бессовестными преступниками, которые по счастливой случайности не попали еще в общую кучу дерьма.

Я сошлюсь еще на некоторые высказывания Зонненфельда-сына: о каких-то планах, которые Скларц, Парвус и я составили против Антанты; о его опасениях, что его могут убить при перевозке в Берлин, «застрелить при попытке к бегству». К сожалению, материалы обоих Зонненфельдов попали в руки депутата Давидсона, которого я уважаю, но (мне жаль, что я должен так говорить о социал-демократическом депутате) считаю его малоодаренным фанатиком, склонным к кляузничеству. Давидсон безапелляционно заявил во время предварительных переговоров по выяснению дела, что необходимо считаться с возможностью, когда материал, а также и свидетелей, могут убрать, если скомпрометированным лицам предоставить достаточно времени, и что необходимо срочное разбирательство (свидетелем этого был тов. Гириг, член Прусского земельного собрания). «Достаточно времени» — для Давидсона это ночь.

2 января в прессе было опубликовано, что Давидсон сообщил в прокуратуру о якобы имевшем место в различных ведомствах уничтожении документов по делу Скларца! Поскольку это сообщение не подтвердилось, то я, к сожалению, и товарища Давидсона тоже отнесу к большим людям.

Далее, хочу обратить внимание на другого активного помощника в разоблачительной кампании — издателя Баумайстера, который в целях лучшей информации всей прессы организовал даже корреспондентский пункт. Потом станет ясно, как типичные мошенничества и спекуляции могут перерасти в политический скандал, за которым на протяжении месяцев заинтересованно следит вся общественность и который наносит самый тяжелый вред нашей партии и правительству внутри страны и за рубежом. Особенно страдают оклеветанные товарищи и их семьи, находящиеся под общим пристальным вниманием.

Если торговец Георг Скларц (не социал-демократ) занимался фальшивыми делами или совершал судебные-наказуемые действия, то это должен проверить суд. Я знаю об этих делах так же мало, как и о других, которыми он занимался или должен был заниматься. Так же мало знал и знаю я о его отношениях с налогоуправлением. Я настолько же мало осведомлен о его делах, как и о делах других знакомых моей семьи, с которыми я поддерживаю дружеские отношения.

Зонненфельд-сын пишет в письме из Гарлема от 20 октября 1919 г. своему адвокату, как он был прямо-таки покорен, когда познакомился с Георгом Скларцем: «Этот маленький человек был для меня героем и оставался долгое время таким бесконечно уважаемым, замечательным». На меня, правда, Скларц при знакомстве такого впечатления не произвел, но я познакомился с ним при обстоятельствах, которые требовали моего внимания к нему. И он будет чувствовать мое внимание к себе до тех пор, пока не будет доказательств, что он — плохой человек, ибо совершал недостойные действия. Обвинений таких уважаемых людей, как Зонненфельды, для меня недостаточно.

Б. Выдвинутые против меня обвинения

1. Мои связи со Скларцем

Со Скларцем я по необходимости общался на протяжении нескольких

недель, я имел право посещать его дом, чтобы обедать и в отсутствие хозяина; в его комнате висел мой портрет.

Я в дружбе со Скларцем несколько лет, т. е. с того времени, когда никто, тем более я сам, не думали, что когда-нибудь я стану членом немецкого правительства. Я был у него в гостях, как и во многих других знакомых домах. Я любил общаться особенно с ним, так как я встречал в его доме много выдающихся людей искусства и науки, офицеров, многих знатных иностранцев, которых я слушал и учился у них, что для меня было важно как для политика. Ни в одной из знакомых мне семей такого не было. И я благодарен за предоставленное мне Скларцем разрешение посещать его дом в отсутствие хозяина, ибо тогда я и другие, мои близкие друзья, укрываясь от опасности (нас объявили в розыск и угрожали смертью), не знали, где провести ночь. Ни один из тех, кто выступает сейчас за Зонненфельдов и обвиняет меня в участии в делах Скларца, ни разу не предоставил мне в критическое время ночлег.

Когда в январе 1919 г. я второй раз хотел воспользоваться домом Скларца (то была особенно дрянная ночь), то у дверей дома увидел спартаковцев, ожидавших меня. Но я смог спастись, переждав несколько часов на улице, пока рано утром не уехал на автопролетке к имперской канцелярии. В отсутствие господина Скларца я был в его квартире максимум 5—6 раз. Как и многим другим моим знакомым, я подарил Скларцу по его просьбе свою фотографию со следующим посвящением: «Филипп Шейдеман моему уважаемому другу г-ну Георгу Скларцу. 3 марта 1918 года».

2. Получение продовольственных товаров

Фрау фон Гурланд ежедневно доставляла мне шпиг, масло, колбасу и прочее из войсковых запасов. Кроме того, я получал продукты от Скларца.

Пакеты с продовольствием, которые я получал время от времени от Скларца, были подарками некоторым известным в Берлине товарищам от датских друзей.

Наши старые датские друзья могли связаться с нами только через господина Скларца. В качестве свидетелей я могу указать на товарища из Дании Кизера и на самого господина Скларца. Утверждение, что меня снабжали регулярно и в большом количестве, полностью необоснованное.

А от фрау фон Гурланд я никогда не получал вообще никаких пакетов. В материале в трех местах утверждается (правда, каждый раз в разной связи), что даже присылали «дрожку, наполненную продуктами». В то время в Берлине не было дрожковых кляч, которые бы доставили пролетку до Штегмеца.

Я и другие члены правительства и в Веймаре питались продуктами, доставляемыми Скларцем. В Веймаре все члены правительства (также буржуазные) были против твердых цен в ресторане, оборудованном в замке.

3. Моя причастность к затратам Скларца в Дании

Мой зять Хенк рассказывал мне, что его жена и дети жили долгое время в Копенгагене на деньги Скларца.

Об этом нечего и говорить, ибо это неправда. Летом 1917 г. вся моя семья — мои замужние дочери (их мужья были четыре года на действительной службе) — тяжело заболела вследствие недоедания, а два внука страдали от неудачной прививки от коклюша. Врач порекомендовал последнее спасительное средство — смену климата и хорошее питание, поэтому я должен был искать любой подходящий вариант. Мне помог случай, который привел меня в Копенгаген, где я рассказал о моих несчастьях. Счастливым образом появилась возможность послать в Данию моих больных дочерей и внуков. Один из известных австрийских товарищей снял и уже оплатил для своей семьи маленькую квартиру за городом, которая оказалась свободной, так как особые обстоятельства помешали этому товарищу с семьей выехать в Данию. Эта квартира была предоставлена мне, за что я с радостью ухватился и оплатил ее. Господин Скларц, который тогда даже не знал моего зятя, не участвовал в этом деле ни малейшим образом и, уж разумеется, не истратил ни одного пфеннига.

4. Политическая деятельность Скларца и Парвуса за границей

а) Я ввел Скларца в датские социалистические круги и познакомил его с влиятельными политическими деятелями.

б) Я предоставил возможность Скларцу участвовать в политике.

Здесь нет ни одного слова правды. По-моему, в Копенгагене я встречал Скларца только два раза. При одной из таких встреч он просил у меня совета, как ему и Парвусу (которого тогда не было в Копенгагене) следовало действовать лучше в их деле — они хотели на несколько месяцев поселить сотни немецких детей в Дании (по обмену). Товарищи Бауэр, Эберт и я вместе с нашим другом Кизером в Копенгагене осмотрели на побережье довольно большой отель, нашли его пригодным и этим обеспечили первое место для размещения немецких детей в Дании.

в) Скларц обеспечил мне паспорт на имя профессора Филиппа.

Это тоже неправда. Мои заграничные паспорта были выданы согласно порядку, принятому в Министерстве иностранных дел. Речь идет, вероятно, о случае, когда я однажды в Копенгагене для обеспечения моего инкогнито (в целях укрытия от агентов Антанты) записался в книге для гостей в отеле не своей полной фамилией, а использовал только два моих имени, т. е. «Генрих Филипп». Кто мне присвоил титул профессора, я не знаю.

г) Я руководил из Копенгагена переговорами с Лениным и другими; организовано это было Скларцем и Парвусом на средства немецкого правительства, «причем все трое заработали очень большие суммы».

Это все сплошная ложь. Я никогда в своей жизни не тратил каких-либо средств немецкого правительства и, к сожалению, не получал никогда значительных сумм.

д) Скларц сказал Зонненфельду, что он вместе с господином Мюльхаузенем и мной обсуждал в Швеции вопрос о торговых операциях с Россией.

Это полная бессмыслица, так как я никогда никоим образом не обсуждал подобные дела, я не имею подобных интересов и соответствующих знаний в этой области.

е) Скларц, Парвус и я не только совершили русскую революцию, но и сейчас принимают участие в революции во Франции.

Я, по утверждению некоторых людей, делал даже и немецкую революцию. В русской революции я участвовал так же, как и во французской, о которой я, впрочем, до сих пор ничего не слышал, разве что в политических обвинениях Зонненфельда.

ж) Особенно зло разоблачает Зонненфельд-мл. меня в следующей сказке: «Уже за пять недель до моего отъезда я должен был съездить в Голландию по поручению Министерства иностранных дел. Хенк передал мне поручение, объяснив, что оно получено из Швейцарии, где в то время заседали Парвус и Шейдеман. Это поручение представляет большой интерес для Франции и других государств Антанты, и если я опубликую эти сведения, то Антанта очень тщательно займется указанными лицами».

Вероятно, уважаемый Зонненфельд-сын наивно считал, что необходимо настоятельно рекомендовать Антанте внести меня в список лиц, подлежащих выдаче. Пока я не знаю, чего в действительности хотел достичь Зонненфельд сочинением своего бульварного романа. Он, вероятно, составил дьявольский план, согласно которому я должен был начать «движение в странах Антанты; поднять акции Германии — и благодаря этому снова стать президентом!»

Я могу назвать эти глупые речи молодого человека только одним словом. Но этого не нужно делать, ибо «политик» Зонненфельд-мл. катит дальше: «Ужасно, что обо мне судят не как о политическом беглеце, а как о преступнике».

Он еще хотел бы быть политическим! Чтобы им стать, он даже сочинил историю о якобы назначенной мною премии за головы Либкнехта и Люксембург. И это обвинение Зонненфельд-отец предал огласке с замечанием, что он может доказать его правильность. Я не хочу выглядеть в глазах партии бездейственным. Поэтому я подал в прокуратуру иск о наказании Зонненфельда с одной целью, чтобы он имел возможность представить свои

доказательства. Упомянутого в обвинении по этому делу Поппа, которого я якобы отверг как кандидата на совершение убийства, ибо он показался мне ненадежным, я до сих пор не видел и не слышал; и я его не знаю.

5. Мои «мнимые» протекции господину Скларцу

Г-ну Скларцу были оказаны протекции: 1. В начале 1919 г. он получил документы, подтверждающие его полномочия в деле снабжения продуктами питания группы правительственных войск. Документ был следующего содержания (далее следует текст уже опубликованного документа. — *Ред.*) ...2 и 3. Документы о поставке бумаги из Финляндии для издания русского календаря; рекомендации для транспортировки этого календаря.

По поводу документа о снабжении продовольствием я сошлюсь на письмо Эберта товарищу Лебе от 2 декабря 1919 года. Мы были рады, что нашелся человек, который взял на себя обеспечение продуктами питания. Если бы нам не удалось организовать снабжение наискорейшим образом, мы не смогли бы содержать ни добровольческие отряды, ни правительство, и все погибли бы от рук спартаковцев. Документы были выданы, когда коммунисты и спартаковцы завладели четвертой частью газет и газетой «Vorwärts». Выдача документов была совершенно необходима. То, что их получил Скларц, можно легко объяснить, ибо в критические часы он всегда был на месте и готов был оказать любую услугу. В то же время сегодняшних героев, которые лезут сейчас с полезными советами, тогда что-то не было видно. Как должны были производиться расчеты за продукты и каким образом этот расчет был произведен — я не знаю. Подобными делами я никогда не занимался. Это дело, в первую очередь, интендантства.

В материале указывается на множество писем по вопросам снабжения продовольствием, за моей подписью. Поскольку они мне были представлены при первом обсуждении Давидсоном, то я их тогда же назвал фальшивками. В письмах обсуждаются дела, которые мне совершенно незнакомы. Подписи очень грубо подделаны.

Газета «Berliner Zeitung am Mittag» сообщает, что записка Шейдемана передана ей членом нашей партии (!) с полномочиями напечатать ее полностью или частично. После этого нельзя упрекать газету в бестактности.

36. Снабжение бумагой и перевозка календарей ²

Представленный мне документ на право ввоза бумаги из Финляндии с целью изготовления русского календаря, распространение которого в России было в немецких интересах, абсолютно верен. Этот документ гласит следующее:

Берлин, 18 ноября 1918 года

Издательству по социальным наукам несколько месяцев назад по распоряжению имперских властей выдано разрешение на ввоз бумаги. Важные обстоятельства, на основании которых выдано это разрешение, сохраняются и сейчас. Поэтому я прошу оказывать указанному издательству усиленную помощь в той же форме и далее, особенно не допуская конфискации бумаги или изъятия разрешения на ввоз.

Подпись: *Шейдеман*

Выданное старым правительством за несколько месяцев до того разрешение гласит:

Министерство иностранных дел

Удостоверение

Владелец сего удостоверения, господин Георг Скларц, полномочный представитель Издательства по социальным наукам. Указанное издательство издает народный календарь для России необычайно большим тиражом (минимум 1 млн. экз.). Календарь одобрен Министерством иностранных дел, так как распространение этого календаря должно служить интересам немецкой пропаганды. Очень желательно, чтобы при издании календаря быстро устранялись все возможные затруднения. МИД имеет честь просить, чтобы все пожелания господина Скларца в отношении издания по возможности выполнялись. Календарь должен быть обязательно готов до осени, так как уже в октябре должен распространяться во всех частях России.

Третий документ, который я не видел в оригинале, гласит:

Имперское издательство

Берлин, 3 февраля 1919 года

Издательство по социальным наукам изготовило миллион русских календарей, вывоз которых в Россию отвечает немецким интересам. Поэтому просьба ко всем военным и гражданским властям оказывать помощь при транспортировке этого календаря, особенно по железной дороге.

Подпись: *Ф. Шейдеман*

Печать: имперская канцелярия

Вся история с календарями совершенно правильно описана доктором Гельфандом в «Glocke». Я прилагаю «Glocke» от 27 декабря 1919 г. для ознакомления.

Издание настольного календаря было рассчитано на несколько лет, была предусмотрена публикация специальных статей выдающихся профессоров, рассказов о немецкой науке и искусстве. Задумывалось издание в духе немецкой социал-демократии и имело целью пропагандировать в России немецкую экономику, дать сведения о развитии Германии, то есть должно было способствовать открытию русского рынка для немецких товаров и служить установлению взаимопонимания между двумя странами. И если вследствие политических событий удалось издать и послать только отрывной календарь, а не настольный, то это прискорбный факт. И то, что правительство помогает немецкой фирме спасти готовый товар (фирме, которая в данном случае действовала по согласованию с правительством), не оставляет ее без помощи, не должно никого удивлять, ибо это очевидная обязанность правительства — защищать по возможности интересы всех своих государственных подданных. Правительство, само собой разумеется, могло бы и любой другой фирме точно таким же образом.

7. Общество охраны

Организация общества охраны в то критическое время (ноябрь 1918 г.), я считаю, была хорошей идеей; к ней сразу же проявил очень живой интерес уже умерший, к сожалению, тов. Хуго Хайнеман. Идея создания общества приписывается, как я увидел из обвинительного материала, Баумайстеру (письмо Баумайстера Зонненфельду от 9 октября 1919 г., стр. 11 и 12). Фактически же идея пришла с другой стороны. Делами, связанными с организацией охранного общества, из которого образовался полк «Рейхстаг», я не занимался; как оно было закрыто и ликвидировано, мне ничего не известно.

Настолько же мало я знаю и о делах, связанных с

8. Газетой «Reichswehr»

Утверждение, что я когда-либо что-либо использовал для покрытия дефицита из имперской кассы, абсолютно ложно.

Я уже однажды объяснял — и вообще и совершенно определенно, что я никогда не имел связи с какими-либо делами господина Сclarца и доктора Гельфанда. Ни один из них не просил и не получал от меня никакой протекции по торговым делам. Доктора Гельфанда, который покинул Берлин осенью 1918 г., перед началом революции, я встретил снова только летом 1919 г., когда я уже опять выбыл из состава правительства.

9. Защита Хенка

Вновь звучащее обвинение меня в том, что я защитил своего зятя Хенка от каких-то неприятностей по поводу его неправомερных действий, полностью выдуманно. Я никогда не слышал, кроме утверждений в так называемом материале, о каких-либо неправомερных действиях Хенка. Поэтому у меня не было случая защитить его. В принципе не могло существовать такой ситуации, когда я стал бы защищать его; я принципиально и пальцем не пошевелю для защиты родственника. Да у меня и нет такой возможности — не как у других! Оба зятя были на войне, оба ходили в гимназию, оба были добровольцами, оба были 4 года в действующей армии, оба возвратились как рядовые солдаты.

10. Мое посещение доктора Гельфанда

Тов. Зольман попросил меня выразить свое мнение по поводу газетной

заметки относительно моего посещения Гельфанда в Швейцарии. Я дружен с Гельфандом более 20 лет. Я благодарен ему за то, что он принял меня на его небольшой сельскохозяйственной ферме на Цюрихском озере после моего выхода из правительства. Сумасшествие — обвинять меня в том, что я пользовался гостеприимством старого друга. Прошлым летом виллы и прочие места для отдыха мне предоставляли пять лично мне почти незнакомых лиц, которые (как они писали) одобряли мою политику. Среди них была вилла высокочтимого человека и небольшой замок известного художника. Я отклонил все эти приглашения и поехал к своему другу Гельфанду — ибо я решил: если будет время, то я поеду опять к нему. В моих личных контактах я могу и останусь независимым.

Берлин, 1 января 1920 года.

37. «Кухня» разоблачителей ³

С каждым днем все больше узнаешь, с какой недобросовестностью собирался «материал» по так называемому коррупционному скандалу против наших партийных товарищей. В действительности, речь идет о скандале с фальшивками и о мошенничестве, в который втянули «партийных товарищей», якобы желавших использовать партию в своих интересах. На деле собирали с жадностью любую ложь и любой обман, которые где-нибудь появлялись, безразлично, преднамеренно или по легкости мышления.

В нападках на Шейдемана фальшивый материал играл большую роль. Материал якобы происходит из Копенгагена и служит к обвинению Шейдемана и других ведущих лиц в шпионаже ради личных крупных спекуляций. Мы сейчас в состоянии рассказать немного более достоверно об истории этих фальшивок. Автор их — некий называющий себя журналистом Шарль Бруно Роден, который уже за это был привлечен к ответственности.

Во время войны Роден занимался в Брюсселе сомнительными делами в интересах немецкого правительства. После войны положение его ухудшилось. Роден прочитал в газетах материалы об обвинениях против Скларца. Он подумал, что сможет на этом что-то заработать, пошел незамедлительно к Генриху Скларцу и предложил ему купить за 5000 марок якобы обвиняющий Скларца материал, которым располагал в Копенгагене. В действительности у Родена не было никакого материала. Скларц отклонил предложение, так как никаких подобных документов, о которых говорил Роден, не существовало. Тогда Роден круто изменил курс. Он обратился в корреспондентский пункт Зохажевского и предложил ему за 20 000 марок якобы имеющийся у него (в действительности не существующий) материал. Зохажевский проявил полную готовность купить этот материал, особенно если он будет компрометировать и Шейдемана, графа Ранцау и других руководителей правительства. При разговоре присутствовал человек, которым, по предположению Родена, был депутат Давидсон, хотя точно Роден этого не знает.

На следующий день Роден был представлен господину Рютгерсу, якобы племяннику Зохажевского, который должен был сопровождать его в поездке в Данию. Зохажевский обеспечил их билетами и оплатил дорожные расходы. В Бадерслебене Рютгерс остался, а Роден пересек границу и якобы поехал в Копенгаген за материалом. На это путешествие он получил 1500 марок. Конечно, Роден возвратился без материала. В Берлине он рассказал, что у него материал похитили. Это утверждение он повторил Зонненфельду, через него об этом узнал и Баумайстер. Баумайстер уговорил Родена восстановить содержание материала по памяти. Он предоставил для этого Родену специальное помещение и пишущую машинку. Здесь и сфабриковал Роден документы, которых никогда в действительности не существовало.

На основе такого «обвинительного материала» отъявленные субъекты на протяжении нескольких недель смешивали с грязью имена высокоценимых партийных руководителей. И мнимые «партийные товарищи» приложили к этому руку!

По делу о разоблачениях Давидсоном Бармата мы получили

следующую телеграмму от генерального секретаря голландской партии тов. Матисена:

«В составленном и опубликованном письме тов. Давидсон осуждает некоторых видных деятелей голландской социал-демократии на основе полученной от них информации о г-не Бармате и критикует его отношение к голландской партии. Я осведомился у указанных Давидсоном товарищей: де Роде — шефа-редактора «Rot Volk», Тиммена — секретаря международного бюро профсоюзов, и Поллака мл. — редактора «Rot Volk». Из этой информации следует, что Давидсон, побеседовав с названными господами, составил себе о Бармате неправильное представление и без основания и умышленно скомпрометировал партию, которая связана с указанным господином ввиду финансирования им части нашей прессы.

Давидсон неблагоприятно высказался и предъявил, кроме того, обвинения и упреки немецкой и голландской партиям и Бармату. Де Роде не намеревался, как утверждает Давидсон, совершить поездку в Берлин с целью «рассмотреть господина Бармата поближе в его берлинской среде».

Де Роде объяснил, что так долго не высказывал своего суждения об упомянутых Давидсоном фактах потому, что хотел провести собственное расследование. Де Роде добавил, что ни один недруг Бармата не назовет ни одного факта, который мог бы дать повод к нравственному осуждению его личности. Упомянутые обвинения Давидсона по поводу деятельности Бармата в Берлине кажутся не только невероятными, но и злонамеренными, ибо Давидсон при этом упрекает и многих руководителей и политиков немецкой партии. Эти упреки, по словам де Роде, очень удивительны, потому что, как он узнал, Давидсон принадлежит к правой партии.

Тиммен определенно опровергает факт, приводимый в письме Давидсона, что Бармат каждый раз высказывался презрительно о деятелях партии. Он объяснил, что для подобного презрения нет совершенно никаких оснований.

Поллак сообщил мне, что Давидсон сам высказал опасение относительно того, что голландская партия будто бы коррумпирована или будет коррумпирована Барматом, на что Поллак ответил, что он считает это невозможным, если же появится какая-нибудь опасность этого, то он сочтет своей обязанностью бить тревогу во всей партии. Но фактов для такого утверждения у Давидсона нет.

Отсюда следует, что Давидсон, одержимый идеей фикс, тенденциозно фальшиво истолковал факты. Я уполномочиваю Вас ознакомить с вышеизложенным общественные круги.

Мы напечатали это очень ясное заявление и хотим дословно привести соответствующие места из письма Давидсона, опубликованного в газете «Berliner Volkszeit». Давидсон пишет:

Я только что провел неделю в Голландии и беседовал там с видными социал-демократами о «бароне Бармате», как его там называют. Там относятся к нему по меньшей мере с большим недоверием. Де Роде, шеф-редактор «Rot Volk», прямо сказал, что готов съездить в Берлин, чтобы взглянуть поближе на берлинскую среду «барона». (В Голландии знают его и его аллюры ради удовольствия!) Известный голландский профсоюзный деятель Тиммен не делал секрета из своего недоверия, даже подозрения в отношении Бармата. И Поллак мл., редактор «Rot Volk», не пытался отрицать, что Бармат надевает золотые кандалы на центральный орган голландской социал-демократии, как он уже поступил с роттердамским партийным печатным органом (и, кто знает, может, уже повсеместно). Поллак сказал мне прямо: для того чтобы разорвать все веревки, созданные коррупцией Бармата, необходимо открыто обратиться к голландским рабочим.

Сравнивая эти тексты, любой читатель увидит, как Давидсон изо всех сил старается выжать из высказываний голландских партийных деятелей все, что возможно для воплощения своей идеи фикс. Если ему не удалось это сделать, то он представляет неопределенные и гипотетические высказывания в неверной формулировке, возведя их до абсолютного осуждения.

Определенные же высказывания, которые не подходили к воплощению его идеи, он передал кратко. Это очень интересное сравнение текстов показывает кухню разоблачителей, поэтому дело о нравственных и моральных качествах документов на этом можно закрыть.

38. [Без названия] ⁴

Снова господин Скларц! Несколько дней назад в берлинском отеле «Фюрстенхоф» арестован русский еврей Купферштих. В его чемоданах были найдены царские и думские деньги на 5 млн. рублей и целая связка большевистской пропагандистской литературы. Но по истечении нескольких часов он был отпущен по приказу правительственного советника Хеннига с деньгами и с пропагандистской заразой, так как против него не было улик. Конечно, понять причину можно, когда узнаешь, что господин правительственный советник — зять известного господина Скларца. Большого не требуется для доказательства того, что высокие политики нашего времени повязаны одной веревкой. Об этом можно прочитать в последней 6-й тетради у Дитриха Экарта «На хорошем немецком» (еженедельный журнал порядка и права, изд. Хоенайхен, Мюнхен).

39. Кто занимается кутежами и мотовством? ⁵

(Скларц, зять Шейдемана и полицейский час)

В левой прессе выражены самые скрупулезные упреки по поводу при- скорбного случая в отеле «Адлон», где «аристократические» и «национальные» круги занимаются кутежами и мотовством. «Berliner Tageblatt» тоже соревнуется с социал-демократической прессой в описании времяпрепровождения детей аристократов и националистов в дорогих ресторанах. По этому поводу нам написал один из читателей, что, по мнению «Berliner Zeitung», хорошие питейные заведения посещают только евреи и спекулянты. Мы не согласны в целом с точкой зрения левой прессы, высказывающей такую точку зрения. В действительности хорошее общество все меньше и меньше посещает дорогие рестораны, так как они не могут конкурировать ни с денежными тузами, ни с «новым немецким» обществом, которые все больше и больше выступают на первый план.

Но особенно занятный отклик вызвал в радикальной прессе следующий пример кутежей «аристократических» кругов.

Вчера утром около часа полиция посетила бар «Berliner Westens», который не в первый раз нарушает полицейский час. За столом, где царило особенное веселье, сидели господин Скларц и зять господина Шейдемана, щедро угощавшие сидевших рядом дам с Монштрассе. Господин Хенк, зять Шейдемана, заметил испуганно полицейским, что ему было бы неприятно видеть свое имя в прессе, упомянутое при таких обстоятельствах.

Нам бы не хотелось упоминать об этом маленьком случае, а также называть имя господина Хенка, который хотел бы избежать неприятностей в связи с появлением его имени в прессе, если бы нас не вынудила к этому неслыханная наглость левых листков. Конечно, господин Шейдеман как глава дома даст своим родственникам строгие распоряжения относительно запрещенных увеселений в барах. Господина Скларца, вероятно, он вряд ли сможет так пожурить, ибо тот может это принять добродушно, а может и оборвать простыми словами: «Филипп, ты просто ненормальный!»

40. Династия Скларцев

Аферы в Берлине и Вене ⁵

Изданный приказ об аресте Георга Скларца приковал внимание общественности в очередной раз к четырем братьям Скларцам. Генрих, «ужасный ребенок» семьи, не обходился хотя бы раз в год без скандала! Брат Леон, самый скупой, о нем упоминают тогда, когда говорят о миллиардах, даже если это только австрийские кроны. О Георге, несомненно, самом умном из братьев, которого уже давно знают, не будем писать много. Вальдемар — журналист, прилежный и скромный руководитель своего издательства, ведь надо же как-то влиять на общественность.

Перед войной широко были известны только Генрих и Вальдемар. Генрих со своей идеей создания бюро правовой защиты часто вступал в конфликт с кредиторами своих клиентов. В начале революции появилось имя Георга. В начале войны он заключил союз с Парвусом, которому он был полезен при переговорах с профсоюзами в Дании. Как член социал-демократической партии он укреплял международные связи в скандинавских странах в интересах рейха, и власти решили доверить ему доставку продовольственных товаров и сырья, в которых Германия ощущала острый недостаток благодаря сильному влиянию Антанты. В результате проведения для рейха крупных дел он получил такие большие суммы, что в конце войны его состояние оценивалось уже в миллионы долларов. Брат Леон тоже был пристроен им в фирму «Швайцер и Опплер», связанную с производством стали, и вскоре стал ее совладельцем.

С социал-демократическими руководителями, а именно с Шейдеманом, Георг Скларц был в дружеских отношениях. Он использовал эту дружбу с присущей ему энергией в своих личных целях, ибо не каждый мог понять беспринципность этого человека. Его время настало во время волнений, связанных с выступлениями «Спартака», когда он организовал вначале снабжение полка «Рейхстаг» из своих собственных средств. Часто сиживали за его столом на Тиргартенштрассе народные депутаты, министры, военные и дипломаты. Основную часть полка «Рейхстаг» составляли переведенные сюда люди из организованного ранее Скларцем общества охраны, действовавшего во многих больших городах Германии.

Брат Леон между тем, используя свою фирму «Швайцер и Опплер» и неслыханное количество металлолома, в короткое время стал видным представителем промышленности по производству металла. Он получил большой подряд на работы по сдаче на слом, которые производились по требованию миссии Антанты. Военные корабли, тяжелые орудия, железнодорожные материалы, фабричное оборудование переходили во владение фирмы «Швайцер и Опплер», принося огромные доходы. Расширяя дело, Леон основал «Металлум-общество», которое было компанией-держателем ряда других контролируемых им предприятий металлургической промышленности.

Самое большое его дело — это организация крупной государственной фабрики боеприпасов вместе с фирмой ИГГ в австрийском городе Феллерсдорфе. Уголовная афера, расследование которой еще не закончено, развивалась из таких трансакций. Скларц обвиняется в нанесении ущерба австрийскому государству на сотни миллионов золотых марок в деле с подставными лицами. В то же время Скларц утверждает, что эти обвинения выдвинуты австрийскими чиновниками из мести за то, что он не позволял им оказывать на себя давление.

Генрих Скларц, который никогда со своими братьями особенно хорошо не ладил, видя восходящую звезду Георга в последние годы войны, помирился с ним. В начале революции он решил использовать социалистические связи своего брата — это привело его 9 ноября в полицейское управление в Берлине. Добрый Георг пришел в ужас, и два часа спустя по его распоряжению закончилось веселое пребывание Генриха на Александерплац. Когда Ветткюнцнер потерпел крах, то Генрих выступал как доверенное лицо понесших ущерб клиентов Клантеса и Кенса. Больших результатов в помощи своим клиентам достичь он не смог. Его навязчивая идея мало способствовала ему в проведении некоторых судебных заседаний, на которых присутствовало много сотен людей. О манере его проведения защиты имеются два мнения. Его противники утверждают, что во многих случаях как раз из-за него клиентам не удалось получить свои долги из имущества должников. А клиенты сами подавали на него иски. Таких процессов много. Обоснованы ли сейчас выдвинутые против него прокуратурой в Баутцене обвинения — неизвестно, ибо нельзя судить об этом без знания основных фактов.

Из женщин лучше та, о которой меньше всего говорят, — так вот, среди братьев Скларц Вальдемар — перл династии.

П. Лутарх

Часть вторая: документы по «Делу Скларца»

41. Прусский посланник в Мюнхене — в Министерство иностранных дел Германии

4 апреля 1917 года

Доктор Мюллер сообщил мне о намерении вернуть русских революционеров из Швейцарии через Германию и Скандинавию в Россию с тем, чтобы они там действовали в наших интересах. Они будут провезены в швейцарских вагонах. Агент Гельфанда, Скларц, уже прибыл в Берлин, чтобы вести переговоры об этом путешествии. [...]

Тройтлер

42. Республиканская охранная группа войск, Уголовный отдел — Георгу Скларцу

27 января 1919 года

Наша группа, контролирующая телеграфное агентство РОСТА, находится на Фридрихштрассе 37 и состоит из трех человек. Сюда поступают постоянно для РОСТА телеграммы и пр. Они принимаются группой и содержат очень часто ценные сведения. Как сообщают, в действующем почтовом отделении № 68 находятся для РОСТА не заказные почтовые посылки, в выдаче которых может быть заинтересовано правительство. Самое простое решение — это дать правительственное указание почтовому отделению № 68 о том, чтобы находящиеся там и поступающие для РОСТА письма и пр. посылки служащие почтамта вручали нашему отделу по нашему требованию или прямо доставляли в наш отдел. [Далее от руки неразборчиво.]

[Подпись неразборчива.]

43. М. Барут — шефу Имперской канцелярии тайному советнику Альберту

8 марта 1919 года

Разрешите обратить Ваше внимание на следующий случай. Недавно я написал господину министру-президенту Шейдеману письмо доверительного содержания, адресуя г-ну Шейдеману лично. Несколько дней спустя я справился в бюро Шейдемана, принято ли мое письмо. По телефону дама ответила мне, что она знает о моем письме и отправила его в Веймар. По-видимому, в имперской канцелярии есть служащий, который не заслуживает доверия, ибо о содержании моего письма узнал некий Скларц. Для его более полной характеристики я прилагаю газетную статью, которую прошу возвратить. Скларц сделал меня объектом своего шантажа. Я назвал Скларца на открытом заседании суда аферистом и мошенником; он подал на меня в суд за оскорбление. Разбирательство под председательством участкового судьи Бенневит установило, что Скларц не принадлежит к людям, которые могут обращаться в суд за защитой своей чести. С подобными темными элементами, по-видимому, контактирует служащий имперской канцелярии. Этот Скларц сделал целый ряд доносов, которые, как я понимаю, ориентировали против меня. Эти обстоятельства, впрочем, уладил мой адвокат, ибо я, как военный служащий, не имел возможности заниматься этими делами. Сейчас я хотел бы своим письмом в прокуратуру обратить внимание на то, что Скларц знал о содержании направленного мной письма Шейдеману. Скларц в письме к прокурору уверяет в своей преданности: у него возникло якобы подозрение при прочтении этого письма, что автор письма имеет намерение бежать. Только показания Скларца перед судом дадут возможность правильно оценить его личность. Этот вопрос необходимо как можно скорее поставить перед прокуратурой, поскольку, я полагаю, на этот раз Скларца следует арестовать по обвинению в ложных доносах, с одной стороны, и с другой — по причине его фальшивых уверений в преданности. Из моего письма к Шейдеману нельзя сделать вывод, что я имею намерение бежать. Я состою почти 20 лет в рабочем движении, занимал ряд ответственных постов и занимаю должность еще

и сегодня. Для меня речь идет не только о том, что Скларц узнал из моего письма, ибо обвинения со стороны подобных элементов не трогают меня, а речь идет о том, что в имперской канцелярии работают неблагонадежные сотрудники, которые обязательно должны быть уволены. Установлено, что Скларц, по-видимому, узнал от служащего имперской канцелярии, что Шейдеману направлено доверительное письмо, и этот служащий дал ему сведения о содержании этого письма. Как уже упоминалось, я принадлежу давно к социал-демократической партии, выполняю в настоящее время, плохо ли, хорошо ли, мои партийные обязанности и поэтому не потерплю, чтобы близкое мне правительство было окружено подобными людьми. Наконец, было бы хорошо, если бы мое письмо, да и другие важные сообщения не попадали бы в посторонние руки. Я прошу сообщить в ближайшее время, что предпринято в отношении служащего, который виноват в нарушении своего долга. Разумеется, я готов также в любое время к личным переговорам. Газету прошу вернуть.

С уважением *М. Барут*

44. Барут — Альберту

27 марта 1919 года

8 марта я написал Вам письмо и приложил для характеристики лица, с которым общался служащий имперской канцелярии, газету. Я просил Вас возвратить обязательно газету и просил узнать и сообщить мне, что предпринято в отношении того служащего, который нарушил свой долг. Я прошу о скорейшем рассмотрении моего письма и в случае, если получу отрицательный ответ, предприму другие меры (ибо это моя обязанность), я имею возможность опубликовать об этом случае в газете.

С уважением *Макс Барут*

45. М. Барут — Альберту

2 апреля 1919

Ваше письмо от 31 марта я получил сегодня, 2 апреля. 9 марта я послал Вам копию прилагаемого письма. В этом письме находилась газета от 6 августа 1917 г. В ней есть статья, касающаяся моего дела, по которому некий Скларц должен быть арестован по поводу различных мошенничеств и обманов. Из приложенной копии письма Вы можете догадаться, о чем идет речь. Все же я хотел бы заметить, что 9 марта мое письмо было передано моим служащим лично сотруднику имперской канцелярии. Кроме Вашего адреса на письме стояла надпись «В собственные руки». Поэтому непонятно, как такое письмо, попав в имперскую канцелярию, может быть потеряно. Я прошу еще раз о скорейшем рассмотрении моего письма от 9 марта.

46. Альберт — Баруту

12 апреля 1919 года

На Ваше письмо от 2 апреля с почтением уведомляю, что о местонахождении Вашего письма, направленного г-ну министру-президенту Шейдеману, не можем сообщить ничего определенного. По-видимому, оно не попало в имперскую канцелярию. Пропажа может быть вызвана беспорядками и сопровождающими их явлениями. Между тем принимаются надлежащие меры по наведению порядка в регистрации поступающей почты.

47. Барут — Альберту

15 апреля 1919 года

Помощнику секретаря имперской канцелярии

К письму от 12 апреля должен прибавить, что исчезновение моего письма и последующие действия не вызвали никаких последствий. Но разрешите указать на тот факт, что брат Скларца, писатель, ежедневно посещал в то время имперскую канцелярию. Я проконсультировался о том, как это могло произойти, у одного из нынешних министров. Я обещал не рассказывать о сообщенных мне фактах и прошу по этой причине произвести расследование по следующим вопросам:

1. Кто мое письмо, направленное г-ну министру Шейдеману, направил в Веймар? Я уже указывал на то, что дама из бюро Шейдемана объяснила по телефону, что она знала о моем письме и направила его в Веймар.

2. Кто дал брату Скларца прочитать мое письмо Шейдеману и каким образом этот брат мог читать и другие поступающие документы в имперскую канцелярию.

Тот служащий, который дал это письмо прочитать, нарушил свой долг и превысил свои обязанности. Как видно из моего рассказа, этот нарушитель не принес вреда. Сейчас же, после того, как я внес немного ясности, нетрудно установить и наказать виновного. Если же это и сейчас невозможно, все становится и того яснее.

48. Альберт — Баруту

24 апреля 1919 года

На письмо от 15 сего месяца. Содержания данного письма недостаточно для расследования дела. Если Вы настаиваете на расследовании, то прошу Вас изложить суть дела так, чтобы стало понятно, о чем идет речь в потерянном письме.

49. Имперское казначейство — Альберту

22 мая 1919 года

Господину помощнику статс-секретаря

Господин министр рейхсвера поручил военно-полицейскому отделу при имперской службе по реализации выяснить обстоятельства имевшей место нелегальной продажи на сторону продовольствия заготовителем Скарпа или Скапса⁷ и румыном Поппом. Скарп имеет документы, подписанные как г-ном министром-президентом Шейдеманом, так и г-ном министром рейхсвера; он открыто использует эти документы в преступных целях, а именно занимается покупкой продуктов у военных учреждений и их перепродажей. Господин министр рейхсвера считает необходимым, чтобы руководитель военно-полицейского отдела комиссар Митман, который лично занят рассмотрением дела, нашел возможность сделать личный доклад господину министру-президенту с целью выяснения, получал ли Скарп и с какими целями от г-на министра-президента документы. В связи с этим прошу дать комиссару Митману возможность сделать личный доклад.

50. Эберт — Бауэру

2 декабря 1919 года

Дорогой Бауэр!

В прессе в связи с делом Скларца постоянно называют мое имя. Поэтому я прошу поставить кабинет в известность о настоящем письме.

В дни боев в январе с. г. кончились запасы провианта для охраны рейхсканцелярии и других вновь организованных групп войск. Референт имперской канцелярии сообщил о трудностях и сказал, что Скларц и другие высказали готовность помочь с ускорением пополнения запасов продовольствия. Он предложил несколько соответствующих документов на подпись, которые были выданы мной и Шейдеманом как председателем кабинета. Кабинет был поставлен в известность об этом. После окончания борьбы счета, представленные Скларцем, были в установленном порядке проверены в имперской канцелярии.

Во время моей деятельности в правительстве я был у Скларца три раза в гостях. 23 декабря 1918 г. и в дни январских боев я находил ночью у него приют, так как в имперской канцелярии нельзя было отдохнуть ни часа, а в моей квартире было опасно. Ничего плохого о Скларце я до сих пор не слышал.

Кроме выдачи вышеуказанных документов, я не участвовал ни в каких деловых предприятиях г-на Скларца.

С дружеским приветом *Эберт*

51. Запрос государственного прокурора — главному прокурору земельного суда I Берлин

20 декабря 1919 года

В дознание по делу Георга Скларца я прошу дать справку: какие суммы денег, израсходованные Скларцем для снабжения республиканских групп войск охраны, были исчислены рейхсканцелярией. Прошу прислать мне имеющиеся соответствующие акты.

52. Справка

14 марта 1919 года

Сумма в 69 000 марок, направленная по прилагаемому распоряжению⁸, была переведена по распоряжению тогдашнего господина народного депутата Эберта временно в качестве аванса и зачислена в раздел 6 по чрезвычайным хозяйственным расходам. По договоренности господина помощника статс-секретаря Бааке с господином Скларцем, руководителем всех вопросов по снабжению и выплате зарплаты военным группам охраны, все предъявленные счета должны были позднее быть включены в общий большой счет по снабжению этих войсковых групп; что и было сделано. Господин Скларц счета по выдаче авансов возместил, и эти 69 000 марок должны были поступить в центральную кассу рейха с включением в раздел 6 по чрезвычайным экономическим расходам; сопроводительное распоряжение прилагается.

Представление всех обязательных документов и расписок по указанным расходам последовало от военного министерства 5 февраля с. г. под № 3797.I.19.V.I в интендантство гвардейского корпуса, которому было поручено оформление счетов (см. письмо от 1 марта 1919 № 2527 II в интендантство гвардейского корпуса отдел I E). По распоряжению господина помощника статс-секретаря Бааке и господина министра-президента Шейдемана я подписал это письмо. Я подчинился приказу.

Заверенная подпись: *Пинков*

53. Национальное собрание Германии, Зольман — министру-президенту Г. Бауэру

18 декабря 1919 года

Комиссия, организованная партийным комитетом по расследованию дела Скларца/Шейдемана, выбрала меня председателем. Поэтому я прошу Вас все находящиеся у Вас материалы, касающиеся этого дела, по возможности быстрее прислать мне. Разумеется, эта просьба касается материалов, содержащих обвинения против наших ведущих товарищей. Я надеюсь, что Вы, как один из товарищей, названных также в так называемых разоблачениях, сделаете все, чтобы поддержать комиссию в выяснении этого дела.

Все материалы просьба направлять тов. Т. Фишеру...

С партийным приветом *Зольман*

54. Выписка из протокола

24 декабря 1919 года

Прилагаемую выписку из протокола заседания рейхсминистерства от 19 декабря 1919 г. посылаю по поручению господина президента.

Выписка из протокола заседания рейхсминистерства от 19 декабря 1919 года.

П. 9. Дело Скларца. Рейхсканцлер представил письмо рейхспрезидента по делу Скларца № 12235а.

Запись.

Письмо рейхсминистерства юстиции II 4813 от 22 декабря 1919 г. касательно проведения судебного расследования по делу Гельфериха, Бюлитца, Скларца находится в актах рейха ба.

Просим какие-либо замечания по поводу редакции приведенного здесь пункта в течение 24 часов направить г-ну тайному правительственному советнику Брехту в рейхсканцелярию.

Представлено 27 декабря 1919 года. Шифр акта: ба

55. Главный прокурор земельного суда I Берлин — в Рейхсканцелярию

10 февраля 1920 года

По делу Скларца прошу сообщить имя и адрес повара, который готовил в январе 1919 г. для господ народных депутатов обеда.

56. Записка для господина Раушера для возможной публикации

[Дата не указана]

В связи с делом Скларца в газетной корреспонденции сообщается, что господин Б. (речь идет о торговце Баруте) якобы представил депутату Давидсону доказательства исчезновения документов: письмо Барута, направленное в феврале 1919 г. Шейдеману, исчезло из имперской канцелярии. Барут утверждает, что служащий имперской канцелярии вскрыл письмо и показал его Скларцу. Это подозрение, направленное против имперской канцелярии, не обосновано. Письмо, которое, по утверждению Барута, некоторое время назад получено имперской канцелярией с надписью «доверительно», могло поступить (если оно пришло в канцелярию) после регистрации в бюро рейхсканцлера только невскрытым, а как частное письмо народному депутату Шейдеману, оно могло быть направлено в его частное бюро. Впрочем, Шейдеман находился с начала февраля в Веймаре. Об этом Баруту в свое время было сообщено. Дальнейшее местонахождение письма имперская канцелярия установить не в состоянии. Упреки в том, что имперская канцелярия не провела надлежащего расследования против мнимого виновного чиновника, совершенно непонятны.

57. Жалоба адвоката Александра Харте по поручению книготорговца Ф. Вартемана

27 февраля 1920 года

Относительно запрета на печатание и распространение брошюры «Клубок крыс», номер акта 1, № 58017

[Обжалуется акт:] По распоряжению главнокомандующего Носке от 20 февраля 1920 г. № 58027 в интересах общественной безопасности в Берлине и Марке Бранденбург на основании приказа господина рейхспрезидента от 13 января 1920 г. запрещается печатание и распространение брошюры Зинктона Упклайра «Клубок крыс. Революционные спекулянты и их помощники», издательство немецкой народной книжной торговли Фр. Вартемана, Берлин В66, Мауерштрассе 91. Имеющиеся экземпляры изъять и уничтожить. Обоснование следующее.

В рассмотренной книге автор пытается навести подозрение на нынешнее правительство и его отдельных представителей путем сенсационного обнародования несуществующих фактов и призвать немецкий народ к свержению правительства. Подстрекательство народа к устранению правительства грозит новыми волнениями среди населения и создает угрозу общественному порядку.

Относительно запрета на печатание и распространение, а также распоряжения об изъятии и уничтожении имеющихся экземпляров я, имея соответствующие полномочия от господина Вартемана, подаю жалобу и прошу об отмене распоряжения от 20 февраля 1920 г. в полном объеме.

Обоснование для этого я привожу от имени моего поручителя:

I. Прежде всего, имеются формальные сомнения относительно распоряжения.

а) Распоряжение принято по § 1 постановления рейхспрезидента от 13 января 1920 г. (постановление, стр. 207) и не согласовано с правительственным комиссаром, что требуется согласно § 3, абз. 2 указанного постановления. Таким образом, распоряжение недействительно.

б) В постановлении рейхсверминистра от 13 января 1920 г. в качестве «гражданского комиссара» указан президент полиции Берлина Евгений Эрнст (понимается под этим, очевидно, «правительственный комиссар», согласно § 2, абз. 3 постановления рейхспрезидента, так как постановление касается, главным образом, не гражданских комиссаров). Этого согласия нет, отсутствует также и виза под распоряжением рейхсверминистра за

подписью рейхсминистра внутренних дел. На основании этого распоряжение рейхсверминистра от 13 января 1920 недействительно. Итак, если согласие президента полиции Эрнста трактуется как согласие гражданского комиссара, то это согласие уже в правовом смысле недействительно, поскольку гражданский комиссар не утвержден согласно указанному порядку.

в) Распоряжение рейхсверминистра от 13 января 1920 г., таким образом, недействительно. Оно принято на основе постановления рейхспрезидента, использование которого предусмотрено в исключительных случаях. Постановление рейхспрезидента датировано 13 января 1920 г., т. е. в тот же день. Но оно вступает в силу, согласно § 7, после его объявления. Но объявление постановления (см. «Правительственный листок» № 31 от 1920 г.) последовало только 13 февраля 1920 года. До этого момента рейхсверминистр не имел никакого права на основе этого постановления издавать распоряжения. О превышении прав говорит еще и § 2 постановления рейхспрезидента, согласно которому после ознакомления с этим постановлением к рейхсверминистру переходит только исполнительная власть. А рейхсверминистр уже 13 января 1920 г. (т. е. за месяц до публикации) — в тот же день, когда было принято постановление (см. «Правительственный листок» № 9 от 1920 г., стр. 46, изданный в Берлине 15 января 1920 г.), — взял на себя осуществление полномочной власти. Этот факт недопустим и затрагивает как частные права (немецкому народу он стал известен на 29 дней раньше), так и права самого постановления рейхспрезидента, на основании которого он был принят. Но если распоряжение рейхсверминистра от 13 января 1920 г. недействительно, то и назначение гражданского комиссара (проведенное еще и в противоречие с существующим порядком) также недопустимо и недействительно.

г) При недействительности постановления рейхсверминистра от 13 января 1920 г. можно оспаривать и правомочность распоряжения, так как непосредственное обоснование недействительно (также отсутствует согласие правительственного комиссара, согласно § 3, абз. 2).

д) Вышеизложенным, т. е. формальными причинами, оспаривается действительность распоряжения.

II. Заявление об отмене постановления о запрете книги имеет правовую основу и по материальным причинам.

а) Распоряжение сделано с целью запрещения брошюры. Брошюра не стремится посеять подозрения ни в отношении нынешнего правительства, ни отдельных его членов, не стремится призвать немецкий народ к устранению правительства. Ее цель — намного скромнее: борьба с коррупцией, которая распространена при поддержке высокопоставленных лиц и наносит государству вред — укрывает огромные средства от налогов. После того как попытки прояснить суть коррупции и расследовать наиболее распространенные отдельные случаи ее проявления с помощью государственных властей (прокуратуры) закончились безрезультатно (не потому, что расследование не дало результатов, а потому, что соответствующие инстанции не добрались до сути дела), не оставалось ничего другого, как обратиться к общественности и познакомить широкие круги с существующей коррупцией и предостеречь немецкий народ от грозящей опасности.

То, что в этом замешаны члены правительства, о чем указано в книге, не означает, что имеется намерение устранить правительство. То, что участвующие в этом деле члены правительства непригодны для работы и должны быть устранены от власти — это правильная точка зрения. Но даже самая изощренная фантазия не увидит здесь призыва к устранению правительства. Апелляция к общественности и к немецкому народу не является призывом к устранению правительства и преследует не политическую, а экономическую цель, а именно, немецкий народ должен потребовать создания единого фронта в борьбе против коррупции, которая показана в книге, и тем самым обезопасить себя от подобного экономического гнета. Это подтверждается и выступлением статс-секретаря Гельфериха, направленным против министра финансов рейха Эрцбергера. И Гельферих хочет бороться только с коррупцией. Замыслы убрать правительство не имели места, а объектом обвинения являются отдельные члены правительства.

б) Утверждение, что книга стремится преподнести все «в сенсационном свете», неправильно. В ней показаны только голые факты. «Сенсационное изображение» заключается в том, что сенсация создается путем раздувания непреднамеренно или заведомо ложного утверждения, несуществующего факта, что совершенно отсутствует при отображении действительных процессов.

Допустим, что утверждаемые в брошюре факты превратятся в сенсацию. Но это произойдет не благодаря «сенсационному изображению», а в результате осмысления фактов, ибо они настолько чудовищны, что действительно должны вызвать огромное возбуждение.

Участие в раскрытии этой коррумпции и борьбе с ней — первая и важнейшая задача самого правительства. Если члены правительства участвуют в аферах, то это не причина для отказа раскрыть их. Запрещение распространять брошюру непосредственно со стороны правительства, точнее со стороны члена правительства (запрет осуждается и в брошюре), к тому же сделанное с нарушением правовых норм, создает в глазах народа впечатление партийности. Если правительство нельзя никоим образом критиковать, то народ склонен думать, что такая партийная точка зрения заключает в себе определенное признание вины.

в) Факты, указанные в обосновании запрета брошюры, отсутствуют. Издавая распоряжение, смотрели в первую очередь на указанные в брошюре имена лиц, фигурирующих в отдельных делах. Нет причины отрицать, что эти лица могут быть свидетелями. Они и названы с этой целью. Ибо и сами факты могут подвергаться сомнению. Но самое лучшее доказательство изложенных в брошюре фактов — это указание свидетелей. Необходимо отметить, что для выдвинутых утверждений в их полном объеме существуют и вполне основательные доказательства. Мой поручитель готов представить их по первому требованию.

г) «Подстрекательство народа к устранению правительства грозит новыми волнениями среди населения и создает угрозу общественному порядку». Предположение, что брошюра подстрекает народ, таким образом, не соответствует никоим образом содержанию брошюры и противоречит ей. К тому же это не соответствует выводам в брошюре. И эта причина для запрета книги отпадает.

III. Наконец, объем карательных мер, указанных в распоряжении, уж слишком широк. Подобные распоряжения могут наметать только тот обязательный круг мер, которые направлены на пресечение мнимого подрывного воздействия брошюры. А в уничтожении имеющихся экземпляров нет никакой необходимости, поскольку неправильное изображение фактов в книге не установлено и содержание книги доказывает правильность указанных подозрений. Ведь правительство могло направить это дело для расследования в судебные инстанции или организовать объективное производство по уголовному делу. Компетентный суд мог решить законным порядком все вопросы. Принятое в отношении брошюры решение выходит далеко за рамки мер, необходимых для ограничения выраженного в ней мнения.

58. Помощник статс-секретаря Имперской канцелярии — Майснеру

4 мая 1920 года

Копия для ознакомления

Господину министеряль-директору Майснеру посылается отчет для ознакомления с добавлением на стр. 14 и 15. При возврате господину министру юстиции мною будет добавлена следующая приписка:

При чтении стр. 14 и 15 прошу заметить, что после сообщения Пукаса следует: «Рейхсканцелярия в Веймаре, по сообщению господина Скларца, получила от Зонненфельда для казино 75 фунтов шпика по 11 м. = 825 м., 30 фунтов смальца по 10 м. = 300 м., 10 фунтов масла по 15 м. = 150 м. Оплата происходила путем перевода денег на счет Зонненфельда. Последняя отправка была на личный адрес господина Пукаса в Веймаре, так как предыдущая ошибочно осталась лежать в рейхсканцелярии в Берлине. Речь идет

во всех случаях об импортных товарах. Так как Скларц поставлял для военного управления и обеспечивал во время беспорядков в январе охранную команду рейхсканцелярии, то от Скларца поступило предложение помочь со снабжением. Следует заметить, что во время переезда Национального собрания в Веймар с согласия народных депутатов были введены чрезвычайные правила по снабжению продуктами и принципиально согласована организация работы правительства. Срочное перемещение большого аппарата правительства и Национального собрания в Веймар требовалось подготовить и провести так, чтобы не встретилось никаких трудностей. Что касается дворца, то здесь были размещены, кроме постоянных министров, помощника статс-секретаря и чиновников, ежедневно меняющееся число правительственных чиновников из Берлина, а также иностранные гости. Ведомство земли Тюрингии по снабжению продовольствием было не в состоянии обеспечить кухню достаточным количеством продуктов. В замке ежедневно обедало 100—150 человек, для которых (насколько здесь известно) ведомство еженедельно поставляло 25—30 фунтов мяса. Были предприняты добавочные закупки в скромных размерах. Распространяемые слухи, что обеденный стол в замке блистал роскошью, совершенно неправильны. Еда большей частью доставлялась в рестораны и отели, так что стол в замке даже не использовался, ибо число обедающих было значительно больше. В отдельных случаях слухи возникали на месте, но речь идет о выдуманных фактах».

59. Главный прокурор — министру юстиции

14 апреля 1920 года

Кас.: дознания по газетной статье «Новое о деле Скларца — Шейдемана». Постановление от 17 января с. г. IV 327 и 327а. Предварительное сообщение от 4 марта с. г.

Против редактора Кенкеля Главным прокурором возбуждено дело 9 числа сего месяца по §§ 186, 194, 200 уголовного кодекса, § 20 закона о печати в отделении по уголовным делам суда местной земли. Дело против Гольштейна прекращено, так как статья «Новое о деле Скларца и Шейдемана» попала в газету без его участия.

Подпись: *Проис*

60. Копия выписки для главного прокурора

16 апреля 1920 года

Кас.: предварительного дознания по делу Георга Скларца и товарищей по обвинению в обмане и проч.

Придворный советник Пукас писал 30 июня 1919 г. Зонненфельду:

«Господин Скларц сказал мне при своем последнем посещении, что я могу обратиться к Вам по поводу запасов некоторых продовольственных товаров для нашего казино во дворце. Вы можете купить их в маркитантской лавке для правительственных войск. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы могли обеспечить нас маргарином (ок. 50 фунтов), шпигом, маслом, какао, кофе (если не очень дорого) и прочими деликатесами и доставить их через рейхсканцелярию сюда. Продукты нужно упаковать и отправить в экспедицию в Берлин, надписав адрес: «В Имперскую канцелярию. Веймар, дворец». Счет прошу послать сюда ко мне. Хотел бы еще напомнить, что в данный момент в нашем казино обедает много офицеров из штаба Носке, отсюда и соответствующие требования».

Зонненфельд поставил в Имперскую канцелярию 75 фунтов шпига по 11 марок, всего за 825 марок; Пукасу лично смалец и масло по 10 и 15 марок соответственно за фунт.

61. Бюро рейхспрезидента (Брехт) — министру юстиции Пруссии

26 мая 1920 года

...Возвращаю присланные мне документы, касающиеся дела Скларца. Господин рейхспрезидент принял к сведению сделанную Вами приписку, направленную господину министру юстиции. Он просит со ссылкой на данные со стр. 15 документы добавить к приписке следующее:

...Рейхспрезидент Эберт и его домашние никогда не получали от Скларца продуктов. Придворный советник Пинков не получал ни поручения, ни каких-либо полномочий поставлять от Скларца продукты и т. п. для кухни госпожи фрау Эберт.

62. Главный прокурор земельного суда I, Берлин — рейхспрезиденту

Берлин, 17 января 1921 года

Возбуждено производство по уголовному делу против писателя д-ра Рейнольда Дикмана в Берлине по обвинению бывшего министра-президента Шейдемана и бывшего министра экономики рейха Висселя.

По поручению защитника суд решил заслушать на главном заседании 14 марта в качестве свидетелей господ Шейдемана и Висселя по вопросу, оказали ли они решающее влияние как должностные лица на получение удостоверения на ввоз и провоз товаров для Георга Скларца. Господин Виссель должен выступить свидетелем также по вопросу о телефонном разговоре, который имел с ним Георг Скларц из служебного помещения тайного советника Майзингера и в результате которого было получено разрешение на удостоверение для провоза товаров...

Просим согласия господина рейхспрезидента на выступление обоих названных бывших министров как свидетелей.

63. Рейхсканцелярия — советнику юстиции Вертхауеру

22 января 1921 года

В ответ на письмо от 11 января на имя господина президента рейхстага Ференбаха сообщаю, что господин рейхсканцлер никаких письменных документов от господина Давидсона по делу Скларца не получал. Поскольку, как уже, вероятно, известно в широких кругах, господин Ференбах с июня прошлого года уже не является президентом рейхстага, я переслал ваш вопрос господину рейхспрезиденту.

[Подпись]

64. Главный прокурор земельного суда I, Берлин — в Рейхсканцелярию

31 января 1921 года

Для дознания по делу Георга Скларца прошу дать справку о следующем.

Правительство рейха 18 января 1919 г. обратилось в казначейство рейха с просьбой, подписанной господином рейхспрезидентом:

Для добровольного фольксвера, завербованного для охраны государственных зданий на период с 6 по 13 января 1919 г., понесены расходы на оплату, одежду, содержание, материалы и т. д. в сумме 825 687.50 марок. Просим казначейство рейха распорядиться, чтобы центральная касса рейха немедленно перевела эти 825 687.50 марок на банковский дом С. Блайх-редера на счет правительственного полка «Рейхстаг».

Сумма в 825 687.50 марок была, очевидно, подтверждена Георгом Скларцем соответствующими накладными. Среди этих документов найдена квитанция от 16 января 1919 г. Эрнста Зонненфельда на сумму 252 000 марок, причем он утверждает, что Скларц получил эту сумму по счетам за продукты питания, и начислены они были разным лицам.

Необходима справка, кому Скларц предъявлял документы по подтверждению своих расходов на сумму 825 687.50 марок, как и какими документами он подтвердил их, в каком размере. Имелись ли заактированные документы и кто может выступить свидетелем по этому делу.

Далее, правительство рейха направило 29 января 1919 г. просьбу, подписанную господином рейхспрезидентом Эбертом, господину военному министру:

«По имеющимся расходам на снабжение, оплату и пр. для различных команд республиканской группы охраны вновь требуется сумма в 850 000 марок. Правительство рейха просит о немедленном переводе этой суммы...»

Прошу справку, подтверждал ли Скларц и эту сумму документами, где

они находятся, кто проверял тогда документы и кто может выступить свидетелем по этому делу.

По поручению (*подпись*)

65. Статс-секретарь Имперской канцелярии — главному прокурору

7 февраля 1921 года

Срочно!

На письмо от 31 января. Заактированных документов по указанным Скларцем расходам в размере 825 687.50 марок здесь не имеется. Мало что можно установить и из актов о том, какими документами и кому давал Скларц подтверждение своих расходов. Документы в то время направлялись в интендантство гвардейского корпуса без копий в делопроизводстве. По произведенным Скларцем затратам на содержание, оплату и прочие расходы для республиканских групп охраны в размере 850 000 марок в актах рейхсканцелярии также нет никаких следов. Невозможно установить, кто проверял эти документы.

Свидетелями по этим делам могут быть уже названный тайный правительственный советник Пинков, в то время помощник статс-секретаря в Рейхсканцелярии, господин Курт Бааке, С. В. Гросберенштрассе 94.

66. Статс-секретарь Имперской канцелярии — Шейдеману

12 февраля 1921 года

Срочно!

По поручению защитника Вы и бывший министр экономики Виссель должны выступить как свидетели в возбужденном судопроизводстве по уголовному делу против писателя д-ра Райнхольда Дикмана в Берлине 14 марта 1921 г. по вопросу, оказали ли Вы и господин Виссель как должностные лица влияние на получение документов для Георга Скларца на ввоз и провоз товаров.

Согласие по § 53 уголовного кодекса, от правительства рейха на Ваше участие получено. Прошу дать соответствующее сообщение, согласны ли Вы в интересах рейха участвовать в деле как свидетель.

Бывшему министру экономики рейха г-ну Висселю переслано для сведения и выражения точки зрения. Вы должны также выступить как свидетель по вопросу о телефонном разговоре, который вел с Вами Георг Скларц из кабинета тайного советника Майзингера, в результате чего были получены документы на провоз товаров.

Подпись: *Альберт*

67. Сопроводительное письмо прокурора земельного суда I, Берлин,

21 октября 1921 года

По делу Скларца и его товарищей к соответствующему письму прилагаются возвращаемые документы, касающиеся снабжения военных отрядов охраны в период с ноября 1918 г. по 31 декабря 1920 года.

Приложение третье. Дело Канариса

68. Командование группы рейхсвера — Шейдеману

Берлин, 13 июня 1919 года

Во вторник, 10 числа сего месяца, Ваше превосходительство довели до моего сведения, что депутат Гаазе от СДПГ обратился к Вашему превосходительству с сообщением, что он якобы имеет веские доказательства того, что капитан-лейтенант Канарис помог бежать оберлейтенанту Фогелю.

В связи с этим в отсутствие главнокомандующего вермахтом министра Носке, я распорядился подвергнуть указанного офицера предварительному заключению. Я принял это тяжелое решение несмотря на то, что речь идет об особо заслуженном офицере и что я не располагал доказательствами

выдвинутых против капитан-лейтенанта Канариса столь веских обвинений. Я принял это решение, чтобы не дать повода общественности (уже достаточно сильно возбужденной из-за инцидента с Фогелем и Марлохом) утверждать, что ответственным военным руководством не предпринимаются все необходимые шаги для полного выяснения обстоятельств преступления и нарушений в подчиненных ему воинских частях. Выдвинутое депутатом Гаазом тяжкое обвинение против капитан-лейтенанта Канариса, согласно проведенному мною срочному повторному расследованию, никоим образом не подтверждено. Проведенное мною непосредственно расследование в паспортном отделе службы иностранных дел, где капитан-лейтенант Канарис якобы обеспечил паспорт для обер-лейтенанта Фогеля, также не дало никаких доказательств для такого утверждения. Основываясь на этих результатах, я отдал сегодня приказ о немедленном освобождении капитан-лейтенанта Канариса.

Так как я в полном объеме предпринял незамедлительные меры (в частности, предварительное заключение подозреваемого) для выяснения существа дела и быстрого выяснения выдвинутых против офицера обвинений, то я должен высказать самый решительный протест против поведения депутата СДПГ, который после выдвижения такого тяжелого обвинения не потрудился представить документальных доказательств. Это подтверждает мою глубокую уверенность в том, что представители СДПГ менее всего стремятся к законному утверждению своих прав, а используют подобные случаи в целях агитации.

Пользуясь случаем, позвольте заметить, что мне не хотелось бы и в дальнейшем подобным образом реагировать на направленные ко мне подобные материалы без убедительных доказательств, ибо я, как командующий группой войск, обязан защищать свой офицерский корпус от столь тяжелых подозрений.

Я обязан поставить Ваше превосходительство в известность, что предварительное заключение капитан-лейтенанта Канариса вызвало в группе войск, особенно в офицерском корпусе, большое возбуждение, которое таит в себе опасность и может привести к необдуманным действиям. Офицерский корпус расценил этот акт как уступку партии, от государственно-политических интриг которой он обязан и хочет защищать правительство.

Если эта точка зрения, исходя из вышеупомянутых причин, и неправоверна, то я, как руководитель группы войск, а также и правительство, должны считаться с этим фактом.

В настоящее время, когда леворадикальная сторона всеми средствами ведет планомерную атаку на свободное волеизъявление группы войск и в особенности против офицерского корпуса, войска должны знать, что их командир и правительство отстаивают и защищают их интересы.

Главнокомандующий генерал *Лютвиц*

69. Суд гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса — министру-президенту

14 июля 1919 года

Депутат Хуго Гаазе в свое время сообщил пресс-шефу Раушеру, что капитан-лейтенант Канарис оказал содействие бежавшему обер-лейтенанту Д. Фогелю. Поэтому капитан-лейтенант Канарис был арестован. Раушер должен быть опрошен как свидетель на дознании. Настоятельно рекомендуется освободить его от возможных дел, связанных с сохранением служебных тайн.

Судья *[подпись неразборчива]*

Генерал-лейтенант и командир корпуса *ф. Гюфман*

70. Имперский президент — канцлеру ⁹

2 сентября 1919 года

На Ваше донесение от 1 сентября 1919 года. Я согласен на допрос в качестве свидетеля бывшего министра-президента Шейдемана на дознании по делу капитан-лейтенанта Канариса в связи с возможным его участи-

ем в организации побега обер-лейтенанта Д. Фогеля и на освобождение его от возможных дел, связанных с сохранением служебной тайны.

Подлинник подписал Эберт

Примечания

1. Оpubл. в газете «Vorwärts», 23—24.I.1920, №№ 42—43.
2. Оpubл. в газете «Vorwärts», 24.I.1920, №№ 44.
3. Оpubл. в газете «Vorwärts», 28.I.1920, № 51.
4. Оpubл. в газете «Deutsche Tageszeitung», 27.II.1920, утренний выпуск, № 106.
5. Оpubл. в газете «Vossische Zeitung», 11.III.1920, № 131.
6. Оpubл. в газете «Berliner Zeitung», 14.VIII.1924, № 222, дневной выпуск.
7. Речь идет о Скларце. — *Прим. Ю. Ф.*
8. Не публикуется. — *Прим. Ю. Ф.*
9. Заверенная копия. — *Прим. Ю. Ф.*

Военно-коммунистический «эксперимент» над российской кооперацией (1918—1920 гг.)

Л. Е. Файн

Ко времени установления советской власти Россия обладала самой большой в мире сетью кооперативных организаций, объединявших не менее половины населения страны¹. Судьба этой крупнейшей и относительно совершенной системы, результаты и последствия воздействия на нее органов новой власти в первые послереволюционные годы не получили до сих пор достаточно полного освещения, хотя частично затрагивались в литературе. Одни историки кооперации заключали о полном прекращении ее существования², другие утверждали, что осуществленные в эти годы меры полностью вытекали из объективной обстановки того времени, были исторически прогрессивны и привели к превращению старой «буржуазной» кооперации в кооперацию «социалистическую»³.

Высказана и «срединная» позиция, суть которой в том, что методы тех лет были обусловлены отсутствием опыта, а это породило немало «ошибок»; впоследствии, с переходом к нэпу, эти «ошибки» были исправлены, и с военно-коммунистической практикой в отношении к кооперации было покончено. Только в последние годы стали предприниматься попытки по новому, более объективно подойти к проблеме⁴.

Ко времени взятия большевистской партией власти ее руководящее звено ни теоретически, ни практически не было готово к взаимодействию с российской кооперацией. Не имея сколь-нибудь четких представлений о месте кооперации в жизни общества, В. И. Ленин тем не менее уже в декабре 1917 г. выдвигает утопический и авантюристический проект декрета фактического упразднения потребительской кооперации путем ее национализации (в то время она объединяла 10,5 млн. членов-пайщиков) и создании на этой основе «единого всенародного кооператива трудящихся» с обязательным включением в его состав всего населения, отменой паевых взносов и распределения доходов, всех других присущих кооперативному типу организаций принципов. Проект такого декрета был тут же направлен в Наркомпрод и в январе 1918 г. от имени последнего опубликован «для обсуждения»⁵.

К счастью, кооперативная общественность дружно и решительно выступила против принятия такого декрета. Не понимая жизненной необходимости кооперативных принципов, готовый ими пожертвовать во имя призрачных социалистических идеалов, Ленин однако осознал важность

Файн Леонид Ефремович — доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета.

использования, хотя бы в то время, кооперативных организаций, их хозяйственного аппарата, их опыта работы. В связи с этим он принял предложение кооператоров о переговорах с целью достижения взаимоприемлемого соглашения. Переговоры эти завершились принятием компромиссного декрета ВЦИК и СНК 12 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях»⁶. Суть его, кратко, сводится к следующему: советская власть согласилась сохранить с рядом оговорок кооперативные принципы, а кооператоры принимали на себя функции снабжения товарами потребительского назначения всего населения страны под наблюдением Наркомпрода.

Было ли это осознание объективной необходимости сотрудничества или тактический маневр, рассчитанный на выигрыш времени? Имеющиеся документы подтверждают второе. Еще при утверждении декрета на заседании ВЦИК 11 апреля была принята резолюция, рассматривавшая его как меру, «ведущую к осуществлению государственного распределения продуктов и товаров в стране»⁷, то есть прямо говорится, что цель остается неизменной. Об этом пишет и Ленин в статье «Очередные задачи советской власти» (между 13 и 26 апреля), т. е. сразу после принятия декрета. Компромисс этот он откровенно объясняет тем, что советская власть еще не успела «наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе», в противном случае обошлись бы «без содействия буржуазных кооперативов», без «уступок буржуазному принципу», на котором, по его убеждению, основана деятельность кооперации⁸. В дальнейшем нападки на кооперацию, обвинения ее в буржуазности и контрреволюционности нарастали, несмотря на то что она выполняла взятые на себя обязательства и не давала повода для нареканий.

Позитивными были и первые результаты, достигнутые кооперацией в деле реализации декрета. По данным статсправки, приложенной к протоколу Совнаркома от 21 ноября 1918 г., только в 32 губерниях Европейской России членами потребкооперации состояло уже 11 236 647 человек⁹. Тем не менее, принятый на этом же заседании СНК декрет «Об организации снабжения» уже частично противоречил апрельскому, компромиссному, хотя в нем содержался пункт о недопущении национализации кооперативов и восстановлении национализированных, с добавлением, написанным Лениным, что при их восстановлении «обязательно принятие мер к тому, чтобы контрреволюционное или кулацкое извращение их деятельности не могло быть допущено и чтобы строгий контроль комитетов бедноты и местных советов ...осуществлялся систематически»¹⁰.

В конце 1918 — начале 1919 г. разворачивается интенсивная подготовка к полному отказу от компромисса и начинается штурм кооперации, постепенно охвативший все виды и формы движения. Первой жертвой этого «штурма» стал Московский народный банк (МНБ) — единственный в России и один из крупнейших в мире кооперативных банков.

В начале ноября 1918 г. был подготовлен проект декрета о национализации МНБ. Узнав об этом, его руководство созвало 16 ноября чрезвычайное собрание акционеров, которое приняло резолюцию протеста и решило направить делегацию к Ленину, после чего был объявлен перерыв до получения результатов переговоров. По настоянию кооператоров Ленин принял делегацию в первой половине дня 18 ноября. Судя по информации делегатов, Ленин признал приемлемым компромиссное предложение одного из них о преобразовании банка в союз кредитных кооперативов. Это было легко сделать, так как банк фактически осуществлял не только функции кредитования, но и широкие хозяйственные связи с кооперативами, особенно в области организации снабженческо-сбытовой деятельности. В тот же день, после доклада делегации о встрече, собрание акционеров МНБ приняло резолюцию о преобразовании банка в кредитный союз и направило ее Ленину. Однако он фактически отказался от данного им согласия, обвинив кооператоров в попытке обмануть советскую власть. «Перекрашиванием слов можно, разумеется накормить или обмануть дураков» — писал Ленин в опубликованной 21 ноября в «Правде» статье, тут же

добавив, что «почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние особого банка с единым банком республики»¹¹.

Непредвзятый анализ всех документов о ходе переговоров делегации МНБ с Лениным, в числе которых были известные своей высокой нравственностью кооператоры М. П. Аврасаркисов, В. Н. Зельгейм, Д. С. Коробов, А. В. Чайнов, А. Г. Штанге и др., как и других материалов по этому вопросу, показывает, что собрание уполномоченных соблюло условия договоренности. Тем не менее, Ленин осуществил свой замысел ликвидировать единственный кооперативный банк. Декретом СНК 2 декабря 1918 г. МНБ был национализирован и слит с Народным (Государственным) банком РСФСР (НБ) в качестве кооперативного отдела последнего¹².

Усилия кооператоров, тем не менее, оказались не совсем безрезультатными, им удалось обеспечить относительно терпимые условия функционирования в качестве коопотдела НБ, о чем свидетельствуют архивные материалы этого отдела¹³. Циркуляром Наркомфина 26 января 1919 г. была утверждена структура коопотдела в составе четырех подотделов с 2—3 отделениями в каждом. Вскоре было принято и Временное положение о кооперативном отделе. Как явствует из этого документа, за отделом в значительной мере были сохранены функции национализированного МНБ. Более того, в некоторых сферах отделу предоставлялись такие функции, которые банком не исполнялись. В частности предусматривалось, что отдел разрабатывает вопросы финансирования кооперативных организаций, осуществляет их инструктирование и ревизию в области финансовой деятельности, а также руководство оперативной работой кооперативных отделений местных отделов НБ РСФСР, которыми с 1 января 1919 г. становятся отделения или конторы национализированного МНБ. Устанавливалось, что новые коопотделения должны открываться по плану центрального коопотдела, но прежде всего там, где они были намечены к открытию МНБ.

Коопотдел НБ получил также право собирать съезды уполномоченных представителей от всех видов кооперативных организаций, при этом определялось, что центральные организации делегируют на такие съезды по 3 представителя, областные и губернские — по 2, остальные — по одному. Съездам вменялось в обязанность определять общий план деятельности коопотдела, избирать членов его совета и коллегии. Документов о работе таких съездов пока обнаружить не удалось, но знаменателен факт предоставления права отделу госоргана (НБ) организовывать свою работу на кооперативных началах. Не менее важно и то, что персональный состав коллегии кооперативного отдела Госбанка был укомплектован из членов правления МНБ. Председателем коллегии стал М. П. Аврасаркисов — бывший председатель правления МНБ, а членами коллегии — бывшие члены его правления А. И. Кулыжный, К. И. Крылов, А. Н. Жигулин и др.

Как видно из частично сохранившихся протоколов, коопотдел регулярно заседал в течение всего 1919 г. и первых четырех месяцев 1920 г. (Последний из обнаруженных протоколов датирован 29 апреля, что не исключает его работу и в последующие месяцы). Уже 24 января 1919 г. отдел принял принципиально правильное решение о передаче баланса товарного отдела МНБ в распоряжение Сельскохозяйственного союза, в результате важная функция национализированного банка не была упразднена, а передана центру сельскохозяйственной операции. Оперативная работа коопотдела сосредоточивалась в его регистрационном и учетном подразделениях. Выявлено 43 протокола регистрационного подотдела за период с 10 января по 5 декабря 1919 г., где рассматривались уставы и регистрировались новые кредитные кооперативы, причем на отдельных заседаниях их регистрировалось значительное количество. Так 15 июля было зарегистрировано 183 кооператива, 29 августа — 315, 24 октября — 59, 31 октября — 60. Общее число зарегистрированных за год трудно подсчитать, так как не все протоколы сохранились, но сам факт массового образования кредитных кооперативов (только на упомянутых заседаниях зарегистрировано почти 650), когда уже полным ходом шло свертывание товарно-денежных отношений может казаться одиозным. Нельзя исключить, что эта работа велась и в 1920 году.

Вопросами кредитования занималось структурное подразделение под названием учетная комиссия коопотдела. Весьма любопытно, что этот вид деятельности осуществлялся и в 1920 г. после принятия декрета 27 января, объявившего кредитную кооперацию и кредитную деятельность вообще отжившими. В условиях быстрой инфляции, отсутствия данных о том, в какой форме и по какому курсу кредиты выдавались, определить реальное значение этих выдач сейчас трудно. Ясно лишь то, что эти выдачи не носили единичного характера. Так, по данным на 15 мая 1920 г. было выдано (с нарастающим итогом с начала 1919 г.) кредитов на общую сумму 7 756 217 500 рублей. Только с 2 января по 10 июня 1920 г., т. е. в период, когда кредитные функции были официально запрещены, решения о выдаче ссуд принимались на 22 заседаниях учетной комиссии, на каждом из которых рассматривалось от 5 до 30 заявок.

Фактически не прекратил существования созданный на базе МНБ коопотдел и после упразднения самого Госбанка осенью 1920 г. Отдел перешел в подчинение центрального бюджетно-расчетного управления Народного комиссариата финансов (НКФ), в составе которого он функционировал в течение года. Кооперативный отдел НКФ в ноябре-декабре 1921 г. ликвидируется. Это происходило в условиях новой экономической политики, когда уже было принято решение о создании банка потребительской кооперации (Покобанка) и велась подготовка декрета о легализации (восстановлении) кредитной кооперации. Логично было полагать, что на базе коопотдела НКФ будет восстановлен МНБ, и вся система кооперативного кредита или, в крайнем случае, отдел будет использован как основа для Покобанка. Но этого не случилось. Функции кредитования кооперации передаются непосредственно НКФ и губфинотделам, то есть идет своего рода «завинчивание гаек» в конце 1921 года. А подлинно кооперативный кредит в стране так и не был восстановлен.

Вскоре после национализации МНБ разворачивается кампания по захвату и полному подчинению государству руководящего органа потребительской кооперации — Центросоюза, с которым лишь в апреле 1918 г. была достигнута договоренность о сотрудничестве. 25 января 1919 г., спустя 9 месяцев со времени принятия компромиссного декрета, Совнарком по докладу Ленина принял резолюцию, в которой потребовал от Наркомпрода и ВСНХ доклада о том, «насколько использован аппарат кооперации и мерах слияния с ним», то есть имеется в виду слияние кооперативного аппарата с НКП и ВСНХ. 28 января, заслушав такой доклад, Совнарком принял директиву о захвате коммунистами большинства мест в правлении Центросоюза.

По заданию СНК и ЦК РКП(б) коммунисты — руководители рабочей кооперации, являвшейся в то время составной частью всей системы потребительской кооперации, должны были на очередном, XXXIV Собрании уполномоченных предъявить ультиматум о предоставлении рабочей кооперации $\frac{2}{3}$ мест в правлении, пригрозив в случае его отклонения выходом из системы Центросоюза и созданием самостоятельного центра потребительской кооперации. Необоснованность такого требования была очевидна. Число рабочих — членов потребкооперации по самым оптимальным подсчетам не превышало 20% общего числа членов. Что касается состава Собрания уполномоченных, то из общего числа 387 делегатов представителей рабочих кооперативов было всего 30. Не приняв ультиматум как форму обращения, но понимая реальную угрозу, Собрание пошло на беспрецедентную уступку: согласилось предоставить представителям рабочих кооперативов 7 мест в правлении из 15, то есть почти половину мест. Тем не менее, рабочая делегация объявила о выходе из Центросоюза и покинула Собрание. Последнее избрало 8 членов правления, а обещанные рабочим кооперативам 7 мест оставило вакантными¹⁴.

После неудачи с ультиматумом СНК и Политбюро становятся на путь прямого вмешательства в вопросы компетенции кооперативных организаций. 3 апреля 1919 г. СНК принял постановление о персональном назначении членами правления Центросоюза в качестве представителей рабочей

кооперации В. П. Милютина, Н. Л. Мещерякова, А. М. Кирсанова и И. А. Саммера, а также трех представителей непосредственно от СНК в Центросоюзе — М. И. Фрумкина, О. Ю. Шмидта и П. Л. Войкова. Таким образом был восстановлен предложенный Собранием уполномоченных вариант (7 против 8), с той разницей, что вместо предусмотренной кооперативной процедуры избрания, эти семь человек были назначены постановлением СНК. Но это оказалось лишь первым шагом. 18 июня Политбюро ЦК принимает постановление «обеспечить советское большинство в правлении, для чего уменьшить число старых членов до шести» и увеличить число членов правления, «введенных СНК и рабочей кооперацией с 7 до 10». На этом же заседании Политбюро утвердило и персональный состав «десятки». Это были И. А. Саммер, И. И. Скворцов-Степанов, М. И. Фрумкин, О. Ю. Шмидт, Н. Н. Крестинский, П. Л. Войков, А. М. Лежава, С. С. Пилевский, С. З. Розовский, А. А. Сольц. Все они, кроме первых двух, никогда ранее с работой кооперации не соприкасались.

Следующим шагом стало устранение из Центросоюза оставшихся там кооператоров путем прямых репрессий. 27 апреля 1920 г. органами ВЧК были арестованы члены правления Д. С. Коробов, А. Н. Лаврухин и В. А. Кузнецов. Остальные три члена в это время находились по разным причинам (командировка, лечение) за границей. Арестованные были обвинены в ведении переговоров с ними с целью «переправки им ценностей советской потребительской кооперации». В тот же день Совнарком под председательством Ленина принял постановление об отстранении от обязанностей членов правления как арестованных, так и находившихся за границей. На другой день — 28 апреля — Политбюро специальным постановлением поручило Л. Б. Каменеву против кооператоров «поднять кампанию, используя для радио дополнительные материалы». На основе этого во всех средствах массовой информации была развернута беспрецедентная травля ни в чем конкретно не обвинявшихся кооператоров. Так было покончено со всеми членами правления из числа специалистов-кооператоров, а руководство Центросоюзом оказалось полностью в руках назначенной Политбюро ЦК «десятки»¹⁵.

Есть все основания полагать, что уже через два месяца назревал разгром и коммунистически обновленного Центросоюза, да и практически всей кооперации, так как к этому времени все другие виды российской кооперации были влиты в состав Центросоюза на правах его автономных секций. Этот разгром готовился по всем правилам большевистской конспирации и даже в протоколах Политбюро суть его остается скрытой. 29 июня 1920 г. Политбюро ЦК обсуждает ставшим в то время рутинным, как и для заседаний СНК, вопрос «О кооперации». Суть вопроса оказалась, судя по всему, далеко не обычной. Как вытекает из текста протокола, речь шла о двух резолюциях, внесенных в Политбюро Лежавой (в то время председатель правления Центросоюза), и Л. М. Хинчуком (в то время заместитель Наркома по продовольствию). Рассмотрев этот вопрос Политбюро решило: «Утвердить обе резолюции как директивы ЦК, предоставив Лежаве и Хинчуку [право] сделать из нее одну». Текста резолюций или изложения их содержания протокол не содержит, но имеется предостережение о соблюдении секретности. «Безусловно запретить, — записано в этом постановлении — какие бы то ни было выступления в печати или открытых собраниях, содержащие указание на умирание кооперации или умаление ее роли в социалистическом государстве».

Из последующего абзаца постановления, позволяющего в какой-то мере уяснить смысл затеваемого, вытекает, что речь идет о слиянии Наркомпрода и Центросоюза и создании общего правления, причем «составить его так, чтобы представителей Компрода было на одного больше, чем от кооперативов. Из числа членов правления Центросоюза ввести в правление (видимо, объединенного органа. — Л. Ф.) Лежаву, Сольца и третьего по указанию Лежавы; из НКП — Хинчука (председателем) и остальных — по указанию Цюрупы». (Цюрупа А. Д. — в то время Народный комиссар по продовольствию). Таким образом, можно полагать, что

речь шла о создании объединенного государственного органа из руководящих работников обоих ведомств, который должен был осуществлять распределение товаров среди населения взамен действовавшей к тому времени системы тоже фактически государственной, но с частичной кооперативной самостоятельностью и частичным разделением функций между НКП и Центросоюзом: первый выделял фонды и определял нормы распределения на основе «классового пайка», а второй — через сеть потребительских обществ осуществлял это распределение. Подтверждает такое предположение и завершающий пункт постановления: «Поручить Зиновьеву в 2-х недельный срок выработать детальные тезисы на основании петроградского опыта о том, каким способом привлечь широкие массы к делу распределения продуктов, участия в контроле за распределением и т. д., как проект директивы ЦК».

Здесь имелось в виду то, что именно в Петрограде в порядке опыта было проведено полное слияние кооперативных союзов с губернским продовольственным комитетом в единую продовольственную организацию во главе с А. Е. Бадаевым, то есть именно там произошло полное огосударствление кооперации и создание единой распределительной организации, опыт которой Политбюро пыталось распространить как директиву ЦК.

На следующий день — 30 июня — Политбюро вновь возвращается к обсуждению вопроса о кооперации и постановляет: «Утвердить проект резолюции, согласованный т. т. Хинчуком и Лежавой». Более того, этим постановлением согласованная резолюция Лежавы — Хинчука распространялась на Центросекцию — автономный орган рабочей кооперации в составе Центросоюза. Одновременно принимается решение: «Ввести Хинчука в качестве члена президиума собрания уполномоченных Центросоюза»¹⁶. Точный смысл произведенного назначения, как и других деталей задуманной реформы, остается неясным, так как и в этом протоколе отсутствует текст принятой резолюции. Не удалось ее пока обнаружить где-либо в другом месте; она, очевидно, и не была опубликована. Но факт принятия документа о слиянии Центросоюза с Наркомпродом налицо. Чтобы не создалось впечатления, будто это было какое-то предварительное обсуждение без участия первых лиц, следует учесть, что согласно записей в протоколах в работе Политбюро 29 и 30 июня принимали участие Ленин, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Преображенский и др. Суть задуманной реформы подтверждается и рядом известных публичных выступлений Ленина. Так, в докладе о работе ВЦИК и СНК на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 г. он выразил уверенность в том, что страна «через несколько недель, а может быть через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся». Время от 2 февраля до 29 июня — это как раз и есть «небольшое число месяцев». На второй день после принятия резолюции Политбюро — 1 июля — в телефонограмме в адрес всероссийского совещания продовольственных работников, не разглашая суть резолюции Политбюро, Ленин выдвигает перед ними в качестве «главнейшей»... «успешно решить трудную, но благородную задачу переделки кооперации мелкобуржуазной в кооперацию социалистическую»¹⁷.

Тем не менее остается фактом и то, что такое слияние в жизни не было осуществлено. Более того, после 30 июня вопрос о таком слиянии больше не поднимался, а его осуществление по инициативе мест не допускается. Так, во второй половине 1920 г. руководство ряда губерний — Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Тульской и Череповецкой — предприняло попытку осуществить — слияние губпродкомов и губсоюзов, как это было сделано в Петрограде и по существу вытекало из решений Политбюро ЦК 29 и 30 июня, но не получило на это разрешения из центра. Руководству Архангельской губернии, предпринявшему такое слияние самовольно, было предложено восстановить самостоятельность губпродкома и губсоюза. 6 октября 1920 г. Совет труда и обороны, рассмотрев просьбу ВСНХ, приостановил слияние с потребительской кооперацией семи наиболее крупных союзов кустарно-промысловой кооперации, объединявших артели 10 центральных губерний и областей России. И, наконец, еще один факт,

ставший известным после открытия архивов Политбюро ЦК. На одном из своих заседаний — 24 ноября 1920 г. — оно обсудило вопрос «О применении амнистии к делу кооператоров Коробова, Лаврухина и Кузнецова» и согласилось «с большинством комиссии Енукидзе и Крестинского» об их амнистии¹⁸. Беспрецедентный случай в карательной политике советского режима!

Причины такого поворота событий, особенно в части отказа от осуществления уже принятого решения, остаются пока не выясненными. Но это не дает основания считать, что уже во второй половине 1920 г. появились сомнения насчет жизнеспособности проводившейся политики по отношению кооперации и даже стали созреть новые подходы к ней, оформившиеся уже с переходом к нэпу. Не менее весомые факты свидетельствуют о продолжавшемся наступлении на кооперацию. Вот некоторые из них. В декабре 1920 г. СНК принял декрет «О финансировании кооперации», согласно которому с 1 января 1921 г. упразднялась финансовая самостоятельность кооперации: организационные расходы Центросоюза, губсоюзов, городских и фабрично-заводских кооперативов относились на счет государства, а хозяйственные — на счет тех ведомств, задания которых она выполняла. 1 февраля 1921 г. на заседании СНК обсуждался новый проект декрета о промысловой кооперации, предусматривавшего ее полное подчинение ВСНХ. В печати было даже высказано пожелание, чтобы подобный акт был подтвержден предстоящим X съездом РКП(б)¹⁹. И, наконец, на вторую половину 1920 г. приходится массированная кампания по разрушению сельскохозяйственной кооперации.

Возможно, решающим в приостановке реализации решений Политбюро от 29 и 30 июня 1920 г. была подсказанная кем-то мысль — нечего «копья ломать», правление Центросоюза — коммунистическое, безропотно выполняет любые директивы ЦК и СНК? Но это лишь предположение.

Весьма своеобразно проходил «эксперимент» над сельскохозяйственной кооперацией — фактически основным видом кооперативного движения в стране. Отличительной его чертой явился более замедленный темп его проведения — начался он значительно позже, протекал относительно вяло, разрушение основных звеньев системы сельхозкооперации произошло позднее, в связи с чем сохранялась возможность их быстрого восстановления. Парадоксом является и то, что в то время, когда уже шла подготовка к отказу от компромисса с потребительской кооперацией и осуществлялась национализация МНБ (ноябрь — декабрь 1918 г.), приходится «пик» в организационном строительстве сельхозкооперации, в оформлении ее специализированных и общекоординирующих центров.

Причины такой специфики объясняются тем, что в этой сфере взаимодействовали разнонаправленные группы факторов, среди которых в первую очередь следует назвать:

1. Партийно-государственное руководство страны имело самые смутные представления о сущности и назначении сельхозкооперации, ее реальных параметрах, которые к тому же еще и сочетались с утопической надеждой на автоматическое отпадение нужды в ней в связи с предполагаемым ими быстрым исчезновением институтов ее порождающих, да и крестьянства как класса мелких товаропроизводителей в целом. «В социалистическом, советском строе она по меньшей мере становится ненужной», — писал В. П. Милютин²⁰.

2. Ход гражданской войны показал, однако, что крестьянство не только нельзя списывать со счетов, но что оно является определяющей силой в обществе, от позиции которого в тех условиях зависел ход и исход этой войны. Это побудило руководство страны объявить курс «на союз с середняком», составлявшем как известно, основной контингент сельхозкооперации, и предпринять попытки наладить сотрудничество с нею.

3. Набиравшая с каждым месяцем все большие обороты экономическая политика правящего режима, нарастание в ней «военно-коммунистических» компонентов постепенно сужало базу для применения кооперативных принципов и функций, основанных на свободе товарно-денежных

отношений и на свободе хозяйственной деятельности мелкого товаропроизводителя, и тем самым подрывало основы функционирования сельскохозяйственной кооперации.

Ко времени установления советской власти в России сложилась разветвленная сеть кооперативов, обслуживавших крестьянские хозяйства. В кредитных и ссудосберегательных товариществах состояло около 10 млн. таких хозяйств. Наряду с основным своим назначением — обеспечить крестьян производственным кредитом — они осуществляли большой объем снабженческо-сбытовых операций. Кроме того, в стране функционировало более 3000 маслодельных артелей, 2400 товариществ по переработке и сбыту различных продуктов сельского хозяйства, 6000 сельскохозяйственных обществ. Объединение всех этих кооперативов в единую систему еще не состоялось. Только в 1915—1917 гг. началось массовое объединение первичных кооперативов в союзы, число которых к концу 1917 г. достигло 500. Что же касается всероссийских центров, то к их созданию велась подготовительная работа. В 1915 г. начал функционировать только один из них — центральное товарищество льноводов (ЦТЛ).

Основной объем работы по созданию специализированных центров приходится на 1918 год. Базой для их формирования послужили соответствующие подразделения товарного отдела тогда еще не национализированного МНБ. Первым в этом году — (9—10) мая — прошло учредительное собрание Всероссийского союза по переработке и сбыту картофеля (Союзкартофель), спустя несколько дней — (14 мая) — Центрального товарищества пловодов и огородников (Плодовоц). 15—16 июня состоялось учредительное собрание центрального кооперативного союза коноплеводов и пеньководов (Пенькосюз). Председателем собрания был избран А. Е. Кулыжный, а С. Л. Маслов приветствовал собрание от имени ЦТЛ, при содействии которого новый союз сформировался. В августе 1918 г. начал функционировать Всероссийский союз по сбыту зерновых продуктов (Коопзерно), в ноябре — Всероссийский союз по заготовке продукции птицеводства (Коопяйцо), в декабре — Всероссийский союз по сбыту сельскохозяйственной продукции и снабжению сельского хозяйства орудиями производства (Сельскосоюз). Венчает процесс организационного оформления сельскохозяйственной кооперации образование в последнем месяце года координирующего, идейно-теоретического и методического центра — Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет)²¹.

Таким образом, к концу 1918 г. сложилась разветвленная система центров и союзов сельхозкооперации, способная оптимально содействовать через местные союзы и первичные кооперативы развитию крестьянских хозяйств, более половины которых в то время уже были охвачены теми или иными формами кооперативного обслуживания.

Специализированные центры сумели в конце 1918 г. и в первой половине 1919 г. в условиях жесткой продовольственной диктатуры и постепенного распространения продразверстки наладить в заметных объемах заготовительную работу, в основном по договорам с госорганами. Так, ЦТЛ по состоянию на 30 апреля 1919 г. заготовило более 2,2 млн. пудов льна при общей заготовке по стране 3,5 млн. пудов. Коопзерно располагало 641 ссыпным пунктом в 12 губерниях, объем его заготовок из урожая 1918 г. составил 25% от всего заготовленного в стране, а в некоторых губерниях удельный вес кооперативных заготовок хлеба достиг 80—82% (Орловская, Воронежская). В 1918 — начале 1919 г. кооперация заготовила по договорам с госорганами более 2 млн. пудов коровьевого масла, около 6 млн. пудов рыбы и много другой продукции²².

Тем не менее, уже с самого начала осуществления таких жизненно важных для страны операций стала сказываться несовместимость кооперативных принципов работы с навязывавшимися государством принципами экономической политики и организации хозяйственной жизни. Вот краткая запись из протокола правления ЦТЛ от 10 ноября 1918 г.: «Слушали: об операциях с маслобойными семенами. Постановили: отказаться от намеченного плана (речь идет о заготовках по плану госорганов. — Л. Ф.) ввиду

установления твердых цен на семя, так как установление твердых цен лишает кооперативы возможности производить кооперативную сборку маслобояных семян». Из-за отсутствия других сфер приложения сил кооперативные центры вынуждены были в конце-концов принимать условия договоров, стремясь одновременно как-то отстаивать свои интересы.

Так, на совещании кооперативов — пайщиков ЦТЛ, проходившем 11—13 декабря 1918 г. под председательством Маслова, был в целом одобрен план заготовки льноводческой продукции на 1918—1919 годы. Вместе с тем, был выставлен ряд принципиальных требований Центротекстилю ВСНХ, по заданию которого эти заготовки велись. В частности, было указано на недемократичность аппарата Центротекстиля, отсутствие у него четкой направленности в хозяйственной политике, на невыгодность практики, когда помимо ЦТЛ заготовка льна поручалась и льнобюро при Центротекстиле, на необходимость немедленного финансирования сборки льна на местах. Такие демарши способствовали некоторому смягчению условий заготовок, однако принцип «твердых цен», противоречащий сути кооперативной работы, сохранился во всех договорах, правда с оговорками, что коопцентрам предоставляется право ставить вопрос о повышении твердых цен и что кооперативы не обязываются договорами принуждать население к сдаче продуктов по таким ценам²³.

К сожалению, из архивных материалов названных центров сельхозкооперации сохранился лишь один фонд — Сельскосовета, по другим, в частности ЦТЛ, обнаружены лишь отдельные документы. Учитывая, однако, что Сельскосовет осуществлял координирующую роль во всей системе и решал принципиальные и наиболее общие вопросы, введение в научный оборот материалов этого фонда позволяет проследить судьбу всей сельхозкооперации в этот роковой для нее период.

В течение декабря 1918 г. и всего 1919 г. Сельскосовет работал весьма плодотворно. Первое его заседание состоялось 7 декабря 1918 г., а всего до конца года прошло 6 заседаний. На одном из первых был избран президиум Совета, его председателем стал С. Л. Маслов, товарищами председателя — А. Н. Минин и Н. П. Макаров, секретарем — С. В. Бернштейн-Коган. На последнем в том году заседании — 31 декабря — было принято решение о создании кооперативного журнала — «Вестник сельскохозяйственной кооперации», определены его периодичность — один номер в две недели, первоначальный тираж — 2000 экз., структура журнала. Этот печатный орган сыграл важную роль в разработке научных и организационно-методических вопросов сельскохозяйственной кооперации и выходил (с небольшим перерывом и под несколько видоизмененными названиями) до конца 1929 г., когда он был фактически закрыт и на его базе стал издаваться журнал «На фронте коллективизации».

В силу сложившихся обстоятельств на первое место в деятельности Сельскосовета выдвигалась задача представительства в госорганах с целью защиты интересов кооперации, без чего в то время невозможно было выполнение и его основной задачи — содействие развитию и координации усилий всех центров и союзов. Уже к началу 1919 г. Сельскосовет делегировал своих представителей в кооперативный отдел ВСНХ, где прорабатывался вопрос об организации в его составе подотдела сельхозкооперации, в объединенной комиссии при Наркомфине по кредитованию кооперации, в Совещании при комитете экономической политики ВСНХ. Представители Совета вели совместную работу с Наркомземом по созданию на паритетных началах Комитета по делам сельскохозяйственной кооперации. 18 января 1919 г. решение о создании такого Комитета из представителей центров сельхозкооперации и отраслевых отделов НКЗ было принято, однако развернуть реальную работу не удалось. Вторая попытка наладить работу Комитета относится уже к периоду после VIII съезда РКП(б), утвердившего лозунг о союзе с середняком, к апрелю — маю 1919 г. — также при активном участии представителей Сельскосовета²⁴. Активная деятельность представителей

Сельскосовета и специализированных центров сельхозкооперации в госорганах явилась, видимо, немаловажным фактором в упомянутом выше более «плавном» разрушении этого вида кооперативного движения.

16 января 1919 г. состоялось первое пленарное заседание Сельскосовета. В состав Совета этого центра вошли все видные деятели российской сельскохозяйственной кооперации: кроме упомянутых выше членов президиума, — Н. П. Гибнер, А. В. Чайнов, Н. В. Крылов, В. А. Перелешин, Н. В. Малолетков, А. А. Николаев, Н. Д. Кондратьев, Н. Н. Озерцерковский, и др. С докладом о деятельности президиума выступил его председатель Маслов. Он сообщил, что главное внимание президиума «было направлено на представительство и заступничество интересов сельхозкооперации». В докладе и постановлении по отчету был намечен разносторонний план позитивной деятельности: консультации сельхозкооперации по текущим экономическим вопросам, обслуживание их путем разработки отдельных проектов и программ по их поручению, определение основ сельскохозяйственной политики с точки зрения интересов крестьянского хозяйства и др. Был также намечен большой план издательской деятельности. Кроме издания журнала, он предусматривал выпуск брошюр, сборников статей, плакатов и т. п., для чего было решено создать в составе Совета издательский отдел.

Принципиальную позицию занял пленум Совета по вопросу об административном давлении на XXXIV Собрание уполномоченных Центросоюза. Этот вопрос пленум обсуждал дважды — накануне открытия Собрания 16 января и уже постфактум — 4 февраля. На обоих форумах Совет единодушно осудил действия властей и выразил свою солидарность со своими коллегами из потребительской кооперации, а также сожаление по поводу случившегося. Констатировав, что уполномоченные Центросоюза проявили «максимум уступчивости, не стоящей ни в каком соотношении с удельным весом рабочей кооперации», пленум Совета выразил озабоченность в связи с тем, что «никогда Центросоюз не был в такой смертельной опасности, в какой он находится в настоящее время». На пленуме 4 февраля Совет принял принципиальное постановление о «создании при правительственных органах на местах кооперативных комитетов с участием представителей местных кооперативов... с целью защиты и согласования интересов сельхозкооперации и сельскохозяйственной политики властей». Одновременно было решено делегировать в состав кооперативного комитета НКЗ, вопрос о создании которого к этому времени уже был решен, трех своих представителей — Н. П. Макарова, Н. В. Крылова и Н. И. Любимова.

Сельскосовет в меру сил и возможностей пытался повлиять на экономическую политику государства с целью изменения ее в сторону здравого смысла. На это была направлена, в частности, и докладная записка на имя председателя Совнаркома, текст которой был обсужден и одобрен на пленарном заседании 11 марта 1919 г. и подписан членами президиума Совета и представителями всех специализированных центров сельхозкооперации. В ней кратко и четко оценивается пагубность экономической политики государства в области сельского хозяйства: «Крестьянство утрачивает интерес к своему хозяйству. У него исчезают стимулы к затрате труда вне пределов своих потребностей. Деятельность реквизиционных отрядов, комитетов бедноты и местных органов советской власти, насильственно и порой крайне жестоко отбирающих хлеб, картофель и даже скот у населения, подрывали в нем уверенность, что результаты труда не будут отняты у него. С другой стороны, твердые цены, по которым крестьяне вынуждены продавать свои продукты, не отвечают интересам крестьян... Применяемые формы нажима способны уничтожить для крестьян самый смысл хозяйственной деятельности, лишив их всякой энергии и интересов к работе». Не менее четко сформулированы неотложные меры «для спасения страны от голодной смерти» (за два года до того, как это случилось в 1921 г. и повторялось не раз и позднее): 1. «Прекратить вмешательство местных властей в хозяйственную жизнь крестьянства. 2. Прекратить принудительную реорганизацию крестьянских хозяйств. 3. Отменить ныне дей-

ствующую продовольственную и сельскохозяйственную политику». Как видно, за два года до провозглашения нэпа, который выдавался за «великое открытие» Ленина, люди понимали, чего нельзя и что можно делать по отношению к крестьянству.

Крайне тревожная обстановка сложилась во всей системе сельхозкооперации после принятия декрета от 10 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» и начала «военно-коммунистической» ломки системы потребительской кооперации. Руководители Сельскосовета понимали, что рано или поздно такая участь постигнет и сельскохозяйственную кооперацию, но стремились сохранить максимальное спокойствие и не спровоцировать неосторожными заявлениями или действиями подобных мер по отношению и к ней.

Особую озабоченность Сельскосовет проявил по поводу судьбы смешанных союзов, в состав которых входили как сельскохозяйственные, так и потребительские кооперативы. Таких в стране было около 300 — более одной трети общего числа кооперативных союзов. В принятом пленумом Совета 1 апреля 1919 г. постановлении по этому поводу позиция выражена так: «Сознавая всю непоправимую пагубность декрета о коммунах для русской кооперации вообще, перед всеми центральными кооперативными организациями стоит неотложная задача объединенными силами задержать его (декрета) осуществление или обезвредить его для кооперации». В качестве вариантов спасения сельхозкооперативов, входивших в состав смешанных союзов, предлагается выделить из последних потребительские функции и передать их потребкооперации или, наоборот, выделить из этих союзов сельскохозяйственные функции и передать их близлежащим сельскохозяйственным или кредитным союзам».

Через 15 дней (15 апреля) пленум вновь обращается к обсуждению данного вопроса. Идет оживленная дискуссия деятелей, которые инстинктивно предчувствовали, что все кооперативные организации обречены на разгром, но которым еще не совсем верится, что это так и будет. Наиболее дальновидные строят свои планы уже в расчете на перспективу изменения обстановки. Маслов сказал по этому поводу: «Главная задача — это сохранить хозяйственные аппараты до лучшего времени». Принятое пленумом постановление носит декларативный характер и по существу безадресное. Растерявшиеся кооператоры в тех условиях ничего реального предложить уже не могли. Вот некоторые его пункты:

«В целях энергичной защиты интересов сельхозкооперации: 1. Сельскосовет делегирует в состав комиссии по выработке инструкции о потребительских коммунах М. И. Богданова и Н. П. Макарова. (А что могли они там сделать, да и приняли ли этих представителей в комиссию, неизвестно).

2. Существующие смешанные союзы сохраняются в полной неприкосновенности. (Это только благое пожелание никого, тем более властей, не обязывающее).

3. В случае посягательства на смешанные союзы со стороны власти обеспечить выделение сельхозкооперации в самостоятельные организации». (кто же это может «обеспечить», если власть не позволит?)²⁵.

С целью организации защиты своих интересов Сельскосовет пытается созвать всероссийский съезд сельхозкооперативов. Первоначально он был назначен на 15 мая, но в связи с тем что Совет Всероссийских кооперативных съездов объявил о созыве общекооперативного съезда на 28 мая, было решено съезд сельхозкооперации перенести на 25 мая с тем, чтобы делегаты сельскохозяйственного съезда смогли принять участие и в общекооперативном. Однако ни тот, ни другой съезды не состоялись. Видимо, не было получено разрешения властей, а возможно был и прямой запрет. Вот что заявил по этому поводу Маслов: «По целому ряду чрезвычайно важных обстоятельств, после долгих обсуждений Совет Всероссийских кооперативных съездов вынужден был отменить созыв съезда на 28 мая, а Сельскосовет — съезд сельхозкооперации». Причем это было сделано тогда, когда большинство делегатов съезда сельхозкооперации с мест уже прибыло в Москву.

Форум был все же проведен 25—26 мая, но под названием «Совещание Сельскосовета при участии представителей местных кооперативных организаций». В нем участвовало 107 представителей с решающим голосом, в том числе 76 — из местных союзов, и 5 — с совещательным. По количеству участников и факту деления их на лиц с решающим и совещательным голосами — это фактически съезд, а не совещание. «Мы уверены, — заявил выступивший на нем с основным докладом Маслов, — что все изменения и колебания временны, и жизнь примет рано или поздно нормальный облик, и тогда кооперация займет свое место в жизни сельского хозяйства России». Представители с мест в своих речах сообщали, что притеснения сельхозкооперации советскими органами кое-где уже стали практиковаться, хотя официальных директив Центра в отношении ее еще не было принято. Совещание выразило протест против курса правительства на разрушение кооперации, одновременно признав, что с целью ее сохранения целесообразно идти на всякие уступки госорганам в деле проведения заготовок, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, надеясь в этой области продемонстрировать полезность кооперативной деятельности.

В специальном докладе Бернштейна-Когана «О работе центров по договорам с правительством» констатировалось, что «теперь вообще никакого рынка в прежнем смысле нет — единственный покупатель государство. И кооперативы принуждены работать исключительно по договорам с правительством или по его поручению. Эти договоры весьма далеки от кооперативных принципов... не дают возможность кооперации защищать интересы кооперативных производителей и потребителей». «Тем не менее, — призывается в постановлении по этому вопросу, — путем заключения таких договоров делается все возможное для приручения кооперации к централизованной работе в области сельскохозяйственного закупсбыта... Поэтому при создавшихся условиях практика договоров с государством подлежит сохранению».

Чтобы не обострять отношения с властями Сельскосовет несколько позднее отказался от намерения подачи в СНК докладной записки с обоснованием нецелесообразности установления твердых цен на зерно, «так как результат будет весьма неудовлетворительным для сельхозкооперации». Это была по существу готовность работать на любых условиях, лишь бы сохранить кооперацию. Но и это не помогло. С осени 1919 г. государство свертывает договорные отношения с сельхозкооперацией. В начале ноября 1919 г. Сельскосовет получил сообщение, что льнобюро при Центротекстиле ВСНХ отказалось заключить договор с ЦТЛ о заготовке льна с урожая 1919 г. и намерено сборку его «производить непосредственно через первичные кооперативы помимо ЦТЛ и союзов». В конце ноября аналогичные сообщения поступают относительно Коопзерно — крупнейшего заготовителя хлеба из урожая 1918 года²⁶. Практически заготовки через кооперативные центры сельхозпродукции были полностью или почти полностью свернуты по инициативе госорганов, несмотря на то что кооператоры блестяще справились с государственными заданиями по заготовкам из урожая 1918 года.

Менее чем за месяц до принятия декрета 27 января 1920 г., положившего начало массированному разгрому сельхозкооперации, — 30 декабря 1919 г. вновь собрался пленум Сельскосовета. С одной стороны, обсуждались обычные текущие дела, в том числе смета и план работы на 1920 г., будто Совет собирался еще «долго жить». С другой — вопрос о выборе председателя Совета, пост которого остался вакантным после смерти в декабре 1919 г. Андрея Евменьевича Кулыжного, только в июне сменившего на этом посту Маслова, и нового в связи с этим состава президиума, был перенесен на 27 января 1920 года. Случайно ли совпадение дат или кооператоры что-то знали, остается пока до конца не выясненным, хотя есть документы, свидетельствующие о том, что отдельные члены Совета в какой-то мере были осведомлены об этом.

17 января 1920 г. за 10 дней до принятия декрета — состоялось новое заседание Сельскосовета. Вне повестки дня выступил Чайнов и огласил

тезисы своего доклада на тему «Сущность и значение сельхозкооперации». Кроме текста тезисов нами выявлена и машинописная копия (без автографа) его статьи под названием «Место крестьянской кооперации в организации народного хозяйства Советской России». Содержание обоих документов совпадает, местами — дословно. Принципиальный смысл этих документов такой: их автор, если не прямо, то по крайней мере косвенно, отражает основную идею декрета 27 января. Чайнов прямо призывает к сотрудничеству с советским государством («во имя социализма»). Вот одно из его рассуждений на этот счет: «Должны быть найдены формы соглашения, сосуществования крестьянского хозяйства с государственными центрами экономической политики. Такой формой может явиться кооперативизация крестьянского хозяйства с высшими государственными органами. Вне этого форма организации нашего социалистического народного хозяйства в стройную систему планомерно работающую по единому плану, немыслима и заранее обречена на неуспех». Эти и другие высказанные Чайновым в упомянутых документах мысли принципиально не отличаются от высказываний Ленина и других коммунистических деятелей, вершивших в те дни судьбу кооперации (Милютин, Крестинский, Ногин и др.), и очень близки к концепции, заложенной в принятом 27 января 1920 г. декрете «Об объединении всех видов кооперативных организаций»²⁷.

Январский декрет 1920 г. готовился и принимался весьма поспешно, в отличие, например от мартовского 1919 г., который готовился около двух месяцев, и тем более от апрельского 1918 г., дискуссии по которому велись более 3-х месяцев. В материалах Политбюро прохождение нового декрета вообще не зафиксировано. В материалах СНК этот вопрос отражен только в протоколах от 27 и 29 января 1920 года. К ним приложен, видимо, как основание для рассмотрения, протокол «Частного совещания о кооперации 26 января 1920 г.». «Частным» это совещание может быть названо весьма относительно — на нем присутствовало 26 человек, среди них Ленин, Бухарин, Каменев, Дзержинский, Сталин, Крестинский, Цюрупа, Брюханов, Свицерский, Шлихтер, Милютин, Ногин, Скворцов-Степанов, Лежава и др., т. е. практически все партийное и государственное руководство страны, включая и «вершителей» судьбы кооперации. Вот это-то — «частное» совещание и одобрило с некоторыми поправками проект декрета об объединении всех видов кооперации, «предложенный Шмидтом» и решило его внести на следующий день в СНК, где он и был принят, также с небольшими поправками, которые были одобрены на заседании 29 января. 26 января датирована и записка Ленина под названием «Проект постановлений и директивы о кооперации», составленная им, видимо, накануне или во время совещания²⁸. Кто и как разрабатывал проект декрета до 26 января, проходил ли он апробацию на каких-то форумах до этого числа, откуда взял Шмидт предложенный им совещанию 26 января проект, кто участвовал в его подготовке, остается не выясненным. Не исключено, что упомянутые статья Чайнова и его доклад на пленуме Сельсосовета вне повестки дня 17 января в какой-то мере имеют отношение к процессу подготовки декрета.

Но если все вышесказанное является лишь предположением, то происходившее позднее полностью подтверждает активную роль Чайнова в реализации декрета и, в частности, в выработке инструкции по его осуществлению. Так, 28 января, на второй день после принятия декрета, председателем Сельсосовета был избран никто иной, как Чайнов, который возглавил реорганизацию, а фактически роспуск кооперативных центров. Был сконструирован и новый президиум Совета из семи человек, причем из старого состава в нем остался только один.

В связи с тем что декрет готовился наспех, многие его положения носили нечеткий характер и позволяли многозначное толкование, в том числе и в пользу кооперации. В этих условиях важное значение приобретал вопрос о порядке реализации декрета, о содержании инструкций, определяющих этот порядок. Благоприятные условия для кооперации создавались еще и тем, что созданный для реализации декрета государственный орган — Главный комитет по кооперативным делам (Главкооп) разослал на места

телеграфное указание — не предпринимать никаких мер по осуществлению декрета до получения предписаний из центра. Кооперация получала время, чтобы не вступая в явное противоречие с декретом, выработать такой порядок его применения, чтобы выйти из намечавшейся ломки с наименьшими потерями и как можно больше сохранить кооперативный аппарат и кооперативные организации, хотя бы под видоизмененными названиями. Это во многом зависело от нового руководства Сельскосовета, тем более что явного нажима на него со стороны властей по вопросу о порядке осуществления декрета обнаружить не удалось. Казалось, что отношение властей даже относительно благожелательное. Так, в разосланной 10 февраля 1920 г. директиве Сельскосовета всем организациям сельхозкооперации сообщалось, что в соответствии с разъяснением Милютинина — в то время зам. председателя ВСНХ — под действие декрета не подходят: а) молочные товарищества, б) картофеле-терочные товарищества, в) сельскохозяйственные товарищества, г) кустарные артели, д) другие виды специальных сельскохозяйственных и промысловых артелей, е) местные союзы всех этих кооперативов. Далее, в директиве сообщается, что в ближайшее время состоится совместное заседание Центросоюза с представителями центров сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации для выработки инструкции о порядке их слияния и что в этом плане ведется: подготовительная работа и в самом Сельскосовете.

Руководство Сельскосовета не использовало, однако, открывшиеся возможности. После 28 января на протяжении более двух месяцев ни пленум, ни президиум не собирались. После директивы 10 февраля не обнаружено никаких материалов, которые свидетельствовали бы о том, что в Совете шла какая-нибудь работа в этом направлении. Только 2 и 8 апреля Сельскосовет обсуждает вопрос о порядке реализации декрета. На обоих заседаниях с докладом выступил Чайнов, который сообщил о содержании разработанной и фактически согласованной с властями инструкции; кем и где она была подготовлена при этом не сообщалось. На последнем заседании Сельскосовет «единогласно решил признать, что при Центросоюзе должна быть образована единая сельскохозяйственная секция на основе выработанной А. В. Чайновым схемы доклада, представленного Ногину». Для осуществления этого решения Совет образовал комиссию в составе А. Н. Жигулина, И. П. Матвеева и Н. Е. Смирнова. На своем заседании 15 апреля Сельскосовет вновь «единогласно постановляет признать», что сельхозкооперация должна иметь в составе Центросоюза единую секцию, причем специально оговаривает, что «вопрос о подсекциях и правлениях этих подсекций ввиду недостаточной проработки постановлено считать открытым и на заседании в Центросоюзе не поднимать»²⁹.

Вопрос о единой секции или о секции с подсекциями требует специального комментария, так как тогда он не был вопросом организационной структуры, а имел принципиальное значение. При создании в составе секции подсекций могла остаться по существу нетронутой система сельхозкооперации: Сельскосовет преобразовался бы в сельхозсекцию при Центросоюзе, а специализированные центры (ЦТЛ, Коопзерно, Союзкартофель и др.) стали бы подсекциями, что способствовало бы сохранению до лучших времен аппарата и основных направлений деятельности системы. Однако эту возможность руководство Сельскосовета упустило, решив вопрос о подсекциях «не поднимать».

На пленуме Сельскосовета 26 апреля Чайнов доложил о выработанном в ВСНХ и НКЗ проекте положения по этому вопросу. Возражений против него со стороны присутствовавших не поступило, и они признали, что этот проект «мало отличается от выработанного сельхозцентрами». (Имеется, видимо, в виду одобренного 8 и 15 апреля). Да и возражения уже были ни к чему, так как еще 19 апреля СНК утвердил «Положение о сельскохозяйственных и промысловых кооперативах». Так кооператоры сами способствовали подписанию сельхозкооперации «смертного приговора», по крайней мере та группа во главе с Чайновым, которая с конца января 1920 г. возглавила Сельскосовет. 19 мая состоялось ликвидационное заседание пре-

зидиума Сельскосовета, решившее вопрос об увольнении служащих, а 27 мая 1920 г. — последнее заседание, принявшее за подписью Чаянова постановление: «Считать Сельскосовет ликвидированным»³⁰.

Конечно, в качестве причин того, что удалось расправиться с сельхозкооперацией при попустительстве части кооператоров, можно назвать и их растерянность, чувство обреченности и бессмысленность сопротивления намерениям властей, а также нажим госорганов на кооператоров. Сбрасывать со счета эти факторы нельзя, хотя прямых указаний на нажим по крайней мере в таком объеме, как это имело место в отношении МНБ в ноябре 1918 г. или руководства Центросоюза в январе-марте 1919 г., имеющиеся в распоряжении автора источники не содержат.

Деятельность специализированных центров сельхозкооперации была прекращена распоряжением Главкоопа с 1 июня 1920 г., а с 15 июня было объявлено о начале деятельности сельхозсекции при Центросоюзе. Правление секции было составлено всего из трех человек: по одному представителю из Наркомзема, Центросоюза и сельхозкооперации. В основу ее аппарата был положен сельхозотдел ...Центросоюза с привлечением лишь отдельных сотрудников упраздненных центров сельхозкооперации. При этом формирование аппарата и выработка плана работы продолжались почти до конца 1920 г. Что касается периферии, то такие секции к концу того же года были созданы лишь в 40 губерниях, причем большинство из них не приступило еще к работе³¹. Созданные взамен центров и союзов сельхозкооперации секции оказались недееспособными и никакой позитивной работы развернуть не смогли.

Автор этих строк не коснулся некоторых существенных компонентов «эксперимента» над кооперацией (в частности, разгон Совета Всероссийских кооперативных съездов, манипуляции с рабочей потребительской и кустарно-промышленной кооперацией и др.). Частично этому помешала неполнота источниковой базы — многие материалы исчезли вместе с разгромом соответствующих кооперативных учреждений. Тем не менее, принципиальная оценка случившемуся может быть дана.

Прежде всего, осуществлявшийся «эксперимент», несмотря на спонтанность и хаотичность его проведения, имел под собой определенную теоретическую базу в виде представлений руководящего ядра большевистской партии об общественно-экономическом строе, к которому они хотели привести страну. Продолжавшийся в 1918—1920 гг., как и в последующие 20-е годы, «эксперимент» был продиктован верой в то, что кооперация может служить «исходной базой», «строительным материалом» для создания такого строя. Социалистическая фразеология руководителей и теоретиков кооперативного движения практически всех направлений была дополнительным аргументом в таких надеждах.

Разрушительная сила «эксперимента» оказалась не одинаковой для различных частей кооперативного движения и определялась рядом факторов. Среди них: общеполитическая и экономическая обстановка в каждый момент его проведения, продолжительность его воздействия на кооперацию, представления правящей элиты о пригодности тех или иных функций кооперации для конструируемого строя, степень влияния компартии и рабочего класса в той или иной системе и многое другое.

Приведенный материал позволяет высказать и некоторые суждения о зависимости последствий «эксперимента» от позиции руководства кооперативных органов. Когда встал вопрос о национализации МНБ, его руководители немедленно созвали чрезвычайное собрание акционеров, послали авторитетную делегацию к Ленину, а участники собрания два дня ждали результатов переговоров. Предотвратить национализацию банка не удалось, но МНБ под названием «кооперативный отдел Госбанка» с теми же руководителями и той же периферией продолжал кредитовать кооперацию и регистрировать новые товарищества. Центросоюз всеми силами сопротивлялся нажиму на него в январе-марте 1919 г. и осуществлению мартовского декрета этого же года, пока все до единого члены его правления не были репрессивными мерами удалены. Да и совет

Сельскосоюза предпринял весьма решительный демарш в защиту Центросоюза в январе-феврале 1919 г. Другое дело, новое руководство Сельскосоюза, которое в 1920 г. по существу сотрудничало с властями в деле развала системы сельхозкооперации.

Характерная черта проведенного «эксперимента» — его незавершенность. Система потребительской кооперации была не полностью огосударствлена, хотя работала по заданиям и под жестким контролем госорганов, полное слияние с ними (за исключением Петрограда) не было проведено. Что касается системы сельхозкооперации, то ее упразднение просто по времени, оставшегося до перехода к нэпу, не успело дойти до конца. Кооперативные центры все были разогнаны. Что же касается местных союзов, то этого полностью не успели сделать — часть из них была упразднена, часть слита с потребительскими союзами или вошла в их состав на правах автономных секций, а кое-где сохранилась под видоизмененными или даже прежними названиями. Первичная сеть также не вся была утеряна — одни кооперативы вошли в подчинение местных организаций потребкооперации, до других — реорганизация просто не успела дойти. Незавершенность «эксперимента» создавала потенциальную возможность возрождения кооперации при условии отказа или хотя бы ослабления внешнего воздействия на нее, что подтвердилось практикой начального периода нэпа.

Тем не менее, результаты «эксперимента» оказались для кооперации трагическими. Складывавшаяся в течение полувека кооперативная сеть перестала существовать как система. Были разогнаны или превращены в придаток государственных органов общероссийские и многие региональные кооперативные центры и союзы. Распылилась годами создававшаяся ими материальная база, частично она перешла в руки различных госорганов, а в основной своей части — заброшена и разрушалась. Кооперация в значительной мере растеряла кадры опытных работников, нарушились хозяйственные связи между регионами, различного уровня и назначения кооперативными объединениями. На прозябание оказались обреченными даже формально не распущенные первичные кооперативы. Прекращение или сведение на нет выполнения собственно кооперативных функций и работы на кооперативных принципах и замена их осуществлением распределительно-заготовительных заданий государства привело к распространению среди участников движения пассивности, выжидания, иждивенчества, а порой и стремления к прямому обману, что подрывало десятилетиями формировавшиеся кооперативные навыки и традиции работы.

Еще более печальны отдаленные последствия военно-коммунистического «эксперимента». Методы и приемы его осуществления не были критически пересмотрены руководством страны. Приостановка «эксперимента» с весны 1921 г. и даже попытка в какой-то мере вернуться к «доэкспериментному» положению не были пересмотром стратегического курса, а тактическим маневром, своего рода «новым экспериментом», заключавшемся в попытке использовать кооперацию под таким же жестким партийно-государственным контролем, но с частичным восстановлением отдельных кооперативных принципов и форм работы. Такой симбиоз не мог, конечно, оказаться жизненным, и с каждым годом диктат над кооперацией усиливался, а кооперативные начала, даже дозволенные в начале нэпа, все более вытеснялись. В конце 20-х годов военно-коммунистические приемы вновь стали в полной мере осуществляться, причем в наиболее варварской и несуразной форме, чем это имело место в 1918—1920 годах. В итоге с кооперацией как с самостоятельной, функционирующей на присущих только ей внутренних принципах, общественно-экономической организацией было покончено на долгие десятилетия. Если еще учесть, что в итоге перманентного «экспериментирования» над кооперацией были утеряны доверие населения к ней, элементарные знания о ней, преимущество кадров, готовых бескорыстно трудиться в ней, то станет очевидным, насколько сложной является задача возрождения кооперации в современных условиях.

Примечания

1. Параметры дореволюционного кооперативного движения общеизвестны: к концу 1917 г. в стране насчитывалось примерно 63 тыс. кооперативов, общее число состоявших в них членов приближалось к 24 миллионам. С учетом возможного одновременного членства в различного вида в них состояло не менее 16 млн. членов, а вместе с членами семей более 80 млн. человек.
2. ХЕЙСИН М. Л. История кооперации в России. Л. 1926; БАЛАБАНОВ М. С. История рабочей кооперации в России. М. 1928; МАСЛОВ С. Л. Экономические основы сельскохозяйственной кооперации. М. 1928.
3. МОРОЗОВ Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М. 1969; ФАРУТИН И. А. Из истории борьбы КПСС за превращение буржуазной кооперации в социалистическую (1919—1920). Калининград. 1970; и др.
4. ВЕСЕЛОВ С. В. Кооперация и советская власть: период «военного коммунизма» — Вопросы истории, 1991, № 9—10.
5. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 206—210.
6. Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 91—92.
7. Протоколы ВЦИК IV созыва. М. 1920, с. 104.
8. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 186—187.
9. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 19, оп. 1, д. 224, л. 39.
10. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М. 1957, с. 91—96; Ленинский сборник XVIII, с. 279—280.
11. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 196.
12. См. Народное хозяйство, 1918, № 6—7, с. 29; Кооперативная жизнь, 1918, № 8—9 с. 27—29; Экономическая жизнь, 19 и 20.XI.1918; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 2, д. 273, л. 17а.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 2324, оп. 4, д. 34, л. 1—9, 45, 48; д. 43, л. 9, 14, 95, 118, 122, 144; д. 44, л. 1—3; д. 3510, 3512, 3513, 3705 и 3873 (с пронумерованными листами).
14. РЦХИДНИ, ф. 145, оп. 1, д. 51, л. 6, 11—13; РГАЭ, ф. 7018, оп. 1, д. 6, л. 15об.
15. РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 274, л. 3; д. 209, л. 4; ф. 10, оп. 3, д. 12, л. 1, ф. 17, оп. 3, д. 73, л. 1—2.
16. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 93, л. 2—3.
17. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 102—103; т. 41, с. 154.
18. РГАЭ, ф. 484, оп. 1, д. 131, л. 17; Материалы к X съезду РКП(б) по вопросам экономического положения. М. 1921, с. 60; Вестник промысловой кооперации, 1923, № 1, с. 12; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 124, л. 2.
19. РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 405, л. 6; д. 408, л. 5.
20. МИЛЮТИН В. П. Социализм и сельское хозяйство. М. 1918, с. 47—48.
21. РГАЭ, ф. 1689, оп. 21, д. 51, л. 1—3; Кооперативная жизнь, 1918, № 3, с. 49, 51, 52; № 4—5, с. 41, 54; № 8—9, с. 35, и др.
22. ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 307, л. 77—78; Известия ЦТЛ (Москва), 1919, № 7—8, с. 11; Союз-картофель (Москва), 1919, № 3—4, с. 66, и др.
23. РГАЭ, ф. 1689, оп. 21, д. 19, л. 5—7; д. 52, л. 1—5; ф. 7018, оп. 1, д. 2, л. 22об.
24. РГАЭ, ф. 7018, оп. 1, д. 3, л. 1—33; д. 6, л. 1, 8—11; ф. 484, оп. 16, д. 15, л. 3, 6, 10, 49, 51, 74, 79; оп. 18, д. 2, л. 16—22.
25. Там же, ф. 7018, оп. 1, д. 6, л. 8—11, 13—13об., 15, 17, 18об., 26—28, 36, 38, 38об., 39, 40.
26. Там же, л. 44, 44об., 45, 45об., 46, 49, 50, 56об., 98, 98об., 100, 100об.
27. Директивы по хозяйственным вопросам. Т. 1, с. 149—150.
28. РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 343, л. 5; д. 344, л. 5—6, 71, 73—74; ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 74—75, 377, 475.
29. РГАЭ, ф. 7018, оп. 1, д. 29, л. 5; д. 23, л. 9; д. 25, л. 10.
30. Там же, д. 25, л. 9, 12; ф. 1943, оп. 3, д. 1100, л. 9; ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 316, л. 16.
31. РГАЭ, ф. 531, оп. 1, д. 3, л. 7; д. 8, л. 20; д. 12, л. 1—2; ф. 3429, оп. 1, д. 15, л. 2об.

Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии

Т. М. Исламов

История венгерского восстания 1956 г. и прежде всего его событийная сторона, достаточно хорошо изучены, особенно за последние 6—8 лет. Главное достижение в этой области — создание солидной источниковой базы для реконструкции подлинной истории событий 1956 года. Это стало возможным благодаря открытию доступа к ранее не доступным архивным фондам. В последние годы появилось много статей, написанных на основе изучения документальных материалов. Однако до синтетических монографических трудов дело, к сожалению, еще не дошло. Если в издании документов, в известной мере и в их изучении и обработке, достигнуты неплохие результаты, то о каких-то успехах в области изучения венгерского восстания говорить еще рано. Недостаточное внимание уделяется и анализу существующей о нем литературы¹.

Советскую историографию, строго говоря, первоисточником для историографического анализа можно считать лишь с оговорками. «В официальной литературе бывших СССР и ВНР — пишет Б. Й. Желицки — давались, как правило, согласованные пропагандистского плана трактовки, в соответствии с которыми сутью событий 1956 г. в Венгрии была их неоспоримая контрреволюционность, ставшая возможной в результате ошибок руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ), предательства ревизионистов, подрывной деятельности внешней реакции и прямого вмешательства империалистов стран Запада»².

Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению работ советских историков, посвященных венгерской революции 1956 г., следует изложить сначала официальную советскую позицию по рассматриваемому вопросу. До конца 80-х годов советская историография сохраняла верность этой официальной позиции.

Казалось бы, предшествовавшие 23 октября 1956 г. в соцлагере и в самой Венгрии события, такие, как восстание в ГДР 17 июня 1953 г., грандиозная манифестация жителей Будапешта 6 октября, в день торжественных похорон Ласло Райка, — своеобразная молчаливая демонстрация протеста против системы, — а также события в Польше (Познани), послужившие непосредственным толчком к выступлению будапештской молодежи — должны были заставить правящие коммунистические партии соцстран всерьез задуматься о происходящем. У лидеров СССР и их

Исламов Тофик Муслимович — доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению истории Австрии и Венгрии Института славяноведения и балканистики РАН.

восточноевропейских марионеток было целых три года, чтобы проанализировать сложившуюся в Венгрии, ГДР, Польше сложнейшую социальную и политическую обстановку, сделать выводы и принять эффективные меры, чтобы предупредить надвигавшиеся взрывы и потрясения. Но этого не произошло. Хотя попытки были. Например, советские усилия к примирению, а затем и сближению с Югославией, или скажем временное ограничение властных полномочий М. Ракоши в 1953 г. в пользу реформатора Имре Надя. На этом последнем эпизоде имеет смысл остановиться несколько более подробно, ибо тогда была предпринята первая попытка корректирования (в рамках системы и в интересах ее сохранения) восточноевропейской модели социализма.

В июне 1953 г. в Москву были вызваны руководители Венгрии. Состав венгерской делегации, в которую попал также по настоянию кремлевского руководства и опальный Имре Надь, определялся советскими лидерами. Все это походило на судилище над Ракоши.

От советских руководителей венгерские политики впервые, задолго до доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, услышали о культе личности Ракоши. То, о чем говорилось на этой встрече руководителей СССР и Венгерской Народной Республики, остается тайной (ее протоколы, между прочим, не опубликованы по сей день). Оно и понятно, будь материалы встречи обнародованы тогда, Ракоши со всей его кликой следовало бы предать суду, а не оставлять у руководства партией и государством, как это произошло на самом деле. Занятые борьбой за сталинское наследство советские руководители оказались способными лишь на половинчатые компромиссные решения. Они лишь несколько отдалили неумолимо приближавшуюся развязку, но не могли остановить дальнейшее развитие кризисных явлений. Ракоши, который в Москве был подвергнут разносной критике со стороны советских руководителей, отделался, по существу, легким испугом. Он лишь уступил кресло премьера Надю. Такое неустойчивое положение, очень напоминавшее двоевластие, продолжалось около полутора лет. Старый интриган Ракоши вновь воспрянул духом, как только Хрущев уничтожил самого могущественного члена большевистской «железной когорты» Берия, того, кто сыграл решающую роль в отстранении Ракоши с поста предсовмина и в назначении на этот пост Надя. Одним этим фактом первый был уже реабилитирован, а второй безнадежно скомпрометирован в глазах тех, кто в этот момент находился у власти в Москве и Будапеште. Поэтому после исчезновения Берия венгерскому коммунистическому лидеру не составило большого труда с позором отправить в отставку своего соперника. Проведение необходимых реформ застопорилось, а вскоре и вовсе заглохло. Тем самым был, вероятно, упущен шанс на постепенное, без кровавых потрясений реформирование социалистического строя в Венгрии, а возможно и во всем соцлагере.

К лету 1956 г. Советскому Союзу вновь пришлось в пожарном порядке вмешиваться во внутренние дела Венгрии, чтобы спасти уже окончательно разваливавшийся режим. Но Москва вновь, как и в 1953 г., проявила непоследовательность и нерешительность. Поставив во главе венгерской партии в качестве ее первого секретаря вместо Ракоши его последователя Эрнё Герё, в июле 1956 г. советское руководство совершило роковую ошибку. А. И. Микоян и Н. С. Хрущев, руководившие проведением в жизнь дворцового переворота в Будапеште не поняли, вернее всего не захотели понять, что замена одной злодейской фигуры на венгерском Олимпе другой, не менее злодейской и еще более мрачной фигурой, ничего не меняет. Выдвижением на первый пост коммунистической иерархии в Венгрии Э. Герё нельзя было ни изменить, ни повернуть ход событий, ибо этот человек был хорошо известен всей стране как один из самых последовательных сектантов и догматиков.

Так был упущен последний шанс мирного урегулирования венгерского кризиса. Между тем, официальная советская версия причин «контрреволюционного мятежа» осенью 1956 г. в Венгрии, «точно» фиксировавшая три группы причин их возникновения (сектантско-догматическая группа в ВПТ,

ревизионистская группа И. Надя и западные спецслужбы), полностью обходит вопрос об ответственности ЦК КПСС и советского правительства за венгерский кризис 1953—1956 годов. Ибо все, что происходило в Венгрии и других странах Восточного блока начиная с 1945 г., так или иначе, прямо или косвенно, связано с Советским Союзом, его постоянным вмешательством во внутренние дела соседних стран. Историки сегодняшней России этим кругом вопросов по существу еще не занимались, поскольку до самого последнего времени они были почти целиком поглощены выявлением и изданием конкретно-исторического материала, и в меньшей мере — его обобщением и анализом.

Советское руководство, как известно, действовало в тесном сотрудничестве с политическими организациями и государственными учреждениями соцстран, которые осуществляя верховную волю Москвы, претворяя в жизнь идеологические директивы и политические установки Кремля, проводили в масштабах своих стран и собственную политику, реализовывали собственные групповые и личные интересы. Нередко они сами выступали с инициативой по ужесточению режима, в широких масштабах осуществляли террор против своих политических противников, под предлогом борьбы с «классовым врагом» (англо-американским империализмом, титоизмом, ревизионизмом и т. п.) расправлялись со своими личными соперниками, как это было в Венгрии с Л. Райком. Одним словом, в массовых репрессиях против целых социальных групп населения, против собственного народа повинны не только советские советники, сидевшие в министерствах и органах госбезопасности ВНР. Отсюда вытекает и общая задача венгерских и российских историков — попытаться «индивидуализировать» ответственность, определить хотя бы приблизительно долю вины в совершенных тяжких преступлениях каждой стороны. Для этого потребуются вовлечение в научный оборот новых архивных фондов, причем не только российских, но и венгерских, а также и некоторых других стран, сопричастных к событиям 1956 года.

После отстранения весной 1955 г. от власти И. Нады и вплоть до июля 1956 г. советское руководство фактически самоустранилось от активного участия в венгерских делах, не реагировало на углубление негативных явлений вследствие восстановления в стране полномочия ракошизма, на прекращение начавшегося в июне 1953 г. и прерванного весной 1955 г. процесса десталинизации и либерализации, на явное обострение внутривнутриполитической борьбы в Венгрии вследствие резкой активизации антиракошистских сил, в первых рядах которых шла творческая интеллигенция³.

Станным образом ни хрущевская «оттепель», ни XX съезд КПСС в принципе не отразились на отношении Советского Союза к Восточной Европе вообще и к венгерским делам в частности. Положение не изменилось и после публикации известной Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г., в которой невразумительно, почти в эзоповском стиле, но все же впервые во всеуслышание СССР признал имевший место в прошлом, при Сталине, некоторый негатив в обращении советских партийных и государственных органов различных рангов с Венгрией и другими «братскими странами». В тот момент, когда писались словесные признания в приверженности к демократии, в штабах советских вооруженных сил шла лихорадочная подготовка к подавлению свободной Венгрии.

Однако этот любопытный сам по себе, поспешно состряпанный документ, не привлек внимания историков. И не случайно. Декларация советского правительства от 30 октября 1956 г. оказалась мертворожденной, «несвоевременной» уже в момент своего рождения. В то время СССР, его партийное и государственное руководство ни морально, ни политически, ни психологически не были готовы следовать провозглашенным в этой декларации принципам уважения чужого суверенитета и невмешательства во внутренние дела Венгрии. Люди, десятилетиями придерживавшиеся определенного образа действий и способа мышления, не могли внезапно, вдруг отойти от отношений, основанных на патернализме, отказаться от роли «старшего брата».

В своем подходе к восстанию 1956 г. в Венгрии, в объяснении его характера, причин и последствий в 1960—1980 гг. советские историки были в буквальном смысле слова связаны по рукам и ногам соответствующими постановлениями и решениями высоких партийных и государственных инстанций не только СССР, но и ВНР. Историки были обязаны в точности, слово в слово повторять в своих работах основные оценочные формулировки важнейших партийных документов. Им позволялось лишь иллюстрировать конкретно-историческим материалом «основополагающие» тезисы этих документов. Возможно по этой причине многие советские историки долгое время обходили эту тему молчанием. При этом предписывалось восхвалять кадаровский режим, действия Советского Союза в Венгрии. В то же время не было никаких ограничений в очернении «предательской ревизионистской клики» И. Надя и международного империализма. Естественно, что базировавшаяся на подобных постулатах литература не могла не быть односторонней в своей сути и пристрастной в своих оценках.

По этой же причине исследователи старались по возможности избежать освещения событий 1956 г. даже в обобщающих трудах, специально посвященных Венгрии и касались их лишь в самых необходимых случаях. Так поступили редакторы и авторы «Очерков новой и новейшей истории Венгрии» (М. 1963), единственной вышедшей в СССР книги такого рода. Материал, посвященный в ней интересующему нас сюжету, изложен в главе «Строительство основ социализма в Венгрии». Ее автор А. И. Пушкаш основное внимание уделил «строительству социализма» в Венгрии, а не событиям 1956 г. — важнейшим в венгерской истории второй половины XX века. Самостоятельное место в периодизации новейшей венгерской истории восстанию 1956 года так и не нашлось, и оно оказалось неким незначительным, недостойным специального внимания историка эпизодом в промежутке между такими «эпохального» масштаба событиями, как 1-й пятилетний план (1950—1954 гг.) и VII съезд ВСРП (1959 г.). Таким образом, и в тяжелейший для венгерского народа период его послевоенной истории, оказывается, он шел по пути строительства социализма от победы к победе под руководством компартии во главе с Ракоши. Сообщая об успехах венгерской индустриализации, автор следующим образом объясняет причины назревавшего социального и национального взрыва: «Венгерское правительство в те годы не использовало в полной мере замечательные возможности, которые заложены в экономическом сотрудничестве социалистической мировой системы. В результате заметно отстало производство товаров широкого потребления от быстро возрастающих потребностей населения». Автор упускает из виду, что венгерская экономика в силу природно-климатических условий страны и народнохозяйственной традиции издавна была ориентирована не на развитие тяжелой индустрии, а скорее на производство продукции сельского хозяйства и легкой промышленности. Именно форсированная индустриализация, осуществлявшаяся под лозунгом «Превратим Венгрию в страну железа и стали!» до крайности истощила силы и ресурсы страны, довела до нищеты ее население. Понятно, что не венгерские коммунисты придумали теорию и политику социалистической индустриализации. Она была составным элементом сталинской модели автаркического социализма и краеугольным камнем стратегии распространения коммунизма. Модель предусматривала создание в каждой, ставшей на социалистический путь развития стране самодовлеющей, всесторонне развитой самообеспечивающейся экономики, костяком которой должна была стать тяжелая промышленность — металлургия и машиностроение. За реализацией этой политики бдительно следили сидевшие в венгерских государственных учреждениях высококвалифицированные советские специалисты-советники. Однако пока мы не располагаем весомыми доказательствами того, что форсированная, превосходившая силы и ресурсы страны индустриализация была навязана Венгрии Советским Союзом. Необходимы дальнейшие тщательные исследования, чтобы достоверно установить размер собственного «вклада» ракошистского режима в индустриализацию страны.

Критика Ракоши в «Очерках» весьма умеренна и осмотрительна, она строго дозирована, и местами щадящая. Речь идет только об «ошибках», трактуемых в книге следующим образом: «Особенно большие успехи в области социалистического переустройства сельского хозяйства были достигнуты к концу 1952 г. ... Однако в процессе кооперирования были допущены серьезные ошибки». В чем же состояли эти «серьезные ошибки»? В том, что крестьян насильно, под угрозой раскулачивания, загоняли в колхозы? Нет. Ничего подобного. «Ошибки», как говорится в книге, заключались в том, что социалистическое преобразование сельского хозяйства было запланировано завершить к 1954 г., а «стремление во что бы то ни стало выполнить план приводило к нарушению принципа добровольности и подрыву союза рабочих и крестьян». Имели место также «увлечение госпоставками, низкие заготовительные цены, а также перегибы в области прогрессивного налога» (с. 359). О том, что это «увлечение» обернулось всеобщей нищетой венгерской деревни, что у крестьян отбирали последние запасы продовольствия и даже семенной материал, что уклонявшимся от заготовок грозила тюрьма и высылка, — обо всем этом «Очерки» умалчивают.

Неконкретно и чересчур сдержанно, мягко говоря, освещены в книге сюжеты, связанные с деятельностью Ракоши и политическим террором. В первом случае автор ограничивается цитатой из решений VII съезда ВСРП, в которой говорилось, что в ходе строительства социализма, начиная с 1949 г., вокруг Ракоши сложился культ личности. «В прежние годы Матиас Ракоши сослужил добрую службу венгерскому рабочему классу, революционной борьбе венгерского народа. Однако после установления диктатуры пролетариата Ракоши и его узкая группа, ослепленные властью, отбросив ленинские нормы партийной жизни, нарушая законность искажали линию партии и причиняли делу социализма все больший ущерб». Однако несмотря на допущенные ошибки, утверждается в книге, 1950—1953 годы были годами «быстрого строительства социализма, напряженного творческого труда венгерского народа» (с. 359—360).

Однозначно негативно освещена в книге деятельность Надя. Не только в 1956 г., но и в 1953—1955 гг., когда он возглавлял правительство, «на политической арене появилась и стала играть решающую роль ревизионистская группа во главе с премьером, стремившаяся под предлогом исправления ошибок разложить партию» (с. 361). Премьер-министру ставится в вину, что он прекратил строительство ряда промышленных предприятий (не говорится о том, что сил и средств на их завершение у государства уже не было), что он дал, якобы, «сигнал реакции начать открытое наступление против кооперирования сельского хозяйства» (не упомянуто о том, что «реакцию» представляли сами крестьяне, которые начали покидать колхозы, как только стало возможным сделать это безнаказанно). Надь, который выступал в 1947—1948 гг. «против колхозного строя», а в 1948—1949 гг. защищал кулачество, в записках, подготовленных им в 1955—1956 гг. и опубликованных позднее на Западе, «проявил себя как ярый враг социалистического преобразования сельского хозяйства, проповедник старой ревизионистской теории мирного вращивания капитализма в социализм. В 1948 г. он выступил с «теорией» о том, что в Венгрии не диктатура пролетариата, а разновидность капитализма, что в ее экономике господствует госкапитализм. В 1953 г., придя к власти, он попытался осуществить свои «идеи» на практике, «саботировал» решения июньского 1953 года пленума, того самого, который принял его программу! К тому же Надь и его сторонники в своей подрывной антипартийной деятельности опирались «на различные внешние антипартийные силы и искали союза с реакционными группировками». Однако коммунистическая партия была начеку и сумела в марте 1955 г. исключить из своих рядов ревизиониста Надя и «резко осудить чуждые марксизму-ленинизму правые взгляды». Тем не менее предотвратить контрреволюцию не удалось. Причину автор усматривает в том, что против ревизионизма почти не велась идеологическая борьба, чем и воспользовалась «предательская группа Имре Надя», которая действовала заодно с Западом и пользовалась поддержкой «всех сил буржу-

азной реакции». Западные державы во главе с США «открыто и тайно, с помощью дипломатии и пропаганды, а также контрабандой оружия способствовали подготовке контрреволюционного мятежа» (с. 363). Несмотря на «подрывную деятельность» Надя, его, тем не менее, восстановили в партии, ввели в состав ЦК ВПТ, а 24 октября поставили во главе правительства. Причины не объяснены. И это логично. Ибо тогда пришлось бы что-то сказать о полном банкротстве режима, о провале почти миллионной партии, а также и о личной популярности Надя и его программы национального спасения. Единственное объяснение сводится к утверждению: «Первое время создавалось впечатление, что правительство Имре Надя готово принять решительные меры для подавления контрреволюционного путча» (с. 364). 30 октября Надь и его сторонники «сбросили с себя маску. Идя на поводу у империалистов Запада, осуществляя их требования», Надь стал добиваться выхода Венгрии из Варшавского пакта и образования многопартийного правительства, что, как считает автор, явилось бы первым шагом к реставрации власти помещиков и капиталистов. В таком же духе излагаются дальнейшие события, трактовка которых, — как и фактический материал — заимствованы целиком и полностью у официальной публикации, вышедшей в свет в Москве и Будапеште по свежим следам событий⁴.

Не лишено интереса освещение действий СССР в октябре-ноябре 1956 года. В главе дважды упомянуты советские войска — первый раз, 26 октября, в связи с их вводом в Будапешт по просьбе правительства ВНР, второй раз — в связи с их отводом из столицы. После этого о них больше не упоминается ни разу, как и о советском правительстве. Как только Надь денонсировал Варшавский пакт, провозгласил Венгрию нейтральной страной и обратился с просьбой о помощи к ООН, «намереваясь таким путем обеспечить переход страны в лагерь империализма» (!?), на сцену истории выходят откуда-то венгерские коммунисты. Они создают «революционный центр», то есть ЦК ВСРП и правительство Кадара-Мюнниха; это правительство, о формировании которого было «объявлено на рассвете 4 ноября 1956 г.», обратилось за помощью к СССР — когда, где и при каких обстоятельствах это правительство было создано, читатель оставлен в полном неведении, — «чтобы предотвратить вооруженное вмешательство западных империалистов и избежать гражданской войны» (с. 370). Автора не смущает то обстоятельство, что никаких признаков ни того, ни другого, ни в 1956 г., ни после не было⁵. В изложении трагических событий ноября-декабря автор предельно лаконичен: «Благодаря братской помощи советского народа контрреволюционный мятеж был подавлен». Больше ничего, ни единого слова о боях, о разрушениях, репрессиях, о политических забастовках пролетариата в ноябре — декабре, конечно, о вероломной акции спецслужб СССР по захвату членов законного правительства суверенной Венгрии, о процессе и казни Имре Надя и его товарищей.

Официозную версию событий 1956 г. в Венгрии во многом повторяет монография П. П. Безушко «Консолидация революционных сил и строительство социализма в Венгрии 1956—1958» (М. 1971). События в Венгрии 1956—1958 гг., пишет автор, во-первых, «ознаменовались консолидацией революционных сил», а, во-вторых, «разгромом руководимой извне контрреволюции» (с. 3). Иными словами — консолидация была не только начинающая с 1958 г., как гласит официальная коммунистическая точка зрения, но и в течение всего 1956 г., когда еще не все очаги вооруженного сопротивления оккупационным силам и карателям в стране были подавлены. События 1956 г. объясняются главным образом недостаточной классовой «сознательностью части рабочих», изменением состава пролетариата в ходе форсированной индустриализации 1949—1956 гг., когда в него влился в значительном количестве «классово чуждый элемент» из рядов деревенской и городской мелкой буржуазии. Но и эти «объективные» факторы упоминаются мимоходом, как бы скороговоркой. Предпочтение отдается разоблачению «предательской ревизионистской клики Имре Надя», которая преднамеренно дезорганизовала и дезориентировала пролетариат Венгрии,

ввела его в заблуждение, помешав ему выполнить свою историческую миссию. И только вышедшая на сцену Венгерская социалистическая рабочая партия во главе с Кадаром, пишет П. П. Безушко, возглавила «героическую борьбу венгерского рабочего класса... за нормализацию экономической и политической жизни страны, за ликвидацию последствий контрреволюционного путча» (с. 12). Возобновление деятельности «марксистско-ленинской партии» было в глазах автора «решающим условием социалистической консолидации». В книге есть специальный раздел «Венгерский ревизионизм — агентура империализма». Автор пишет: «Прежнее руководство во главе с М. Ракоши допустило много грубых ошибок и промахов в строительстве партии... Чрезмерно увеличился аппарат освобожденных партийных работников... Ослабла бдительность, почти не велась борьба с буржуазной идеологией. В то же время партию изнутри подрывала ревизионистская фракция Надя — Лошонци» (с. 41—42). Таким образом одних, то есть сторонников Надя автор заклеил как агентов империализма, преступников, других, то есть ракошистов лишь пожурил за промахи и ошибки.

В освещении венгерской политики Советского Союза, действий его вооруженных сил на территории Венгрии, Безушко весьма лаконичен. Нет ни единого упоминания ни о Заявлении советского правительства, ни о советской вооруженной интервенции: «Советские войска, выполняя просьбу правительства, принимают участие в наведении порядка» (с. 68). «Социалистические силы народной Венгрии вместе с частями Советской Армии, которые призвало на помощь Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии, самоотверженно выполнили свою задачу» (с. 89). Из дальнейшего изложения вытекает, что в общем-то особой нужды в советском вторжении и не было, ибо в стране «имелись значительные силы, готовые защищать социалистическую родину, но они были разрозненны, а их организация и введение в бой требовали много времени». Поэтому правительство Кадара — Мюнниха решило прибегнуть к «братской интернациональной помощи» Советского Союза исключительно в гуманных целях, чтобы избавить Венгрию от «еще большей потери крови» (там же).

Образование правительства Кадара — Мюнниха, по утверждению автора, произошло в результате того, что бывшие министры кабинета Надя А. Апро, Я. Кадар, И. Кошша и Ф. Мюнних 1-го ноября 1956 г. «проявили инициативу по созданию Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства» (с. 97). Таким образом, автор умолчал и об операции «Вихрь», о визите Хрущева с Маленковым на остров Бриони к Тито, о спорах вокруг кандидатур на пост венгерского премьера Мюнниха и Кадара, о нервных донесениях советского посла Ю. В. Андропова из Будапешта, предшествовавших советской военной интервенции, о подготовке плана военных действий под руководством маршала Г. К. Жукова, последнем визите Кадара в советское посольство в ночь на 1 ноября и тайственном его исчезновении, о действиях генерала Ивана Серова и его людей, сумевших вывезти будущего венгерского лидера в Мукачево, Ужгород и Москву. Вместе с тем в книге много фактического материала об «антивенгерской подрывной деятельности» Запада — американского империализма, ЦРУ, Комитета свободной Европы, радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». Приведенный в книге материал почерпнут в основном из пропагандистских венгерских официальных публикаций, а также из литературы 1950—1960-х годов ⁶.

На рубеже 60—70-х годов по рассматриваемой теме вышло еще несколько исследований. Так, в монографии Л. Н. Нежинского «Очерк истории народной Венгрии (1948—1962)», (М. 1969), событиям 1956 г. уделено большое внимание. Сконцентрировано оно, однако, преимущественно на ликвидации последствий восстания и «консолидации революционных сил венгерского народа», причем по авторской хронологии консолидация завершается уже в декабре 1957 года. В. Л. Исраэлян (в соавторстве с Н. Н. Николаевым) принадлежит одна из самых ранних советских работ, написанных по горячим следам событий осени 1956 г. в Венгрии ⁷.

В. А. Крючков, занимавший в конце 80-х годов пост председателя КГБ СССР, в 50-х годах являлся советником посольства СССР в Будапеште. Вернувшись в Москву вместе со своим шефом, Андроповым, он и выступил в роли одного из первых советских летописцев венгерских событий⁸. В начале 70-х годов вышел III том коллективной монографии «История Венгрии» (М. 1972), в котором глава «Контрреволюционный путч и его разгром (осень 1956 г.)» написана Безушко, а глава «Строительство основ социализма в Венгрии (1948—1956)» — Нежинским; среди авторов тома также Крючков и Пушкаш. В томе говорится о борьбе за консолидацию внутреннего и укрепление внешнеполитического положения страны осенью 1956 г. и в 1957 г., о состоявшейся в конце июня 1957 г. Всевенгерской конференции ВСРП, на которой партия Я. Кадара подводила первые итоги своей «работы», о подрывной деятельности ревизионистов, оживлении контрреволюционного подполья и клерикальной реакции, о действиях империалистов США против ВНР. Тем не менее этим томом как бы был завершён первый этап советских исследований по венгерскому 56 году. В нём меньше пропаганды и больше фактического материала.

В 70—80-х годах советская и венгерская официальная историография стали постепенно отходить от прежних догматических оценок событий 1956 г. в Венгрии. Исчезли резкая критика в отношении «идейных противников», оголтелые оценки. На первый план вышла ранее приглушенная критика сектантско-догматической линии ВПТ, более сдержанной стала критика оппортунизма-ревизионизма. Но суть концепции «контрреволюционного мятежа» долгое время оставалась неизменной. И никто в то время не осмеливался поставить под сомнение законность судебной расправы над Имре Надем.

Как правильно пишет А. С. Стыкалин, до рубежа 1990-х гг. в нашей историографии также (как и в венгерской историографии. — *Т. И.*) доминировал «однобокий, тенденциозный подход к изучению венгерских событий 1956 г.». Он полагает, что «первым шагом к преодолению прежних стереотипов явился выход в 1993 г. коллективных трудов «Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса» и «Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе»⁹. Между тем, пересмотр старых охранительно-догматических позиций начался несколькими годами раньше. В этом смысле не лишена историографического интереса написанная Пушкашем глава («Преобразование политического строя народной демократии. Успехи и просчеты») в одномомнике «Краткая история Венгрии», которая подготавливалась в 80-х годах, но свет увидела лишь в 1991 году. В ней наряду с безусловно устаревшими даже для советской историографии начала 90-х годов подходами содержатся и новые моменты: воспеваются не только трудовой энтузиазм масс, «самоотверженный труд народа», «успехи» в выполнении 5-летнего плана, но и, например, приводится утверждение о невозможности социалистического преобразования сельского хозяйства «без мер принуждения и репрессий в короткий период», напомирование о том, что «судебно-полицейским дознаниям в ходе ограничения кулачества подверглась каждая четвертая крестьянская семья»¹⁰. Нашлись у Пушкаша добрые слова и в адрес Надя, который «выступал за реформы и обновление социализма» (с. 465), не вредил социализму и народной власти, как утверждалось ранее, и который держал «курс на демократизацию социализма». Более того, автор делает еще более значительный шаг навстречу новым веяниям, достаточно трезво оценивая альтернативы 1953—1955 годов: «Появилась иллюзия возможности в тех условиях в пределах Венгрии решительно порвать со сталинской моделью социализма и его уродливой ракошистской разновидностью» (с. 467).

Однако полностью дистанцироваться от своей старой концепции автору так и не удалось. Вот как им трактуется венгерский 1956-й год: «События 1956 г. ...фактически вылились в гражданскую войну. В нее оказались вовлеченными советские войска. Позднее эти события квалифицировались официальными властями и пропагандой как контрреволюционный мятеж, подготовленный и осуществленный классовыми врагами в союзе со

спецслужбами Запада при активном участии ревизионистов во главе с Имре Надем» (с. 470). Вместе с тем автор утверждает: «антисоциалистические силы» «изначально ориентировались на свержение народно-демократического строя и реставрацию буржуазных порядков. Эти силы и представлявшиеся ими тенденции присутствовали в движении с самого начала» (с. 472). Не изменился способ изложения хода восстания: все те же контрреволюционеры и империалисты, все тот же «неслыханный разгул контрреволюционных сил», «террор» и «расправы над коммунистами», и наконец, «опасность расширения всеобщей гражданской войны», от которой нацию спасает Я. Кадар во главе «с верными социализму силами». Советское правительство, естественно, «учитывая просьбу коммунистов Венгрии», решает «оказать помощь революционным силам в защите социализма в Венгрии» (с. 476—477). От концепции контрреволюции автор вроде бы отказался, но концепцию восстания (народного восстания, революции), явно не принял, удовлетворившись тем, что оценил 56-й год как «одну из величайших трагедий, пережитых Венгрией в XX в.» (с. 478).

В статье Пушкаша в сборнике «Венгрия 1956 года»¹¹ день за днем, а в ряде случаев по часам и даже минутам, рассматриваются события 1956 года. Эта статья одна из лучших в сборнике, да и вообще в творческой биографии автора. Контраст по сравнению с предыдущей его работой, с главой в однотомнике «Краткая история Венгрии», слишком велик, чтобы его не заметить. Обе работы вышли почти одновременно — в 1993 г., но в статье отчетливее проявляется влияние происшедших как в нашем обществе, так и в устроениях перемен. Налицо явное стремление быть максимально объективным. Отсюда и иной выбор источников — широкое использование свидетельств печати, текстов радиопередач, воспоминаний А. Хегедюша и других участников событий 1956 года. В статье широко представлена венгерская провинция, а не только один Будапешт, как в подавляющем большинстве других работ.

Пушкаш едва ли не единственный специалист, который не замалчивает преданную забвению историографией Декларацию правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами от 30 октября 1956 года. В этой декларации СССР, как известно, торжественно обещал строить свои отношения с «братскими странами» «на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга». Он далее изъявил готовность вступить в переговоры с ВНР и другими членами Варшавского пакта «о пребывании советских войск в Венгрии» (с. 97). При этом автор избегает каких-либо комментариев, но вместе с тем неоднократно упоминает о «массовых убийствах», о тревоге «прогрессивной, прежде всего коммунистической общественности мира» «в связи с бушевавшим террором в Венгрии» (с. 102—103). Таким образом, автор объективно пытается обосновать советскую интервенцию. Он предпочитает говорить о «помощи» «в спасении народно-демократического строя», о том, что «в борьбе за власть группа И. Надя сначала использовала контрреволюционные силы, но затем справиться с ними не смогла» (с. 106).

Поворот российской историографии от старой, советской концепции венгерских событий, в основе которых лежал мощный взрыв народного возмущения деспотическим режимом и национальной униженностью, от жалких попыток объяснить восстание ошибками и просчетами режима, а главным образом подрывной деятельностью правых оппортунистов (ревизионистов) и западных держав, к принципиально новой интерпретации связан с появлением в 80—90-х годах новых исследований отечественных историков.

В числе первых за более объективный подход к рассмотрению венгерского восстания и отказ от односторонней его оценки как контрреволюции выступил В. Л. Мусатов¹². Он признает, что действия Советского Союза

в Венгрии в 1956 г. носили «несомненно противоправный характер». Эти действия, по его мнению, «были вынужденными и по существу в условиях жесткой политической и идеологической конфронтации с Западом и обстановки внутри страны другой альтернативы не имели. Иначе начался бы процесс цепной реакции во многих соцстранах. Вне всякого сомнения рассматривать советскую интервенцию вне общемирового контекста глобальной «холодной войны» занятие бессмысленное и контрпродуктивное; непримиримое противостояние Восток-Запад имело свою особую логику и диктовало обеим сторонам свои правила игры». Это так. Однако мотивация вряд ли будет полной, если в систему доказательств и аргументации не будут включены в качестве столь же реального и действенного фактора интересы СССР как великой державы, его стратегические, военно-политические, геополитические и прочие интересы. Анализируя движущие силы венгерского восстания Мусатов приходит к выводу, что наряду с недовольством основных масс населения авторитарным режимом, стремлением к свободе и независимости, росту общественных выступлений способствовала фракционная борьба внутри верхушки компартии, приведшая к быстрому коллапсу власти. Все три фракции в компартии — Герё, Надя и Кадара вначале поддерживали ввод советских войск, надеясь с их помощью сохранить режим. Увидев, что восстание ширится, а они сами теряют способность управлять событиями, бывшие союзники — Надя и Кадар разошлись в вопросе о способах разрешения кризиса. Так образовались две политические линии. Выбор Москвой военного решения в опоре на созданное ею же правительство Кадара определил дальнейшее 30-летнее развитие Венгрии. У режима Кадара, полагает автор, была «пусть небольшая, но все-таки реально существовавшая социальная база. Без этого консолидация в Венгрии была бы невозможна, на одних советских штыках ее никто бы не поддержал».

В 1988 г. в журнале «Иностранная литература», № 9, в рубрике «Публицистика» была опубликована небольшая статья Желицкого. Она представляет собой нечто среднее между рецензией и послесловием к опубликованному в двух предыдущих номерах журнала фрагментов книги «1956» известного венгерского писателя Л. Дюрко¹³. Не ограничиваясь высокой оценкой работы Дюрко, автор излагает собственные взгляды на события 1956 г. в Венгрии. При этом он делает упор на внутренние факторы венгерского кризиса, и в первую очередь, на серьезные ошибки и искажения, связанные с административно-бюрократическими методами руководства ВПТ. В то время очень важно было сообщить советскому читателю, что «подавляющее большинство участников массовых выступлений (и не только студентов) не были контрреволюционерами» (с. 191). Выводы и оценки Временного ЦК ВСРП от 5 декабря 1956 г. представляются Желицкому «в целом справедливыми»: «...декабрьское (1956) решение дало реальный и объективный анализ положения вещей, послужило серьезным основанием для реалистической политики ВСРП, принципиальной платформой, на которой произошла быстрая консолидация сил социализма в стране». Менее удачной является характеристика автором решений VII съезда ВСРП. «К числу важных уточнений относятся дополнения, внесенные VII съездом ВСРП (1959), где в отличие от декабрьского решения 1956 года группу Ракоши уже обвиняют не просто в ошибках, а в преступлениях, а группу Надя — в ревизионизме и предательстве...». Вольно или невольно автор сбивается на недифференцированный подход к двум течениям в ВСРП. В связи с выступлением Герё на июльском пленуме с призывом борьбы против обоих течений, Желицкий пишет: «Можно спорить, конечно, какая опасность, левая или правая, была большей, более актуальной, но к этому времени необходимость борьбы на два фронта стала очевидной» (там же). В 80-х годах, когда писались эти строки, стала еще более очевидной во всем международном коммунистическом движении борьба именно против левой, консервативно-сектантской опасности. Что же касается кадаровского лозунга борьбы на два фронта, то в 80-х годах она была не больше, чем пустой фикцией, если не лицемерной игрой в либерализм.

Ровно через пять лет, в 1993 г. вышел сборник «Венгрия 1956 года», в котором опубликованы две статьи Желицкого. В первой¹⁴ автор, опираясь на венгерские публикации конца 80 — начала 90-х годов, знакомит русского читателя с такими ранее не известными фактами: о десятках казненных и заточенных в тюрьмах неповинных людях по «делу Райка»; о повсеместном копировании советского образа жизни («советской модели»), о том, что систематическое вмешательство во внутренние дела Венгрии стало при Ракоши нормой государственной жизни. Полнее и более объективно изложена в статье реформаторская деятельность Надя в 1953—1955 гг., охарактеризованная как «первая попытка модернизировать систему репрессивно-директивного руководства, внедрить в нее демократические принципы» (с. 47). Во второй статье¹⁵ ход кризиса до 23 октября 1956 г. освещен автором с тех же позиций, что и в предыдущей.

Существенный недостаток сборника — отсутствие, по объективным, не зависящим от авторов причинам, оригинальных архивных материалов. Этот недостаток присущ и другому коллективному труду, выпущенному Институтом славяноведения и балканистики в 1993 г. при участии Желицкого¹⁶, хотя в начале 1990-х годов шла интенсивная исследовательская работа в московских архивах. Однако ко времени написания указанных выше работ обнаруженные авторами документы еще не были рассекречены и потому и не могли быть использованы в их статьях. Этими двумя сборниками завершился второй, переходный от консервативно-охранительных, сектантско-догматических трактовок в духе квази-марксистской социологии этап советско-российских исследований по венгерскому 1956 г. к методологически и методически новым подходам.

Новый, 3-й этап, развития отечественной историографии по проблемам 1956 г. характеризуется двумя важными факторами. Это, во-первых, введение в научный оборот крупных массивов документов ведущих московских архивов вплоть до самого недоступного из них — «Президентского архива». И это, во-вторых, утверждение в исторических трудах российских хунгаристов в качестве доминирующей тенденции концепции «восстания», «народного восстания», «революции» в противовес не выдержавших испытания временем взглядам, согласно которым события осени 1956 г. квалифицировались как «контрреволюционный мятеж».

Несостоятельным в принципе оказался и тезис об «антисоциалистическом путче». В свое время этот тезис был отвергнут по чисто политическим и идеологическим соображениям, можно сказать в благородных целях реабилитации восстания от нападок справа. Но сегодня, когда некоторые специалисты склонны ставить знак равенства между двумя этими понятиями, это не может не породить определенных, достаточно обоснованных сомнений. В определении «антисоциалистический» известная доля истины, несомненно, имеется. Ибо не замечать в венгерском движении 1950-х годов с его сложной социально-политической структурой наличия элементов, групп и лиц, ориентировавшихся на принципиальное отрицание социализма как такового, социализма любой модели и оттенка вплоть до демократического, гуманного, «с человеческим лицом», подлинно национального и т. д., не менее антинаучно и необъективно, как и прежняя господствовавшая в СССР и ВНР официальная трактовка. Наивно думать, что кардинал Миндсенти, Отто Габсбург или люди подобного им социального происхождения и соответствующего мировоззрения могли стать сторонниками даже реформированного социализма. Да и массы, точнее достаточно большие группы населения не приняли, как показывает главный исторический итог XX века, ни сплошной коллективизации, ни обобществления значительной части средств производства, ни тотального вытеснения рыночных отношений, то есть имманентно присущего социализму принципиального отрицания частной собственности, поглощения индивида коллективом, подавления индивидуальности. В этом смысле и надо признавать в венгерском восстании и видеть в нем наряду с социалистической, также и побочную антисоциалистическую тенденцию, хотя она и не стала господствующей, а вера в потенции социалистической идеи не была еще тогда дискредитирована. В важнейшем для развития исследований деле выявления, археографической

обработки, систематизации и публикации новых первоисточников по теме «СССР и Восточная Европа в 1940—1960-х гг.» большая заслуга принадлежит сотрудникам институтов Российской академии наук (всеобщей истории, а также славяноведения и балканистики) и работникам московских архивов (РЦХИДНИ, ЦХСД, АВП РФ, ГАРФ, а также ведомственных архивов ряда других министерств и государственных учреждений бывшего СССР). Однако первые две публикации наших архивных документов были осуществлены не в Москве, а в Будапеште на венгерском языке: «Недостающие страницы» и «Досье Ельцина». Они хорошо известны и потому не нуждаются в подробном анализе¹⁷. Почти одновременно Желицкий опубликовал в Москве обширную статью с небольшой подборкой документов венгерских и советских архивов, дающих представление об узловых моментах истории восстания¹⁸. В другой статье Желицкого также на основе архивных документов освещены закулисные действия советского руководства в Венгрии летом и осенью 1956 года¹⁹. Заслуживает внимания одна из его новейших работ — исследование, представляющее собой систематический анализ всего хода венгерского кризиса²⁰.

Интересные документы из архива Министерства обороны приведены в статье А. И. Кырова и Желицкого, где убедительно доказано, что в те самые дни и часы, когда высокопоставленные партийные и государственные представители СССР вели переговоры с венгерским руководством, в штабах Советской Армии с конца октября до начала ноября 1956 г. шла лихорадочная подготовка к нанесению последнего решающего удара по мятежной Венгрии²¹. Складывается впечатление, что остановить движение громадной военной машины, запущенной в первых числах ноября 1956 г., уже ничто не могло. «Военная целесообразность» была, вероятно, одной из причин, исключившей политическое решение советско-венгерского конфликта в 1956 году. Это подтверждается новыми документами, которые вводит в научный оборот А. И. Кыров в статье «Советская карательная экспедиция в Венгрии». В статье «В преддверии взрыва» А. С. Стыкалин стремится поставить венгерское восстание в более широкие рамки мирового исторического процесса, выявить его значение для внутреннего развития СССР, его роль в судьбах начатой XX съездом КПСС «хрущевской перестройки». Прав автор, когда утверждает, что восстание было ярчайшим проявлением глубокого кризиса мировой социалистической системы и советской модели социалистической организации общества, а его вооруженное подавление подтвердило бессилие или неспособность системы решать свои проблемы ненасильственными методами. Вряд ли однако правомерно квалифицировать карательную операцию Советской Армии в Венгрии в конце 1956 г. как войну, или как выражается автор, «по сути дела первую войну между социалистическими государствами» (с. 2)²².

Войны не было, ни первой, ни второй, а была скоротечная экспедиция, одностороннее подавление разрозненных, не имевших общего руководства очагов сопротивления, довольно быстро уничтоженных; не было не только соответствующей международно-правовой акции со стороны законного правительства Венгрии, но не было даже какого-либо приказа или распоряжения венгерских властей Венгерской народной армии или полиции оказать вооруженное сопротивление армии вторжения Советского Союза.

Было другое. Советское руководство готовило эту свою акцию как войну. Естественно, без формального объявления. Как это произошло в Афганистане, когда СССР в течение десяти лет вел войну, не объявляя ее. Сам характер дипломатических и военных приготовлений Москвы дает основания предполагать, что речь шла о подготовке настоящей войны, даже большой войны, с возможным вовлечением в нее третьих государств. Дипломатически она была тщательно подготовлена благодаря переговорам с социалистическими странами, среди которых особо важное значение имело обеспечение поддержки со стороны Югославии и Китая. Кыров показывает, что судя по масштабам — привлечение нескольких военных округов — и тщательности и всесторонности военных приготовлений, общее руководство которыми было поручено маршалу Жукову, готовилась именно полномасштабная война.

Иными словами, несмотря на достаточно ясные и однозначные американские гарантии, Москва считалась с возможностью большого военного конфликта, хотя прекрасно была осведомлена о неспособности практически безоружной Венгрии противостоять непомерной военной мощи СССР и его потенциальных союзников.

Венгерское восстание 1956 г. уже вошло в историю уходящего XX в. как самое крупное массовое выступление против коммунистической системы советского образца. Вне всякого сомнения, несмотря на обширную историографию, исследование проблем советской политики в Восточной Европе, в том числе и венгерского восстания, будет продолжено. Не следует, однако, преувеличивать положительное значение открытия важнейших новых источников в отечественных архивах для полноценного освещения этих событий. Предстоит их глубокое осмысление и сопоставление с опубликованными документами и архивными материалами Венгрии и других стран.

Примечания

1. О венгерской исторической литературе см. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Венгрия 1956 года. Эволюция оценок венгерских историков. // Новая и новейшая история, 1992, № 3; ЕГО ЖЕ. Венгерские события 1956 года (в свете венгероязычной историографии). // Политические кризисы и конфликты в Восточной Европе. М. 1993.
2. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Политические кризисы, с. 56.
3. См. об этом СТЫКАЛИН А. С. Венгерская культура в середине XX века (От Хорти до Кадара). М. 1991.
4. См. Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Изд. информбюро Совета министров ВНР. Ч. I—III. М. 1956—1957; Ч. IV. Будапешт. 1957; VII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М. 1960; см. также: Ellenforradalom Magyarországon 1956: Nagy Imre es bűntársai ellenforradalmi összeesküvése. Budapest, e. n. (без года).
5. Автор мог не знать лишь о том, что правительство США, продолжая в делах Восточной Европы потсдамскую линию, используя различные дипломатические каналы сумело довести до сведения Кремля о своей решимости сохранить полный нейтралитет в отношении возможных советских акций в Венгрии, дав таким образом Москве *carte blanche* на расправу над мятежной страной.
6. Az imperialisták kém-és diverziós tevékenysége és ellenforradalmi szervezkedése a Magyar Népköztársaság ellen. — Ellenforradalom Magyarországon. I. k. Budapest. 1958; Nagy Imre és bűntársai ellenforradalmi összeesküvése. Bp., e. n.; HOLT R. T. Radio Free Europe. Minneapolis. 1958; HOLT R. T., VAN DE VELDE R. W. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy. Chicago Univ. Press 1960; APTHEKER H. The Truth about Hungary. N. Y. 1957; BERCZ J. Ellenforradalom tollal és fegyverrel. 1956. Bp., 1969; HOLLOS E. Kik voltak, es mit akartak? Bp., 1958; MOLNAR J. Ellenforradalom Magyarországon. 1956. Bp., 1967; MOLNAR M., NAGY L., NEMES D. A magyarországi revizionizmus kifejlődése mint az ellenforradalom eszmei előkészítésének szerves része // Tarsadalmi Szemle, 1958, № 1; НЕМЕШ Д. Ревизионизм и контрреволюция в Венгрии. // Новая и новейшая история, 1958, № 6; КАДАР ЯНОШ. Избранные статьи и речи (1957—1960 годы). М. 1960.
7. ИСРАЭЛЯН В. Л., НИКОЛАЕВ Н. Н. Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 г. // Вопросы истории, 1957, № 12; см. также ИСРАЭЛЯН В. Л. и НЕЖИНСКИЙ Л. Н. Новейшая история Венгрии. М. 1962.
8. КРЮЧКОВ В. А. Строительство социализма в Венгерской Народной Республике (1957—1962 гг.) // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М. 1963.
9. СТЫКАЛИН А. С. В преддверии взрыва. // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М. 1997.
10. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М. 1991, с. 460—462.
11. ПУШКАШ А. И. Двенадцать дней осени 1956 г. (23 октября — 4 ноября). // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М. 1993.
12. МУСАТОВ В. Л. В поисках истины. // Новое время, 1989, № 24; Операция «Вихрь». // Там же, 1991, № 49; Венгрия в 1956 г. // Кентавр, 1992, № 1; СССР и венгерские события 1956 г. // Новая и новейшая история, 1993, № 1; МУСАТОВ В. Предвестники бури. Политичес-

- кие кризисы в Восточной Европе. (1956—1981). М. 1996; Szovjet források a magyar 1956-gol // Historia, 1992, № 2; Szovjetunió es a magyar 1956 // Multunk, 1992, № 2.
13. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Уроки современной трагедии. Заметки историка. — Иностранная литература, 1988, № 9.
 14. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Назревание общественного недовольства и политического кризиса в Венгрии в первой половине 50-х годов. Попытки и упущенные возможности его преодоления. Опасное накопление противоречий. Основные причины роста социально-политической напряженности в венгерском обществе на рубеже 40—50-х годов. // Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М. 1996.
 15. ЖЕЛИЦКИЙ Б. Й. Временное торжество и крах ракошизма. «Новый» политический курс и дальнейшее углубление кризиса в Венгрии (март 1955 — октябрь 1956 г.). Там же.
 16. См. Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. М. 1993. В сборник по интересующей нас теме включены следующие работы: ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Венгерские события 1956 г. (в свете новейшей венгероязычной литературы); СТЫКАЛИН А. С., СЕРЕДА В. Т. Из истории одного противостояния: Союз венгерских писателей в общественно-политической борьбе середины 50-х годов.
 17. Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SzKP KB levéltárából. Összeállította V. Szereda és A. Szytkalin. Bp. 1993; Jelcin-dosszie. Bp., 1993.
 18. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Восставшая Венгрия — реакция советского партийно-государственного руководства (в документах и материалах 1956 года). // Русский Архив, 1993, № 4; с использованием архивных материалов Желицки опубликовал в 1993—1994 гг. еще две статьи: «События 1956 г. и отклик на них студенчества Москвы» // Власть и интеллигенция. М. 1994. В ней показана реакция студентов МГУ и других московских высших учебных заведений на вооруженную интервенцию СССР в ноябре 1956 года. Вариант этой статьи на венгерском языке см. Moszkvai diák megmozdulás // Magyar Nemzet, 6.XI.1993.
 19. ZSELICKY BELA. Moszkva — Budapest: 1956 (A felső szintű szovjet-magyar kapcsolatok történetéhez // MULTUNK, 1994, № 3.
 20. ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Будапешт — Москва: год 1956-й. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М. 1995. К этой работе примыкают как по материалу, так и концептуально следующие его статьи: Янош Кадар: превратности судьбы. // Бывшие «хозяева» Восточной Европы. М. 1995; Элита партийной власти о характере и содержании событий 1956 г. в Венгрии. // Славяноведение, 1996, № 3 (она интересна попыткой автора определить мотивы, побудившие руководство ВСРП пойти на фальсификацию истории восстания и охарактеризовать его как контрреволюционный мятеж).
 21. KYROV A. I. — ZSELICKY B. J. Adalékok a szovjet hadigépezet az 1956-os magyarországi mvázijának történetéhez // Hadtörténeti Közlemények, 1996, № 3; Idem. Die ungarische Krise vom Jahre 1956 und die Reaktion der Sowjetischen Führung und der Armee. // Das internationale Krisenjahr 1956 (Polen, Ungarn, Suez). Berlin — Potsdam. 1996.
 22. КЫРОВ А. И. Советская карательная экспедиция в Венгрии. Хроника событий 1956 года по материалам советских военных архивов. // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М. 1997. В этот сборник включены также следующие статьи: ЖЕЛИЦКИ Б. Й. Венгерская осень 1956 года в донесениях западных дипломатов из Москвы и Будапешта; СТЫКАЛИН А. С. В преддверии взрыва.

У Не Вин

Н. А. Листопадов

У Не Вина смело можно назвать политическим долгожителем. Более трех десятилетий он командовал бирманской армией, четверть века фактически единолично правил страной. С 1988 г. бывший правитель Бирмы не занимает официальных постов. Однако престарелый политик по-прежнему оказывает влияние на политическую жизнь государства.

У Не Вин родился 24 мая 1911 г. в небольшом городке Паундале округа Пром, примерно в трехстах километрах на северо-запад от бирманской столицы Рангуна. Семья его принадлежала к числу довольно состоятельных. Отец — У По Кха служил налоговым инспектором, затем ушел в отставку и занялся вместе с женой До Ми Лей сельским хозяйством на собственной земле. На полях выращивались рис, арахис, кукуруза. У Не Вин был первенцем в семье. Отец дал сыну соответствующее имя — Шу Маун, что означает «зеница ока». У бирманцев нет ни фамилий, ни отчества, а только личное имя, которое дается в зависимости от дня рождения, по совету астролога. У Не Вин появился на свет в среду. Перед именем ставится слово, говорящее о возрасте и социальном статусе человека. Так, в детстве Шу Маун был Мауном Шу Мауном; в юности его имя имело добавление — Ко, а перед именем уважаемого мужчины обязательно употребляется — У, то есть «господин». В течение жизни может претерпевать изменения и само личное имя. Маун Шу Маун стал в конце концов У Не Вином и под этим именем вошел в историю. Отец У Не Вина слыл очень дружелюбным человеком, а мать отличалась хозяйственностью, бережливостью, имела предпринимательскую жилку¹. До Ми Лей учила первенца вести домашнюю бухгалтерию, готовить. С детских лет его любимым блюдом стала лапша-кхаусве, приготовленная на кокосовом молоке. Маун Шу Маун был прилежной нянькой для своей младшей сестры. Он стирал пеленки, мыл посуду. Отношения в бирманской деревне между крестьянами характеризовались патриархальностью. Большой разницы в образе жизни землевладельцев и наемных работников не было. Поэтому хозяйский сын Маун Шу Маун вместе с крестьянам трудился на сельскохозяйственных работах. В 60-е годы в Рангуне циркулировали слухи о китайском происхождении Не Вина, которые он назвал клеветническими. Не Вин утверждал в одном из выступлений: «...у трех или четырех поколений моих предков не было ни одной капли чужой крови. Я происхожу из очень ортодоксальной

Листопадов Николай Александрович — кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД РФ.

бирманской семьи, которая свято следовала бирманским традициям. В трехлетнем возрасте мне прокололи уши, и я, подобно другим бирманским мальчикам, рос с завязанными в узел волосами на голове до тех пор, пока не стал послушником в буддийском монастыре. Это тоже было сделано в строгом соответствии с бирманскими обычаями»². Маленький Шу Маун, как и все мальчики-буддисты, с бритой головой, в оранжевой тоге какое-то время прожил послушником в буддийском монастыре, получив начальные представления о буддизме. Дальнейшее образование он продолжил в средней школе расположенного неподалеку от Паундаля окружного города Прома. Учился Шу Маун хорошо, в чем ему помогала цепкая память. Увлекался спортом: играл в футбол, теннис, хоккей на траве. Шу Маун родился и рос в порабощенной стране.

1 января 1886 г. Бирма утратила независимость, стала колонией Великобритании, вернее, частью Британской Индии. Бирманцы не могли смириться с потерей свободы. Антиколониальная борьба прошла несколько этапов. 20-е годы стали свидетелями подъема национального самосознания. В сентябре 1920 г. возникла первая бирманская политическая организация — Генеральный совет бирманских ассоциаций (ГСБА). По всей стране активизируется деятельность местных отделений ГСБА — «вунтану атинов» — патриотических обществ. Отец Шу Мауна, как влиятельный в округе человек, был знаком со многими видными политиками того времени, руководителями ГСБА: У Чит Хлайном, У Ба Пе, У Тун Шейном, доктором Ба Мо. Они останавливались в доме У По Кха во время поездок по стране. Шу Маун слушал их продолжительные беседы, дискуссии на политические темы. Но политика старшекласника интересовала мало. Он хотел стать врачом.

В июне 1929 г. после окончания средней школы Ко Шу Маун отправляется в Рангун, где поступает в университетский колледж на естественное отделение, с главным предметом — биологией. Окончание колледжа открывало перед ним дорогу в медицинскую школу, к профессии врача. Студент из провинции жил в общезитии. Много времени он уделял английскому языку; регулярно вел дневник на этом языке. Среди преподавателей и профессоров преобладали англичане и индийцы. Как и в школьные годы, Шу Маун много занимался спортом, отдавая предпочтение футболу и хоккею на траве. Любил слушать музыку, особенно бирманские классические песни. Сам обладал хорошим слухом. Сдружился с известными поэтами У Тейн Ханом и У Вуном. Множество стихов Шу Маун запомнил наизусть на всю жизнь. Время учебы Не Вина в колледже — 1929—1931 гг. — совпало с активизацией антиколониальных выступлений. В 1930 г. создается организация «Добама Асиайон» («Наша Бирма»), положившая начало известному движению такинов. Члены организации обращались друг к другу со словом «такин», что значит «хозяин». До этого на подобное обращение имели право только англичане. Называя себя такинами, бирманцы тем самым подчеркивали, что именно они, а не колонизаторы, являются подлинными хозяевами страны. В этом же году организуется Всебирманская Лига молодежи, начинается крестьянское восстание под руководством Сая Сана. Рангунский университет не остается в стороне от политической жизни страны. Шу Маун горячо сочувствует идеям национального освобождения, но участия в бесконечных студенческих дискуссиях практически не принимает. Будучи человеком прагматичным, реалистом, он скептически относится к таким кампаниям, как бойкот западной одежды, призывы курить только местные сигары — чаруты.

На выходе из колледжа в марте 1931 г. Шу Мауна постигла неудача, первая в жизни. Среди его преподавателей двое отличались особенной строгостью: профессор химии Д. Пикок и профессор биологии Ф. Месгитт. На выпускном экзамене по биологии Шу Маун провалился. Путь в медицинскую школу оказался закрытым. Пришлось поставить крест на карьере врача. Началась новая полоса в жизни неудавшегося доктора. Шу Маун пробует себя в роли предпринимателя, пытается наладить торговлю древесным углем, но опять его преследует неудача. Дело прогорает. Пришлось

устроиться служащим на почту. Дядя Шу Мауна Такин Ньи активно участвовал в движении такинов. Под его влиянием племянник вовлекается в деятельность «Добама Асиайон». Теперь его называют Такин Шу Маун. Младший брат Шу Мауна — Хла Тун тоже стал такином. Будучи членом «Добама» бывший студент занимается организационными вопросами, работает в газетах такинов как редактор, корректор и распространитель. Любопытно, что Шу Маун участвовал в издании на бирманском языке «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса: помогал сверять английский и бирманский тексты, корректировал опечатки³. В целом, «Манифест» не произвел на Шу Мауна большого впечатления, однако подтолкнул к мысли о необходимости построения справедливого общества. Бирманские политики в то время испытывали влияние самых различных идей: от марксизма-ленинизма до фашизма. В организации «Добама Асиайон» существовали две ведущие фракции. Члены одной из них группировались вокруг писателя и публициста Такина Кодо Хмайна. В эту фракцию входили будущий лидер национально-освободительного движения генерал Аун Сан, будущий премьер-министр У Ну. Группировка Такина Кодо Хмайна ориентировалась на левые идеи, опыт Советского Союза. Такин Шу Маун же принадлежал к фракции Ба Сейна — Тун Оука, склонявшейся к правому национализму. Лидеры этой группировки внимательно присматривались к методам захвата власти Муссолини и Гитлером.

Главную пользу своей организации Шу Маун приносит, трудясь на почте, где он имел возможность читать телеграммы и переписку колониальных властей и полиции и быть в курсе их намерений. Наверное, еще с той давней поры Не Вин хорошо усвоил истину: выигрывает тот, кто владеет наибольшим объемом информации. По крайней мере, созданные им впоследствии могущественные секретные службы действовали четко. Информацию Шу Маун собирал везде, где только возможно: на почте, ипподроме (он увлекался верховой ездой). Помогали ему коммуникабельность, наличие многочисленных друзей и знакомых в разных слоях общества. Лидер фракции Такин Ба Сейн скрывался от полиции с помощью Шу Мауна. Некоторые руководители такинов пришли к выводу о целесообразности установления контактов и налаживания сотрудничества с Японией, чтобы с ее помощью изгнать англичан. Таким деятелям, как Такин Ба Сейн и Такин Тун Оук импонировали выдвигавшиеся японцами идеи типа: «Сфера совместного процветания Великой Восточной Азии» и «Азия — для азиатов». С началом второй мировой войны такинами был взят на вооружение лозунг: «Трудности для Англии — шанс для Бирмы». Со своей стороны, японская разведка активно работала в Бирме, занимающей важное стратегическое положение на границах с Индией и Китаем. Фракция Ба Сейна — Тун Оука и японцы провели ряд тайных встреч. Английские колониальные власти между тем усилили меры безопасности. Принимается закон об обороне Бирмы. Аресту подвергаются ряд политических деятелей. В этих условиях осенью 1940 г. Шу Маун увольняется с почты и, чтобы избежать ареста, на время уезжает на родину, в Паундале. К тому времени его мать уже умерла. Она очень переживала неудачу сына в колледже, беспокоилась за судьбу первенца, считая, что тот бесцельно проводит время в Рангуне.

Фракция Ба Сейна — Тун Оука, трансформировавшаяся к 1940 г. в Народно-революционную партию, в числе прочих молодых бирманцев отбирает Такина Шу Мауна для поездки в Японию, где они должны были пройти военную подготовку и создать костяк освободительной армии. Отбытие из Рангуна напоминало детективную историю. Одиннадцать патриотов проникли на стоящий у причала Рангунского порта японский корабль. Несколько дней они провели в тесном кубрике без вентиляции. Наконец, 8 июля 1941 г. судно отплыло, взяв курс вначале на Шанхай, а потом — на Японию. Военную подготовку бирманцы проходили на китайском острове Хайнань. Такин Шу Маун прибыл туда с последней партией курсантов. Аун Сан, который безуспешно пытался установить контакты с китайским сопротивлением, тоже вынужден был пойти на

сотрудничество с японцами. К моменту прибытия на остров Шу Мауна он уже находился там вместе с другими бирманскими патриотами. Всего стало обучаться 30 человек. Они вошли в бирманскую историю как «30 товарищей». Занятия были очень изматывающими, так как длились с раннего утра до позднего вечера. Тяготы военных тренировок осложнялись трениями внутри самой группы, члены которой принадлежали к различным группировкам организации «Наша Бирма». Непросто складывались отношения между Аун Саном, ставшим непререкаемым лидером «30 товарищей», и Шу Мауном. Сказывались не только фракционные различия, но и несхожесть характеров и привычек. Если Аун Сан был пуританином по натуре, то Шу Маун питал склонность к любовным похождениям, азартным играм. Аун Сан отличался прямоотой, Не Вин считался некоторыми из товарищей расчетливым и хитрым⁴. И все-таки, интересы общего дела возобладали, и «30 товарищей» сохранили единство.

В октябре 1941 г. учебный лагерь переместился с Хайнани на Формозу (Тайвань). Через некоторое время бирманцы перебрасываются в Бангкок. 26 декабря 1941 г. объявляется о создании Армии независимости Бирмы (АНБ). В этот торжественный день по предложению Аун Сана «30 товарищей» взяли громко звучащие, вдохновляющие на победу имена. Аун Сан, к примеру, принял имя Теза, что означает «Могущественный», а Шу Маун стал Не Вином — «Сверкающим, как солнце». К тому же, эти имена предваряло слово «Бо» — «офицер, командир»: Бо Теза, Бо Не Вин. За Аун Саном новое имя не закрепилось. Офицеры дали клятву до конца сражаться за независимость. Клятва была не обычной, а на крови. Воины сделали порезы на руках, собрали кровь в серебряный сосуд, смешали ее и по очереди выпили по глотку. Так, Бо Не Вин связал свою жизнь с армией. Как оказалось, навсегда. Если для многих из «30 товарищей» военная служба стала всего лишь эпизодом, то для Не Вина — делом всей жизни. Подразделения АНБ вместе с японцами вошли в Бирму, чтобы изгнать англичан. 2 февраля 1942 г. Бо Не Вин во главе передовой группы после долгих дней перехода по джунглям прибыл в Рангун. Вскоре он стал командиром одной из двух дивизий АНБ, которая вела боевые действия на юго-западе страны, в Аракане. Командир делил все тяготы войны с солдатами. Не Вину пригодились медицинские знания, полученные в колледже. Солдатам импонировала простота, доступность начальника, язык которого не отличался от солдатского. Еще со школьных лет Не Вин был известен любовью к соленым острым словечкам, а зачастую и просто непечатным выражениям. Подобному стилю общения генерал отдавал предпочтение и в последующие годы.

Летом 1942 г. японцы распустили АНБ. Вместо нее создается Армия обороны Бирмы во главе с Аун Саном. Английский колониализм сменился куда более тяжелой японской оккупацией. Япония явно не намеревалась признать Бирму равноправным партнером. Тем не менее, 1 августа японцами провозглашается независимость Бирмы, носившая чисто формальный характер. АОБ преобразуется в Национальную армию Бирмы (НАБ). Не Вин получает звание полковника и назначается ее командующим. Генерал Аун Сан становится министром обороны. Тем временем среди бирманских офицеров и солдат продолжали нарастать антияпонские настроения. В августе 1944 г. антифашистами создается Антифашистская Лига народной свободы (АЛНС), которая принимает Манифест о всенародной борьбе против японских оккупантов. Председателем АЛНС был избран генерал Аун Сан, генеральным секретарем — один из лидеров Компартии Бирмы Такин Тан Тун. Бо Не Вин также принимает активное участие в работе руководящих органов Лиги — Высшем и Военном советах. К концу 1944 г. вырабатывается план всеобщего антияпонского восстания, которое приурочивается к началу английского наступления из Индии. 27 марта 1945 г. НАБ начала антияпонское восстание. Бирманские части под командованием Не Вина, действовавшие в дельте реки Иравади, вступили в Рангун 1 мая, на два дня опередив английские войска. Англичане приступили к восстановлению довоенных колониальных

порядков. Бирманские же патриоты требовали независимости. АЛНС, превратившаяся в ведущую политическую организацию, хотела достичь независимости мирным путем. В сентябре 1945 г. в городе Канди на Цейлоне состоялась встреча Аун Сана, Не Вина и ряда других бирманских офицеров с лордом Маунтбэттенем, Верховным главнокомандующим вооруженными силами союзников в Юго-Восточной Азии. Впоследствии Не Вин и Маунтбэттен поддерживали личные дружеские контакты до самой смерти последнего в 1979 году. В ходе дальнейших переговоров с английским командованием руководство Лиги согласилось на роспуск НАБ, называвшейся в то время Патриотическими бирманскими силами, на включение ее части в колониальную армию и на сдачу оружия. Для участников сопротивления, особенно для офицеров, настали нелегкие времена. Колониальная армия могла принять только незначительную их часть, причем по преимуществу на сержантские и солдатские должности. Остальным пришлось приспособляться к гражданской жизни.

Непростую психологическую адаптацию прошел и Не Вин. Бывший командующий армией получает под свое начало батальон и должен довольствоваться званием майора. Ему предлагали оставить вооруженные силы и заняться политикой, но генерал Аун Сан отсоветовал. Перемены не обескуражили Не Вина. Именно в это время он, используя свои организаторские способности и близость к людям, приобрел много верных сторонников, обязанных лично командиру 4-го батальона устройством их судьбы. Он помогал оставшимся не у дел офицерам, брал их в свой батальон, направлял в другие подразделения. Тем самым, осуществлялся подбор офицерских кадров для будущей армии независимой Бирмы. А пока Не Вин командовал батальоном, участвовал в борьбе с бандитизмом, характерным для послевоенного времени. Он быстро получал новые звания: подполковника — в ноябре 1946 г., полковника — в октябре 1947 года⁵. Вначале он командовал батальоном вместе с англичанином, но вскоре 4-й батальон, самым первым, был полностью бирманизирован. Тем временем усиливались противоречия между различными политическими силами, в том числе и в рядах АЛНС. В октябре 1946 г. в Лиге происходит раскол. КПБ исключается из организации за резкие нападки на Аун Сана. Не Вин по убеждениям являлся социалистом, был близок к таким руководителям социалистической партии, как Ба Све и Чжо Ньейн. Правда, соцпартия представляла собой достаточно правую организацию, антикоммунистически настроенную. Бирманская компартия внесла весомый вклад в антияпонскую борьбу, велико было ее влияние на массы. Когда весной 1945 г. Не Вин командовал отрядами НАБ в дельте Иравади, то комиссаром у него служил радикальный коммунист Такин Со. В феврале 1946 г. группировка Такина Со откололась от КПБ и организовала компартию «Красного флага». Вообще, фракционная грызня, расколы, борьба личных амбиций лидеров стали в это время подлинным бичом политической жизни страны. Оппоненты с легкостью наделяли друг друга такими ярлыками, как фашист, предатель, реакционер. У Не Вина ожесточенные склоки политиков вызывали растущее раздражение. Противовес фракционности и расколам он видел в укреплении вооруженных сил, сплоченных дисциплиной и служащих общему делу. Особую актуальность этот вывод приобрел после разыгравшейся 19 июля 1947 г. трагедии. В этот день реакционные силы убили лидера национально-освободительного движения Бирмы генерала Аун Сана и шестерых его ближайших сторонников. Не Вин, находившийся в Верхней Бирме, сразу же выехал в Рангун. Он поддержал избрание зам. председателя АЛНС, спикера Учредительного собрания У Ну руководителем Исполнительного совета, фактически временного правительства страны. В декабре 1947 г. Не Вин покидает 4-й батальон и назначается на должность командующего военным округом в Северной Бирме со штаб-квартирой в городе Меймьо. Ему присваивается звание бригадного генерала. В округе активно действовали коммунистические повстанцы, и в задачу командующего входило пресекать их вылазки.

4 января 1948 г. Бирма официально провозглашается независимым

государством и практически сразу же оказывается в ситуации гражданской войны. Вооруженную борьбу против правительства ведут ушедшие в подполье коммунисты, отряды повстанцев-каренов, представителей самого крупного национального меньшинства, другие сепаратисты. Наблюдается шатание в армии, переход целых подразделений на сторону мятежников. Не Вина срочно переводят из Меймбо в Рангун и назначают 1 августа 1948 г. заместителем начальника Генштаба. Вскоре ему присваивается звание генерал-майора. В это время различные политики обратились к Не Вину с предложением совершить военный переворот и взять всю полноту власти в свои руки для стабилизации обстановки. Подобные идеи высказывались и позднее, в начале 1949 года. Однако Не Вин сохранил лояльность правительству У Ну, которое к весне 1949 г. оказалось в отчаянном положении. Его называли «рангунским правительством», ибо пригороды столицы были захвачены каренскими повстанцами. 1 февраля Не Вин назначается главнокомандующим вооруженными силами и начальником Генштаба. Ему же подчиняется полиция. Главком становится генерал-лейтенантом. Для того, чтобы консолидировать базу поддержки правительства, кабинет реформируется на непартийной основе. 1 апреля Не Вин входит в его состав в качестве заместителя премьер-министра, министра обороны и внутренних дел, сохраняя при этом за собой посты главкома и начальника Генштаба. Опираясь на авторитет среди военных, он сыграл большую роль в стабилизации обстановки в стране. Не Вин сохранял самообладание в самых напряженных ситуациях. Несмотря на чрезвычайную занятость, он находил время для того, чтобы выбраться в кино или в клуб, демонстрируя тем самым публике, что положение находится под контролем.

Правительство остро нуждалось в оружии, подготовленных военных кадрах. В июле 1949 г. Не Вин посетил Лондон, где вел переговоры с министром иностранных дел Э. Бевином. Была достигнута договоренность о выделении Бирме займа Британским Содружеством на закупку вооружения, а также об обучении в Великобритании бирманских офицеров. У Ну с теми же целями побывал в Индии и Пакистане. В его отсутствие Не Вин исполнял обязанности премьера. Генерал в этот период подчеркнуто скрупулезно относился к соблюдению конституционных норм. Когда истек предусмотренный Конституцией для не члена парламента 6-месячный срок пребывания в кабинете, он согласился оставаться зам. премьер-министра, только получив добро от Генерального прокурора и парламента ⁶.

В 1950 г. положение в государстве нормализовалось; повстанцы были отброшены в горные и приграничные районы, правительство почувствовало себя увереннее. 9 сентября Не Вин уходит с поста зам. премьера, чтобы сосредоточиться на вопросах строительства Вооруженных Сил. Как оказалось, бирманской армии предстояло вскоре новое испытание. В Бирму вторглись из Китая остатки гоминьдановских войск. Получая поддержку, в том числе оружием, с Тайваня и от спецслужб США, они создали базы в приграничных с КНР районах, дестабилизируя обстановку в регионе. В конце 1952 г. бирманская армия прошла испытание на прочность, нанеся серьезное поражение 12-тысячному отряду гоминьдановцев. Американцы уверяли, что они не имеют никакого отношения к действиям гоминьдановских частей. Когда на одном из приемов посол США доказывал невовлеченность США, генерал недипломатично оборвал посла, посоветовав: «На Вашем месте я бы лучше помолчал» ⁷. Правда Не Вина вскоре подтвердилась. Много усилий он прилагал для налаживания системы военного образования. Открылись военная академия, штабной колледж, военный институт иностранных языков. В последнем сам генерал посещал некоторые курсы. В условиях расколотого общества, мозаичности политических сил, нерешенности национальных вопросов проблема обеспечения единства Вооруженных Сил являлась приоритетной. Для того, чтобы сдерживать неизбежное в любых Вооруженных Силах соперничество между командованием различных родов войск, Не Вин учреждает должности трех заместителей начальника Генштаба — для армии, авиации и флота. Высокие назначения осуществляются по принципу личной преданности. Предпочтение отдается

офицерам, служившим под началом Не Вина в 4-м батальоне. Важно также было сохранить лояльность офицерского корпуса вне зависимости от личных политических предпочтений. Не Вин поддерживал тесные отношения с руководством Социалистической партии, в частности с У Ба Све, занимавшим пост министра обороны. Он призывал к укреплению рядов этой партии, от которой откололись некоторые видные деятели и создали левую Рабоче-крестьянскую партию. Не Вин любил повторять, что «бирманская армия — не наемная, а народная»⁸. В обстановке, когда гражданская администрация контролировала в основном города, на армию помимо чисто военных ложились также хозяйственные функции в районах, охваченных повстанческим движением. Некоторые отдаленные места управлялись военной администрацией. Вооруженные силы превратились в самый сплоченный, организованный институт общества, спаянный корпоративными интересами. Ежегодно проводились конференции старших офицеров для обсуждения проблем государства и армии. Не Вин знал по именам всех офицеров от капитана и выше — а это сотни людей. Он прекрасно помнил послужные списки и биографии своих подчиненных. Конечно, это импонировало военным. За Не Вином негласно закрепилось прозвище — «старик», хотя ему едва перевалило за сорок⁹.

К лету 1954 г. гоминьдановские войска были практически разгромлены. Утихла гражданская война. С 1952 г. стал осуществляться амбициозный 8-летний план развития страны, получивший название «Пидота» — «Государство благоденствия». Он ставил целью к началу 60-х годов обеспечить каждую семью домом, машиной и радиоприемником. Казалось, что Бирма будет успешно развиваться. Однако этого не произошло. Вскоре выяснилось, что план Пидота не реалистичен. Жизненный уровень народа не улучшался. В правящей АЛНС нарастали центробежные тенденции. В июне 1958 г. она раскололась на Чистую лигу и Стабильную лигу. Первую возглавил У Ну, а вторую — социалисты У Ба Све и У Чжо Ньейн. Руководящие деятели кабинета были поглощены фракционной борьбой, работа правительства на несколько месяцев оказалась парализованной. И опять Не Вину советовали взять власть, но он предпочел и на этот раз сохранить нейтралитет. Тем более, что У Ну сам предложил Не Вину возглавить переходное правительство для наведения порядка и подготовки условий для проведения честных парламентских выборов. Предполагалось, что для этого будет достаточно 6 месяцев. Однако переходное правительство во главе с Не Вином находилось у власти с октября 1958 по апрель 1960 года. За это время сменилось два состава кабинета. В первом, кроме Не Вина, занимавшего также пост министра обороны, были только гражданские деятели из числа юристов и ученых, во второй вошли двое военных. Тем не менее, не будет ошибкой сказать, что страной правила именно армия, ибо во все департаменты назначались старшие офицеры-кураторы, без согласования с которыми не принималось ни одно решение. На местах создавались состоящие из военных советы безопасности. Армия напрямую вовлекалась в экономическую деятельность. Была проведена чистка госаппарата от коррумпированных чиновников. Различные исследователи сходятся в том, что в 1958—1960 годах удалось достичь некоторого успеха в борьбе с коррупцией, в восстановлении законности и порядка, увеличении экономического роста¹⁰. С другой стороны, общественность начала тяготиться всеисилием военных, командными методами управления.

На состоявшихся в феврале 1960 г. парламентских выборах убедительную победу одержала руководимая У Ну Союзная партия — преемница Чистой лиги. Социалистическая партия потерпела поражение не в последнюю очередь потому, что в своей пропаганде использовала тезис о поддержке ее армией. Избиратели предпочли У Ну, всегда заявлявшего о приверженности принципам парламентской демократии. После 18-месячного периода жесткого правления Не Вина в Бирме вновь установилась парламентская демократия. Центральный сквер столицы был даже превращен в местный Гайд-парк, где любой оратор мог взобраться на ящик и сказать

... что ему вздумается. Достигнутая относительная стабильность оказа-

лась эфемерной. Политическая грызня возобновилась с новой силой, в том числе в рядах Союзной партии. Обострилась проблема сепаратизма. Согласно Конституции 1947 г. двум национальным государствам — Шанскому и Каренни — предоставлялось по истечении 10-летнего периода право на выход из Союза. На состоявшейся в июне 1961 г. конференции представителей национальных меньшинств звучали голоса о необходимости воспользоваться этим правом. У Ну, чтобы упрочить свои позиции во все большей степени стал апеллировать к буддизму, который в августе был провозглашен официальной религией Бирмы. Это еще больше усложнило обстановку. Малые народы, среди которых много христиан, а также проживающие в стране мусульмане негативно отнеслись к этому акту, видя в нем угрозу своим правам. В конце февраля 1962 г. в Рангуне собрались на совещание лидеры национальных автономий. Они потребовали от правительства предоставления им больших полномочий. В одном из своих выступлений У Ну заявил, что перед страной стоит 16 тысяч проблем и потребуется, по крайней мере, 20 лет для их решения. Но заниматься этими проблемами предстояло уже не У Ну, а другим людям.

Вечером 1 марта 1962 г. главнокомандующий бирманской армии генерал Не Вин присутствовал на концерте балетной труппы из КНР. После представления он поднялся на сцену, пожал руки артистам и покинул театр. А к полуночи войска стали занимать стратегические объекты Рангуна. Рано утром У Ну, другие члены кабинета, лидеры национальных меньшинств были арестованы. Так, под предлогом предотвращения распада союзного государства и необходимости обеспечения стабильности 2 марта 1962 г. под руководством Не Вина был совершен военный переворот, который страна восприняла спокойно. Какого-либо сопротивления военным оказано не было. В тот же день Не Вин выступил по радио с обращением к гражданам Бирманского Союза, в котором сообщил, что «Вооруженные силы Союза в связи с серьезным ухудшением обстановки в стране приняли на себя ответственность за поддержание порядка и безопасности». Прекратила действие Конституция 1947 г., был распущен парламент. Вся полнота власти сосредоточилась в новых органах: Революционном совете и Революционном правительстве. Не Вин становится председателем Ревсовета и премьер-министром. На первых порах многие в Бирме думали, что кардинальных изменений в стране не произойдет, и военные пришли к власти на короткое время, как это было в 1958—1960 годах. Но уже довольно скоро политики осознали, что армия к власти пришла всерьез и надолго. 30 апреля 1962 г. Ревсовет обнародовал политическую декларацию «Бирманский путь к социализму», содержащую программу перехода страны к социализму¹¹. У Ну тоже говорил о социализме, правда, буддийском. Теперь же речь шла об общественном устройстве, похожем на системы, существовавшие в КНР, СССР, других социалистических государствах. Заявлялось о том, что предприятия должны находиться в общем владении, а авангардом и стражем социалистического демократического государства являются, главным образом, рабочие и крестьяне. Констатировалось, что достижение социализма через существовавшую форму парламентской демократии невозможно. 4 июля 1962 г. образовывается Партия бирманской социалистической программы (ПБСП). Первоначально это была узкая кадровая организация, включавшая только членов Ревсовета. Однако в будущем ей отводилась роль политической партии, которая охватывала бы всю нацию. Однако планы военных покончить с многопартийной демократией и взять общественную жизнь под жесткий контроль натолкнулись на сопротивление. 6 июля начались студенческие волнения. Не Вин распорядился применить оружие против демонстрантов. Пролилась кровь. Десятки студентов были убиты и ранены. Территорию университета, пользовавшегося автономией, занимает полиция. На стенах здания студенческого союза Рангунского университета обнаруживают листовки и плакаты, содержащие критику в адрес Не Вина¹². Здание студсоюза, являвшееся с 1928 г. символом студенческой свободы и активности, полностью сносится. Генералитет недвусмысленно продемонстрировал, что не потерпит какого-либо явного

противодействия политике Ревсовета. Повторившиеся в ноябре следующего года студенческие выступления также были пресечены, а университет закрыт на некоторое время.

С начала 1963 г. Ревсовет приступил к национализации частной собственности, прежде всего принадлежавшей иностранному капиталу. 1 января была национализирована иностранная доля капитала в смешанной нефтяной компании «Бирма Ойл», 49% акций которой принадлежало англичанам, в результате чего вся нефтяная промышленность перешла в руки государства. 15 февраля Не Вин заявил, что «частный сектор несовместим с нашими целями». Вскоре национализации подверглись все банки страны. Не Вин, памятуя о фракционности и политических расколах периода парламентской демократии, залог успеха своей политики видел в единстве Ревсовета. Костяк его составили деятели, тесно связанные с председателем. Ведущие члены Ревсовета — Аун Чжи, Тин Пе и Чжо Со служили в 4-м батальоне. Недаром совет называли правительством Четвертого батальона. Тем не менее, это не спасло от возникновения противоречий внутри правящей верхушки. Правая рука Не Вина, генерал Аун Чжи предостерегал от поспешных шагов по национализации частной собственности. С другой стороны, в Ревсовет входили и последователи марксизма, такие, как Ба Ньейн, взявшие на себя роль теоретиков. Аун Чжи возглавлял влиятельную Корпорацию экономического развития, представлявшую собой мощную финансово-коммерческую структуру, которая действовала под эгидой вооруженных сил. Уже во второй половине 1962 г. в Бирме распространялись слухи о болезни генерала Не Вина, о том, что власть перейдет к бригадному генералу Аун Чжи, противнику, как считалось, кардинальных перемен¹³.

К концу 1963 г. верх в Ревсовете взяли сторонники «кавалерийской атаки» на капитал. Если в начале года основной упор в национализации был сделан на передачу государству иностранной собственности, то теперь правительство перешло к национализации и бирманских предприятий. Национализации подверглась Корпорация экономического развития, а также торговые заведения Института вооруженных сил. Ликвидация Корпорации была тесно связана с разгромом внутриармейской оппозиции политике правительства. Неформальный лидер оппозиции Аун Чжи увольняется из армии с запрещением жить в Рангуне и заниматься политической деятельностью. В этом факте наглядно проявились методы политической борьбы Не Вина. К людям, даже бывшими его ближайшими соратниками, но проявившими несогласие в том или ином вопросе, Не Вин относился беспощадно, избавлялся от них без колебаний. В этой связи можно вспомнить соперничество в 50-е годы между Не Вином и генералом Чжо Зо, одним из «30 товарищей». Чжо Зо успешно проявил себя в борьбе с гоминьдановцами. Однако в 1957 г. без всяких доказательств его обвинили в пособничестве коммунистам, уволили из армии, а затем арестовали. Заслуги Чжо Зо в антигоминьдановских операциях замалчивались, а роль Не Вина, наоборот, выпячивалась¹⁴. Позже опальный генерал присоединился к коммунистам-повстанцам. В начале 1964 г. из Ревсовета был выведен сторонник Аун Чжи, министр развития и торговли полковник Чит Мьяин. В том же году государство осуществило национализацию внешней и внутренней торговли, провело «демонетизацию» — изъятие из обращения крупных купюр, владельцам возвращалась лишь часть их номинала. За 1963—1966 гг. национализации подверглись все крупные компании иностранного и национального частного капитала, рудники, многие предприятия обрабатывающей промышленности, транспортные агентства, страховые компании, типографии, газеты, школы, больницы, кинотеатры и даже магазины и лавки¹⁵. Результатом явилась значительная дезорганизация хозяйственной жизни, замедление темпов экономического роста.

Скорее всего, в подобном стремительном натиске на частный капитал прагматичный Не Вин руководствовался в первую очередь не идеологическими соображениями, а желанием подорвать влияние иностранного капитала, бирманизировать экономику, находившуюся до этого под контролем английского, индийского и китайского капитала. В действиях Не Вина явно

преобладали националистические мотивы. Важно также было выбить из-под оппозиции экономическую базу. Прямое или опосредованное огосударствление экономики, формирование значительного госсектора создали важную опору режима Не Вина. Взятие под государственный контроль экономики сопровождалось ужесточением в политической сфере. В соответствии с законом «О защите национальной солидарности» с 28 марта 1964 г. все политические партии, кроме ПБСП, распускались. Лидеры правых социалистов У Ба Све и У Чжо Ньейн подверглись аресту. Так было покончено с многопартийностью. Ревсовет во главе с Не Вином предпринял ряд действий по прекращению повстанческого движения и достижению национального единства. 1 апреля 1963 г. была объявлена амнистия, распространявшаяся на всех участников подпольных вооруженных организаций при условии сдачи ими оружия до 1 июля. В Рангуне состоялись переговоры с руководителями различных повстанческих движений. Проходили они в весьма непростой обстановке. Переговоры закончились безрезультатно, и не только с компартией «Красного флага», но и другими повстанческими организациями¹⁶. За их провал свою долю ответственности несли обе стороны. Подпольщики демонстрировали неуступчивость, отрыв от реальности, а правительство — чрезмерную жесткость. Фактически Не Вин требовал, чтобы примирение состоялось на его условиях, он не гарантировал находившимся в джунглях повстанцам право вести в будущем политическую деятельность в рамках закона. Подтверждением того, что руководитель Ревсовета не хотел допустить какого-либо плюрализма явились и итоги работы созданного в 1968 г. Консультативного совета по вопросам внутреннего единства, в котором участвовали политические деятели различного толка, включая экс-преьера У Ну. Не Вин прислушивался только к тем политикам, которые поддерживали действия его правительства и игнорировал призывы вернуться к методам парламентской демократии.

Ко второй половине 60-х годов положение Ревсовета стало достаточно прочным, поэтому призывы У Ну вернуть ему власть, созвать старый парламент и сместить Не Вина с поста председателя Ревсовета, предложив взамен церемониальную должность президента государства, повисли в воздухе. У Ну и Не Вин олицетворяли разные пути развития Бирмы. Если первый премьер-министр независимой Бирмы был сторонником парламентской демократии, то генерал предпочитал авторитарные методы руководства, считал их наиболее подходящими для бирманских условий. Противоборство двух лидеров длилось несколько десятилетий. В 1969 г. власти разрешают У Ну выехать в Индию для лечения и паломничества к святыням буддизма. За границей он пытается организовать широкую коалицию для борьбы с режимом Не Вина: создает на территории Таиланда Партию парламентской демократии, пытается наладить сотрудничество с сепаратистскими движениями горных народов. Однако действия У Ну в целом не получили серьезной поддержки у населения Бирмы и вскоре сошли на нет, а сам он поселился в Индии и отошел от активного участия в политике.

Куда большую опасность для режима Не Вина представляла в 60-е годы КПБ, взявшая на вооружение лозунги китайской «культурной революции» и получившая поддержку от Пекина. Правительственным войскам удалось разгромить основные силы коммунистов. В апреле 1968 г. погибает популярный начальник штаба народной армии КПБ Бо Зей, один из «30 товарищей». В борьбе с повстанцами Не Вин активно использует спецслужбы. Так, 24 сентября 1968 г. телохранителем, который, как утверждают некоторые исследователи, являлся агентом Рангуна, был убит председатель КПБ Такин Тан Тун, один из лидеров национально-освободительного движения. В выступлении по этому поводу генерал Не Вин сказал: «Некоторые могут утверждать, что я испытываю радость, услышав о ликвидации врага. Но я знаю и верю, что определенная часть коммунистов является истинными патриотами. Смерть каждого из них — утрата для страны»¹⁷. В этих словах, как представляется, слышится не только лицемерие, но и искреннее уважение к поверженному противнику. Будучи беспощадным к оппонентам, Не Вин, по возможности, старался

ограничиться их политическим, а не физическим уничтожением, в чем проявлялось влияние буддизма. В конце 1970 г. был захвачен в плен Такин Со, вождь компартии «Красного флага». Его судили и вынесли смертный приговор, который, однако, так никогда и не был приведен в исполнение. Не Вину приходилось действовать в глубоко религиозном буддийском обществе. Ревсовет отменил принятый при У Ну закон, провозгласивший буддизм официальной религией, и взял курс на неиспользование религии в политических целях. Однако философия ПБСП «Система взаимоотношений человека и окружающей его среды» оказалась пронизанной буддийскими понятиями и представлениями. Сам Не Вин постоянно подчеркивал свою приверженность буддизму. Никаких гонений на религию при его правлении не было. Другое дело, что правительство Не Вина стремилось взять под полный контроль весьма влиятельную и многочисленную монашескую общину — сангху. Всем ее членам вменялось в обязанность пройти регистрацию и получить удостоверение личности. В марте 1965 г. прошел организованный правительством Синод всех организаций сангхи, принадлежавших к различным сектам. Не Вин, памятуя о негативных последствиях в прошлом для страны политической, социальной и религиозной борьбы, призвал к идее единства, которая приняла гипертрофированные формы. Государство стремилось как можно более жестко контролировать экономику. Утверждение однопартийной системы завершилось в июне — июле 1971 г. проведением I съезда ПБСП, превращавшейся в массовую партию. Под ее эгидой действовали так называемые классовые и массовые организации: рабочих, крестьян, молодежи, кооператоров, ветеранов, литераторов и т. д.

С начала 70-х годов Не Вин приступил к мероприятиям по приданию своему военному режиму конституционного фасада. Начинается выработка проекта нового Основного Закона. В апреле 1972 г. 20 ведущих военных деятелей Бирмы, занимавшие высшие посты в Ревсовете, правительстве и ЦК ПБСП, оставили службу в армии. Генерал Не Вин также уходит в отставку. С тех пор его стали называть на гражданский манер — У Не Вин, то есть господин, а не генерал Не Вин. 3 января 1974 г. вводится в действие новый Основной Закон. Страна получает официальное название — Социалистическая Республика Бирманский Союз (СРБС). Вскоре состоялись первые после 1960 г. всеобщие выборы в Народное собрание — парламент и народные советы различных уровней. 2 марта 1974 г. на первом заседании Народного собрания Ревсовет передал ему всю полноту власти и на этом прекратил существование. У Не Вин избирается Председателем Государственного совета и одновременно становится Президентом СРБС. Он сохраняет за собой также пост Председателя ПБСП, которая конституционно провозглашена единственной политической партией, руководящей государством.

Формально режим из военного трансформировался в гражданский. По существу же у власти остались те же самые лица во главе с Не Вином. Они только сменили военные мундиры на гражданскую одежду, в ее бирманском варианте она представляла собой длинную широкую юбку — лоунджи, белую рубашку без воротничка и атласную куртку. На торжественных мероприятиях национальный костюм дополнялся желтой или розовой шапочкой. Внешний облик Не Вина сильно изменился. Однако, любопытно, что бирманцы по-прежнему продолжали называть его генералом. Для всех было ясно, что именно армия осталась ведущей силой и в государстве и в партии. Переход к гражданскому по форме правлению совпал с ростом социальной напряженности в стране. Мозаичное бирманское общество сопротивлялось огосударствлению, введению однообразия в политическую и общественную жизнь. Недовольство режимом Не Вина подогревалось ухудшением экономического положения трудящихся из-за неэффективного функционирования огосударственной экономики. В апреле-июне 1974 г. произошли стихийные волнения и забастовки рабочих. В Рангуне имели место столкновения бастующих с полицией и армией, которые применили оружие. Имелись убитые и раненые. В декабре 1974 г. во время похорон

бывшего генерального секретаря ООН У Тана вспыхнули массовые студенческие волнения, имевшие антиправительственный характер. У Тан был близким к У Ну человеком. Правительство Не Вина не хотело устраивать государственные похороны, что и послужило поводом к выступлениям студентов. И на этот раз войска и полиция получили приказ применить оружие против недовольных. Снова имелись убитые и раненые. В столичной области почти на два года было введено военное положение. На продолжительный срок закрывались высшие учебные заведения. Производились массовые аресты. Несмотря на репрессии, антиправительственные выступления происходили и в 1975, и в 1976 годах.

Обострились противоречия среди правящей верхушки. Не Вин наводил порядок жесткой рукой, не колеблясь расставался с близкими соратниками, заподозренными в нелояльности. Снимается с постов министра обороны и начальника штаба армии генерал Тин У, считавшийся доверенным лицом Не Вина. Летом 1976 г. его обвинили в причастности к планам организации государственного переворота, так называемому заговору капитанов. Заговор был подавлен в зародыше. Тем не менее, распространение антиправительственных настроений на армию — ядро и опору режима, сильно обеспокоило Не Вина, заставило предпринять срочные меры по корректировке политического курса. В течение года были проведены три съезда правящей партии. Состоявшийся в конце февраля — начале марта 1977 г. III съезд ПБСП принял особенно важные решения. Здравый смысл в конце концов

взял верх: руководство прекратило форсировать огосударствление экономики и заявило о целесообразности расширения деятельности частного сектора. Наметилась линия на отказ от автаркии. Съезд высказался за активное привлечение иностранной помощи и создание смешанных предприятий с участием иностранного капитала. Разумеется, не обошлось и без кадровых перетрясок. Почти наполовину обновляется состав ЦК партии, из которой исключается ряд видных деятелей, в том числе и премьер-министр У Сейн Вин. Предпринятые меры стабилизировали внутривластную обстановку. Благодаря привлечению иностранного капитала и некоторой либерализации подходов к частному сектору ускорилось экономическое развитие.

К началу 80-х годов режиму Не Вина удалось взять под прочный контроль буддийскую сангху. В мае 1980 г. в Рангуне в торжественной обстановке состоялся первый Всебирманский буддийский собор. Он принял решения о создании единой организационной структуры сангхи под эгидой государства, об обязательной регистрации ее членов. В образе действий Не Вина все отчетливее стали проявляться черты традиционного буддийского правителя, главная задача которого состоит в покровительстве религии, ее укреплении и распространении. В ознаменование успешного завершения Собора начинается строительство величественного буддийского храма Маха Визайя — Великая победа. В народе за ним закрепляется название Невинового. 28 мая 1980 г. Не Вин подписал указ об амнистии. Под амнистию попадали повстанцы, вообще политические противники режима. За 3 месяца из подполья вернулись более 2 тыс. человек, из тюрем было освобождено более 5 тысяч заключенных. Важное символическое значение имело возвращение в Рангун из долголетней эмиграции бывшего премьер-министра У Ну, а также одного из ведущих министров в его кабинете Бо Хму Ауна, некоторых других видных в прошлом политиков. Таким образом, они как бы подтверждали свою капитуляцию перед Не Вином. Из тюрьмы был освобожден бывший министр обороны Тин У, арестованный в 1976 году. Что касается самых массовых на то время подпольных организаций Бирмы — КПБ, каренских и качинских повстанцев, то они отвергли амнистию. На пути национального примирения Не Вин сделал еще один символический жест. Одновременно с амнистией был принят указ об учреждении звания «Гордость страны», которое стали присуждать активным участникам борьбы за независимость. Обладатель звания получал право на персональную пенсию и льготы. Звания «Гордость страны» были присвоены У Не Вину, его заместителю У Сан Ю, другим высшим руководителям государства, а также деятелям как правого, так и левого направления, уже отошедшим от политики, в том числе У Ну, У Ба Све, У Чжо Ньейну, Такину Лвину и другим¹⁸.

Одновременно с процессом политического примирения усиливаются националистические тенденции в деятельности Не Вина. Национализм с элементами ксенофобии всегда играл исключительно важную роль в мотивации поступков и решений правителя Бирмы. Его убеждения, политические взгляды сложились в годы борьбы за национальную независимость против англичан и японцев. Вся последующая деятельность Не Вина как политика и военного имела целью ослабление, а по возможности полное искоренение иностранного влияния на политику и экономику страны. Достаточно вспомнить национализацию собственности иностранцев в первой половине 60-х годов или же пресечение попыток распространить в Бирме идеи «культурной революции». Апелляция к национальным чувствам помогла укрепить внутреннее единство, отвлекать внимание населения от социально-экономических трудностей. 1982 г. принимается Закон о гражданстве, закрепляющий приоритеты коренных жителей над лицами иностранного происхождения, прежде всего выходцами из Индостана. Не Вин объясняет это тем, что «лицам иностранного происхождения нельзя доверять решение судьбоносных для страны вопросов», так как они «могут предать»¹⁹.

Еще будучи главой переходного военного правительства, в 1959 г. Не Вин подписал Договор о дружбе и ненападении с КНР, активно участвовал

в подготовке китайско-бирманского Договора о границе. После военного переворота 1962 г. внешняя политика Бирмы направлялась лично Не Вин. Хотя в Заявлении Ревсовета о внешней политике от 2 марта 1962 г. декларировалась приверженность новой администрации проводившейся после достижения Бирмой независимости «политике позитивного нейтралитета», во внешнеполитическом курсе Рангуна произошли существенные изменения. Если внешняя политика У Ну отличалась открытостью, динамизмом (достаточно сказать, что он был одним из основателей Движения неприсоединения), то с приходом к власти Ревсовета активность Рангуна на международной арене значительно снизилась. С 1962 по 1964 г. Не Вин совершил единственный государственный визит за рубеж — в соседний Таиланд (декабрь 1962 г.). Он не принял участия в работе III конференции Движения неприсоединения в Каире. Не Вин стремился свести внешнее влияние к минимуму, обеспечив тем самым внутривнутриполитическую стабильность. Традиционную для Бирмы концепцию нейтралитета и неприсоединения бирманские руководители в те годы стали толковать как «строгий нейтралитизм и неприсоединение», что на практике вело к нарастанию изоляционистских тенденций. Не следует забывать, что обстановка в регионе в тот момент была исключительно взрывоопасной. В КНР разворачивалась «культурная революция», грозящая выплеснуться и на территорию Бирмы — бирманские коммунисты следовали маоистским курсом. Эскалация войны в Индокитае также крайне беспокоила Не Вина. По свидетельству тогдашнего Генерального секретаря ООН бирманца У Тана, именно Не Вин, как никто другой из руководителей государств мира, призывал его сделать все возможное для урегулирования вьетнамской проблемы²⁰. Острые индийско-пакистанские противоречия также привели к войне. На региональную напряженность накладывалась атмосфера «холодной войны», раздел мира на два противостоящих блока, возглавляемых сверхдержавами — СССР и США. И мировые, и региональные центры сил пытались упрочить свое влияние в Бирме. В этих условиях Не Вин посчитал благом для страны самоизоляцию, превращение ее в своеобразную улитку, ушедшую в раковину. Бирма уклонялась от участия в каких-либо блоках или группировках государств, держалась в стороне от спорных вопросов. Ряд лет в страну был запрещен въезд туристам и иностранным журналистам. Но Рангун не свернул полностью связи с внешним миром.

Во внешней политике Не Вина выделяются разные периоды. Со второй половины 60-х годов бирманский руководитель стал намного чаще выезжать за рубеж, принимать в Рангуне лидеров других государств. Приоритетное внимание уделялось северному соседу — Китаю. Не Вин поддерживал дружеские отношения со многими китайскими лидерами: Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином. С 1962 по 1980 г. он шесть раз посетил КНР, больше, чем какую-либо другую страну. В 1966—1967 гг. бирманско-китайские отношения подверглись тяжелому испытанию из-за попыток Пекина перенести в соседнюю страну «культурную революцию». В Рангуне имели место ожесточенные столкновения между местными китайцами и бирманцами. Власти, видя за беспорядками руку Пекина, действовали жестко: был отозван бирманский посол из КНР, выдворены из страны китайские специалисты. Разумеется, китайцы в долгу не остались. Рангун, продемонстрировав решимость защитить свой суверенитет, вскоре благо-разумно стал прилагать усилия для нормализации двусторонних связей, что и удалось сделать к началу 70-х годов. Не Вин прекрасно понимал, что вражда с Китаем самоубийственна для Бирмы. Он настойчиво добивался от Пекина прекращения поддержки КПБ и других повстанцев. В стремлении умиротворить китайские власти Не Вину иногда приходилось совершать весьма неоднозначные поступки. Именно так следует расценить его неожиданный визит в ноябре 1977 г. в Камбоджу и переговоры с главарями «красных хмеров». Это был первый визит иностранного лидера в Пном Пеня после прихода к власти полпотовцев, поддерживаемых Пекином. Характерно, что в начале следующего года Рангун посетил Дэн Сяопин.

Сенсационным явился для мирового сообщества и выход Бирмы из

рядов Движения неприсоединения в сентябре 1979 г. на VI конференции Движения неприсоединения в Гаване. Ясно, что это решение было принято лично Не Вином. Одной из причин такого решения Бирмы было стремление ее руководства закрепить за страной особый статус в системе международных отношений. По всей видимости, Не Вин исходил из того, что такой статус наилучшим образом гарантирует Бирме безопасность и неприкосновенность в условиях соперничества между различными силами как в мире, так и в регионе, не будет давать никаких оснований для вмешательства в ее внутренние дела. Этот шаг освободил Рангун от необходимости занимать конкретную позицию по тому или иному спорному вопросу, что дало возможность как бы поставить себя вне борьбы между различными течениями Движения неприсоединения. Сказались также элементы волонтаризма и эксцентричности, нараставшие в действиях Не Вина. К тому, чтобы хлопнуть дверью, его подтолкнуло прохладное отношение лидеров Движения к непродуманному бирманскому предложению распустить Движение, находившееся в состоянии раскола, затем выработать проект его нового Устава и т. д.²¹ Покинув ряды Движения, Бирма самоизолировала себя от авторитетного форума развивающихся государств. Рангун вернулся в Движение неприсоединения только в сентябре 1991 года.

Своеобразно повел себя Не Вин и в 1984 г., когда трагически оборвалась жизнь премьер-министра Индии И. Ганди. У многих людей, особенно в Индии, вызвал недоумение тот факт, что Бирма не направила официальную делегацию для участия в похоронах И. Ганди, как это сделали многие страны мира. Как бы спохватившись, Не Вин вскоре лично отправляется в Дели, чтобы засвидетельствовать свои соболезнования новому премьер-министру Индии Р. Ганди. После ухода в отставку с поста президента в 1981 г. он практически не выезжал за рубеж. Поездка Не Вина явилась первым визитом в Индию высокопоставленного иностранного деятеля после гибели И. Ганди. Любопытно, что Р. Ганди нанес официальный визит в Рангун в декабре 1987 г., незадолго до бурных событий, повлекших отставку Не Вина и с поста председателя правящей партии. Индийский премьер стал последним иностранным лидером, с которым Не Вин встречался в качестве партийного лидера. Неожиданно съездив в Дели в ноябре 1984 г., Не Вин в следующем году впервые отправился в Пекин в качестве Председателя ПБСП.

Подобная сбалансированность была характерна и для других внешнеполитических действий Не Вина, особенно в том, что касалось сотрудничества со сверхдержавами — СССР и США. В феврале 1960 г. по приглашению Не Вина, который в то время возглавлял временное военное правительство, Бирму посетил Н. С. Хрущев. В ходе переговоров двух лидеров была отмечена общность позиций по ряду важнейших международных вопросов. В принятом по окончании визита совместном советско-бирманском коммюнике подчеркивалось, что отношения между Советским Союзом и Бирманским Союзом развиваются на основе принципов мирного сосуществования и дружественного сотрудничества²². Генерал Не Вин и Н. С. Хрущев установили личные доверительные контакты. Весной 1961 г. Не Вин, который к тому времени уже не был главой правительства, а занимал пост главнокомандующего вооруженными силами, по личному приглашению Н. С. Хрущева находился в СССР с 30 марта по 22 апреля. Помимо Москвы, Не Вин побывал в Ленинграде, Киеве, Сочи, Ташкенте, Волгограде. Его пребывание в Советском Союзе совпало с первым полетом человека в космос. Глава бирманской делегации дал высокую оценку этому событию, а также советским достижениям в научно-технической области в целом. Прорыв СССР в космос, а также успешная индустриализация КНР послужили важными аргументами в пользу выбора Не Вином социалистической ориентации для Бирмы. Социализм в мире в то время был на подъеме, выступал в качестве привлекательного образца для стран, освободившихся от колониальной зависимости. Первым визитом из СССР в Рангун после прихода к власти Ревсовета стала поездка в апреле 1963 г. министра обороны Советского Союза маршала Р. Я. Малиновского. В сентябре 1965 г. Не Вин вновь посе-

тил Советский Союз. Он вел переговоры с Л. И. Брежневым, А. И. Микояном и А. Н. Косыгиным. Советские руководители называли Не Вина «давним другом Советского Союза», высказывались за дальнейшее укрепление дружбы с бирманским народом²³. Гость, в свою очередь, также высказывал заинтересованность в развитии двустороннего сотрудничества. За время полуторанедельного пребывания в СССР Не Вин посетил Запорожье, Ростов-на-Дону, Тбилиси. Но, как оказалось, это был последний визит Не Вина в СССР. Не состоялся и ответный визит в Бирму советских руководителей, не считая кратковременного пребывания в Рангуне в 1971 г. проездом в ДРВ Н. В. Подгорного. Несмотря на определенную идеологическую близость и многие заимствования невиновским режимом из советского опыта, советско-бирманские отношения никогда не характеризовались близостью. Не Вин сделал упор на бирманскую составляющую своего социализма и уклонялся от тесных связей, особенно в сфере идеологии, с любой страной. Объяснялось это как внутри-, так и внешнеполитическими соображениями. Опора на самобытность, на собственные силы затрудняла образование внутри правящей элиты, допустим, «промосковской» или «пропекинской» группировок, обеспечивала единство действий во властной сфере. Кроме того, Не Вин, по всей видимости, не мог забыть то обстоятельство, что в конце 40-х — начале 50-х годов СССР делал ставку на приход к власти в Бирме Коммунистической партии, против которой генерал вел ожесточенную борьбу на протяжении десятилетий. Последующие дружеские жесты со стороны советских лидеров так и не смогли до конца развеять недоверие Не Вина.

Посетив Москву в 1965 году, через год Не Вин, как и следовало ожидать, отправился в Вашингтон для переговоров с президентом США Л. Джонсоном. Несмотря на все старания, Рангуну не всегда удавалось оставаться в стороне от международных противоречий. 9 октября 1983 г. в Рангуне во время визита президента Южной Кореи Чон Ду Хвана был осуществлен террористический акт. Погиб 21 человек, включая четырех министров, сопровождавших корейского президента. В результате расследования выяснилась причастность к теракту Пхеньяна. Не Вин пришел в бешенство. Надо отметить, что с КНДР Бирмой поддерживались особые отношения. Трудовая партия Кореи являлась одной из очень немногих политических зарубежных организаций, с которой ПБСП имела контакты. В 1977 г. Не Вин нанес успешный визит в Пхеньян и провел переговоры с Ким Ир Сенем. Все это не помешало бирманскому лидеру крайне жестко прореагировать на террористический акт. Правительство Бирмы не только разорвало дипломатические отношения с Северной Кореей, но и отказалось от признания КНДР²⁴.

В период правления Не Вина Бирму называли страной-отшельницей, самоизолировавшейся от всего мира, застывшей в развитии. В то же время она избежала вовлечения в региональные военные конфликты, сохранила территориальную целостность в условиях гражданской войны и сепаратистского движения на окраинах. Созданный Не Вином режим личной власти к концу 70-х — началу 80-х годов настолько укрепился, что правитель решил отказаться от официальных постов, оставаясь чисто харизматическим лидером. К тому же ему исполнилось 70 лет, возникли проблемы со здоровьем. Перед всеобщими парламентскими выборами 1981 г. У Не Вин заявил, что не будет в них участвовать, так как уйдет с постов президента и председателя Государственного совета. После выборов президентом становится У Сан Ю, давний сподвижник Не Вина, служивший под его началом в 4-ом батальоне. Уйдя с государственных постов, Не Вин сохраняет за собой только должность председателя ПБСП, на чем «настояли» его соратники. Однако ни у кого в Бирме не возникло сомнений, что именно от «старика», как стали называть Не Вина сначала в армии, а потом и в стране, зависят все мало-мальские важные решения. Особенно внимательно престарелый лидер следил за соотношением сил в правящей верхушке, пресекая чрезмерное усиление того или иного деятеля, могущего нарушить властный баланс.

Политическая жизнь в Бирме в конце 70-х — начале 80-х годов отличалась монотонностью и статичностью. Однако время от времени подспудные противоречия выходили на поверхность. Для постороннего наблюдателя подобные встряски всегда являлись полной неожиданностью. В середине 1983 г. потерял доверие Не Вина бригадный генерал в отставке Тин У, ранее возглавлявший всесильные разведывательные службы. Он был отстранен от должности заместителя Генерального секретаря ЦК ПБСП и выведен из состава Госсовета, а вскоре обвинен в коррупции и приговорен к пяти годам тюремного заключения²⁵. За злоупотребления служебным положением был отдан под суд также близкий к Тин У министр внутренних дел и по делам религий полковник Бо Ни. Опале подверглись и некоторые другие высокопоставленные лица, связанные с Тин У. По всей видимости, обвинения в коррупции представляли собой только повод для устранения чрезмерно возвысившегося отставного генерала и его окружения. Не Вин вновь показал себя мастером закулисных интриг. Он окружил себя безоговорочно преданными людьми. Место поверженного Тин У занял отставной генерал Сейн Лвин, служивший под началом Не Вина в знаменитом 4-ом батальоне. Для политической тактики Не Вина характерным было иметь около себя неформального заместителя, своего рода «серого кардинала». Положение этого человека при гигантских полномочиях отличалось шаткостью. В любой момент он мог оказаться в опале, а то и в тюрьме, как это произошло с Аун Джи и Тин У. К середине 80-х годов политическая система, насаждавшаяся Не Вином, по формальным признакам достигла расцвета. Число членов и кандидатов в члены партии превышало 2,5 миллиона. В рядах действовавших под руководством ПБСП Крестьянской организации состояло около 8 млн. человек, Рабочей и Молодежной организаций — по 2 миллиона. В действительности же это был не расцвет, а своеобразное окостенение. Количество не переходило в качество. Бюрократизм душил все проявления инициативы. Разрасталась коррупция. Не получала импульсов к развитию, стагнировала экономика. В 1987 г. Бирма попала в ооновский список наименее развитых государств мира с годовым доходом на душу населения около 200 долларов США. Нельзя сказать, что правящая элита во главе с Не Вином не осознавала тупиковость ситуации. В выступлении 10 августа 1987 г. по телевидению Не Вин признал некоторые ошибки в деятельности ПБСП, заявил о необходимости конституционных изменений, чтобы «идти в ногу со временем».

Справедливости ради необходимо отметить и некоторые достижения режима ПБСП, прежде всего в социальной сфере. Было бы неправильным расценивать четвертьвековое правление Не Вина как только регресс. Так, производство электроэнергии за этот период увеличилось в два с половиной раза, использование минеральных удобрений удвоилось. Если в 1963 г. количество грамотных на каждую сотню населения составляло 57, то в 1985 г. — 81 человек. Средняя продолжительность жизни бирманцев возросла с 45 лет до 61 года²⁶. Однако в целом бирманская экономика стагнировала. Отставание особенно бросалось в глаза на фоне бурного развития соседних стран, в частности, Таиланда.

В условиях углублявшегося экономического кризиса правительство вынуждено было пойти на либерализацию экономической жизни, начав с ведущей отрасли — сельского хозяйства. С 1 сентября 1987 г. снимается государственный контроль над торговлей рисом и рядом других сельскохозяйственных культур. Бирма — страна крестьянская. В сельском хозяйстве занято более 65% работающих, производится около 40% ВВП. Хотя после 1962 г. Не Вину хватило благоразумия не проводить коллективизацию в деревне, крестьянство находилось под жестким государственным контролем, страдало от своеобразной продразверстки: необходимости продавать государству урожай по очень низким ценам. В октябре 1987 г. принимается поправка к Закону о правах частных предприятий, в соответствии с которой право заниматься частным бизнесом предоставлялось всем желающим. Одновременно с шагами в сторону рыночных преобразований правительство прибегало к явно волонтаристским мерам, объяснявшимся необходимостью

обуздать черный рынок: изъятию из обращения банкнот крупного достоинства без всякой компенсации их владельцам. Эта акция послужила детонатором студенческих волнений, которые летом 1988 г. переросли в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации.

Обанкротившийся режим Не Вина предпринимал отчаянные попытки остаться на плаву. Силовое подавление недовольства сочеталось с маневрированием, попытками произвести перемены. Так, на чрезвычайном съезде ПБСП в июле 1988 г. была выдвинута программа преобразований в экономике, предусматривавшая значительную децентрализацию экономической жизни, активное вовлечение в этот процесс частных предпринимателей, создание предприятий с участием иностранного капитала²⁷. Но беда в том, что эта программа была предложена слишком поздно, в условиях, когда ПБСП полностью потеряла доверие народа. Не успокоило страсти и предложение Не Вина провести общенациональный референдум с целью выяснить мнение народа о целесообразности сохранения однопартийной системы. Скорее, наоборот. Трудно сказать, насколько искренним было подобное заявление. Съезд ПБСП отклонил предложение о проведении референдума. В создавшихся условиях 23 июля 1988 г. Не Вин уходит в отставку с поста председателя партии, а Сан Ю — президента. На эти должности избирается ближайший сподвижник Не Вина отставной генерал Сейн Лвин, сторонник наведения порядка жесткой рукой. Однако, надежды Не Вина на решительность нового лидера не оправдались. Он не учел крайнюю непопулярность Сейн Лвина в обществе: именно на него возлагалась вина за жестокое подавление студенческих волнений. Выдвижение Сейн Лвина подхлестнуло народный гнев. На улицы городов вышли сотни тысяч демонстрантов. Правительство Сейн Лвина ответило введением чрезвычайного положения и комендантского часа, обрушило на восставших жестокие репрессии. Погибли сотни людей. Под напором массовых выступлений Сейн Лвин, находившийся у власти всего 18 дней, вынужден был уйти в отставку.

Не Вин вместо «кнута» решил прибегнуть к «прянику». 19 августа 1988 г. президентом и председателем партии становится Маун Маун, известный юрист и ученый, автор нескольких книг о Бирме, включая биографию Не Вина. Полная лояльность патрону, хотя и ушедшему в тень, но закулисно продолжавшему контролировать ситуацию, вознесла Маун Мауна на самый верх. Новый лидер выступил с компромиссных, примирительных позиций. Но демонстранты продолжали требовать ухода с политической арены режима ПБСП, передачи власти временному правительству и незамедлительного проведения выборов на многопартийной основе. Стихийное движение за демократические преобразования сопровождалось проявлениями анархии и насилия, разгулом преступности. Знаменем массового движения стала До Аун Сан Су Чжи, дочь генерала Аун Сана. До бурных событий 1988 г. она долгие годы жила за границей, работала в Оксфорде. В марте 1988 г. Су Чжи приехала из Англии в Рангун, чтобы ухаживать за тяжело заболевшей матерью. В тот момент у нее не было никаких планов включиться в политическую борьбу. Но судьба распорядилась так, что дочь национального героя бросила вызов Не Вину, поставила под сомнение его авторитет и исторические заслуги. 26 августа Су Чжи впервые выступила на огромном митинге около буддийской святыни — пагоды Шведагон. В своем выступлении она призывала к использованию ненасильственных методов борьбы. Речь на митинге стала водоразделом в ее жизни. Бирманцы оценили бесстрашие Су Чжи, ее ораторский талант, признали за ней право стать продолжателем дела ее легендарного отца. Для многих стало ясно, что Не Вин, его режим принадлежат к ушедшей эпохе. Неприятие однопартийного режима, созданного Не Вином, было самым широким. Против своего бывшего товарища по оружию выступили члены легендарной группы «30 товарищей». 6 сентября 1988 г. девять из одиннадцати оставшихся на тот момент в живых ветеранов заявили об осуждении Не Вина и его режима, призвали вооруженные силы присоединиться к демократическому движению²⁸. Десятый «товарищ», бывший генерал Чжо Зо находился в тот

момент в штаб-квартире КПБ на границе с Китаем, а одиннадцатым являлся сам Не Вин. Однако армия сохранила лояльность своему патрону, хотя и в своеобразной форме. Старик не собирался уходить «в небытие». Он в очередной раз продемонстрировал цепкость, умение приспособляться к обстоятельствам.

Несмотря на согласие сентябрьского чрезвычайного съезда ПБСП провести свободные выборы, волнения в стране продолжались, и дело закончилось военным переворотом 18 сентября 1988 г., который правильнее назвать переходом власти от одного поколения военной верхушки к другой — от 60—70-летних генералов к 50-летним. Всю полноту власти сосредоточил в своих руках Государственный совет по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Прекратила свое действие Конституция 1974 года. ПБСП, поменяв название на Партию национального единства (ПНЕ), перестала быть правящей и единственной. Военные вынуждены были разрешить оппозиции создавать партии. Ведущей стала Национальная лига за демократию (НЛД) во главе с Су Чжи и опальными экс-генералами Тин У (бывшим министром обороны) и Аун Джи. Правда, последний вскоре создал свою партию. Из политического небытия возник и престарелый У Ну. В сентябре 1988 г. он заявил, что возвращает себе власть, отнятую у него в 1962 году. У Ну формирует параллельный кабинет министров с включением в него ряда видных политических деятелей прошлого. Однако шаги У Ну не получили поддержки ни у других оппозиционных организаций, ни у населения.

Тем временем в Рангуне циркулировали упорные слухи, что Не Вин по-прежнему направляет политический процесс в стране. Председатель ГСВЗП генерал Со Маун в своем первом интервью 17 января 1989 г. отчасти подтвердил это мнение, заявив, что «Не Вин для него, как родитель и он регулярно навещает бывшего лидера». В то же время Со Маун отрицал причастность Не Вина к военному перевороту 18 сентября 1988 г., утверждая, что Не Вин, Сан Ю и Сейн Лвин полностью ушли в отставку. 27 марта 1989 г. Не Вин принял участие в государственном приеме по случаю празднования Дня армии. Это было его первое публичное появление после ухода в отставку в июле предыдущего года. 2 апреля Не Вин посетил выставку, открытую к Дню вооруженных сил. Его встречали генерал Со Маун, другие руководители Госсовета. В сообщениях бирманских средств массовой информации Не Вин был назван патроном Организации ветеранов войны, которая объединяет не только участников борьбы за независимость, но и всех отставников. По всей видимости бывший единоличный правитель Бирмы следовал примеру Дэн Сяопина: не участвуя в повседневных государственных делах, он превратился в своеобразный символ, вокруг которого сплотились генералы и офицеры. Недаром Со Маун признавал, что «генерал Не Вин, развивший вооруженные силы до состояния зрелости, именно тот человек, который учил его, начиная с момента, когда он, Со Маун, был рядовым». Вызов авторитету Не Вина бросила Су Чжи, заявив, что пока он продолжает держать под контролем ГСВЗП, никаких изменений к лучшему в стране не произойдет. Су Чжи поставила также под сомнение заслуги Не Вина в строительстве вооруженных сил, заявила, что ее отец генерал Аун Сан никогда не доверял Не Вину²⁹. Военные ответили Су Чжи резкой отповедью на страницах официальной прессы. Однако заставить замолчать дочь генерала не удалось.

В тот момент в стране развернулась предвыборная кампания, и Су Чжи, выступая на массовых митингах, открыто критиковала Не Вина, призывала военных прекратить следовать указаниям престарелого диктатора. 20 июля 1989 г. Су Чжи помещается под домашний арест, ее лишают права участвовать в парламентских выборах, состоявшихся в мае 1990 года. Тем не менее НЛД, прежде всего благодаря авторитету Су Чжи, завоевала подавляющее число мест в парламенте. Надежды генералов и стоявшего за ними Не Вина на то, что ни одна из партий, участвовавших в выборах, не наберет большинства голосов, не оправдались. ГСВЗП сразу же после выборов заявил, что передача власти гражданскому правительству невоз-

можно до разработки и утверждения новой Конституции. Жесткие меры давления на оппозицию генералы сочетали с элементами компромисса, заявлениями о стремлении к национальному примирению.

23 апреля 1992 г. сторонник жесткой линии генерал Со Маун в связи с ухудшением здоровья уходит в отставку. На его место выдвигается генерал Тан Шве. Сразу же ГСВЗП заявляет о намерении созвать в скором времени Национальную конференцию по выработке проекта новой конституции. Из тюрем выпускаются многие политзаключенные. Снимается домашний арест с У Ну. Играл ли Не Вин какую-либо роль во всех этих событиях? На первый взгляд, нет. 5 мая 1992 г. в прессе появляется весьма любопытный документ: «Заявление бывшего президента Не Вина к тем, кого это касается. Прошу снять мои портреты, вывешенные в правительственных и военных учреждениях и не вывешивать их впредь»³⁰. Публикация представляет собой воспроизведение текста, написанного на бирманском языке и подписанного рукой Не Вина. Почерк старческий, дрожащий, хотя и разборчивый. Заявление появилось в рубрике частных объявлений. Кажется бы, это свидетельствовало об окончательном уходе Не Вина с политической сцены, его полном отказе от претензий на особую роль в бирманском государстве. Однако его портреты, вместе с изображениями генерала Аун Сана до последнего времени продолжали украшать кабинеты в госучреждениях. «Неповиновение» свидетельствует как раз о том, что «старик» продолжает пользоваться авторитетом у генералов. Нельзя исключать, что именно Не Вин счел целесообразным освободить в июле 1995 г. из-под 6-летнего домашнего ареста свою главную противницу Су Чжи, так как военные к тому времени прочно укрепили свою власть в стране.

Под влиянием буддизма для большинства бирманцев свойственна созерцательность. В Бирме не так много энергичных людей с лидерскими качествами. Не Вин принадлежит к числу последних. Он всегда был деятельной натурой. Все любил делать сам. Вспоминаются телевизионные кадры. Не Вин участвует в какой-то церемонии. Начинается тропический ливень, и адъютант раскрывает над ним зонтик. Тут же президент выхватывает его и держит сам. Или такой штрих. Престарелый Не Вин отправляется в инспекционную поездку по стране. На его груди висит большой фотоаппарат — что-то он собирается фотографировать. Хотя, казалось бы, стоит только повести бровью и услужливая свита нащелкает каких угодно снимков под любым ракурсом. Как правило высокопоставленные бирманцы степенны и невозмутимы. Не Вин же обладает эмоциональным характером, взрывным темпераментом. Он был несколько раз женат. Последняя его жена — До Ни Ни Мьинт, известный бирманский историк, автор работ о национально-освободительном движении. Притчей во языцех стал случай, когда руководитель Бирмы в конце 1975 г. чуть не в пижаме и ночном колпаке ворвался в зал гостиницы и разогнал публику, отмечавшую Рождество и Новый год. Как оказалось, звуки исполнявшейся оркестром современной музыки долетали до ушей Не Вина, резиденция которого находилась рядом с отелем, и мешали спать. К тому же, его дочь без разрешения ушла на праздник в гостиницу. В отместку разгневанный отец по-солдатски расшвырял ногами музыкальные инструменты, продырявил барабан. По сообщениям иностранной прессы, Санда Вин, любимая дочь Не Вина, майор бирманской армии, со второй половины 80-х годов стала влиятельным советником стареющего отца и играет большую роль в принятии тех или иных решений³¹.

Речи Не Вин признавал обычно экспромтом, при этом ему нельзя отказать в своеобразном ораторском даре. Длительные выступления бирманский лидер насыщал воспоминаниями, отступлениями, анекдотами, шутками, пословицами. Вообще, коньком его, как и подобает диктатору, был язык, в данном случае бирманский. Не Вин нередко собирал филологов, литераторов и давал им указания, как изучать и развивать язык. По его указанию в 1964 г. началась работа над Толковым словарем бирманского языка. Завершилась она в 1980 г. изданием пятитомного словаря, самого полного на сегодняшний день. Вообще, нельзя сказать, что в Бирме

существовал культ личности Не Вина в нашем понимании. Для буддийской традиции несвойственно выпячивание личности, чьих-либо заслуг. Поэтому, в Бирме никогда не писали и не говорили, что «всеми успехами и победами мы обязаны мудрому руководству Не Вина», или что-нибудь в подобном роде. При Не Вине в Бирме средства массовой информации отражали исключительно официальную точку зрения. Сам он практически никогда не давал интервью ни местным, ни иностранным журналистам. Нет и мемуаров Не Вина. Естественно, что в атмосфере закрытости, информационного вакуума возникали всевозможные слухи о жизни бирманского руководителя. К примеру о том, что он принадлежит к числу самых богатых людей Юго-Восточной Азии.

Как почти все бирманцы, Не Вин увлекался астрологией. В литературе сообщалось, что он приказал построить астрологический планетарий на деньги, выделенные японцами³². С астрологическими расчетами связывают и введение в оборот в 1985—1986 гг. денежных купюр достоинством в 45 и 90 кьят, ибо девятка — счастливая цифра Не Вина. Не обошлось без астрологии и при перемене в июне 1989 г. названия Бирмы на Мьянму, а Рангуна — на Янгон. Считается, что со старым именем, будь-то человек или же страна, в прошлом остаются беды и несчастья. Впрочем, главное тут заключается в националистических чувствах Не Вина и других генералов. Названия на английском языке не только государства и столицы, но и многих других географических пунктов были приближены к бирманскому произношению. Мьянма на бирманском всегда называлась Мьянмой.

Не Вин благополучно дожил до 86 лет. Хотя «похоронить» его пытались несколько раз. Мировые информационные агентства, начиная с 60-х годов, не раз сообщали о смерти бирманского лидера. Последнее упоминание о переходе Не Вина в мир иной можно было прочесть в ноябре 1995 года. В путевом очерке о Бирме утверждалось, что он «скончался в 1992 г. в возрасте восьмидесяти одного года»³³. Действительно, скончался, но не Не Вин, а У Ну, и не в 1992 г., а в 1995 г. в возрасте 88 лет. Кстати, на похороны соперника «старик» послал свою дочь. Своим долголетием Не Вин отчасти обязан, наверное, следованию рекомендациям бирманской традиционной медицины, а именно, использованию для поднятия жизненного тонуса лекарств, приготовленных из ласточкиных гнезд, мумий, различных плодов и растений. Всю жизнь, до глубокой старости Не Вин занимался спортом: гольфом, теннисом, верховой ездой.

Результаты деятельности Не Вина по-разному оцениваются в историографии, причем водоразделом являются события 1988 года. Так, в американских публикациях мероприятиям Не Вина в различные периоды дается в целом положительная оценка. Особый упор делается на то, что жесткий Не Вин противостоял «коммунистической угрозе» эффективнее мягкого У Ну. Отмечается также его важная роль в обеспечении единства многонационального государства. Даже в труде, изданном Гавайским университетом в 1987 г., авторы, говоря об отставании Бирмы в экономическом развитии, стагнации, одновременно отмечают несомненные, по их мнению, плюсы режима Не Вина: стабильность, предсказуемость, гарантирование населению минимального уровня выживания, сохранение традиций, отсутствие преступности. Оценки кардинально изменились после массовых выступлений, выхода на политическую арену Су Чжи. Предшествующая деятельность Не Вина стала рассматриваться в негативном ключе, а сам он характеризуется исключительно как узурпатор и диктатор, виновный во всех бедах страны³⁴. Подобные оценки носят конъюнктурный характер. Их авторы судят Не Вина с позиций сегодняшнего дня, в отрыве от исторических реальностей, в которых последнему пришлось действовать. Это не значит, конечно, что мы отрицаем тот факт, что режим, созданный Не Вином был и остается авторитарным, недемократическим. Или что «бирманский социализм» оказался неэффективной моделью развития общества. Просто эмоциональные обвинения мало что дают для получения объективных выводов.

Так получилось, что особняк леди, или мадам, как называют Су Чжи,

ставший для нее тюрьмой на несколько лет, расположен на одном берегу озера Инья, а резиденция «старика», то есть Не Вина, — на другом. В некотором смысле Не Вина тоже можно считать узником собственного дома. На людях он последние годы практически не показывается, если не считать поездки на лечение в Сингапур. Время от времени появляются свидетельства, говорящие о том, что «Сверкающее солнце» еще не закатилось. Так, президент Индонезии Сухарто, посетивший Рангун с официальным визитом в феврале 1997 г., встретился с Не Вином. Встреча, как пояснил индонезийский министр иностранных дел Али Алата, носила чисто личный характер, поскольку оба деятеля давно знают друг друга. Показательно, что Не Вин посчитал нужным напомнить о себе именно во время визита Сухарто, в ходе которого обсуждался чрезвычайно важный для Бирмы вопрос о ее вступлении в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Бывший правитель, чье имя ассоциируется с политикой самоизоляции, теперь как бы одобряет открытость Рангуна внешнему миру. Наверное, не стоит преувеличивать роли престарелого экс-лидера в жизни страны. Скорее всего, Не Вин является своеобразным символом, помогающим, учитывая его исторические заслуги, обеспечивать единство вооруженных сил. Иногда проводятся параллели между статусом Не Вина и тем положением, которое занимал в китайском руководстве Дэн Сяопин. Вряд ли первого можно назвать бирманским Дэном. Тем не менее, идущие в двух странах процессы, особенно в экономике, в чем-то сходны. При жестком политическом режиме осуществляется, и довольно успешно, политика открытости, развития и рыночных преобразований. Не будем забывать, что в принципиальном плане инициатором этих перемен был именно Не Вин. Вспомним хотя бы его предложение на чрезвычайном съезде ПБСП в июле 1988 г. о референдуме по вопросу о многопартийности, или рыночные постановления 1987 года. Трудно сказать, насколько искренен был Не Вин в своих действиях. Возможно, он просто маневрировал. А может быть, ему хотелось остаться в истории Бирмы не диктатором, а реформатором. Во всяком случае, при внимательном изучении выясняется, что нынешнее военное правительство Бирмы следует курсом, о котором говорил Не Вин. Причем, присутствие последнего ощущается не только за позитивными изменениями, но и за жесткими действиями военного режима по подавлению оппозиции, прежде всего Национальной лиги за демократию, возглавляемой Су Чжи, лауреатом Нобелевской премии мира.

Для общественного сознания бирманцев рефлексия, в том числе историческая, не свойственна. В Бирме не принято судить прошедшее по меркам сегодняшнего дня. Эпоха Не Вина, четвертьвековой период его нахождения у власти с 1962 по 1988 годы, ушла в прошлое со своими очевидными минусами и спорными достижениями. Но необычность ситуации состоит в том, что эпоха Не Вина ушла, а сам он остался, не только в физическом смысле, но и в политическом.

Примечания

1. MAUNG MAUNG. *Burma and General Ne Win*. Bombay. 1969, p. 26.
2. НЕ ВИН. *Бирма на новом пути*. М. 1965, с. 137—138.
3. MAUNG MAUNG. *Op. cit.*, p. 38, 49.
4. LUNTNER B. *Burma in Revolt. Opium and Insurgency since 1948*. Bangkok. 1994, p. 36.
5. *Who's Who in Burma*. Rangoon. 1961, p. 202.
6. MAUNG MAUNG. *Op. cit.*, p. 205, 222—223.
7. *Ibid.*, p. 229.
8. Речи Председателя Партии Бирманской социалистической программы (на бирман. яз.). Т. 2. Рангун. 1985, с. 308.
9. MAUNG MAUNG. *Op. cit.*, p. 233.
10. *In Search of South East Asia. A Modern History. Revised Edition*. Honolulu. 1987, p. 395.
11. НЕ ВИН. *Ук. соч.*, с. 17, 142.
12. CADY D. F. *The United States and Burma*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London. 1976, p. 240.

13. МОЖЕЙКО И. В., УЗЯНОВ А. Н. История Бирмы. (Краткий очерк). М. 1973, с. 339, 340; LINTNER B. Op. cit., p. 170—171.
14. LINTNER B. Op. cit., p. 142—143.
15. ВАСИЛЬЕВ В. Ф. Рабочий класс Бирмы. (Формирование и развитие промышленного пролетариата. 1870—1970 годы). М. 1978, с. 141—142.
16. MAUNG MAUNG. Op. cit., p. 310—311.
17. LINTNER B. Op. cit., p. 205; МОЖЕЙКО И. В., УЗЯНОВ А. Н. Ук. соч., с. 361.
18. Бирма. Справочник. М. 1982, с. 173.
19. Речи Председателя Партии Бирманской социалистической программы, с. 55.
20. U THANT. View from the UN. N.Y. 1978, p. 62.
21. The Working People's Daily. Rangoon. Special Supplement. 9.X.1976.
22. Правда, 19.II.1960.
23. Правда, 17, 22.IX.1965.
24. Far Eastern Economic Review. Asia 1984 Yearbook. Hongkong. 1984, p. 139.
25. Ibid., p. 137.
26. Данные взяты из выступления посла Бирмы в СССР У Тин Эйя 4 января 1987 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран.
27. The Working People's Daily. — Rangoon. 24.VII.1988.
28. LINTNER B. Op. cit., p. 441.
29. Asia Week. Hongkong. 27.I.1989, p. 25; The Working People's Daily. 3.04.1989; AUNG SAN SUN KUI. Freedom from Fear and Other Writings. Lnd. 1991, p. 310, 314; LINTNER B. Op. cit., p. 302.
30. Лоута Пьиду Нейзин (на бирман. яз.). Rangoon. 5.V.1992.
31. LINTNER B. Op. cit., p. 365; Far Eastern Economic Review, 25.VIII.1988., p. 10.
32. LINTNER B. Op. cit., p. 127.
33. Новый мир, 1995, № 11, с. 156.
34. См. JOHNSTONE W. C. Burma's Foreign Policy. A Study in Neutralism. Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts. 1963, p. 132, 156, 270; In Search of South East Asia, p. 403—404; LINTNER B. Op. cit., p. 174, 281, 302.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Желание оставить службу

Часто случалось мне в последнее время при виде хода нашей администрации чувствовать такое отвращение, такую, так сказать, тошноту, такое негодование, что я серьезно думал, как бы оставить вовсе службу, удалиться от дел и, по крайней мере, в немногие оставшиеся еще мне последние годы жизни прожить спокойно, избегая огорчений и порчи крови при виде всего, что делается. Для этого надобно устроить свой образ жизни так, чтоб обходиться без получаемого мною на службе жалованья, и я несколько раз составлял расчет потребной для сего экономии и сокращения расходов. В настоящее время меня затрудняют мои благотворительные заведения в Рязанском имении: больница, школа мужская и школа женская, акушерка, ежемесячные пособия увечным и старикам, пенсии. Пришлось бы прекратить все эти расходы. Сверх того быстро возрастающая дороговизна на все предметы как последствие падения покупательной силы кредитного рубля крайне затрудняет всякое сокращение расхода по дому и домашнему хозяйству. Если б наш царскосельский дом был зимним домом, то можно бы попробовать провести там зиму, но в настоящем его виде это невозможно. Пожить за границей можно только временно, но переселиться туда русскому, привязанному к России, невозможно. Жизнь в деревне по многим условиям нашего общества стоила бы не дешевле, чем в Петербурге, и притом без здешних удобств, притом я не имею в деревне поместительного дома, а только весьма небольшой домик для приезда туда на короткое время.

Все это останавливает меня относительно принятия окончательного решения.

Способ ведения войны пруссаками

В начале нынешней войны все сочувствие мое было на стороне пруссаков, но по мере того, что она продолжалась, по мере того, как стали приходить известия о способе ведения оной этим народом, стоящим по своему нравственному, религиозному и умственному развитию и своей образованности во главе народов европейских, сочувствие мое стало переходить на сторону французов, и теперь я не могу думать без негодования о действиях их победителей. Понятия нашего времени требуют, чтоб война велась против вооруженного войска противника, но чтоб мирные жители насколько возможно не разорялись и чтоб невинные не отвечали за виновных. Поэтому принято во время прохода чрез неприятельскую землю щадить частную собственность, насколько возможно платить за припасы, которые берутся для войска, не позволять солдатам буйствовать и грабить, для облегчения тяжести постоя производить оный чрез местные власти, в случае бомбардирования или

Окончание. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1—2, 4—6, 9—10; 1997, №№ 1—10.

осады укрепленного города выпускать из него стариков, женщин и детей, за враждебные поступки отдельных лиц не наказывать целое население города или деревни, если нельзя обойтись без реквизиции, ограничить оную самым необходимым, на безоружного врага, на раненого смотреть как на брата и пр.

Все эти правила, все эти требования современной цивилизации прусские войска не исполняли. В городах, которые подвергались осаде и бомбардированию умышленно держали женщин и детей, дабы страдания их побуждали воинских начальников к сдаче; за враждебные поступки отдельных лиц целые селения сжигались, на жителей городов и селений налагались огромные контрибуции и для побуждения к уплате оных брались заложниками почтеннейшие из жителей; в число предметов реквизиции входили предметы роскоши: сигары, шампанское, дорогие вина; во время постоя солдатам дозволялось брать все, что они хотели.

Осада Страсбурга, Меца, Пфальцбурга и самого Парижа доказывают, что система не выпускать женщин и детей, чтоб принудить гарнизон к скорейшей сдаче, была принята высшими начальниками прусских войск. Возмутительно!

Агент тайной полиции в канцелярии великого князя Константина Николаевича с 1852 по 1859 год

Иногда приходят на память происшествия, о которых давно не думал, которые, казалось, давно позабыл и приходят на память без всякой видимой причины. Так например, на днях я вспомнил, что во время 10-летнего управления моего канцелярией великого князя Константина Николаевича служил в этой канцелярии писарь Морского министерства (Строительного департамента), который в то же время был агентом III Отделения. Узнал я об этом уже по выходе моем из канцелярии по упразднении оной.

Когда начальник Главного Морского штаба князь Меншиков назначил меня правителем дел комитета, учрежденного под председательством великого князя Константина Николаевича, для составления Морского устава, князь Меншиков предлагал мне составить штат для небольшой канцелярии при этом комитете, но я просил этого не делать, находя, что такой штат только стеснит меня. Канцелярию нельзя будет увеличивать и уменьшать по надобности и нельзя будет легко менять лиц, составляющих оную. Посему я просил, не составляя никакого штата, образовывать мне временную, так сказать, сборную канцелярию из писарей, курьеров, чиновников и офицеров, смотря по надобности, флотских, штурманских, артиллерийских, командиремых из Морского министерства в мое распоряжение с назначением небольшой суммы на канцелярские припасы. На это согласились.

Писари были командированы из разных частей Морского министерства и в том числе один из Строительного департамента, бледный, болезненный, молчаливый, но весьма усердный и трудолюбивый. Он приходил раньше всех и оставался долее всех, и участвовал в переписке самых секретных бумаг, а если б имел подходящий ключ, то легко мог бы ходить во все шкапы, оставаясь один в комнатах канцелярии. Своим болезненным видом он возбуждал во мне жалость, я отличал его при выдаче небольших денежных наград из наших сумм на канцелярские припасы, и мне никогда не случалось делать ему какие-либо замечания. Через два или три года по упразднении канцелярии и возвращении писарей оной в Морское министерство я получил от матери этого писаря просьбу о заступничестве за ее сына, которого III Отделение высылало из Петербурга, причем мать писала, что сын ее уже много лет служил агентом III Отделения, где им были всегда довольны. Просьбу эту я передал начальнику III Отделения Потапову (впоследствии виленский генерал-губернатор), который письменно уведомил меня, что писарь этот действительно состоял агентом III Отделения, но недавно, повздорив в трактире, хвастался этим званием. Другой агент, бывший так же и ему незнакомый, донес на него. После этой истории III Отделение не находило возможным оставлять его в Петербурге. Через несколько месяцев я узнал, что писарь этот застрелился в том городе, куда был выслан.

Таким способом III Отделение наблюдало за секретной перепиской и бумагами брата государя. В этой переписке и бумагах ничего не было предосудительного и ничего нельзя было найти и подметить в них дурного, но разве не мог агент тайной полиции, если б он был человек злой, неблагонамеренный, но образованный и хитрый, сам сочинить многое во вред мне и великому князю?

Аресты студентов Земледельческого института государственных имуществ (в Лесном корпусе близ Петербурга)

Это напоминает мне вчерашний рассказ товарища министра государственных имуществ князя Оболенского. В конце ноября были арестованы и посажены в крепость несколько студентов здешнего Земледельческого института и профессор одного артиллерийский офицер Энгельгардт. Институт помещается в зданиях бывшего Лесного корпуса и находится под управлением директора тайного советника Петерсона. Студенты живут в домах около института. Их обвиняли в сборищах, на которых говорились противозаконные речи, порицалось правительство и выражались разные революционные идеи¹. Следствие над ними произведено было особою комиссиею под председательством генерал-адъютанта Ланского. Оболенский сказывал мне, что комиссия не нашла ничего преступного и что молодые люди будут просто освобождены, но, во 1-х, что три студента, бывшие агентами тайной полиции и которые донесли на своих товарищей, сами сознались, что они говорили неправду, но что им так было приказано, и, во 2-х, что в донесении комиссии Ланского приписаны директору Петерсону показания, которых он положительно не делал и которые, между тем, навлекли на него гнев государя.

Можно ли после этого иметь малейшее доверие к показаниям негодяев, которые соглашаются быть агентами тайной полиции, и к донесениям всяких тайных следственных комиссий, и не лучше ли правительству действовать посредством гласных ревизий и гласных следственных комиссий, поступающих открыто на точном основании законов.

Перлюстрация

Другое не более надежное орудие узнавать образ мыслей, настроения и действия подданных есть перлюстрация. Служивший в Министерстве внутренних дел, ныне сенатор, Похвиснев, рассказывал мне, что перлюстрация писем производится в настоящее время действительным статским советником Шором с помощниками, который по этому предмету имеет доклад у министра внутренних дел Тимашева, а сей посылает государю выписки из писем и некоторые из них сообщает III Отделению. На днях великий князь Константин Николаевич и управляющий Морским министерством адмирал Краббе сказывали мне, что государь передал великому князю для прочтения выписку из письма адмиралу графу Литке сына его командира корвета «Яхонт» капитана-лейтенанта графа Литке, адъютанта его высочества, из Пирея, где «Яхонт» находится на станции. Литке-сын пишет отцу своему и порицает разные действия петербургского морского начальства. Из письма этого видно, что отец перед тем писал сыну в том же смысле. Великий князь, возвращая письмо государю, весьма благородно защищал своего адъютанта и говорил, что во время дальних плаваний между офицерами дело весьма обыкновенное за все недостатки корабля, команды, снабжения и вооружения судна бранить Морское министерство. Доклад великого князя Константина Николаевича происходил в присутствии великого князя наследника и великого князя Алексея Александровича.

Вообще должно сказать, что деятельность III Отделения, перлюстрация частных писем (сына к отцу) и расстройство финансов при безнравственной системе налогов лягут черными пятнами на блестящую историю великих преобразований, которые стяжали бессмертную славу императору Александру Николаевичу и поставили имя его наряду с величайшими администраторами и благодетелями человечества.

Декларация о Парижском трактате. Заслуга Рейтерна

По поводу вышеупомянутого расстройства наших финансов кстати будет рассказать следующее. На днях заезжал ко мне мой лицейский товарищ, министр финансов Рейтерн, и сказывал, что он и другие министры были призваны в прошлом октябре в Царское Село для обсуждения проекта предполагаемой декларации государственного канцлера Горчакова относительно прекращения обязательной силы некоторых постановлений Парижского трактата.

В этом проекте требовалось возвращение уступленной нами по Парижскому

трактату прилегающей к Дунаю части Бессарабии и объявлялось, что Россия признает за собою право защиты на Черном море флотом и крепостями, не стесняясь означенным трактатом. Рейтерн особенно возражал против требования возврата уступленной территории, предвидя от того неминуемо войну, для ведения коей мы не имеем денежных средств. Слова остались без влияния ввиду твердой решимости государя одобрить проект декларации. Возвратясь в Петербург, Рейтерн написал Горчакову сильное письмо в подтверждение своих мыслей. Письмо это было представлено государю и возвращено от него с отметкой «cela ne change en rien mes ideis»¹, но через день, по докладу Горчакова, государь согласился исключить все, что касалось Бессарабии. Таким образом, Рейтерну удалось оказать России огромную услугу, предотвратить массу страшных страданий и сохранить сотни миллионов рублей, расход коих лег бы тяжелым бременем на нынешнее и будущие поколения. Мысль или воспоминание об этом должно остаться для Рейтерна на всю жизнь большим утешением в случае горестей и огорчений, неминуемо связанных с его трудною должностью. Оказать услугу человечеству в таких размерах весьма немногим удается².

После такой услуги, оказанной Рейтерном нашим финансам, все, что могли бы сделать члены Государственного совета при настоящем рассмотрении бюджета представляется слишком мелочным и ничтожным. <...>¹¹.

Январь 1871 года

Собственные недостатки

Нынешний 1871 год я начал молитвой: «Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего», так как главный недостаток мой, который оказывается из обозрения действий в прошлом году, есть критика других и незамечание собственных нехороших сторон. Критиковать других легко, но едва ли подобная критика может быть сколько-нибудь основательна и справедлива, ибо мне неизвестны все обстоятельства, все побудительные причины их действий, и потому я произношу суждение на неполных данных. Критиковать себя очень трудно, ибо самолюбие прокрадывается и в самое осуждение своих собственных действий и приходится вспоминать поговорку: «унижение паче гордости». Так, например, я давно и часто замечал в себе недостаток гражданского мужества, неспособность к самопожертвованию, к риску своим положением, жалованьем, состоянием, комфортом для идей общего блага, общей пользы, но должен сказать, что при отдельных случаях, когда приходилось бы высказать гражданскую доблесть, расчетливый ум говорил, что самопожертвование без всякой надежды принести какую-либо пользу, без надежды достигнуть цели, совершенно безрассудно, что оно есть какое-то донкихотство, возбуждающее сожаление, а не удивление, что раздражать сильного без всякой надежды на успех глупо; что всегда можно приносить пользу ближнему без самопожертвования, но пользу в умеренных размерах, и что случаи, когда действительно требуется геройство, весьма редки, а в нашей обыденной жизни, в России, во 2-й половине XIX столетия, и вовсе не встречаются.

Все это имеет свою частицу правды, все это весьма успокоительно и для жизненного комфорта весьма выгодно, но нельзя однако не сказать, что под влиянием этой аргументации душа становится как-то мельче и благородные порывы являются реже и реже. Мне представляется иногда случай в качестве члена Государственного совета говорить против мер противных общему благу, против расходов излишних, ассигнуемых из угождения лицам влиятельным, я не пользуюсь этим случаем, чтобы не навлечь себе неприятностей и, подобно другим членам, извиняю себя внутреннею аргументацией, что предмет не довольно важен, чтоб для него приносить себя в жертву, что цели я не достигну, что дело во всяком случае будет решено противно моему мнению, что, следовательно, благоразумие требует не терять бесполезно слова. Есть ли это малодушие или, напротив, признак здравого ума, который бережет силы на случай действительно важных дел, не расточая их по мелочам? Вообще мне кажется, что воспитание нашего поколения было ошибочно, а что впоследствии вся служебная деятельность и вся жизнь под гнетом самодержавия сделала из нас не граждан, а рабов или придворных. Я не помню, что нам

внушали бескорыстное служение идеям правды и добра, чтоб выставляли самопожертвование для этих идей долгом, обязанностью, но помню, что требовали послушания и добронравия³. Что значило в сущности слово «добронравие»? Просто безмолвное повиновение, почитание старших, угождение начальству. Затем правление императора Николая, конечно, не могло развить в его чиновниках чувства какой-либо самостоятельности. Развивались эгоизм и любовь к комфорту (к чинам, служебным отличиям)⁴.

Как судить известных людей, которые последовали воззванию Пушкина:

Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдет она
Заря пленительного счастья
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Означенных людей следует назвать безумцами, но безумцами, которые действовали благородно, с самоотвержением, приносили себя в жертву идее пользы, по этим самоотвержением приносили отчизне больше вреда, чем пользы, ибо раздражали самовластье и возбуждали целый ряд репрессивных мер, усиливали тяжелый гнет. Безумцами следует назвать их, ибо они не сообразили: 1) что нельзя достигнуть ограничения самовластия там, где огромное большинство вовсе не желает этого и прямо предпочитает жить под неограниченную властью единого, чем под управлением сонма, так называемых, народных представителей, и что нельзя устроить республику там, где нет республиканцев, или парламент и конституцию, где огромное большинство не имеет об этом ни малейшего понятия; и 2) что нельзя бороться против силы в миллион раз сильнейшей. Вспомнишь слова Евангелия: «It is hard for thee to kick against the pricks»^{III}. Пушкин писал вышеозначенные стихи в 1818 г., а в 1827-м г. ему пришлось написать: «Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье»...

Тоже повторялось и после. То же повторилось бы и теперь, и повело бы к усилению разных строгостей, к произвольным распоряжениям, нарушению законов и к стеснению той части простора, которым мы теперь пользуемся.

Посему нельзя не признать влияние попытки к ограничению административного произвола в настоящее время не только бесполезными и несвоевременными, но даже положительно вредными. Никому неизвестно, когда «Россия вспрянет ото сна», через сколько поколений это случится, но тем не менее нельзя не сказать, что разные, часто повторяющиеся выходки самовластия, особенно в делах денежных, весьма вредны. Замечательно, что в этих выходках виноват не столько сам властитель, как бессовестные люди, окружающие его и которые из своих расчетов подводят его и добывают в свою пользу вредные распоряжения. Связанные между собою разными отношениями они помогают друг другу и составляют вокруг монарха вредную цепь.

Нарушение законов произволом

Не далее как сегодня (9-го января) бывший министр путей сообщения Мельников рассказывал мне одно из подобных вредных действий самовластия, под которое подвели государя 31-го минувшего декабря.

Нынешний министр путей сообщения весьма молодой, деятельный, но крайне неопытный и незнающий вовсе дела, граф Бобринский, внес в Государственный совет проект нового учреждения и штатов для Министерства путей сообщения. Этот проект, резко отличающийся от общепринятого у нас образования министерств, возбудил в Департаменте законов совета, во II отделении Собственной канцелярии и со стороны министра финансов много замечаний. Тогда Бобринский, не дожидаясь окончания рассмотрения дела в Государственном совете и пользуясь крайне расстроенным состоянием государя вследствие смерти егермейстера Скарятин, убитого на охоте его величества, доложил свой проект государю и объявил, что государь одобрил оный и что приказал ввести в действие в виде опыта на три года,

а затем уже через три года рассмотреть в законодательном порядке. Таким образом, по делу весьма важному, но вовсе не успешному, нарушен вполне законный ход, и государь лишил себя возможности выслушать мнение других министров и членов Государственного совета, хотя эти мнения вовсе не стеснили бы государя при решении дела.

Подобные случаи отнимают всякую охоту заниматься делами Государственного совета и говорить в совете в пользу законности, бережливости и т. п., когда видишь, как важнейшие дела решаются в противность закона, по капризу молодого неопытного министра, который чувствует, что не сумеет отстоять в Государственном совете свое скороспелое произведение.

Рассказывали мне также другой случай, который доказывает, что произвол особенно вреден, когда им пользуются слуги царицы, а не только сам царь. Эти люди, находясь в милости, в случае, забываются и доходят до цинизма. Говорят, что прокурор здешней судебной палаты Половцов, производя следствие над студентами Земледельческого училища, сделал распоряжение, чтобы к ним как к политическим подсудимым не допускали никого без его разрешения, не исключая и чиновников III Отделения. Начальник III Отделения, всемогущий граф Шувалов, взбесился и публично, в дворцовом коридоре, в нескольких шагах от кабинета государя, разбил Половцова, причем до того забылся, что сказал ему: «Да, по закону Вы правы, но Вы увидите, что я сильнее закона; меня еще лет на десять хватит; я Вас заставлю уважать III Отделение».

Весьма желаю, чтоб это было преувеличено. Говорят также о многих случаях ссылки без суда, послеовавших в последнее время по распоряжению III Отделения.

Болезненное состояние

Сегодня (18 января) я в первый раз выехал на воздух после двухмесячного почти заключения по случаю гриппа и упрямого катара дыхательных органов. Все подобные болезни, проходящие у других скоро и легко, продолжают у меня долго вследствие общего болезненного состояния организма (малокровия, апатии, слабости), которое в течение всей жизни очень мне вредило и продолжает вредить. Никогда я не мог столько работать, бывать в обществе, видеть людей, принимать у себя, исполнять разные придворные обязанности, как это делали другие, имевшие больше сил и лучшее здоровье. Я замечал, что многие не верили моему болезненному состоянию и предполагали лень, невнимательность, невежливость там, где всего этого вовсе не было, а было просто отсутствие силы и нездоровье. С годами оно более и более парализует мою деятельность и уменьшает возможность даже дома заниматься: читать и писать, ибо то и другое крайне утомляет меня.

Дело о евреях

Сегодня же рассматривается в Общем собрании Государственного совета прилагаемое дело Департамента законов о воспрещении евреям в Царстве Польском носить еврейское отличительное платье, а еврейкам брить голову. Это дело замечательно как пример бессилия самодержавной власти, ибо несмотря на многократные строгие подтверждения с 1850 г. и до сих пор воля самодержца не исполняется и евреи продолжают носить свое национальное одеяние, а еврейки брить голову^{IV}. Запрещение это со всеми странными и мелочными подробностями оно служило только полиции, т. е. слугам и агентам самодержца, средством брать взятки. Замечательно так же в этом деле мнение министра народного просвещения графа Толстого, который весьма сильно высказывается в пользу стеснительных мер, придает им огромную важность и ожидает от них большой пользы. Прискорбно видеть такое направление в министре просвещения.

Перемирие

Наконец явилось с театра войны радостное известие — перемирие, заключенное под стенами Парижа на три недели, и за сим есть надежда, что будет заключен и мир. Человеческая бойня прекратилась и обе воюющие стороны могут заняться уходом за своими больными и ранеными, а голодающему населению Парижа могут

быть подвезены съестные припасы. Первое движение мое по получении отрадного известия была молитва благодарения. Точно свинцовая ноша упала с груди. Затем представляется мысль: воспользуются ли Франция и Германия тяжелыми уроками: первая — чтобы понять, к чему может привести деспотизм, система обмана, подкупа, лжи, хвастовства, самовосхваления; а вторая — чтобы видеть, как дорого обходится слава военная и к чему ведет милитаризм во главе правительства? И французам и немцам ввиду бедствий, причиненных деспотизмом, следовало бы помнить слова поэта ^V:

О, свобода, ты одна
Можешь сделать человека счастливым,
Без тебя невозможно
Счастье найти.

Заключенное уже между Фавром и Бисмарком перемирие дает надежду, что в непродолжительном времени будет заключен мир, и тогда первое и важнейшее дело Франции будет состоять в том, чтобы устроить себе правительство. Опыт она имеет огромный. Сколько перебивало в ней правительств со времени знаменитой революции конца прошлого века и как все сии правительства оказывались непрочны и скоропреходящи. Эта частая перемена правительства имела, между прочим, одно дурное для Франции последствие, о котором мало думало каждое правительство, чтоб получить власть и чтоб подолее удержать оную в своих руках, постоянно льстило народу и вводило систему лжи и восхваления в свои действия. Вредное нравственное влияние этого образа действия было огромное. Нравственное растление Франции и преобладание материальных интересов и расчётов было последствием оною. Высшие нравственные идеалы исчезали, и уже не к ним, а к удовлетворению грубых побуждений стремилось французское образованное общество. В настоящее время во Франции слишком много людей, которым выгодно быть под монархическим правлением, которым нужен наружный блеск двора, гнилая атмосфера его, возможность разного рода злоупотреблений, легкость добывать себе деньги и почести посредством интриг и унижений, чтоб можно было ожидать от французов устройства себе правительства по образцу швейцарского или Северо-Американских штатов с гласностью, простотою и дешёвизною того и другого. Вероятно, французы по примеру Испании восстановят монархию, сочинят какие-либо кажущиеся, но отнюдь не действительные, ограничения произвола своих правителей, назначат им огромное содержание, для чего обложат себя такими налогами, которые ни в Америке, ни в Швейцарии не существуют, выберут себе династию и успокоятся на время, доколе не явятся новые поколения. Тюильрийский дворец опять наполняется раззолоченными ливреями лакеев разных степеней, начиная с министров и кончая истопниками; опять правительство начнет править французами, действуя на дурные наклонности, развивая их и усиливая, а придворные и ласкатели разных сортов будут таким же образом действовать на правителей, и в результате явится опять взаимная порча и обман: граждан — правительством и правительства — гражданами. Тайная полиция, перлюстрация, преследование свободы слова, произвол вместо законности, административные наказания вместо судебных приговоров, мрак вместо света, подкупы разного рода и опять самохвальство, тщеславие — вот что по всей вероятности явится во Франции. «De tous les temps les exemples des pères Sont imités par les enfans» ^{VI}.

Не записываю многого, что слышу

Много слышал я в последнее время рассказов о том, что делается в нашем высшем правительственном и придворном мире, но воздерживаюсь от внесения в мои записки, ибо не знаю, насколько это справедливо. Много выдумывается, многое преувеличивается, многое делается дурного, но то же самое под другими формами и видами делалось и в других местах во всякое время. Посему, не стоит того отмечать эти действия и тратить на это время и бумагу.

Ожидаемые в Государственном совете проекты уставов

В течение нынешней зимы в Государственный совет будут внесены, как говорят, проекты: устава о книгопечатании, составленного комиссией под председательством

князя Урусова и уставов гимназий, т. е. собственно классических училищ, составленного Георгиевским по идеям Катаева и Леонтьева, и высших городских, то есть реальных, училищ, составленного Вороновым с большими уступками идеям московских журналистов.

Не знаю еще, следует ли мне принять участие в обсуждении этих проектов в Государственном совете, или вовсе устранить себя от этого. Во многих основных идеях я не схожусь с составителями, хотя некоторые предположения их нахожу полезными и желаю им успеха. Эти предположения не нуждаются в моем содействии. Они будут приняты советом и утверждены государем. Что же касается разномыслий моих с подлежащими министрами, то я не имею ни малейшего шанса успеха. Мнения мои едва ли найдут даже самое малое число сторонников в совете и, наверное, будут отвергнуты государем, причем произведут на него самое дурное впечатление и возбудят его гнев. Какая же возможна польза от изложения этих мнений? Стоит ли того терять для этого время, подвергаться неудовольствиям и портить себе кровь?

Мнение о свободе печати

Проект устава о книгопечатании сохраняет систему произвола, административных взысканий и усиливает средства, которые даны уже Министерству внутренних дел, чтобы подчинять себе журналы и газеты.

Это вполне согласуется с желаниями влиятельных министров (внутренних дел, народного просвещения и шефа жандармов), генерал-губернаторов и губернаторов и самого государя, которому представили прессу как вредное, неблагонамеренное и опасное существо, которое следует постоянно и сильно сдерживать и которое принесит тем больше вреда, чем более дается ему простора. Вред этот — по мнению врагов прессы — многообразен. Она вредит религии вообще и церкви в особенности, вредит общей нравственности, вредит благоустройству общества, вредит правительству и, ослабляя силу администрации, ведет прямо к анархии и безначалию. При этом она возбуждает ненависть между сословиями, между разными национальностями и религиями и восстанавливает одних граждан против других. По всем исчисленным здесь предметам она распространяет ложные, вредные мысли, подвергает насмешке все верования, почтенные убеждения и, таким образом, подкапывает основы общества и прямо ведет оное к переворотам, к революции. Она особенно сильно действует на молодое поколение, которое не составило себе твердых жизненных правил и убеждений, которое поэтому не в состоянии понять и разоблачить ложные учения, а напротив того легко увлекается ими. Поэтому необходимо во время сдерживать прессу и никак не позволять ей свободно излагать всякие вредные учения. Она может составлять силу, с которою никакое правительство не в состоянии справиться. В доказательство этого приводят примеры Франции, где разные правительства могли держаться только в течение того времени, в которое они сдерживали прессу. К этому прибавляют, что редакции журналов служат притоном людей самых неблагонамеренных, отъявленных врагов правительства и порядка и что вообще пресса есть ничто иное, как систематическая постоянная оппозиция правительству.

Вот, как мне кажется, мнение внушенное государю и разделяемое в большей или меньшей степени министрами: Шуваловым, Тимашевым, графом Толстым, Адлербергом, Урусовым и некоторыми другими менее влиятельными лицами, не говоря уже о весьма многих окружающих государя лицах, не имеющих министерских портфелей. Лица, имеющие такой взгляд на прессу и понимающие невозможность простого восстановления предварительной цензуры, действуют весьма логично, стараясь дать в руки правительства из чувства самосохранения всякого рода оружие против вышеописанного врага, сила и смелость коего растет в мире беспечности и слабости правительства. Этим объясняется устав о книгопечатании, цель коего состояла в том, чтобы изобрести как можно более оружия для противодействия прессе и ослабления оной.

Мое мнение относительно прессы совсем другое. В свободе оной я вижу необходимое условие правильного, здорового развития государственного организма и гражданского общества. Под свободой я однако не разумею безнаказанности, но полагаю, что наказание должно быть по суду как за преступление совершенное

путем печати, так и за преступление совершенное всяким другим орудием, — по суду гласному, публичному с присяжными и адвокатами. Не подлежит сомнению, что свобода прессы имеет свои неудобства как и всякая другая полезная вещь. Огнем можно обжечься, ножом можно порезаться, яд в лекарстве и в известной дозе приносит пользу, спасает жизнь, а в другом прием причиняет смерть. Неудобства, сопряженные со свободой прессы, далеко превышаются пользой, которую она принесит, и эта польза есть знание истины. Прежде всех и более всех может воспользоваться этим само правительство, а ему-то знание истины всего необходимей. Доклады прессы не суть доклады правительственных агентов, остающихся во мраке канцелярий и не подвергаемые контролю. Доклады прессы о состоянии края, нуждах его, желаниях, разных неурядицах и злоупотреблениях подвергаются немедленно в самой прессе публичному обсуждению, критике.

Ошибка, сделанная одним органом прессы, тотчас замечается другими органами, является полезная полемика, и правительство получает то, что для него всего дороже — знание истины. Только действуя на верных данных правительство может действовать безошибочно и вследствие того быть прочно и твердо. Пресса доставляет ему эти верные данные. Следовательно, она содействует его прочности и твердости. Правительство должно смотреть на нее не как на врага, а как на своего лучшего помощника, лучшего контролера его агентов и проводника желаний граждан. То же находим и в других сферах. В науке, в религии, в нравственности свободная полемика прессы может вести только к раскрытию, и, следовательно, и к торжеству истины над заблуждениями, ложью, ошибками, ханжеством. Только те дела и те люди, которые нуждаются в тьме, могут желать стеснения простору печатного слова. Конечно, можно употреблять во зло этот простор, как и всякое другое орудие, но повторяю, что зло далеко превышаетя благими последствиями простора прессы.

Посему, следуя моим убеждениям, должно бы подвести печать под общие законы гражданского общества, и не изобретать для нее особог положения с административными взысканиями и разными исключительными мерами.

Затем — при известном раздражении государя против прессы — к чему может повести изложение этих мыслей? К усилению раздражения. Для всякого дела нужно прежде всего — время благоприятное.

Февраль 1871 года

Проект уставов гимназий и реальных училищ

В январской книжке нынешнего года журнала Министерства народного просвещения помещено официальное обозрение действий Министерства народного просвещения за 1870 год. В этом обозрении на стр. 4, между прочим, сказано: «В самом непродолжительном времени внесены будут в Государственный совет представления:

- 1) с проектом устава начальных городских училищ и учительских институтов, имеющих назначением приготовление для них учителей.
- 2) с проектом изменений и дополнений устава гимназий 1864 года;
- 3) с проектом устава реальных училищ, которые должны заменить собою реальные гимназии, к каковым представлениям министерство, быть может, решится теперь уже присоединить проект положения о промышленных училищах, дающих низшее прикладное образование».

На стр. 3 сказано относительно устава гимназий 1864 года: «В разряде средних училищ смешаны два различные их вида: гимназии и реальные училища — под одним общим названием гимназий, тогда как везде гимназии назначаются для сообщения общего научного образования, приготовляющего к поступлению в университеты, а реальные училища имеют целью доставление образования научно-прикладного и приготовление в высшие специальные училища, предназначенные для довершения высшего научно-прикладного образования. При этом смешении целей двух различных видов образования самый план учебного курса реальных гимназий, одинаковые для всех училищ этого рода и устроенный так, чтобы эти учебные заведения могли иметь характер общеобразовательный, нисколько не приурочен к практическим потребностям жизни».

Предположения министерства о начальных училищах и об учительских институтах мне вовсе неизвестны, а проекты изменения в уставе гимназий и проекты устава реальных училищ я видел, но не в окончательной редакции.

Поэтому, вовсе не касаясь подробностей и предметов второстепенных, я могу однако судить о некоторых основных мыслях нынешнего министерства, мыслях, которые останутся неизменны и которые несогласны с моими возражениями, служившими основанием устава гимназий классических и реальных, утвержденного и введенного в действие по-моему представлению в 1864 году.

Теперь представляется мне вопрос: принимать ли мне и, если принимать, то в какой мере, участие в рассмотрении Государственным советом представления Министерства народного просвещения об изменении коренных оснований моего устава 1864 года? Могу ли иметь малейшую вероятность на успех, т. е. на то, что вследствие моих усилий предположения министерства будут отвергнуты и устав: 1864 г. останется в своей силе, или если предположения министерства, несмотря на разногласие в Совете, будут утверждены государем, что моя оппозиция и прения в Совете принесут какою-нибудь пользу делу?

В таком только случае стоит того возбуждать прения и заботиться о привлечении на свою сторону хотя нескольких членов совета. В противном случае лучше вовсе устранить себя от всякого участия в этом деле.

Для решения этого вопроса необходимо ясно определить сущность разногласия между мною и нынешним министром народного просвещения графом Толстым.

При составлении устава 1864 г. имелось в виду, что в возрасте от 9 до 17 лет (юношеском) следует давать общее образование, которое, не сообщая прикладных, технических или, так сказать, практических знаний и не вводя никакого специального направления, имеет целью стройное одновременное развитие всех способностей юноши и приготовить его к избранию специальности в возрасте, когда он сознательно может это сделать и когда могут обозначиться эти преобладающие способности.

Для сообщения этого общего образования, для одновременного стройного развития всех способностей юноши назначались гимназии, которые получали таким образом значение средних общеобразовательных учебных заведений. Затем по различию главного педагогического орудия, которое употреблялось для достижения означенной цели, гимназии делились на классические и на реальные. В первых общее образование и развитие юноши достигалось преимущественно изучением древних языков, а во вторых — изучением наук естественных. Как во первых, так и во вторых математика была вторым предметом изучения, а все остальные предметы занимали третье место. При этом имелось в виду, что изучение древних языков составляло более отработанное и более совершенное орудие в руках педагогов, посредством которого цель развития юноши лучше достигалась. Это орудие употреблялось в течение веков в Германии и Англии лучшими педагогами, все приемы оно доведены до совершенства и опыт многих стран доказал превосходство оно. На этом основании гимназиям классическим дано было преимущество в том отношении, что только ученикам оных, окончившим с успехом полный курс гимназии, предоставлялось право вступления в университеты.

Относительно гимназий реальных имелось в виду, что в теории невозможно отрицать за естественными науками общеобразовательной силы, но что преподавание этих предметов еще недостаточно выработалось, педагогические приемы не разъяснились, опыт не усовершенствовал их подобно тому, как мы это видим в отношении к древним языкам. Посему этим гимназиям казалось еще преждевременным предоставлять право выдавать своим ученикам свидетельство на вступление в университет. Молодые люди, окончившие курс в этих гимназиях, могли поступать в высшие технические училища: горное, технологическое, инженерное, разные военные заведения, и для них следовало учредить политехнические институты, которые особенно удовлетворяли бы современным потребностям нашего общества, приготавливая архитекторов, строителей железных дорог, техников по разным частям, горных инженеров, агрономов и т. д.

Учреждение реальных гимназий казалось еще потому особенно нужным, что немногие молодые люди могли посвятить 7 лет на прохождение полного курса гимназий классических, но по семейным обстоятельствам или неспособности к изучению древних языков должны были гораздо ранее оканчивать ученье и переходить

к занятиям, доставляющим возможность зарабатывать средства к жизни. Оттого мы видели, что при наших гимназиях большинство учеников выходило из средних классов и только немногие оканчивали полный курс. Для выходящих из средних классов изучение древних языков не могло быть полезным, ибо оно не достигало своей общеобразовательной цели. Между тем изучение наук естественных, математики и новейших языков могло принести им прямую пользу несмотря на то, из какого класса гимназии они выходили.

На основании этих главных идей составлено было распределение предметов учения в гимназиях классических и реальных и утверждено Государственным советом в 1864 г., причем предоставлялось министру народного просвещения на деньги, которые он получал для гимназий вообще, учреждать то число тех или других, которое по его мнению вызывалось потребностями общества.

Вследствие явного предпочтения, которое граф Толстой оказывал гимназиям классическим, число реальных гимназий не было им увеличено, а в настоящее время он полагает только за средними училищами с древними языками сохранить название гимназий и общеобразовательный характер, а нынешние реальные гимназии переименовать в городские высшие училища и дать им значение технических, прикладных школ. В какой степени это намерение будет приведено в действие, в какой степени реальные гимназии будут лишены общеобразовательного значения, это мы увидим из окончательного проекта, который будет внесен графом Толстым в Государственный совет, и судить об этом было бы теперь преждевременно. Известно только, что в Министерстве народного просвещения происходит борьба между двумя стремлениями: одно, которое старается сохранить за реальными гимназиями, под названием высших городских училищ, значение общеобразовательных средних учебных заведений, и другое, которое желало бы обратить их в технические школы, несколько выше нынешних уездных училищ, и назвать их мешанскими^{VII}.

Что касается собственно классических гимназий, то граф Толстой очень хорошо делает, что усиливает в них изучение древних языков и математики, учреждает подготовительный класс, чтобы иметь в самом начале гимназического курса учеников, лучше подготовленных, и прибавляет восьмой год к гимназическому курсу для облегчения учеников и более основательного прохождения этого курса.

Смерть государственного контролера Татарина и назначение ему преемника

Ночью на 14 февраля сего 1871 г. скончался внезапно государственный контролер Валериан Алексеевич Татарин. Государственная деятельность покойного заслуживает особенного уважения и признательности всех русских. Покойного весьма не любили наши министры и вообще чиновники, и это обстоятельство уже служит доказательством, что он добросовестно исполнял свою обязанность проверки правильности и законности производства ими расходов. Но главная его заслуга — другая и состоит в преобразовании всей системы нашей счетной и контрольной части. Эта реформа предполагалась еще бывшим государственным контролером Анненковым в начале нынешнего царствования, но совсем в другом более ограниченном виде. Предположения того времени были составлены Татаринным, который служил в контроле в должности директора одного из департаментов, и были представлены Анненковым великому князю Константину Николаевичу в проекты с целью получить содействие великого князя при рассмотрении проекта в Государственном совете.

Великий князь советовал Анненкову вовсе не вносить проекта в совет, но составителя оного послать за границу для изучения тамошнего устройства счетной и контрольной части, которое считалось образцовым, и затем пересмотреть нынешние предположения.

Анненков находил эту мысль вполне основательною, вполне сочувствовал оной, но доложить государю не решался, опасаясь почему-то отказа.

Тогда великий князь сам доложил это дело государю и без всякого затруднения получил соизволение его величества на командировку Татарина. Татарин с большой радостью принял это поручение и провел несколько времени в Вене, Берлине, Брюсселе и Париже, где я его видел и где он рассказывал мне

о результатах своих трудов, которые заставили его во многом изменить свои прежние мысли.

Вскоре по возвращении его в Россию он был назначен государственным контролером на место Анненкова, назначенного генерал-губернатором в Киев. Проект преобразования счетов и контрольной части, основанный на идее единства кассы и современного по подлинным документам контроля, встретили большое противодействие со стороны многих тогдашних министров, в особенности: военного генерала Сухозанета, государственных имуществ — Муравьева и путей сообщения — Чевкина, лиц весьма влиятельных, которые прямо говорили, что они оставят свои места, если предположения Татаринова будут утверждены. Предположение сие и возражение министров были представлены государю в весьма замечательном докладе по контролю и возвратились со множеством собственноручных резолюций государя, который вполне одобрил предположенную реформу и не согласился с мнениями порицателей оной. Этот замечательный доклад был напечатан в весьма небольшом числе экземпляров, и еще осенью 1870 г. вследствие одного разговора Татаринов давал снова мне читать его, причем я выразил ему мысль, что следовало бы положить экземпляр в Публичную библиотеку, а другой — в семейный архив его в деревне, как материал для его жизнеописания и драгоценный документ для его детей. Он согласился с основательностью этой мысли, но не ожидая скорой смерти и чувствуя себя совершенно здоровым, конечно, не исполнил оной.

Этот доклад может служить важным орудием в руках будущего историка императора Александра II для доказательства, что государь сей сам внимательно рассматривал дела столь сухие и специальные, как реформа счетной и контрольной части, и сам решал дело вследствие собственного изучения и убеждения, не поддаваясь влиянию людей столь могущественных, каковыми были в то время враги Татаринова. Счастлива была бы Россия, если бы государь продолжал действовать столь же самостоятельно и по другим делам, особенно по всякого рода обвинениям в политической неблагонадежности и либерализме и если бы сам также усердно работал, обсуждая дела, а не довольствовался поверхностным, мимолетным докладом министра. С грустью должно сказать, что несчастное событие 4 апреля 1866 г. служило переломом в истории царствования и гранью, которая резко отделила деятельность государя в первую половину оного от его действий во вторую половину.

Реформа Татаринова имела самые благодетельные последствия для наших финансов. Она привела их из тьмы в свет, доставила возможность судить их с знанием дела, соединила все денежные средства империи в Государственном казначействе и уменьшила произвол и беспорядок в расходовании денежных сумм. Независимого контроля Татаринова боялись во всех концах России. В Государственном совете он настойчиво защищал контрольные права, восставал против излишних расходов и приносил большую пользу.

Недостатки его состояли в мелочности, узкости взгляда и незнании действительной жизни многих учреждений. Он судил о них по бумажным сведениям и цифрам.

Преемник его, гофмейстер Абаза, не представляет по своему прошедшему никакого залога успеха. Желательно, чтобы он сделал России сюрприз, оказавшись достойным продолжателем деятельности Татаринова. Он никогда ничем не управлял кроме придворной кухни и лакеев великой княгини Елены Павловны. Сын богатого откупщика, в молодости блестящий лейб-гусар, женатый в первом браке на дочери другого известного винного откупщика Бенардаки, он известен своею страстью к карточной игре и громадными проигрышами и выигрышами как в Петербурге, так и в Париже и в игорных домах Германии.

Еще недавно, будучи послан от нашего Министерства финансов с поручением в Париж, он проиграл там значительные суммы (конечно, собственных своих денег), о чем было напечатано в газетах, потом взяв концессию на одну из южных дорог, он должен был выйти из Министерства финансов, где занимал должность члена Совета министра. В 1866 г. нынешний министр финансов, Рейтерн, прося увольнение от должности, представлял государю на выбор двух лиц в товарищи министра финансов, с тем, чтобы через несколько времени избранный государем товарищ министра мог быть назначен в министры. Эти лица были: Абаза и Грейг. Государь избрал Грейга, который в то время был уверен, что через 6 недель будет министром. Он

ошибся, ибо до сего времени Рейтерн, сохраняет свой портфель. Означенное представление Рейтерном Абазы в товарищи министра (о чем Рейтерн сам писал мне тогда в Спа, где я лечился), заставляет предполагать, что и теперь он не чужд назначению Абазы государственным контролером, и что это назначение будет лично Рейтерну весьма полезно, укрепляя его положение посредством связи с людьми теперь влиятельными, как в свое время ему было полезно сближение со мной, а потом назначение князя Оболенского, имеющего огромное придворное родство, в директоры Таможенного департамента и Грейга, друга всемогущего Шувалова, в товарищи министра.

Абаза, по своему прошедшему и связям молодости, весьма близок с министром Двора А. Адлербергом, шефом жандармов Шуваловым, министром внутренних дел Тимашевым, министром народного просвещения Толстым, товарищем министра государственных имуществ князем Оболенским, главным начальником II отделения Урусовым, родственник и весьма близкий человек военного министра Милютина, в прекрасных отношениях с государственным канцлером князем Горчаковым, президентом Комитета министров Гагариным и председателями департаментов законов — Корфом и экономии — Чевкиным. Никогда он не был в делах, которые могли бы с кем-либо его поссорить. Он пользуется особенным покровительством великой княгини Елены Павловны, дает гастрономические обеды и приглашает на них второстепенных финансовых и административных лиц, с которыми сохраняет хорошие отношения. Все это составляет условия, которые доставят ему приятное положение между министрами и в Государственном совете. Что же касается самого дела, т. е. контроля, наблюдения за точным исполнением контрольных и счетных правил, заботы об устранении произвола и введения законности и бережливости, отстаивания интересов казны, довершения реформ Татаринова, то, так как для всего этого нужно знание дела, усидчивый труд и часто черная работа, при необходимости ссориться с министрами и возбуждать против себя множество лиц на всех ступенях администрации, то, по моему мнению, настоящий полезный контроль со смертью Татаринова — кончился. Будет, конечно переписка, будут являться входящие и исходящие бумаги, доклады, представления, но души, сущности дела, во всем этом не будет, и во всех управлениях явится расточительность казенных сумм и полное отсутствие бережливости и законности. Весьма желаю ошибиться.

Мир между Францией и Германией

Наконец получил радостное известие, что национальное собрание в Бордо утвердило огромным большинством голосов, предварительные условия мира, заключенные Тьером с Бисмарком. Отлегло от сердца.

Выше сего через три страницы наклеены телеграммы императора германского и нашего государя по поводу этих предварительных условий. В этих телеграммах замечательны слова в телеграмме императора германского: «Никогда Пруссия не забудет, что она Вам обязана тем, что война не приняла крайних размеров»; в телеграмме нашего государя: «Счастлив, что мог доказать Вам мое сочувствие».

Следовательно, Россия оказала Пруссии огромные услуги, следовательно, русский император сочувствовал Пруссии и существенно доказывал это сочувствие.

Мы вообразили себе, что Россия остается вполне нейтральной, не помогает ни Франции, ни Пруссии. Между тем оказывается, что Пруссия своими победами над Францией обязана весьма много России.

Какое действие произведет обнародование этих телеграмм во Франции, Австрии и самой России, где сочувствие к Франции было весьма сильное и еще возросло, когда сделались известны тягостные условия мира, предписанные ей Германией. Популярность императора Александра в России вследствие этого не увеличится. Злоба и ненависть, которые явятся против него во Франции, будут, конечно, весьма понятны и извинительны. В других государствах он ничего этим не выиграет, и только немецкая партия в России будет радоваться и говорить, что немецкая голштейн-готторпская кровь не переродилась и в случаях важных оказывает свое влияние. Грустно! Император Александр заслуживал лучшей судьбы за то добро, которое он сделал России — освобождением крестьян, судебной реформой, земскими учреждениями, дарованием некоторого простора печатному слову, реформой контрольной и некоторыми другими полезными мерами. Мы считаем его вполне

русским, мы им гордимся и в настоящей войне Франции с Германией желали бы видеть его действительно нейтральным и не вмешивать в политику свои частные симпатии и антипатии.

Вспоминая прошедшее должно сказать, что не следовало ему в 1867 г. ездить в Париж и сближаться с императором Наполеоном, но и в настоящее время не следовало помогать Пруссии и отказывать во всяком сочувствии вполне несчастной Франции, разбитой, униженной и страдающей внутренними язвами.

Не знаю, какую роль играл Горчаков во все время этой войны; не думаю, чтобы он лично сочувствовал Пруссии, но полагаю, что как царедворец, пропитанный с юности тлетворным придворным воздухом, он едва ли энергично восставал против образа действий, основанного на личных симпатиях и антипатиях, а не на расчете истинных выгод России.

Прием Головнина государем Александром Николаевичем в Петербурге в Зимнем дворце 11 января 1876 г.

Головнин не видел государя, даже на улице, с января 1870 г., когда являлся к его величеству в Зимний дворец, благодарить за орден Белого орла и когда был принят отдельно от прочих представлявшихся в кабинете государя, причем государь спрашивал его о здоровье и сказал несколько благосклонных слов⁵.

1 января 1876 г. он получил орден Александра Невского и 11 числа явился в Зимний дворец благодарить. Представляющихся было много: военных и морских. Как скоро государь пришел в свои комнаты от обедни из малой церкви, он позвал Головнина прежде всех других и при том в кабинет, а к другим вышел после в залу и принял всех вместе.

Головнин ожидал, что будет принят весьма холодно и сурово, потому что до него в течении 6 лет доходили слухи о разных наговорах, которые делались, будто бы, на него государю. Рассказывали, что он противодействует и старается вредить преемнику своему министру народного просвещения графу Толстому, возбуждает против него общее мнение, в Государственном совете противодействует другим министрам, критикует их проекты, выражает самый либеральный образ мыслей и т. д. Головнин не имел никакой возможности удостовериться в том, действительно ли все это было говорено государю, какое это произвело впечатление, и не имел случая оправдаться. В течение 6 лет он предполагал, что государь, вследствие этих сплетен, дурно к нему расположен, и потому был весьма приятно удивлен как неожиданностью ласковым приемом. Это тем более было для него приятно, что он, по своему болезненному положению уже не надеется видеть государя в другой раз когда либо и сохранит, по крайней мере, воспоминание о благовоительном последнем приеме его.

Государь встретил его словами: «Любезный Головнин, как давно я не видел тебя»; и в продолжении разговора сказал между прочим: «Благодарю тебя за всю прежнюю службу». Его величество расспрашивал его о состоянии его здоровья, чем лечится, не советуют ли ему ехать куда-либо лечиться, говорил с большим сожалением о болезненном положении и совершенно расстроенном здоровье великого князя Константина Николаевича, который вовсе не может ездить верхом; заметил, что по этому случаю последний парад Финляндского полка был назначен пешим; сказал, что глаза его, государя, слабеют и что при огне он может читать только крупную рукопись, а что печатного вовсе читать не может, что вообще должен читать так много бумаг, что на чтение для удовольствия вовсе не имеет времени, но впрочем читает теперь с императрицей письма Ростопчина в бытность Ростопчина за границей и что в этих письмах он бранит всех и каждого. Государь очень похудел, имел вид болезненный и охрип.

Поездка А. Головнина в 1877 г. в его Рязанское имение⁶

В июле 1877 г. Головнин ездил на две недели в свою усадьбу при селе Гулынках, где не был с 1870 года. Цель поездки была следующая: 1) удостовериться, в какой степени здоровье позволяет ему предпринимать путешествия, так как с 1870 г. он не решался выезжать из Петербурга, ибо движение железной дороги и экипажа вызывало в нем потери крови, которых ему надобно было всемерно избегать. В послед-

ние 1^{1/2} года потерь крови не было, и потому весьма было важно удостовериться, можно ли рассчитывать на действительное улучшение здоровья и нужно ли продолжать считать себя прикованным к одной местности; 2) после семилетнего отсутствия видеть самому состояние своего имения, в котором хотя и нет запашки и никаких хозяйственных заведений, но в котором кончаются в 1878 г. сроки контрактов и условий отдачи в найм пашенной земли, огородов и лугов; 3) удостовериться самому в состоянии учрежденных Головниним и переданных пронскому земству заведений: больницы, школы мужской и школы женской, на содержание коих и улучшение Головнин жертвовал ежегодно довольно значительные для его средств суммы, и 4) узнать, сколько можно, какие перемены произвели в его местности те события, которые во многом совершенно изменили экономические отношения России: освобождение крестьян, учреждение земского управления, железные дороги и падение ценности бумажных денег; и в каком вообще положении эта местность находится.

В краткое время, употребленное на поездку, конечно, можно было узнать только немногое.

1. *Относительно здоровья.* Опыт поездки удался вполне. Во все время путешествия и после оногo потерь крови не было, но должно заметить, что оно совершалось с большими удобствами и предосторожностями: Головнин везде брал особое отделение железной дороги, в котором мог бы лежать, ехал с камердинером и поваром, останавливался в лучших гостиницах, не выше второго этажа, ездил по Москве мало и не иначе как в хорошей карете, в деревне вовсе не ездил по дурным дорогам к соседям, ложился в 10 часов вечера и отдыхал днем. Погода была прекрасная, было жарко, при чем анемические субъекты чувствуют себя хорошо. Несмотря на все это он однако чувствовал большое утомление и убедился, что ему следует решаться на поездки по России только в крайних случаях, и не иначе как в хорошее летнее время. Путешествие стоило довольно дорого, ибо в 20 дней издержано на оное около 500 руб., т. е. 25 руб. в день, кроме розданных подарков⁷. Путешествие за границей, при небольших переездах и удобствах гостиниц, даже в маленьких городах, с одним лакеем без повара, но при низком курсе, могут стоить не дешевле, но быть менее утомительны.

2. *Положение имения.* Имение Головнина весьма маленькое и устройство оногo самое простое. Небольшое количество пашенной земли отдано внаймы гулыньским крестьянам до 1878 г. по 5 руб. за десятину в год с обязанностью удобривать (в 3 года 15 руб.), а за каждый хлеб 7 руб. 50 коп., считая 18 десятин — за хлеб — 135 руб., огород в год — 300 руб., пашенная земля, запущенная под луга, и прежние луга и полевщина, т. е. право кормить на них гуртовой скот — в год (до 1888 г.) — 1700 руб., мельница и при ней луг «Пыхтин» — 600 руб.; фруктовый сад дает доход весьма различный, иногда ни рубля, иногда 100, 300 и однажды дал 700 руб., средним числом — 200 руб., трава в саду и мелочь — 65 руб. Всего — 3000 руб. Расходы в имении: управляющий — 300 руб., два работника, содержание лошади, сторожевых собак, почта, бумага, сургуч, поездки управляющего, ремонт строений, работы в саду, мелочь — 300 руб.; земские и государственные повинности — 150 руб.; итого: 750 руб.

Остается чистогo дохода — 2250 руб.

Обязанность управляющего состояла в том, чтоб отдавать внаймы оброчные статьи, как можно выгоднее, надежным съемщикам, сохранять в целости господский дом с находящимся в нем имуществом и службы при нем и сохранять фруктовый сад, подсаживая новые деревья на место убывающих. Все эти обязанности исполнялись весьма усердно управляющим с 1841 г. именем Головнина крестьянином Петром Григорьевым Пикиным, который надеялся с 1878 г. по окончании срока контрактов увеличить арендную плату по некоторым оброчным статьям. Головнин следуя правилу возвышать жалованье за полезную службу, назначил Пикину с сентября 1877 г. вместо 300 руб. — 450 руб. в год.

Головнин осмотрел фруктовый сад, огороды, пашни, мельницу, луга и небольшую рощу (называемую Мелкою), видел и говорил с съемщиками. На мельнице он с удовлетворением заметил некоторые сделанные мельником улучшения. Соседи говорили ему, что получаемая им арендная плата за все почти статьи, слишком мала. Конечно, если б жить самому в имении и, зная сельское хозяйство, заниматься им, то можно б получать более дохода, но для владельца, который по восьми лет отсутствовал и приезжал недели на две, едва ли это возможно.

3. *Больница и школы.* После 1870 г., когда Головнин был в последний раз в Гулынках, построены были на его счет, сверх прежде выстроенной им каменной больницы и мужской школы, деревянный дом для женской школы, домик для акушерки и деревянная пристройка к каменному дому больницы; на счет земства надстроен деревянный этаж на каменном доме мужского училища, назначены земством новый врач, новый младший учитель и учительница женской школы. Вместе умершего предводителя дворянства Цекина и выслужившего срок председателя управы Бурцова состояли неизвестные Головнину лица: предводителем — г. Щетинин, а председателем — г. Ржавский.

Эти два лица принадлежали к той партии земства, которая считалась более либеральной и другою партией называлась «народолюбцами». Поэтому в ней можно было ожидать более чем в других сочувствия к гулыньским заведениям. Из другой партии Головнин видел только бывшего предводителя дворянства Долгова, который старался доказать, что при крепостном праве положение крестьян было лучше, чем в настоящее время через 16 лет после освобождения.

Летом ученья в школах не бывает, и потому Головнин не мог сам удостовериться в успехах учеников. Он не мог также убедиться, в какой степени успешно идет лечение в больнице и действительна ли помощь оказываемая акушеркою. Также он не мог убедиться в способности и усердии недавно назначенных младшего учителя и учительницы, но несколько выдающихся фактов доказывали ему пользу учрежденных им заведений, имевших, впрочем, и большие недостатки. Число больных, которые пользовались в больнице, и особенно число приходящих, увеличилось чрезвычайно, и для сих последних, которых иногда приходило до 150 в день, назначенная приемная комната оказывалась малою. Земство назначило от себя трех фельдшеров, которым было довольно дела, и квартира, устроенная в предположении одного холостого фельдшера, оказывалась малою для трех женатых. Число учеников в мужской школе также увеличивалось, и для привлечения их в училище не нужно было обретать никаких средств. И мальчики и девочки желали учиться и плакали когда родители не пускали их в школу. Успехами учеников предводитель дворянства, присутствовавший на экзаменах, был недоволен. Он говорил Головнину, что успехи эти не соответствуют затраченным на школу средствам и что соседняя весьма бедная школа в Суйске, при самой жалкой обстановке, достигает лучших результатов. О женской школе он ничего не говорил, так как новая учительница еще не начинала преподавания. Старший учитель не сходил с младшим, который, по отзывам господ Щетинина и Ржавского, не выказал способности к своей должности. Чтоб составить себе верное понятие о деятельности младшего учителя и учительницы нужно было выждать результатов следующего 1877/78 учебного года. Касательно законоучителя школы, местного приходского священника, директор народных училищ Рязанской губернии Кормилицын находил его совершенно неспособным и полагал необходимым просить местного архиерея о назначении другого.

Головнин, из разговора со священником не мог сделать такого заключения, но из отчета г. Кормилицына видел, что вопросы директора ученикам касались предметов весьма отвлеченных и были не по силам ученикам начального училища. Из всего этого Головнин вынес убеждение, что было бы полезно:

1) в течение зимы послать в гулыньскую школу опытного педагога, специалиста в деле народного образования, который подробным экзаменом учеников и чрез присутствие при преподавании узнал бы действительное состояние школы, т. е. достигаемые ими результаты, а в случае неудовлетворительности успехов, причины оной;

2) весной, перед окончанием ученья, самому съездить в Гулынки;

3) тогда же привезти с собой врача для осмотра больницы.

Затем относительно зданий училищ и больницы Головнин сам убедился в необходимости проконопатить и обшить тесом деревянные постройки, сделать вышепоказанные новые постройки для приема больных и фельдшеров, построить хозяйственные помещения (амбары, ледники) для учителей, часовню для покойников, устроить особые отхожие места для учеников отдельно от здания школы, выкрасить полы в школе, в доме акушерки обить досками две стороны крыльца для защиты от снега, сделать в комнате форточки, в аптеке и библиотеке училища прибавить число шкапов, переплести в училище некоторые книги, прикупить некоторые физические

инструменты и т. п. По всем этим предметам он просил учителей и врача составить записки, читал их председателю земской управы Ржавскому и назначил от себя на постройку 1700 руб.

Священник Василий Дмитриевич Ярустовский говорил Головнину, что так как каменная церковь не отапливается, то зимой в морозы при накоплении народа к богослужению является вода на стенах, ценном иконостасе и запрестольном образе, по выходе народа эта вода превращается в иней, и прекрасный храм портится. По сему он полагал бы считать каменную церковь летнею, и зимой совершать богослужение в старой деревянной. Головнин одобрил эту мысль, но во избежание неудовольствия прихожан, советовал священнику посоветоваться о том с отцом благочинным и испросить приказание рязанского преосвященного.

Головнин подарил обществу гулыньских крестьян пожарную трубу, купленную им в Москве у Бутенопа. Через несколько дней по его отъезде труба эта была употреблена с пользой при случившемся в Гулынках пожаре. Другую такую же трубу он выписал для своей усадьбы.

4. *Заметки о положении крестьян и помещиков в местности, где находится имение Головинина.* В бытность Головнина в гулыньской усадьбе он видел много разных лиц: соседних помещиков, священника, диакона, церковного старосту из крестьян, врача, учителей, фельдшеров, акушерку, учительницу, съемщиков лугов, огородов, мельницы, разных крестьян, бывших дворовых и пр. Из разговоров с ними он вынес впечатление крайней бедности и крестьян и помещиков той части Рязанской губернии, несоразмерности тягости налогов и положительной невозможности увеличить какой-либо налог или найти новый предмет обложения. Многие помещичьи усадьбы совсем оставлены и не ремонтируются. Живущие еще в своих имениях дворяне значительно сократили прислугу, уничтожили оранжереи, охотничьих собак, уменьшили число лошадей и прежний открытый и гостеприимный образ жизни изменили на более скромный, бережливый и расчетливый. Некоторые совсем уничтожили запашку и раздали земли свои в наймы, другие отдали их крестьянам из-полу, причем крестьяне обрабатывают земли, а половину урожая отдают помещику. Некоторые помещики обрабатывают землю наемными людьми, но уменьшили запашку. Доходы всех их крайне умеренны и неверны. Много имений куплено за дешевую цену купцами, которые стараются о том только, чтоб продажей леса и другими средствами скорее воротить заплаченные деньги, но не улучшают имения и даже не удобряют землю, выпаживая оную. Крестьяне вследствие пьянства, семейных разделов и непосильных налогов обеднели. Некоторые из них, смышленнее других, извлекают себе выгоду из недостатков своих соседей, нанимая их в работу и нанимая у них землю, причем стараются платить не столько деньгами, как вином. То же делают съемщики других сословий. В Гулынках мужское общество крестьян получает арендную плату за питейный дом частью деньгами, а частью вином, также за луга. Наниматель лугов заставляет их косить оные не за деньги, а за угощение.

В прежнее время у крестьян сохранялся за несколько лет запасный хлеб в скирдах, стадо их было многочисленное, но они ходили в лаптях и в сермяжных кафтанах, а женщины в домотканых сарафанах. Теперь скирдов запасного хлеба нет ни у кого, стадо уменьшилось в пять раз, но по воскресеньям в церкви мужики являются в синих кафтанах и сапогах, а бабы в нарядных платьях. Один из соседей говорил Головнину, что вследствие целого ряда событий, изменивших местные экономические отношения и вообще прежний давнишний порядок, в настоящее время и помещики и крестьяне еще находятся по хозяйственным делам своим в каком-то тумане и не знают на чем основать свои хозяйственные расчеты. К помянутым событиям он причислял: отмену крепостного права с его разными последствиями и состоявшееся перед тем упразднение прежних опекунских советов, где помещикам было так легко закладывать и перезакладывать свои имения, появление земских учреждений и введенных оными налогов и сборов, железные дороги, изменившие цены на многие предметы и давшие большую подвижность и какую-то кочевую наклонность населению, людям всех сословий, и, наконец, продолжающееся падение кредитного рубля, которое ввело шаткость и изменчивость цены на все предметы независимо от величины спроса и предложения. Вследствие всех этих причин весьма трудно определить выгодность или убыточность всякого предприятия, всякой покупки, продажи, найма и т. п. Впрочем вести

хозяйство, т. е. иметь запашку, обрабатывать землю и продавать хлеб наемными рабочими, при нынешних условиях найма, можно с надеждой на барыш в той местности только в том случае, если в имении давно существует все хозяйственное обзаведение, т. е. скот сообразно величине запашки, скотные дворы, амбары, риги, овины, гумны, помещение для рабочих, другие хозяйственные постройки, молотильные и веяльные машины, телеги, плуги, бороны, другие инструменты, и при непременно условии знания хозяйства и пребывания в имении. Если же нужно купить землю, завести все вновь и хозяйничать чрез управляющего, то капитал, который будет употреблен на этот предмет, при нынешних условиях не даст чистого дохода, который сколько-нибудь подходил бы к процентам, которые дают гарантированные правительством бумаги.

Размышляя обо всем виденном им и слышанном в деревне и соображая последние финансовые и административные распоряжения высшего центрального правительства, Головнин приходил к заключению: 1) что у нас принимаются многие ошибочные меры вследствие незнания высшим правительством местных условий и потребностей, и что посему было бы желательно чаще обращаться к местным жителям, предоставить им большее участие в делах, расширив круг деятельности и увеличив права земских учреждений⁸ и придав их занятиям и суждениям всевозможную гласность; 2) что круг тех людей, из которых избираются у нас министры, директора департаментов, губернаторы, члены разных законодательных и подготовительных комиссий, слишком ограничен; лица, стоящие во главе правительства, знают слишком мало людей и знают поверхностно; желательно бы устройство, при котором большее число людей делались известны, имели случай высказать свои познания, свои способности, свои взгляды и убеждения; и 3) что внутренние займы, которые в последнее время заключались, не имели успеха в том размере, как бы желательно, потому особенно, что в реализации их не могли участвовать многочисленные малые сбережения. Подписываться можно было только в немногих местах и в короткое время. Ехать в дальние пункты жителю деревни, который желает подписаться на небольшую сумму, ждать долго получения билета, ехать за ним вторично, везти деньги в назначенное время, когда именно денег еще нет в сборе, крайне невыгодно. Оттого и подписывались немногие. Если б можно было постоянно покупать в почтовых конторах так называемые серии, т. е. билеты государственного казначейства в 50 руб., приносящие проценты, покупать их, как покупаются гербовые и почтовые марки, на какую угодно сумму и в какое угодно время, то не подлежит сомнению, что в эту излюбленную народом бумагу обратились бы многие маленькие сбережения, и эта мера даже побудила бы многих делать сбережения.

Мысли по некоторым предметам законодательства и администрации члена законодательно-совещательного собрания в конце 1877 года. Петербург. (Писано собственно для себя, чтоб через несколько лет прочесть и посмотреть, в чем ошибался и о чем судил верно).

Вредное направление в законодательстве. Одним из самых вредных направлений в нашем законодательстве последних лет есть старание откладывать, отсрочивать, отлагать необходимые изменения в действующих законах. Следуя этому направлению, так называемые консерваторы, благонамеренные, осторожные⁹ успели устранить преобразование податной системы, улучшения в системе паспортной, учреждение ипотек^{viii}, изменения и облегчения в нотариальном порядке совершения купчих крепостей и т. д. Общество чувствует потребность во многих реформах, желает получить их, и если ему будут отказывать в этом, то, конечно, оно почувствует неудовольствие. Неудовольствие будет расти в случае продолжения такого образа действия, наконец, могут последовать взрывы и, таким образом, консерваторы будут создателями беспорядков. Гораздо полезнее удовлетворять потребности в улучшениях, действуя, конечно, осторожно, без прыжков, помня изречение: «Natura, humanitas, ratio nihil agunt per saltum»^{ix}, но действуют непрерывно.

Другое, не менее вредное направление, есть старание исказить реформы совершенные, уменьшить льготы уже данные. Это встречается в отношении судебной реформы, круга действия земских учреждений, простора печати. Это направление вредно особенно потому, что оно возмущает развитую, интеллигентную часть

молодого поколения, которое не жило при прежних стеснениях и потому не может, подобно старикам, довольствоваться частью дарованных льгот, но желает пользоваться ими всецело и теряет уважение к членам правительства, когда видит старания недодать обещанное.

Необходимость и своевременность употребления более молодых свежих деятелей. Говорят, что граф Киселев в самом начале нынешнего царствования, будучи министром государственных имуществ, обращал внимание государя на необходимость употребления более молодых, свежих деятелей. В настоящее время, по прошествии 20 лет, можно повторить то же самое. У стариков вследствие утомления и физического и нравственного, неудач, ошибок, разочарований, являются равнодушные к делу, апатия, недоверие к себе, недоверие к людям¹⁰. Отрадно смотреть на людей молодых, у которых много жизни, горячего желания добра, идеалы, может быть, увлечения, заблуждения, но зато деятельность. Это относится преимущественно к министрам и их разным сотрудникам, но также и к спокойным должностям членов разных советов. И их состав следует освежать, вводя свежие силы. К старикам этого рода, равнодушным, апатичным, следует причислить и некоторых людей не ветхих деньми, но больных помянутою болезнью.

В настоящее время можно сказать, что некоторые члены Государственного совета имеют своим девизом мысль, что «не только следует оставаться всегда в пределах законности, но и своими вполне законными правами не всегда должно пользоваться», — а молитва их следующая: «Положи, Господи, хранение устам моим и дверь ограждения о устнех моих». Некоторые следуют этим правилам бессознательно и находятся в состоянии невменяемости по старческой дряхлости (Губе, Левшин и т. п.); другие потому, что природа их обидела (Новосильский, Путятин, Корнилов); иные от природы трусоваты (Заблоцкий, Неболсин); иные вследствие презрения к людям и делам (Метлин); но есть и сознательно, из житейских выгод, чтоб не навлечь на себя гнева, так действующие, т. е., бездействующие. Но есть и светлые, симпатичные, живые личности — Грот, Стояновский.

Иногда мимолетно являются у стариков порывы к деятельности, но они вспыхивают и потухают. Такому старику, члену администрации, можно бы сказать:

И может быть во сне слетят к тебе виденья,
В сияньи радужных и девственных одежд,
И вновь в душе твоей возникнут вдохновенья,
Как в годы чудные доверья и надежд.

К подобным старикам следует причислить Рейтерна, также не старого годами великого князя Константина Николаевича, Головнина. Счастливое исключение составляет Грот, сохранивший свежесть более молодых лет.

Некоторые пожелания. У нас жалуются на высшее правительство, что оно не издает действительно полезных законов, делает ошибочные и часто вредные распоряжения, ошибается в выборе лиц, изгоняет из учебных заведений мальчиков, которые могли бы продолжать учение, слишком строго наказывает молодых людей за преходящие временные заблуждения. Во всем этом есть некоторая доля правды. Какие причины этих прискорбных явлений и какие средства для устранения оных?

Главными причинами следует признать: а) незнание действительного положения и потребностей края; б) слишком ограниченный круг людей, из которого избираются высшие администраторы; в) тайна, которой окружены многие действия правительства; г) полицейский, а не педагогический взгляд на молодежь. Рассмотрим эти предметы отдельно.

Незнание края. Высшее правительство получает сведения о положении края, потребностях жителей, настроении умов и т. п. в отчетах губернаторов, донесениях жандармов, доносах разного рода, перлюстрированных письмах. Все эти источники крайне ненадежны. Губернаторы и жандармы пишут, зная, что они не отвечают за свои писания, зная, что их донесения не будут обнародованы, не подвергнутся критике и проверке. Доносы заслуживают презрения. Перлюстрация весьма ненадежна. Многое пишется нарочно там, где она существует, чтоб было прочитано высшими правителями. Частные чистосердечные письма не всегда содержат правду, ибо пишущий может ошибаться, пишет под впечатлением минуты.

Лучшее средство для правительства узнавать правду есть пресса, где она пользуется очень большим простором и где много периодических изданий. Если

один орган прессы скажет неправду, умышленно или неумышленно, другие тотчас обличат его. Взаимные их споры, взгляды на предмет с разной точки зрения, обличения ведут к тому, что истина выходит наружу, что свет освещает всех. Конечно, это невыгодно тем, кому нужна тьма, которые во тьме удобно снискивают себе пищу — птицам ночным, но для государя самодержавного свобода прессы всего выгоднее, ибо самое для него трудное дело есть заставить своих благонамеренных подданных показать себе правду, т. е. то, что они действительно думают, ибо эти лица стараются угадать и сказать то, что ему, по их мнению, нравится. Есть лица¹¹, которые, желая стеснений прессы, чистосердечно заблуждаются, полагая, что она проповедует вредные ложные учения, возбуждает неудовольствие против правительства, оскорбляет неповинных и т. д. Эти лица не хотят понять, что польза, которую приносит свобода прессы, превышает вред, что предполагаемый ими яд содержит в себе и противоядие, ибо при свободе прессы она опровергает и обличает ложь, которая может встретиться в ее органах.

Ограниченный круг людей, из которых выбираются высшие правительственные деятели. Когда является необходимость назначить министра, посла, члена законодательного учреждения, наместника, генерал-губернатора, сенатора, число лиц, из которых верховная власть может выбирать, весьма невелико. Оно ограничивается чинами, положением в обществе, близостью ко двору и т. д. Сверх того, при устройстве нашей администрации, отсутствии публичности способным людям весьма затруднительно выказать себя, сделаться известными, явить и свои достоинства и свои недостатки. От того и выборы бывают часто ошибочны. Для устранения означенных неудобств полезно бы расширить круг действий земских учреждений и сделать их более публичными, присоединить к Государственному совету членов по выбору земств, сделав заседания совета, подобно собраниям Сената, публичными. Расширение круга действий губернских и уездных земств имело бы еще и ту выгоду, что сняло бы с правительственных органов (губернаторов и др.) ответственность за многое, а присоединение государственных гласных к Государственному совету и публичность его собраний совершенно изменили бы способ рассматривания дел в совете. Дела обсуждались бы с большим знанием, а мнения высказывались бы с большей свободой. Многие, что теперь говорится, не было бы сказано, а что теперь умалчивается, было бы выражено.

Тайна, которою окружены многие действия правительства. Есть правительственные распоряжения, которые требуют в течение некоторого времени, особенно в тот момент, когда они еще предполагаются, еще составляют только проект, требуют тайны, но таковых вообще немного. Большинство предполагаемых мероприятий никакой тайны не требуют и если бы разглашение их не считалось действием преступным, нарушением судебных обязанностей, то свободное обсуждение их в обществе и в печати могло бы принести правительству только пользу, доставив ему полезные указания, предохранив от ошибок, показав, как та или другая мера будут приняты, какое произведут впечатление, какое будут иметь последствия. Можно бы привести много примеров вреда, который произошел от тщательного сохранения в тайне таких распоряжений, которые потом нужно было обнародовать.

Полицейский, а не педагогический взгляд на молодежь¹². Будущность России зависит преимущественно от подрастающего ныне молодого поколения образованных классов, и потому образ действия правительства относительно этой части подданных империи особенно важен. К сожалению, должно сознаться, что он во многом ошибочен и неверен.

Главные ошибки заключаются в следующем:

1. В средних учебных заведениях не принимается в соображение быстрая изменчивость юности по мере возрастания и сильное влияние условий физического развития на развитие умственное и состояние нравственное. Мальчик, по-видимому, тупоумный, ленивый, апатичный вдруг развивается, делается понятливым, живым, развязным; другой — резвый, быстро схватывающий предмет, становится на время неповоротливым, тупым; шаловливый, неповинующийся делается кротким, спокойным и наоборот, и т. д. Посему временное свойство воспитанника или ученика никак не следует считать его постоянным отличительным качеством и действовать на этом предположении. Должно быть снисходительным и к лени, и к шалостям, и к тупоумию и не изгонять учеников из заведения, не лишать их средства к дальнейшему развитию ввиду именно изменчивости отроческого и юношеского возраста. Этому

правилу у нас не следуют. Требования экзаменационные, требования относительно поведения в средних учебных заведениях слишком строгие, и от того огромное число молодежи вынуждено оставлять каждый год эти училища, и отечество во многих из них теряет будущих полезных деятелей. Только явный идиотизм и глубокая нравственная испорченность должны быть поводом к удалению ученика из училища.

2. Польза классического образования несомненна, но в деле изучения древних языков должна соблюдаться мера. Эта мера в классических гимназиях не соблюдается в ущерб правильного развития молодых людей. Весьма даровитые учителя говорят, что самый лучший учитель с отборными учениками не в состоянии исполнить по греческому и латинскому языкам требования Министерства просвещения. Результатом этих преувеличенных требований является: выход из гимназий многих учеников, полное пренебрежение в этих заведениях других предметов, одностороннее образование и развитие самых даровитых юношей.

3. Слишком строгое требование платы за учение и в средних, и в высших учебных заведениях. От этого многие способные молодые люди не в состоянии получить высшее образование. Россия лишается услуг интеллигенции, которою она вообще небогата, а многие молодые люди, усиливаясь из любви к знанию, к науке докончить высшее образование, изнуряют себя непосильным трудом для приобретения средств жизни, лишают себя здоровой пищи, хорошего или даже сносного помещения и теплой одежды и оканчивают курс с потерянными здоровьем, с расстроенными нервами и с зародышами разных болезней. Получаемое ими образование не может принести никакой пользы ни им, ни обществу, и взысканная с них плата за учение составляет для казны не доход, а прямой расход, если под словом казна понимать Россию и ценить людей не ниже денег.

4. Воззрения на разные утопические мечтания молодых людей, на увлечения их, на несбыточность желания и стремления достигнуть скорых улучшений в общественном строе и т. п. как на вредные серьезные политические замыслы. Вследствие этого воззрения правительство смотрит на молодых, часто несовершеннолетних, молодых людей и даже женщин как на серьезных политических преступников, судит их в суде политическом, не замечает их болезненного нервного состояния — следствия разных лишений, их неразвитости, неправильного образования, неопытности. Этих людей должны бы судить суды из педагогов, психиатров и врачей, а не из сенаторов. Лучшее средство для излечения этих больных обоюдо было бы продолжение учения в удовлетворительной материальной обстановке для восстановления физического их здоровья. При таком условии и нравственные и умственное их здоровье поправится, и они могут сделаться весьма полезными членами общества, ибо не должно забывать, что в основе их заблуждений лежит желание добра обществу и готовность к самопожертвованию.

Кроме всего вышеизложенного есть меры второстепенные, которые могли бы принести пользу общему ходу дел законодательных и административных. Сюда относятся:

1. Соблюдения закона, находящегося в учреждении Государственного совета, относительно перемены председателей и членов департаментов Сената. По учреждению совета председатели назначались на полгода. Этим обеспечивалось департаментам значение коллегияльных учреждений. Теперь председатели оставляются в этой должности целый ряд годов и обращаются в директоров, которые относятся к прочим членам как бы к своим подчиненным. Самостоятельность сих последних, особенно при некоторой мягкости характера, теряется и дела получают разрешение единоличное и одностороннее. Председатели департаментов заботятся о наградах членов, о пособиях, отпусках и т. п. Все это дает им какое-то начальническое положение. Члены совета, оставаясь долгое число лет в одном и том же департаменте, свыкаются с ним и получают рутинное отношение к делам.

2. В Комитете министров заседают министры и председатели департаментов Государственного совета. Все они лица весьма занятые делами, каждый своего ведомства, и не имеют времени для занятий еще делами других управлений, делами друг друга, вносимыми в комитет. При том они связаны между собой разными отношениями и постоянно находятся в необходимости уступать один другому, делать компромиссы. Поэтому нельзя ожидать подробного основательного рассмотрения дел, поступающих в комитет, и для достижения этого полезно бы назначать членами лиц свободных, не из числа министров. Таковым был покойный государственный секретарь Бутков.

1. Министр народного просвещения граф Толстой говорил мне на днях, что собрания эти происходили в казенном доме, где живет директор Петерсон, который ничего не знал, что на них происходило, и что молодые люди рассуждали между прочим, возможно ли произвести в настоящее время политический переворот в России или надобно подождать, когда мы, старики, сойдем со сцены, а молодые поколения подрастут, и решили, что следует ждать; а редактор газеты «Голос» Краевский сказывал мне, что на этих собраниях была речь и о царевубийстве. Не знаю, сколько в этом правды.
2. Рейтерн, как человек весьма скромный, никому не говорил об этом, но государь сам рассказал о его письме шефу жандармов Шувалову, который передал своим приятелям Валуеву, Палену и Грейгу, а они приезжали поздравлять Рейтерна. Нисколько не умаляя его заслуги, нельзя, однако, не сказать, что в последнее время многим удавалось спасти Россию. В течение прошлого лета Грейг своею настойчивостью избавил ее от войны, как рассказывал мне великий князь Константин Николаевич; в октябре Рейтерн избавил от войны, убедив не требовать уступления части Бессарабии; государственный канцлер Горчаков откровенно приписывает себе многократное спасение России. Какая же тут роль государя Александра Николаевича!
3. На золотой лицейской медали моей вырезано: «За добронравие и успехи».
4. Как еще сильна любовь к чинам в нашем обществе и какое сильное орудие имеет в них правительство, чтоб действовать на подданных и привлекать их к себе, тому я видел на-днях пример. Лицейский товарищ мой Савельев, очень богатый помещик, титулярный советник и екатеринославский предводитель дворянства, получив по ходатайству другого нашего товарища, Рейтерна, чин статского советника, пришел в восторг и в письме ко мне называет Рейтерна своим благодетелем.
5. По болезненному состоянию Головинн все это время не ездил в общество, не бывал на придворных выходах и церемониях, а летом, оставаясь в Царском Селе, гулял большею частью в своем маленьком саду.
6. А. В. Головинну досталось по наследству от отца имение Рязанской губернии, Пронского уезда, в селе Гулынках. По освобождении крестьян, которые получили полный надел, у него осталось 420 дес. разной земли, водяная мельница и небольшой дом с садом.
7. Главные статьи расхода: Особое отделение на железной дороге в Москву и обратно — 120 руб.; Сторожилово и обратно — 60 руб.; езда прислуги и багаж — 120 руб.; провизия столовая, гостиницы, экипажи и т. п. — 200 руб., притом вино было в господском доме, и разные расходы на временную прислугу уплачены в имении конторой.
8. Это была мысль покойного Н. А. Милютина, который сообщал оную Головинну вскоре по учреждении земских собраний.
9. Некоторые виновники: князь Урусов, Победоносцев, Делянов, Абаза, Грейг. Эти лица имеют свои достоинства: Урусов — знаток гражданского права, отсутствие гражданского мужества; Победоносцев — очень образован, легко и правильно пишет, много читает, не имеет твердых убеждений; Делянов — аккуратный исполнитель в руках сильного, состарился впрочем; Абаза — светски образованный, очень ловкий во дворцах, с приятными формами, вкратчив; неспособен пожертвовать общему благу своими мелочными притворными выгодами; Грейг — весьма поверхностно образованный, весьма ловкий для достижения личных и семейных выгод, самонадеянный, непонимающий своего невежества, заносчивый, нахальный крикун, кажется, не злой и не лгун, не понимает, что неблагоприятно читать чужие письма даже при разборе бумаг покойников; граф Пален — человек честный; Тимашев — гениальный скульптор; Мезенцов — /достоинства/ неизвестны; граф Толстой — трудолюбивый; Валуев — многосторонне образованный.
10. Пишущий эти строки причисляет себя к этому разряду.
11. Имя врагов прессы-легион. Главные из них суть граф Толстой, он же министр просвещения, Тимашев, Валуев, Урусов, Мезенцов, Пален, принц Ольденбургский (находящийся, впрочем, в состоянии невменяемости) и пр., и пр., и пр.
12. Главные виновники: граф Толстой, Валуев, Грейг, Мезенцов, Урусов и Рейтерн, [два последних] не противодействовали.

Примечания публикаторов

- I. Это ничего не меняет в моих мыслях.
- II. Далее опущено рассмотрение денежных смет на 1871 г. (РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 9, л. 11 об.).
- III. Цитата из Евангелия на английском языке не переведена.
- IV. См. указы от 1 мая 1850 г. (24127); 27 февраля 1851 г. (24975), 12 апреля 1852 г. (25113), 10 октября 1852 г. (26603), запрещающие повсеместно евреям носить особую одежду, а женщинам брить головы (СЗ, т. 9, изд. 1876, ст. 957).
- V. Отрывок из стихов не названного автором поэта дается в переводе.
- VI. Во все времена примеры отцов повторяются детьми.
- VII. По новому уставу, принятому 30 июля 1871 г. были оставлены только классические гимназии и прогимназии с двумя древними языками, реальные гимназии переименованы в реальные училища и доступ из них в университеты был закрыт.
- VIII. Ипотека от греческого слова (*hypothese* — залог, заклад) — залог недвижимого имущества, главным образом земли, с целью получения ссуды, так называемого ипотечного кредита.
- IX. Природа, культура, разум не развиваются скачками.

Карел Чапек. — Беседы с Т. Г. Масариком

Годы учебы

Начало учения

Это мать добилась того, чтобы меня отправили учиться — она мечтала, чтобы мы не «ишачили» так, как она; после того как на встрече окрестных священников меня похвалил сам пан декан, мне дали разрешение поступить в школу. Мать была родом из Густопечи, поэтому меня послали в немецкое реальное училище; устроился я у тетки, зато моя двоюродная сестра жила в нашей семье. Я тогда не знал, кем хотел бы стать. Одно время, когда у нас в доме работали портные, мне нравилось портновское дело, нравилось и кузнечное мастерство — этим я имел возможность заниматься больше, чем другими ремеслами; удивительно, что такому набожному ребенку, каким был я, не приходило в голову стать священником. Паренек из такого медвежьего угла, как наш, не имеет хороших примеров того, как можно изменить судьбу земледельца или ремесленника. Разве что таким примером мог быть капеллан, декан, доктор, хозяева поместья и их прислуга, да вот еще торговец. Что из паренька выйдет — это дело вовсе не способностей, а скорее всего — подвернувшегося случая.

Реальное училище вели отцы пиаристы¹, я часто вспоминаю его ректора — такой был дородный, красивый, пожилой человек — и преподавателя Вашатого — брата депутата от партии младочехов — стройного молодого человека, гордого тем, что носит одежду ордена пиаристов — рясу с черным поясом. Девушкам он очень нравился. Я его тоже очень любил; это был первый чех, с которым я познакомился, и мне было с ним очень интересно; о чем только он со мной не беседовал! Его походка до сих пор у меня перед глазами.

Учился я хорошо, очень увлекался физикой, точнее — механикой.

Я и сегодня живо представляю, как меня удивило, когда я услышал, что обыкновенная тачка — это всего-навсего простейший рычаг и колесо, и что это соответствует всем теоретическим законам механики. Для меня это словно открыло новый взгляд на окружающее — меня всегда увлекала возможность видеть теорию в естественно-природной и общественной жизни, в будничной работе отыскать общий закон, общее правило; для меня это объяснение явилось тогда подлинным откровением.

После двух классов реального я должен был пойти в подготовительный учительский класс; но там принимали подростков, которым уже исполнилось шестнадцать, поэтому возник вопрос — что со мной до той поры делать.

Некоторое время я проболтался без дела, в Годонине, а потом по совету моих бывших начальников родители решили пристроить меня к какому-нибудь ремеслу и отправили в венские Kunstschlosserei², поскольку я немного умел рисовать.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1997, № 10.

А там мастер приставил меня к станку — вытачивать подковки к ботинкам; делать надо было так — сунуть в станочек железный прутик и потянуть за рычаг, после чего падала подковка. Если этим заниматься день, два — это еще куда ни шло, но если то же самое делать неделю, две, три... — короче, спустя три недели я сбежал. Я всегда был трудолюбив, но однообразная работа на фабрике, одно-два движения, всегда одни и те же — этого я выдержать не мог...

Может, я продержался бы еще некоторое время, но один соученик украл мои книжки, взятые в реальном; после работы я хватался за них и читал, а когда они пропали — мне стало так тоскливо, что я сбежал домой в Чейч. Особенно скучал я без атласа — по нему я из вечера в вечер путешествовал по всему свету.

В Чейче отец отдал меня в ученье господскому кузнецу, нашему соседу. Ну, кузнечное дело пришлось мне по душе! Это труд, где нужны сила и ловкость, во время такой работы не поболтаешь; железо не должно остыть.

В те поры еще существовали некие «касты», в каждой мастерской наивысшим авторитетом считался мастер, после него — подмастерья — в зависимости от возраста или от того, как долго пробыли у мастера; подмастерье уже располагал кое-какими правами, а вот если бы ученик отважился сделать что-нибудь, на что права не имел — скажем, закурить или поухаживать за девушкой — ему вlepили бы такую затрещину — ой-ой. Летом в кузнице работу начинали с трех утра и кончали в десять либо в одиннадцать ночи — тогда чинили плуги или подковывали коней. А сама работа прекрасная; кузнец у горна и у наковальни — настоящий хозяин твердой материи. Еще гимназистом, едучи из Брно, я удивил деревенского мастера тем, что смог вбить гвоздок в распаленную подкову. Не знаю, может, пальцы на правой руке у меня искривились от кузнечной работы.

В 1887 г., когда я попал в Ясную Поляну, Толстой, глядя на мои руки, спросил, не был ли я рабочим.

Возможно, в кузнице я бы и застрял, но произошел со мной такой случай. Дело было в Чейче; я нес ушаты с водой из колодца в кузницу и по дороге встретил какого-то прохожего. Он внимательно меня рассматривал — и я его признал. Этим прохожим оказался наш профессор Людвик, в Густопечи он обучал меня игре на фортепьяно. Я, однако, себя не выдал — устыдился, что такой закопченный; по выражению его лица я понял, что он не ожидал увидеть меня учеником кузнеца. Когда я вернулся домой, матушка сообщила мне: «Заходил к нам учитель Людвик и передал, чтобы ты шел к его отцу, директору, он возьмет тебя в Чейковице помощником учителя». Вот так все и разрешилось.

Мне было четырнадцать лет, до учительских классов нужно было ждать два года, а пока что я должен был помогать учителям в школе, разумеется, без оплаты, но зато пан ректор учил меня игре на фортепьяно.

Так я начал учить мальчишек и девочек. Если позволяло время, в будни играл в костеле на органе, ходил петь на похоронах. В те поры учителя были обязаны это делать. На похоронах я читал по-латыни молитвы, и патер Сатора указал мне, что произношение мое никуда не годится. Мне и самому хотелось понять, что я читаю.

Тогда я пережил мой первый конфликт с церковными властями. В школе я учил детей так, как нас учили в реальном — солнце неподвижно, а земля вращается вокруг солнца. Дети рассказали об этом дома, а их маменьки пошли жаловаться церковным властям, пану декану — дескать, я порчу ихних детей тем, что иду поперек того, что говорится в Священном писании. Патер Франц этот конфликт как-то уладил, но несколько дней спустя началась ярмарка, крестьяне, обмозговав все сообща, отправились ко мне в школу. Сердце у меня екнуло — предчувствовал я, что произойдет нечто плохое, но решил не сдаваться. Тут выступил один папаша и говорит: «Пан учитель, вы правильно все нашим детям толкуете; а наших баб не слушайте, учите как учите». Один за другим полезли они в карман и оставили на крышке пианино кто по четвертаку, а кто по крейцеру. Я должен напомнить, что ребенком я ходил в школу конкордатную, т. е. соответствующую договору государства с папой, а ее влияние в деревне шестидесятых годов прошлого века еще не прекратилось.

Очень любил я книжки. В Чейковицах после иезуитов в замке остались старинные фолианты семнадцатого и восемнадцатого столетий, полемика против протестантов.

Одна из них, очень знаменитая, называлась «Vogel, friss oder stirb»³, где от

Лютера не оставляли камня на камне. Я эти книги прямо глотал и стал таким ярым католиком, что даже кузничиху, жену мастера, который меня принял в ученики, обратил в католичество. Она была немка — муж привез ее аж из Германии — но я толковал ей все так упорно и долго, что она сменила веру. Для меня их семейство было первым случаем смешанного религиозного брака, разумеется, тогда я понимал это чисто по-католически. В этих немецких книгах было много текстов на латыни, мне хотелось докопаться до их смысла, и это было еще одним доводом, чтоб выучиться этому древнему языку. Начал я заниматься самостоятельно, учил на память по порядку все слова из словаря — от «А» до «ЗЭТ»; у меня тогда был и сейчас есть значительный запас слов, а вот с грамматикой дела шли туго. Патер Сатора начал со мной регулярные занятия грамматикой.

По его совету я выдержал в Стражице экзамен за первую ступень гимназии. Итак, в 1865 году я поступил во второй класс немецкой гимназии в городе Брно.

Примечания

1. Орден пиаристов — монашеский орден, основанный в 1597 г. в Риме.
2. Художественные слесарные мастерские (нем.).
3. Ключ, птичка, или умирай (нем.).

В Брно

Да, значит, Брно... Поступив во второй класс гимназии, я уже вынужден был сам себя кормить; наши не в состоянии были регулярно присылать мне помощь, только матушка — Бог знает откуда — всегда насребала самую малость. Сперва я жил у сапожника на Новой улице — там у него набралось пять или шесть мальчиков; за два золотых в месяц я получал жилье, завтрак и постель; какой кофе нам подавали — можете себе представить, но он был по крайней мере теплый. Конечно, я должен был подыскать себе какую-нибудь работенку. Давал уроки сыну одного станционного чиновника. Они платили мне за репетиторство два золотых в месяц, а по воскресеньям — обед — я бы тех обедов проглотил не один, а три. Потом обучал дочь пекаря, они мне не платили, но зато я мог взять хлеба сколько душе угодно. Очень славные были люди, и мы подружались. В классе я был первым учеником и потому меня рекомендовали начальнику полиции в качестве домашнего учителя. Ле Моньер занимал чуть ли не самый высокий пост в Брно. У них меня кормили каждый день, так что в годы учебы я смог поддержать и своего брата, но брату ученье не шло в голову. Веселились мы там от души; вечером после работы выдумывали всякие шалости, летом отправлялись куда-нибудь в Забрдовице купаться, а ужинали за шесть новых монет у пивовара — брали хлеб, сыр и бидончик пива. Господи, какие же это были времена!

В Брно мне нравилось, потому что под рукой было много книг. Разумеется, книжки были немецкие и написаны в католическом духе, однако мне это было неважно; в Брно, как и перед ним, в Чейковицах, я прямо глотал католическую литературу. Некоторые романы я помню до сих пор; один назывался «Фабиола», автор Николас Виземан; Фабиола эта была прекрасной римлянкой и умерла мученической смертью. Еще один роман — перевод с английского — назывался, по-моему, «Die Märtyrer von Tilbury»¹ — мученицы эти — католички, погибли во время английской Реформации. Третья книжка под названием «Glaubenskraft und Liebesglut»² — сочинение какой-то пани Полко; там речь шла о молодом миссионере-католике, который отправился в Индию; в Индии в него влюбилась красавица-индуска, принцесса Дамаянги, но его вера превозмогла страсть, и вся эта история тоже заканчивалась мученической смертью. В те поры мне это очень нравилось — и миссионерство, и пропаганда веры, а главное — крепость и постоянство в вере и мученичество; я был переполнен этими чувствами.

Мне хотелось бы поточнее определить, чем католицизм в молодости более всего влиял на меня; влияние было двояким: прежде всего — одухотворенная трансцендентность; потом универсальность, международность и всемирность католицизма. Далее — наступательный дух пропаганды и миссионерства. Затем —

стремление к единому воззрению на мир и человеческую жизнь. И наконец, в католицизме мне нравилась и нравится церковная организация и ее авторитет.

Конечно, мальчикам постарше попадают в руки антикатолические книги, где говорится об абсолютизме церкви, ее претензиях на исключительность и склонность к принуждению; сами законоучители в школе обращали внимание учеников на этих антицерковных и антирелигиозных авторов, полемизируя с ними. Я развивался в эпоху возрастающего либерализма и его борьбы с абсолютизмом политическим и церковным; как вы понимаете, я не мог не размышлять о книгах вроде «Жизнь Иисуса» Ренана и ей подобных...

В Брненской гимназии катехизис у нас преподавал патер Прохазка. Он был одним из христиан-социалистов. Я посещал их собрания и там познакомился с социализмом. Скорее всего в пятом классе я заявил патеру Прохазке, что не могу пойти к исповеди. Патер Прохазка меня любил, он был добрый и истинно религиозный человек; уговаривая меня, он чуть не плакал, но я не дал себя уговорить. Мне не нравился этот формализм; мальчишки похвалялись тем, как они хитро исповедовались; потом меня угнетала эта повседневная практика: сегодня мне грехи прощены, а завтра я начну грешить снова. Покаяться в грехах — почему бы и нет? Человеку необходимо выговориться приятелю или просто хорошему первому встречному, но чтобы больше не грешить... вот в чем дело. Как я уже сказал, мне не нравилось, что это так удобно; к исповеди я так и не пошел. Разумеется, зрели тогда во мне сомнения в верности некоторых церковных учений.

Тогда же я, как чех, впервые столкнулся с национальными конфликтами. В школе мы, чехи и немцы, занимались вместе и, конечно, спорили и ссорились, отстаивая исключительность наших народов. Мы, чехи, были старше, потому что год или два осваивали немецкий, а я был старше других еще и потому, что кончал реальное училище и учился ремеслам. В сварях — невредных, мальчишеских — мы обычно одолевали немцев. Гимназия была немецкой, но заместителем директора в мое время был чех, некто Коцоурек, автор латинского словаря, душа-человек, но для нас — предмет насмешек. Коцоурек подрабатывал изготовлением красок и, поскольку волосы и бакенбарды у него были седыми, то приходил он в класс иногда голубой, иногда зеленый, а то и красный, потому что руки вытирал о свои седины. Он преподавал нам чешский, и его уроки — не из-за предмета — были чистым попушением Господним.

Коцоурек умолял нас вести себя тише, чтобы крики наши не слышны были в соседних классах; когда же ничего не помогало, он обещал рассказать анекдот. Тут мы становились тише воды, ниже травы, и он начинал; бедняга знал всего-навсего один анекдот, очень наивный, он растягивал его насколько мог, но едва рассказ достигал кульминации, в классе поднимался такой гогот, что Коцоурек хватался за голову и упрашивал перестать. Да где там...

После Коцоурека в гимназию пришел новый директор, рыжий такой германец, и завел чисто немецкий режим. Латынь и греческий у нас вел учитель по фамилии Станек. Во времена Коцоурека он так и подписывался «Станек». Теперь же свою фамилию он писал на немецкий манер: «Станиек». Это меня взбесило; и однажды, во время экзамена на полях книги я написал: «Станиек-Станек». Он вырвал у меня книгу — и Боже мой — что тут поднялось!

В пятом классе нам прислали другого преподавателя латыни и греческого, фамилия его была Фёрстер, Венделин Фёрстер, впоследствии известный филолог-романист. Вот кто был настоящий германец; греческие слова он произносил по-немецки и требовал, чтобы мы поступали также; к примеру, вместо Zeus у него выходило Sojs. Наперекор ему я стал произносить латинские слова по-чешски. Само собой, Фёрстер рассвирепел, а я возразил: «Господин учитель, вы — немец и произносите латинские и греческие слова с немецким акцентом; а я — чех, поэтому произношение у меня — чешское». И стоял на своем, хотя меня вызвали к директору ad audiendum verbum³. За непослушание и упрямство я получил плохую оценку по поведению, а потом пришло и consilium abeundi⁴. Я вынужден был распрощаться с городом Брно — позднее я еще расскажу об этом подробнее. К счастью, начальника полиции Ле Моньера тогда перевели на службу в Вену.

Ле Моньер взял меня с собой; там меня приняли в шестой класс, но только после его ходатайств и, конечно, после экзамена.

Мальчиком я не понимал, что такое национализм — разве что «чейковицкий».

К Чейковицкому приходу было приписано село «Подворов», ну и, разумеется, мы произносили его не иначе как «Потворов»¹; зато подворские ребята сочинили о нас насмешливую песенку... Всякое воскресенье мы спорили с ними о том, кому звонить на колокольне. Вот вам пример эдакого национализма «в малом». В Брно я осознал свою принадлежность к чешскому народу; перед этим, дома, я ощутил некий примитивный социализм. Изучая историю, я осознанно вырабатывал и углублял свое национальное самосознание. Нашей историей я сильно увлекался и один за другим глотал романы Карела Герлоша.

Посмотрите, сколь драматична наша история; взять хотя бы Пршемысловичей и всю их политику по отношению к немцам; насколько верно они определили нашу международную ситуацию; потом — Реформация, Постреформация, Возрождение — насколько драматична эта борьба; а теперь взгляните на карту, на наше географическое положение и подумайте, как нам удалось выстоять! Уже одно это многого стоит. Попробуйте по-настоящему понять нашу историю — я не знаю, есть ли на свете что-нибудь более поучительное.

Мы всегда составляли и будем составлять в мире ничтожное меньшинство, но если небольшой народ чего-нибудь добивается своими слабыми силами — это несет в себе особую и безмерную нравственную значимость — так же, как грош евангельской вдовы. Мы не хуже любого другого народа, а в каких-то отношениях — даже лучше; это уже начинают ценить и за границей. Неважно, что мы — небольшой народ; это имеет и свои преимущества, нам легче узнать себя и стать более близкими друг другу; легче почувствовать себя у себя дома. Это очень важно, когда небольшой народ не плетется в хвосте у великих, а вносит свою лепту в дело достижения все большей человечности. И у нас есть желание звонить на колокольне мира, как у тех парней из Чейковиц или Подворова. Делать больше, чем другие, и проявлять расторопность; но если кому-нибудь захочется насильно поработить нас — не поддаваться... Не поддаваться — и все тут.

Хотя чешских книг не было, у нас оставались чешские народные песни. Мы, чешские гимназисты, собирались, пели, соревнуясь, кто больше знает, записывали слова еще не знакомых песен. Даже сейчас я кое-что могу вспомнить. Домой из Брно я ходил пешком в компании наших парней, мы распевали всю дорогу. Как-то остановились по дороге в знакомом кабаке, и один из нас, парень постарше, класса из восьмого, разбитной — хоть впоследствии стал священником — заигрывал с хозяйкой, еще молодой и хорошенькой, но она на удивление была серьезна. Когда же приятель наш обнял ее, она, ни слова ни сказав, молча раскрыла дверь в соседнюю горницу; там на соломе лежал ее муж, мертвый, в головах его горела свеча... А в другой раз я возвращался из дома в Брно и нес с собой в качестве вспомоществования матушкины булки — булок эдак двадцать. У границ Брно остановил меня таможенник — узнать, что нес. «Булки», — говорю. — «Плати продовольственный налог». Что поделаешь? Денег нет, а булок жалко — вот и уселись мы с приятелями под забором — и разом умяли все пироги; строгому надсмотрщику тогда тоже кое-что перепало.

Примечания

1. Мученицы из Тильбери (нем.).
2. Сила веры и пыл любви (нем.).
3. Для дознания и наказания (лат.).
4. Решение об исключении из школы (лат.).
5. Игра слов: potvora («потвора») — по-чешски — чудовище, урод.

Войны 50-х — 60-х годов

Понятное дело, что меня, парнишку, невероятно интересовала война, военная служба, тогда это имело прямое отношение к системе воспитания.

За детские и юношеские годы я пережил несколько военных батальи.

В 1859 г. к нам вернулся батрак с итальянской кампании, кажется, он отморозил ногу, и я, затаив дыхание слушал его рассказы о разных сражениях. В мыслях у него

была полная путаница, очевидно, он так и не понял, с кем и за что, собственно, воевал.

В 63 году опять-таки поляки восстали против русских. К тому времени я уже читал газеты, если удавалось их достать, и яростно отстаивал сторону поляков. В Оломоуц были интернированы польские повстанцы, среди них — известная Пустовойтувна, — о них ходили целые легенды. Спустя много лет я еще раскапывал разные произведения и криминальные романы о польском восстании, эти события не шли у меня из головы. В свое время мне пришлось давать частные уроки одному школьному товарищу, поляку по происхождению, так он мне нарасказывал и того больше, после чего я принялся учить польский.

В 64 г. — шлезвигская война, и тут я фанатически отстаивал датчан — за то, что они, такой маленький народ, не поддались двум великим.

В 66 г., когда началась война с Пруссией, мы, несколько чешских гимназистов, учившихся в Брно, решили записаться добровольцами, чтобы выступить против пруссаков. Против пруссаков — но ведь не за Австрию! Собравшись в кружок, мы раздумывали, как быть, но один наш товарищ, самый сильный и взрослый, и впрямь ушел воевать. Вскоре школы закрыли, и я на своих двоих отправился домой, в Чейч. Пруссаки в это время одержали верх под Градцем Краловым, австрийское же войско через Мораву бежало в Венгрию. Повсюду люди дрожали со страху, ходили слухи, будто неприятель хватает молодых парней и берет их в плен, как солдат. Это не шло у меня из головы. Я ходил по пятам за приятелем — он был постарше, а жил неподалеку, в Терезове, — и приставал, чтобы мы, как обещались, вступили в австрийское войско. Франтик меня отговаривал, предлагая бежать и скрыться где-нибудь. В ту пору австрийские полки уже отступали в Венгрию, и через Чейч тоже тянулась колонна с фуражом. Офицер, который ее вел, спросил дорогу на Годонин; я вызвался их довести. Так вот, Франтик и я отправились вместе с этими солдатами; дорогой я сказал офицеру о своем желании пойти воевать. Офицер принялся меня отговаривать — дескать, мал еще, худ, а в колонне нет доктора, чтоб меня осмотрел, да и войне скоро конец — словом, всякую всячину. На окраине Годонина вдруг полыхнул пламенем дом, стоявший у дороги, поднялась паника — говорили, что это дело пруссаков, что у них всюду шпионы. От Годонина колонна двинулась в Венгрию, а я — в Голич, этот край я знал как свои пять пальцев и повсюду чувствовал себя как дома.

У Голича нас настигли прусские патрули; тут по тревоге некоторая часть пехоты и конницы повернула против пруссаков. В полях — снопы и копны, австрийский командир — на коне прикрылся копной. Было уже довольно поздно, смеркалось. Мы с Франтиком, с каким-то голичским иудеем и еще с одним голичским обитателем взбираемся на гору, на кладбище, чтоб укрыться за кладбищенской стеной и оттуда наблюдать за схваткой. Франтик до того перепугался, что сиганул в только что выкопанную могилу, иудей за ним, а я вместе с голичанином выглядывали, взобравшись на стену; увидели отстреливавшихся при отступлении пехотинцев — голичанин заметил, что это итальянцы, и они бегут. Потом схватились конники — мы видели, как сверкая саблями они рубят друг друга, и вдруг прямо на нас поскакал всадник. Присмотревшись, я узнал того самого офицера, который взял меня с собой, лицо у него было рассечено — вот так — от виска до самого подбородка. Я окликнул его — он объехал кладбище, отыскивая ворота. Голичанин — умница — мне говорит — отыщите ближайшую халупу, снимите с постели простыню и намочите ее в колодце. Ну, я помчался, а он вместе с иудеем повел раненого офицера под руки следом за мной. Франтик так и остался лежать в могиле. Я отыскал простыню, прикрепил на крюк и опустил в колодезь; намочившая ткань оказалась тяжелее, чем я рассчитывал; пришлось изо всех сил опереться коленом о бревно сруба, чтоб ее вытянуть; впопыхах я даже не заметил, что гвоздем до мяса разорвал кожу над коленом; вымыв и перевязав офицера, мы сняли с него мундир — иудей взял его себе — и только тут я ощутил боль. Хотел было бежать дальше, но получалось это с трудом. Меня подобрала одна из отступавших войсковых повозок, и в военном полевом перевязочном пункте, уже под Прешпурком, мне наложили приличную перевязку; мы с Франтиком отправились в Копчаны, к родственникам. Там я услышал, что наш иудей с офицерским мундиром в руках выдал себя за плененного пруссаками, так же как и раненый офицер. Сражение у Голича, на Шибеничках, было в понедельник; но я не ручаюсь за правильность даты, да и деталей уже толком не помню.

В том же 66 году мне пришлось пережить еще одно приключение. Я хаживал в Говораны, к патеру Саторе, которого туда перевели из Чейковиц. Однажды я задержался у него аж до темноты; там состоялись торжественные похороны, я в них принимал участие вместе с патером. Так вот — иду домой, в руках погребальная свеча, и вдруг вижу, что в канаве, за тополем кто-то прячется. Я испугался-таки, но шел дальше. Иду себе — и вдруг этот «кто-то» перепрыгивает через канаву и хватя меня за горло. Случилось это так быстро, что я даже не мог понять, как это произошло; помню лишь, что как только он сжал мое горло, я хватил его свечой по лицу; он пырнул меня в бок ножом или чем-то еще. Я опомнился и дунул со всех ног домой. Только дома, при свете лампы, мы разглядели, что он, проткнув пиджак и рубашку, здорово оцарапал мне бок; однако последствий это не имело никаких. По-моему, человек этот поджидал кого-то другого и перепутал нас.

Позднее — в первые годы моей пражской жизни — я начал писать роман (*Dichtung und Wahrheit* ¹ — так это замышлялось), и в нем это происшествие было отражено — настолько сильно оно врезалось мне в память; конечно, в романе оно было приукрашено, герой мой был военным и т. д. Вам уже известно, что писать роман я давно раздумал, а то, что было написано — сжег; однако даже теперь, когда мне не спится, в бессонные ночи, я порой что-то пописываю.

Хорошо, если уж вам так хочется знать — это была не первая моя попытка сочинительства; что-то похожее я начал писать в Брненской гимназии. Тогда я уже сам зарабатывал себе на пропитание, содержал в школе брата; в классе был самый старший, конфликтовал с учителями и влюблялся... Словом, я считал, что располагаю большим опытом, и принялся сочинять роман о своей жизни. Написав несколько глав, я прочитал их приятелям перед купанием в речке; разумеется, мальчишкам не терпелось залезть в воду, но я не прекращал чтения, пока не дочитал до конца. Потом один из них, ганак родом, признался: «Томаш, ничего более глупого я отродясь не слыхивал». Поэтому я все сочиненное предал огню.

Стихи я пробовал писать еще раньше — когда окончил два класса реального училища и попал на некоторое время в Годони; там я сочинил любовные вирши одной девушке, с которой мы вместе играли в театре. Скорее всего, это было нечто абсолютно бесформенное, тогда я даже понятия не имел ни о рифме, ни о ритме, ни о какой-либо форме. Вот в ту пору я впервые осознал, что это такое — гуманитарное образование. Хотелось бы мне теперь взглянуть на мои тогдашние сочинения! В Брно мне попала в руки «Поэтика» Сушила ²; по ее образцам я пытался создавать стихи всевозможных форм, даже на восточный манер... Ну, потом я эти занятия бросил, однако привязанность к литературе сохранил на всю жизнь.

Почему я уехал из Брно? Ну, собственно, из-за любви. К моей хозяйке (я учился тогда в пятом классе) часто наведовалась ее свояченица — девушка моего возраста; и мы полюбили друг друга — это было мое первое и большое чувство. Я был захвачен этой любовью, разумеется, я хотел жениться на Антонине, и не мог дожидаться дня, когда это будет возможно; тогда я уже сам зарабатывал на жизнь, а в классе был и самый старший, и самый рослый, потом — на моем счету были всякие перепалки с учителями — словом, я ощущал себя вполне взрослым и самостоятельным. Ее родители, разумеется, возражали против нашего брака, мы встречались тайком, на улице и где удавалось. Об этом стало известно и в школе, а поскольку переубедить нас никто не мог, меня пригласил к себе директор гимназии и плохо отозвался о наших отношениях, словно я совершил Бог знает какую низость. Меня это чрезвычайно оскорбило, я был возмущен настолько, что сам себя не помнил. Когда позвали школьного сторожа, я схватил кочергу и кричал, что не позволю несправедливо обижать ни себя, ни эту девушку. Поэтому я вскоре получил *consilium abeundi* за строптивость; ничего сверх этого мне не сделали, поскольку директор гимназии и сам должен был осознать свою неправоту.

Это была моя первая любовь; с тех пор я много размышлял о любви — и собственный опыт, и то, что я видел вокруг, побуждали меня к этому. А главное — художественная литература, ведь она столь большое место уделяет любовным чувствам. По сути дела, я довольно часто высказывался на сей счет в связи со своим более поздним опытом и под влиянием моей жены — так что повторюсь; любовь, сильная любовь, любовь настоящая, любовь мужчины и женщины, не испорченных в половом отношении или, как написано в «Песне Песней» — любовь, сильная как

смерть — сильнее, чем смерть, потому что сохраняет жизнь и рождает новые жизни. И художественная литература по праву уделяет любовным отношениям самое большое внимание...

Примечания

1. Поэзия и действительность (нем.).
2. Сушил Франтишек (1804—1868), поэт, переводчик, собиратель фольклора.

Вена

Вена имела для моего развития очень большое значение, я провел там без малого двенадцать лет — с 1869 до 1882, один год (1876—77) я жил в Лейпциге. В то время Моравя подражала Вене, и Брно, как тогда говорили, считалось ее предместьем. Впервые я попал в Вену слесарным подмастерьем; однажды в гимназические каникулы добрался до столицы пешком. И всякий раз — как в первый, так и второй — бежал оттуда — настолько мне было там тоскливо; в более зрелые годы я привык жить в этом городе, тем более, что он предоставлял мне возможность получать образование и кормил меня.

В академическую гимназию Вены я попал в шестом классе, экзамены на аттестат зрелости сдавал в 1872 году. Средняя школа очень быстро мне опротивела; как я уже говорил, у меня был богатый жизненный опыт, я стал взрослым и должен был кормить себя сам. В первые годы учебы в Брно меня еще заботили оценки в аттестатах, так что несколько семестров я был первым учеником; но потом я решил, что вполне достаточно окончить школу прилично, и в свободное время изучал языки, читал поэзию, историков, философов, просто литературу, занимался искусством. Всю жизнь я — страстный читатель.

Интерес к религии, политике и национальным вопросам подстегивал мое стремление как можно больше читать и размышлять. В Брно благодаря патеру Прохазке я познакомился с теорией христианского социализма; там же мне пришлось столкнуться и с национальными проблемами постольку, поскольку их выдвигала сама школа. В гимназии Брно гимназисты и преподаватели разделялись на группы по национальному признаку, это определялось чешско-немецкой средой в самом Брно и, разумеется, политикой чешской и немецко-австрийской — насколько я мог ее проследить. В Вене я разыскивал чешские кружки, особенно Академический кружок. Будучи гимназистом, я не мог быть туда принят; но по договоренности с членами Совета объявил себя философом, поскольку последние два гимназических года еще до недавних пор числились «философскими классами», или попросту «философией». Некоторое время спустя один из «советников», как раз и предложивший мне вариант «философа», выступил с заявлением, что у меня нет права быть зачисленным в Общество; юноша был прав; я в очередной раз получил урок. У любой лжи — короткие ноги, даже у лжи *faus piá* ¹.

О том, кем быть, я много не думал. Будучи гимназистом в Вене, хотел стать дипломатом, хотел поступить в Академию Востока и даже посещал практические курсы арабского языка, но потом, убедившись, что в Восточную академию принимают только дворян, оставил это занятие. Мне кажется, под «дипломатией» я тогда представлял странствия в разные земли — я всегда очень любил путешествовать, хотя бы по атласу, я и до сих пор люблю географические карты; меня всегда интересовала статистика, числовые соотношения разных областей. Когда я сдавал экзамены на аттестат зрелости, учитель географии предложил мне вопрос из национальной и религиозной статистики Венгрии; оказалось, что об этой теме я знал больше, чем он сам, и это так потрясло инспектора и учителя, что они сквозь пальцы посмотрели на мое незнание предметов, которые меня не интересовали.

После окончания гимназии (1872) я поступил в Венский университет — разумеется, на философский факультет.

Помнится, пошел я к профессору Зиммерману — наверное, вы его знаете — эстетик, последователь Гербарта ² — пошел советоваться, с чего начать профессиональную подготовку к занятиям философией. Он посоветовал прочитать всю историю философии и того, кто мне больше всего придется по душе, выбрать для более подробного изучения. С историей философии и с трудами некоторых

философов я был знаком еще в гимназии, и уже тогда влюбился в Платона — так платоником на всю жизнь и остался; конечно, я записался на курсы греческого и латыни, чтобы иметь возможность в подлиннике читать своего Платона да и других греческих и римских писателей.

Профессор Ваглен в течение целого семестра по четыре часа в неделю толковал нам о произведениях Катулла. Я прочел Катулла в один присест, а теперь этот ученый излагал нам, сколько существует катулловых рукописей, каким словечком они отличаются, что и как один исследователь написал об этом, а вот другой — невежа. В то время скончался мой брат Мартин — простудился на военной службе и подхватил тиф — открывалась Всемирная выставка — впечатления об этих событиях заставили меня забыть филологию. Но не греческих и латинских авторов.

Потом наряду с философией я занимался естественными науками, анатомией тоже. Интересовала меня и модная тогда физиологическая психология. Как известно, учителем я стать не хотел; хотелось не поучать других, а самому узнавать новое и учиться. Как пишет Аристотель в начале своей «Метафизики»: «Врожденное свойство человека — стремиться к познанию. Ведь это так прекрасно — познавать, чего-то доискиваться, постоянно открывать нечто новое. Безразличие и равнодушные — хуже, чем незнание».

Каким образом интерес к фактам и только к фактам сочетается с моим платонизмом? Прекрасно сочетается, сударь. Я желаю знать факты, но, кроме того, я хочу знать, какой за ними таится смысл, на что они указывают. И таким путем мы сразу переходим в «Метафизику».

Как я жил в университете? Ну, давал уроки; один чех по имени Билка держал в Вене воспитательный дом — он пригласил меня в качестве домашнего учителя в семью банкира Шлезингера, директора Англо-австрийского банка; у них я наконец стал получать сто золотых ежемесячно; при полном обеспечении этого было более чем достаточно. Находясь в кругу этой семьи и их знакомых, я узнал, как живут богатые; эти люди не знают счастья; огромные деньги изолируют их от людей, как стена, и часто приводят к всевозможным безрассудствам и извращениям.

Дружба — для молодого человека столь же сильное чувство, как и любовь. В гимназии у меня был закадычный друг по имени Герберт, мой одноклассник, такой милый, добрый парень, историк и географ; он был болен и в конце курса умер. Его покойный отец служил лекарем у какого-то трансильванского графа. Так вот, я бывал в семье этого Герберта, он жил с матерью и двумя сестрами.

Я до сих пор вспоминаю о нем; мой первый сын получил имя Герберта в память о моем друге.

Моиими друзьями были ученик Шлезингер, брненский коллега Вшетечка (потом он преподавал в Ичине) — я звал его «Вшета», его приятель Вейгнер, позже директор школы ткачества в Варнсдорфе; Шимон Гайек — он учительствовал на Мораве. В чем-то нас объединяла литература, но главное — было просто товарищество. В Лейпциге я подружился с будущим адвокатом доктором Карлом Гёрингом. Мы дали друг другу обещание каждые десять — по-моему — лет — устраивать встречи и рассказывать о пережитом и прожитом. Ну, так, по всей форме, мы не встречались больше ни разу, но связь поддерживали постоянную.

Герберт унаследовал от отца огромную библиотеку и мы вместе читали немецких классиков восемнадцатого — середины девятнадцатого столетий; в те годы я с головой ушел во французскую литературу — читал Шатобриана, Мюссе и прочих. Венская молодежь увлекалась тогда Геббелем³ — я же всегда скептически относился к таким вот модным течениям. Среди немецких студентов получил широкое распространение вагнеровский национализм — то бишь и музыка, и германская философия Рихарда Вагнера и его толкователей. Для меня даже музыка Вагнера осталась чужой. Националистами были в те годы и Виктор Адлер, и Пернерсторфер⁴, ставшие впоследствии депутатами-социалистами; тогда наши отношения были довольно далекими. Когда вышло из печати второе издание Марксова «Капитала» — по-моему, году в семьдесят шестом, я проштудировал его очень основательно; исторический материализм и гегелевскую философию я и тогда не смог принять. Прилежно изучал национальную экономику Менгра, слушал его лекции. Потом в Лейпциге слушал эклектичного Рошера. В целом же я и в своих интересах был достаточно одинок.

В молодости у меня не было времени думать о шалостях, потому что с четыр-

надцати лет я должен был кормить себя сам; я не пережил ни единого кризиса, свойственного периоду созревания. Первая любовь — это не шалость; я верю в чистоту молодости. Вообще, проблема полового созревания представляется мне совершенно искусственно и неестественно преувеличенной благодаря литературе, театру, газетам и много чему еще.

Учась в Венской гимназии, на каникулах я бывал в Густопечи, в семье чешского капельмейстера и встречал там барышню из Чехии. Она заинтересовала меня потому, что это была первая чешка из королевства, с которой я познакомился. Она была образованна, сознавала свою национальную принадлежность. Мы переписывались, а потом она приехала в Вену и жила у брата-чиновника. Брат этот был странный человек; одалживал у меня деньги, а за это оставлял мне сестру; я заметил, что когда я навещал их, он уходил, а прогулки и загородные экскурсии предпринимал с определенным умыслом. Мне стало противно. Я видел, что девушка здесь ни при чем, однако встречи прекратил.

Вспоминаю еще одну такую подробность; видно, это характерно для всей молодежи. В Клобуоках на танцах я познакомился с тамошней девушкой. Влюбился с первого взгляда, не сходя с места написал ей об этом и вычислил, когда мы могли бы пожениться. Едва успев передать письмо с посланницей, я тут же сообразил, что сморозил страшную глупость. Впрочем, последствий она не имела.

Если бы наша система воспитания добилась более дружеских отношений между мальчиками и девочками, многих неприятностей, несчастной любви и разочарований не случилось бы. Так же как родители своей жизнью обязаны подавать пример детям, на так называемом обществе лежит большая ответственность перед молодежью. Там, где общественные отношения здоровые и нормальные, там и молодежь здоровая. Посмотрите только, какое еще у нас нездоровое, рабовладельческое отношение к женщинам!

Раз уже об этом зашла речь, позволю себе ряд соображений. Представьте себе, в мое время многие доктора утверждали, что половая сдержанность для юноши вредна! Как-то у меня на лице высыпала сыпь, домашний врач посоветовал мне пойти к продажным женщинам — эти пятна, мол, от того, что играет кровь... Вообще тогда даже родители имели странные воззрения на половую жизнь — естественно, если они имели дело с такими докторами. Мне, как частному учителю с многолетним стажем, пришлось вскоре столкнуться с проблемой онанизма у мальчиков. Я узнал об этом извращении еще в реальном училище, а позднее, когда работал в гимназии, мне и самому попадались ученики, некоторые из которых болезненно предавались этому злу. Этой проблемой и сексологией вообще я занимался всесторонне, особенно впоследствии, когда — уже будучи профессором — читал курс этики и изучал литературу и общественные отношения. Специалисты говорят, что зло это с точки зрения гигиены чрезмерно преувеличено; пусть так, но, на мой взгляд, с позиций нравственности — это есть зло, поскольку ведет к преждевременной и беспокойной половой жизни и — что особенно серьезно, — толкает, по-видимому, к половой распушенности. Я изучал опыт наших учителей и учительниц — он подтверждает мое мнение. Наставления о половой жизни нельзя возлагать только на школу, прежде всего воспитателями должны выступать родители. Помню одну прекрасную главу из романа г-жи Канфилд, в которой мать в надлежащее время рассказывает своей дочери, оскорбленной и возмущенной грубостью своего жениха, о телесной стороне любви. Больше такта и благородной серьезности как во взглядах на половую жизнь, так и в самой жизни — вот и все, что требуется.

Сегодня подход к этим проблемам стал по крайней мере более разумным. Тут играет положительную роль и спорт; занимаясь спортом, подросток, чтобы быть в форме, не курит, не бражничает. При том условии, однако, что юноша-спортсмен не огрубеет духовно. Только тогда мы достигнем самого большого прогресса и вернемся к античной культуре, как желал этого Тирш⁵. И еще несколько слов о спорте: он хорош уже тем, что занятия физкультурой регулируют или вытесняют врожденную или благоприобретенную драчливость. Каждый мальчик — по своей природе, окружению и исторической традиции — тяготеет к одностороннему культу военных героев и государей-воителей; спорт же учит побеждать без крови и жестокости, воспитывает честность. У меня самого не было возможности посвятить много времени спорту; я как член сокольской организации, занимался только гимнастикой. Даже теперь дня не проходит без тренировок.

Примечания

1. Ложь во спасение (лат.).
2. Герbart Иоганн Фридрих (1776—1841), немецкий философ-идеалист, психолог, педагог и эстетик.
3. Хеббель (Геббель) Кристиан Фридрих (1813—1863), немецкий драматург, поэт и прозаик.
4. Адлер Виктор (1852—1918), один из организаторов и лидеров австрийской социал-демократической партии; Пернерсторфер Энгельберт (1850—1918), австрийский социал-демократический политик и журналист.
5. Тирш Мирослав (1832—1884), чешский эстетик и теоретик физического воспитания.

О школах

Воспитанию мальчиков у нас не достает культа самостоятельности, достоинства и честности. Сам я приучался к самостоятельности с детства, поскольку мне рано пришлось зарабатывать на хлеб и, находясь вдали от семьи, заботиться о самом себе и самому решать свои проблемы, но это — особый случай. Система нашего нынешнего воспитания не побуждает быть смелым. Только бы побыстрее обеспечить себя материально, как-то устроиться — лучше всего в учреждении, чтоб заработать пенсию... В конце концов, я вижу в этом страх перед смертью, страх перед жизнью предприимчивой, ответственной, устремленной к успеху. Правда, нам не достает моря, не достает сознания, что по ту сторону — тоже мир; мы сидим как лягушки в пруду и квакаем про свое. Я с удовольствием слушаю рассказы о том, как кто-то из наших отправился посмотреть мир и чего-то в этом мире достиг; не как эмигрант: ведь эмиграция — это бегство, но как предприниматель, чех-покоритель. Разумеется, нищета тоже толкает к действию, ведь в большинстве своем мы в первом или во втором поколении происходим из более или менее зажиточных крестьян и ремесленников; такой мальчик сперва поглядится — не для того, чтобы определить, чему он хотел бы и мог себя посвятить, но чтоб увидеть, какое место еще не занято, чтоб прокормить себя без особых трудов. Даже учеба в высшем заведении — это не более чем выгодное ремесло, хотя с истинным ремеслом его не сравнить.

Я заметил, что лучшими преподавателями — особенно в средних заведениях — являются хорошие специалисты-практики. Если такой учитель действительно любит свой предмет, то он пробудит любовь к нему и у мальчишек. Ведь вообще почти все, чему учат в школе, человек забывает, остается лишь однажды разбуженный интерес, который учит его наблюдать и видеть связь вещей. Познание без интереса — мертво. Задача школы состоит не в том, чтобы дать как можно больше знаний, но прежде и главное всего — чтоб научить учеников четкости, внимательности и методичности; учить их так, чтобы затем они сами могли наблюдать за природой и жизнью и правильно решать задачи и задачки, когда и где бы те не встречались на их пути.

И ежели учитель хочет стать воспитателем, пусть станет проповедником. У нас проповедают не только в костеле, но и в школе, и в газетах, и в парламенте. Вы знаете, быть воспитателем подростков — это невероятно тяжелое дело: средняя школа, как правило, культивирует только дидактику, она больше учит, нежели воспитывает. В средней школе мальчик поддается различным влияниям, о которых его учитель или не имеет представления, или оставляет их без внимания. Скажем, в Англии, у школьников много меньше повседневных занятий, чем у наших, но зато английская школа лучше формирует характер. У нас подросток должен освоить — по крайней мере ненадолго — кучу сведений, независимо от того, интересны они ему или нет; но вот совершать поступки, организовывать свое общение с людьми, проявлять свое отношение к реальным событиям жизни — этому он не научится. Юноши, выходящие из наших школ, часто оказываются какими-то неуклюжими, несообразительными и недалекими; они энергичнее и живее утверждаются в негативном отношении к миру — школа вызывает у них отвращение, учителя остаются в их памяти чистыми злодеями. Верно, мне и самому долгое время снились кошмары, как я сдаю экзамены; средняя школа не должна быть несчастьем, не смеет являться ребенку в ужасных снах. Если школа — обуза, то те, кто послабее, вынесут из нее только страх, а те, кто посильнее, покинут ее бунтарями, но те и другие облегченно

вздыхнут, когда эти семь или восемь лет останутся позади, хотя за это время они должны были созреть и физически, и духовно — подумать только — семь или восемь таких важных лет! Но и это теперь понемножку меняется; прежняя средняя школа чересчур усердно воспитывала чиновников — собственно австрийских бюрократов; теперь она ставит и будет ставить перед собой иные задачи. Но я хочу сказать вот что: если мы говорим о кризисе, который переживает интеллигенция, то мы обязаны смотреть в корень вещей, а тем самым — на проблему школы.

Я рос почти в полной изоляции — в Брненской гимназии я был обречен на одиночество, как старший по возрасту; в Вене оказался для своего окружения чужим; мне исполнилось тогда двадцать лет, в то время как одноклассники мои были еще детьми. Очевидно, поэтому позже и к политическим движениям эпохи я уже заранее относился критически и с недоверием. У нас заметно, как молодые люди кидаются из одной крайности в другую — через каждые пять лет возникает новое поколение, отрицающее предшествующие. Одна из причин этого в том, что мы — небольшая нация, веками жившая в отрыве от большого культурного мира. Поэтому мы постоянно стремимся стать со всем миром вровень, цепляемся за всякую новую мысль, явившуюся сегодня с востока, завтра — с запада, а послезавтра уж и неизвестно откуда; поэтому культурное развитие наше столь несообразно. Это хорошо — смотреть, что происходит вокруг, но только если смотреть широко и проверять все, что есть. Мы твердим — нужно распахивать окна за границу, ладно, но тогда распахивайте все окна и все двери! Понятно, что небольшой народ зависит от культур великих народов, особенно наш народ, развитие которого самой судьбою и внешней силою было прервано и задержано на долгие годы. Но сколько примеров других народов, которые отличались высокой культурой и много дали человечеству; по этой причине историки и политики еще слишком поверхностны в оценке целых наций. Отсюда и непонимание Европы, состоящей из бесчисленного множества малых народов.

Мы подчас забываем, кто мы и что мы. И это ошибка. Сколько людей, без конца вздыхающих, что Америка больше, чем мы, что Париж — живет Праги... Преувеличивая достоинства заграницы, мы не видим, какими богатствами располагаем у себя дома. Я понимаю, нельзя утолить читательский голод исключительно одной лишь чешской литературой, но чехи должны знать ее вдоль и поперек, чтобы отдавать себе отчет в том, чего она уже достигла. Кто только и делает, что сетует на нашу «малость», тем обвиняет самого себя; его вина, что он довольствуется малым. Это мое мнение относится прежде всего к молодым людям. Этские новоиспеченные интеллектуалы не желают идти работать в провинциальный город или в деревню, — там-де они пропадут и останутся в культурном развитии. На самом деле они просто желают получше устроиться, а свой культурный уровень обеспечат, обзаведясь кофейней и используя всякие искусственные стимулы. Вы правильно ссылаетесь на поэта Бржезину; мудрость и интеллект — это дело духа, а не случайного окружения. Лев остается львом и в клетке, из него ничем не сделаешь осла.

Более всего недостаток традиций ощущается у нас в среде мелких служащих. Что до того, что у нас принято держаться проторенной колеи — это ведь еще не традиция; традиция — это творение целого поколения, общая и очевидная для всех дисциплина. У нас часто начинают все с начала вместо того, чтобы продолжить труд предшественников; оттого у нас столько программ и столько «овчарен», которые на реальную жизнь и эволюцию не могут оказать серьезного влияния. Правда, мы — небольшой народ, к тому же наше общество постоянно обновляется за счет низов. Контрреформация совершенно сознательно уничтожила традиции Реформации — вот вам и пропасть протяженностью в триста лет, а нынче мы не в состоянии себе помочь ни Контрреформацией, ни Реформацией, ни эпохой предреформационной. Важнейшую причину отсутствия у нас традиций я вижу в религиозном равнодушии; от этого наш средний интеллигент ума не приложит, как подступиться к нашему прошлому, когда религия играла столь существенную роль. Вместо разносторонних взаимных связей наш интеллигент образует свой собственный узкий кружок при кофейне, застолье в трактире, либо какую-нибудь местную или цеховую организацию своей политической партии. Спертая атмосфера местного пивного зала — вот в чем, прежде всего, заключаются наши «малые масштабы».

Нигде в мире вы не услышите столько ропота и недовольства, как у нас, это и есть проявление той самой бездеятельности и кое-чего похуже. По-моему,

такой недовольный человек не любит свою профессию, а потому бранит политику, «масштабы» и весь мир. Тот, кто делает свою работу без любви и без интереса, только для того, чтоб урвать — это несчастный, с тоски пропадающий человек. Я люблю, когда при мне кто-нибудь с любовью и увлечением говорит о своей профессии; чего только вы от него не узнаете! Недавно вы видели тетю Эсперансу (учительницу пения), когда она прослушивала начинающую певицу. Вы заметили, как светились у нее глаза? Я восхищался ею, она вся была погружена в работу. Вот именно на это родители и учителя должны были бы более всего обращать внимание, чтобы поточнее узнать, что их ребятишек могло бы воодушевить. Теперь у нас такое множество школ различных профилей — практических, аграрных и специальных, — что любой может выбрать себе занятие по душе и по способностям. В условиях демократии уже нет надобности упорно стремиться к тому, чтобы из парня вышел начальник, de facto — какой-нибудь писаришка в учреждении; крестьянин, ремесленник, рабочий — хозяева в гораздо большей степени, чем интеллигент; пусть каждый станет хозяином, человеком, занимающим свое место, цельным человеком, личностью. А девушки? Точно так же — и не иначе.

Молодой человек

Мир чтения

Миссис Браунинг сказала в «Авроре Ли», что поэт обязан иметь две национальности — ну, это я не знаю; но вот часто говорят, что знать на один язык больше — значит, прожить на одну жизнь больше. И тут у меня есть свой опыт.

Немецкий я знал с детства, от матери; однако немецкий все-таки не стал вторым моим родным языком — это я слишком хорошо почувствовал, когда поступил в немецкое реальное училище в Густопечи. Ребята над моим немецким потешались, выполнять домашние задания по-немецки мне было трудно; это исчезло только в гимназии, да и то не до конца. Когда я выпустил в свет свое «Самоубийство», один известный немецкий писатель прочел книгу, обращая внимание на язык, и обнаружил в ней около дюжины славянизмов.

Находясь в немецком окружении, я почти постоянно изъяснялся по-чешски — у хозяина, с приятелями, в чешских кружках; немецкую речь я слышал только на занятиях, свои чешские уроки давал по-немецки, но главное — много по-чешски читал.

Я рано познакомился с Гете и Лессингом — Гете сперва увлек меня своей лирикой больше, чем «Фаустом», а Лессинг заинтересовал греками и римлянами. Кроме того, знание немецкого дало мне возможность читать методическую, нравоучительную литературу, и что ценнее всего — всю мировую. Шекспира и других гигантов я прочитал в немецких переводах.

Под влиянием Вены я порядочно занимался австрийской литературой, пытаюсь через нее понять Австрию и Вену.

С интересом я следил за судьбой литераторов, родом из Чехии (Гартманн, Мейснер), наших писателей, пишущих по-немецки, я читаю постоянно со всяческим вниманием. Из венгерских родом — поэзией и жизнью своей меня привлекли Ленау, К. Бек — он тоже был венгр, в Вене наши судьбы как-то соприкасались.

Французский я начал изучать в Чейковицах, когда начал работать преподавателем.

В Чейковицах, так же как и в других землях по-соседству, осели потомки французских колонистов, которых Мария-Терезия переселила туда, по-моему, из Лотарингии; там появились имена Донна, Биза и прочие. Об этих колонистах ходили разные слухи. Патер Сатора предложил мне и помощнику учителя Штанцлу учить французский, он сам учил нас, хотя по-французски не говорил, но разбирался в грамматике, в чем помогало ему знание латыни. Эти уроки длились недолго. Я сам принялся за французский самостоятельно в третьем классе гимназии, мне было любопытно сравнивать французскую грамматику с латинской. Занимался я один, но помогал тогда однокашнику, и в их доме слушал, как преподает язык настоящая француженка, пытался у нее ухватить произношение. Говорят, людям с музыкальным слухом легче дается произношение иностранного языка — если так,

то это на пользу нам, чехам и словакам, коли уж мы, как утверждают, способные музыканты. По-французски я много читал — все, что ни попадало под руку; сам — на те ничтожные гроши, которые у меня оставались — приобретал французские учебники — по истории, геологии и так далее. Читал романы Бальзака, Санд, Дюма, Гюго — но более меня привлекал Ренау, да и Пэр Гиацинт¹ тогда имел для меня немалое значение. Только в Венском университете и позже, там, где так или иначе были доступны были библиотеки, я стал систематически изучать французскую литературу, разумеется, глотал Рабле — в нем я ощущал истинно французский характер. Увлекался Мольером, из поэтов — обожал Мюссе; кое-что даже переводил из Шатобриана — настолько он был близок моему романтизму. Из мыслителей такими были — Декарт, потом Конт; глубоко заинтересовал меня Паскаль, по де Местру я изучал католицизм. Руссо неотступно влек меня как своей «Элоизой», так и «Общественным договором». Вольтера я прочитал, но он не произвел на меня особого впечатления. Зато д'Аламбер — вот это да!

Французский дух — удивителен. Говорят, француза отличает особая логичность и ясность мышления — возможно, я определил бы это как дедуктивность и последовательность. И к тому же — неизменная инициативность: французская революция, французский социализм предложили миру новые проблемы и новые решения; французское искусство, французская литература до сих пор посылают новые импульсы. Присовокупите к этому еще французское чувство формы, и мы с полным основанием можем считать французов непосредственными продолжателями римлян и неистощимым источником классицизма.

Поскольку я много и постоянно читал по-французски, то не поехал во Францию; наверное, это ошибка, народ понимаешь лучше, если рассмотришь его собственными глазами. Но у меня не хватало средств, и если уж я собирался путешествовать, то выбирал страны, которые не столь подробно знал по литературе. Я и до сих пор слежу за французской литературой, насколько могу...

Французское влияние я с самого начала совершенно сознательно считал противовесом влияниям немецким. Мне было неприятно, что многие у нас лишь производили пламенные речи о Франции и России — пели, например, «Русский с нами, и кто против нас, того сметут французы» — но при этом ограничивались лишь знанием немецкого. Я же это наше франкофильство и русофильство осуществлял конкретно, пытался вникнуть в литературу и дух этих народов.

Иногда меня называли германофилом; *de facto*, я более чем кто-либо был воспитан на немецкоязычных литературах, но и на французской, и на русской тоже; о том, насколько я сведущ в последней, может свидетельствовать моя книга о России. Наших крикливых архиславян, которые не выучили даже азбуки, я просто не в состоянии был почувствовать, это правда. Из русских мне дороги — Пушкин, Гоголь, Гончаров; Толстой в моем представлении — великий художник, хотя я с ним спорил, не соглашаясь с его воззрениями; Достоевский меня занимал даже негативно, я должен был сопротивляться русскому — и славянскому вообще — духу анархии, который он, несмотря на свое обращение к православию, так и не преодолел. Своей двойственностью он стал отцом русского иезуитства. Я люблю Гончарова и Горького; в Тургеневе мне чего-то не достает. На других славянских языках я читаю более или менее свободно, но предпочитаю все-таки переводы: Мицкевич и Красиньский очень мне пришлись по душе.

С английской и американской литературой я познакомился позднее, в основном — под влиянием жены. Эти литературы после долгих лет чтения я знаю прилично и до сих пор читаю, пожалуй, больше, чем что-либо другое; на мой взгляд, по крайней мере, в романах — они и по форме, и по содержанию интереснее других литератур — они больше мне говорят, я больше могу почерпнуть из них. И та, и другая литература дают множество тонких и мудрых наставлений.

По-итальянски я могу читать, в случае крайней необходимости — даже говорить; но с большинством итальянских авторов я познакомился по переводам (французским, немецким, английским); из философов очень люблю Вико. Северные литературы и все остальные знаю только по переводам.

Что правда, то правда — с раннего детства по сей день — я ненасытный читатель. У меня есть работа о своем отношении к литературе; возможно, я ее опубликую. Мне хотелось в ней прокомментировать — как, в какой степени может повлиять на человека другой народ, насколько мы способны освоить иностранный язык

и насколько глубоко тем самым мы проникаемся духом этого народа, сколько чужого можем освоить, как сделать его своим и понять, как нам удастся совершить этот синтез и как эти влияния формируют наш характер интеллектуально и нравственно. Я долго вынашивал эти свои воззрения и «штудии», собирался их описать в форме «Дневника читателя» — ведь если читаешь с восьми-десяти лет, то чего только не наглотаешься!

Сколько себя помню, наряду с философами и — наверное, даже больше, чем философов — я читал великих поэтов; их именуют «поэты-мыслители». Гете занимал меня никак не меньше, чем Кант, а может, даже и больше — так же как и другие поэты, начиная с Шекспира. Данте остался для меня все-таки недоступным. Вообще, поэты и художники думают о жизни и ее проблемах никак не меньше философов, но гораздо конкретнее; тому, кто умеет читать, они дают очень много; а, если мы хотим познать душу и дух других народов, искусство — лучший и самый надежный для этого путь.

Если я не знаю языка, то не чувствую себя у этого народа дома, не вижу его. Поэтому я сознательно ездил только туда, где мог договориться с людьми на их языке. Ну да, я, конечно, бывал и в Египте, и в Палестине, и в Греции, но туда я ездил, чтобы познакомиться с их древностями, а не с современностью.

По характеру образования я убежденный европеец; я хочу этим сказать, что для моего духа достаточно европейской и американской культуры (Америка этнически и культурно — часть Европы, перенесенная — не целиком, частично — в Америку). С восточными философскими системами и литературами я знаком очень мало и из вторых рук, поскольку не знаю восточных языков; культуры Индии, Китая, Японии для меня недоступны. Я довольно скептически отношусь к тем голосам, которые их восхваляют и ставят выше европейской культуры; я понимаю, что тут мне легко возразить, — дескать, в данном случае я рассуждаю как слепой о красках.

И как европеец — я западник — это я говорю тем славянофилам, которые Россию и вообще славянство ставят выше европейского. Лучшие из русских тоже придерживались западной ориентации!

А наши литературы — чешская и словацкая? Я много читал и знаю их, могу сказать, весьма основательно, но вы, те, что помоложе, вы росли вместе с ними и потому можете почерпнуть из них много больше. У меня в детстве и в средней школе не было столько интересной литературы, как у вас. Я начал знакомиться с чешскими авторами уже когда зачитывался мировой литературой — и сравнение с шедеврами мировой литературы лишило меня возможности принимать произведения чешских авторов с тем восторгом, с каким принимаете их вы. Поэтому моя критика наших поэтов носила преимущественно негативный характер. Если хотите знать, больше всего я люблю Маху, хотя и вижу в нем лишь приготовления к чему-то, но еще неготовность, незрелость, хотя и гениальную; люблю Немцову, Неруду, Гавличка — не только публициста, но и поэта. Всегда меня привлекал Врхлицкий — в его лирике много прекрасного, но из этого изобилия необходимо отбирать. По-моему, я прочитал все чешские и словацкие романы — и отмечаю, что наша поэзия сильнее романистики, особенно не достает нам чешского и словацкого романа, такого, где обсуждались бы наши сегодняшние национальные и теперь уже государственные проблемы и откуда отечественные и зарубежные читатели могли бы постигать дух народа. Сравните уровень хотя бы норвежского романа с нашим! Есть отдельные пассажи у Чапека-Хода, Голечека, Германа, да и у других, это я читаю с удовольствием; цену и некоторых из наших средних и самых молодых поэтов, особенно лириков. Я определил бы так — зарубежная литература более обогащает меня идеями, в ней больше красоты и совершенства формы; наши поэты позволяют мне узнать о наших национальных несовершенствах и печалях.

У наших молодых я ощущаю непреодолимую тягу и стремление достичь мирового уровня. Перед войной и сразу же после нее наши духовные силы целиком поглощала политика; нас тяготила и наша нищета — чешский писатель не мог жить литературным трудом. Самостоятельность, республиканский строй позволял укрепить нашу духовную жизнь, это будет способствовать совершенству нашей литературы, — об этом свидетельствует интерес к ней и вообще к нашему искусству со стороны иностранцев.

Всю свою жизнь я стремился, кроме чешской и словацкой литературы, вникать

в литературу, а тем самым — и в культуру греческую, римскую, немецкую, французскую, английскую, американскую, итальянскую, скандинавскую, испанскую, и — уже меньше — в остальные. Я пытался создать органичный и оценивающий синтез и, думаю, все эти влияния сумел вполне гармонизировать с точки зрения нашей национальности. Решающее, формирующее влияние, думаю, оказывали на меня не поэты и философы, но жизнь, жизнь моя собственная и наша общая.

Примечания

1. Гиацинт Пэр (Шарль Лойзон) (1827—1912) — французский проповедник.

Студент университета

В мои студенческие венские годы самое большое влияние на меня как учитель и человек оказал философ Франц Brentano; я бывал у него в гостях довольно часто — его лекции (утром) я посещать не мог, я был связан моей приватной учительской службой. Brentano был прежде католическим священником, но потом вышел из церкви, не согласившись с постановлением ватиканского собора и догматом о непогрешимости. Этот собор и для меня являлся камнем преткновения. Однако проблем религии Brentano не касался ни в лекциях, ни в беседах; он прекращал разговор сообщением о своем разрыве с церковью. Для меня беседы с ним были полезны потому, что он подчеркивал значение метода, эмпирии, и наверное, больше всего — примером пронзительной критики философов и их теорий. Особенно он был пристрастен к Канту. Через Brentano я познакомился с философами Штумпфом и Марти — Brentano имел огромное влияние на своих интеллигентных учеников. В те годы его учеником был в Вене и Мейнонг.

Из других философов я лично был знаком в Лейпциге с Дробишем, Зёлльнером, Вундтом, Гейнцем, Авенариусом; я слушал их лекции и встречался с некоторыми в Объединении философов, где проходили оживленные дискуссии. И сам однажды читал лекцию о современности и самоубийстве. Фехнер лекций уже не читал, но я бывал у него, он очень нравился мне как человек. На отдельные лекции мы ходили вместо с Гуссерлем, который позже стал испытывать влияние Brentano и его школы. Больше чем философией я занимался в Лейпциге теологией; слушал Лютарда, Фрицке и других. Вообще Лейпциг и его культура были мне полезны — они помогли лучше вникнуть в сущность протестантизма.

Но самое сильное влияние на меня оказал Платон — прежде всего своим углубленным интересом к религии, этике и политике и своеобразной комбинацией теории и практики; у Платона прекрасна еще та особенная цельность взгляда на мир, хоть и исходит он из бесспорного несовершенства, то есть из того, что на той ступени развития сферы наук еще не были столь четко разграничены. Платон еще потому столь близок мне, что был великим поэтом и художником; я, сколько себя помню — любил поэтов и занимался ими столь же тщательно, как и философами, если не больше.

Да, я и по сей день платоник; я мог бы показать это на своем отношении к эволюционным теориям. Не пугайтесь, я не пушусь в отвлеченные рассуждения насчет дарвинизма, неodarвинизма, ламаркизма, витализма и т. д. Идеи Платона я принимаю в такой форме: я верю в идею жизни. Под идеей жизни я понимаю то, что жизнь, единая жизнь воплощена во множестве форм; всякое живое существо, именно как живое существо, в чем-то подобно остальным, а в чем-то не подобно, именно потому, что оно — живое, как и остальные. Из огромного множества живых существ я могу составить — по их сходству — все последовательные ступени эволюции, от простейших организмов до человека, такую шкалу мы составляем во всех науках, когда сравниваем, классифицируем и даем оценки. Если вы спросите, как эти разные формы и виды возникли, я отвечу, что не знаю; но я отрицаю механическую случайность Дарвина, отрицаю его идею селекционного отбора, борьбы за существование. При всей своей английской эмпиричности, Дарвин обладает фантастическим методом именно в том, что он из методической шкалы сходства составил шкалу эволюционную, опускающуюся

все ниже и ниже. Естествоиспытатели противопоставили Дарвину Ламарка; неоламаркизм сделал уступку дарвинизму, неodarвинизм делает уступки ламаркизму в различных формах. В конце концов подали голос виталисты, тоже последователи разных школ. Как дилетант, я прихожу к убеждению — а именно к тому, что о подлинном процессе возникновения видов, точнее — новых видов — научно ничего еще не установлено. На мой взгляд, дарвинизм — одна из форм историзма и релятивизма, которому я всегда противопоставлял реализм. Я не верю, что — как того желает Геккель — множество живых существ развилось из нескольких правил или даже из одного правила, я не верю, утверждаю, в механическое и случайное разделение на виды.

Я придерживаюсь гипотезы Творца; если введена сущность Творца, то, по моему, идеи получают определенную метафизическую субстанцию, то есть ту истину, что они есть и были идеями Создателя. Как видно, без некоторой доли метафизики нам не обойтись; полагаю, однако, что я не использовал весь резерв, который определил для себя в этих вещах.

Через Платона я, конечно, подошел к Сократу; разумеется, сравнивал его с Иисусом — Иисус для меня — пророк религиозный, Сократ — апостол философский. Эта его майевтика и ирония! Остановить на улице архиерея и так долго расспрашивать его о религии, пока греческий патер сам не признает, что он — олух; либо разговаривать с генералом о военном деле, с софистом — о софистике и обнаружить, что эти люди не умеют думать даже о том, чем зарабатывают на жизнь. Вы только рассудите, какое это было время: такой воспитатель, как Сократ, такой философ, как Платон, такой систематик и схоластик, как Аристотель! Аристотель — как много он значит для Средневековья и всего человечества! Его отношение к Платону своеобразно; он был ученик Платона, двадцать лет посещал его школу, он — платоник, но зреее тем, что умеряет Платонову мифичность. В самом деле — два типа — платоники и аристотелики; я это осознал и на своем отношении к Brentano, который являл собой тип пронциательного аристотелика.

Я недавно посетил Афины, и более всего был поражен тем, что к храмам на Акрополе не ведут ни ступеньки, ни более или менее приличная дорога; греки воздвигли храм прямо посреди природы, как будто он сам по себе вырос из-под земли; только римляне, большие формалисты, подвели к храмам ступени. Точно так же возникает греческая философия, наука, поэзия и искусство — посреди греческой природы и примитивной жизни — чудо, точно такое же, как Ветхий и Новый заветы, которые сами по себе — чудо, возникшее в пустынях Палестинской земли и примитивной иудейской жизни.

Если уж мы заговорили об античности и иудаизме: посмотрите, какое влияние эти два небольших народа, греки и иудеи, имели на всю человеческую цивилизацию. Греки дали нам искусство, философию, политику, евреи — теологию и религию. Хотя до них были египтяне, были вавилоняне, но именно культуры этих народов воспринял и разработал античный мир. Мы, вся Европа, все еще живем наследием античности и иудаизма; едва ли мы отдаем себе в этом отчет, но античность у нас во всем. По американской цивилизации заметно, что она не восприняла непосредственно античность, в ней — какой-то новый элемент, это первооткрывательство, это — практический оптимизм; поэтому у нас есть чему у них поучиться, так же как и им — у нас. Но столь же много у нас и Средневековья; уже католицизм воспринял антику и попытался создать культурный синтез со своей точки зрения, поскольку на свой манер был продолжением античности. Ведь и в Евангелиях есть элементы античности. Поэтому в латинских школах должны были бы читать и некоторых церковных авторов.

Но кое-что античности не доставало — того, что есть у нас, под северным небом, — теплого отношения к дому, к очагу, к семье, к жене, к детям; грекам и римлянам не достает нашей зимы, они не ведают, что значит — сидеть в тепле, когда дети — рядом с матерью и бабушкой. Античный человек занимался философией и политикой на улице; а мы запираемся дома и можем размышлять над книгами. А русские, скажем, сидят на печи — и вовсе не размышляют, они только думают. Больше одиночества и замкнутости, больше чувства семьи — это черты северные. Оглянитесь вокруг — как желтеют и окидываются цветами деревья — чего только нет в этих четырех временах года, всякий раз столько неведомых красот, новых впечатлений и, разумеется, — более сложного и интенсивного труда в зависимости от времен года. Итальянцам в такой мере это незнакомо, нет этого и в античности.

Разумеется, я сторонник классического воспитания, только это не должно быть педантизмом. Всегда полезно узнать душу другого народа. Античность в отношении религии, науки, философии и искусства, равно как и в технике, экономике и политике, была относительно простой, в ней легче добраться до сути дела. А эта простота конгениальна, особенно для молодого человека. И неспроста в классических языках есть определенная ясность и логичность; латинская и греческая грамматика учит человека точности и пунктуальности в мышлении и речи. А великая красота, чистота и гармония в искусстве! Прекрасная форма и художественное совершенство — вечны. Всегда нужно было бы читать Гомера, Софокла, Эсхила, а в зрелом возрасте — Эврипида; нужно было бы хотя бы в отрывках читать Теокрита и других. А из латинских — Вергилия, Горация, Тибулла, Проперция и, конечно, историков, — из Цицерона довольно познакомиться с одной-двумя речами, его философские изречения — интересны для тех, кто знаком с греческими философами и может сравнить, как и что Цицерон заимствовал у греков. Греческий язык для Рима — то же самое, что латынь для средневековья, а позднее — французский для Европы — *Vos exemplaria graeca nocturna versate manu, versate di urga!*¹. Я помню этот стих — у римлян уже возникла проблема двуязычия, они не стеснялись учить чужие языки, незнание греческого языка не помешало им покорить мир. Но если античность — то уже античность до конца; почему бы, например, в гимназии не читать святого Августина? Или хотя бы немножко из Плотина? По-моему, его сочинения следовало бы читать в оригинале, держа под рукой хороший перевод. Теперь у нас попадаются иногда хорошие переводы; если бы я располагал деньгами, то создал бы фонд для издания шедевров перевода всех греческих и латинских авторов. Погодите, сколько для этого понадобилось бы денег? Славное дело было бы сделано! Точно так же я хотел бы осуществить издание классики других народов. И хорошо жизнеописания, этого нам тоже не достает. Кроме того, мне хотелось бы основать глипготеху, у меня нашлось бы для нее местечко. И образцовую, живую библиотеку, библиотеку образованного человека; у меня есть ее план, и я думаю о ней, когда не могу уснуть. Господи, Боже мой, сколько задач культуры могло бы быть решено! Погодите, вот соберемся с духом и будем проводить на самом деле культурную политику!

Кто еще из философов оказывал на меня влияние? Значительное: Конт, Юм, Милль; не следует забывать при этом, что мы испытываем влияние людей и сочинителей, с которыми мы и не согласны.

«Чешская» жизнь в Вене сосредоточилась в рабочих кружках, в «Беседе», Академическом кружке. В последнем больше всего было мораван; кое-кто из пражан мне очень мало нравился. Почти два семестра я был даже председателем Академического кружка. Почему? Ну, кто-то должен был быть председателем, а у меня скопилось малая толика денег — едва ли не все я вбухал в этот кружок на всякие его нужды; копить — это мне никогда в голову не приходило.

Тогда мы устроили торжество в честь Алоиса Войтеха Шемберы — да, да, сочинителя «Истории чешской литературы»; он преподавал чешский в Венском университете и тоже принимал участие в спорах о подлинности «Рукописей», за это его так поносили, что его единственный сын, способный человек, отказался от своей национальности, сознательно стал немцем. Кроме сына, у Шемберы была дочь, звали ее Зденка. Она была много старше меня, очень умна, образованна и энергична; студенты считали ее эмансипанткой. С ней мы и подготовили эти торжества. Я писал ей особенно часто из Лейпцига.

Для альманаха, который издавал Шембера, я написал эссе о прогрессе; еще одной из опубликованных мною тогда работ была статья о патриотизме Платона — она вышла в каком-то моравском журнале. Тогда я взял себе *nom de plume*² Властимил; позже, в Праге, квасные патриоты обвиняли меня за отказ от этого псевдонима, связывая этот факт с моим поступлением в немецкий университет. А меж тем мне просто неловко было так уж явно афишировать свой патриотизм — и, будучи венским доцентом, я-таки опубликовал свою чешскую лекцию о гипнотизме. В «Моравскую Орлицу» я послал свои политические рассуждения насчет активной политики, потом в «Освету» Вацлаву Влечку отправил несколько статей; одну — о Шопенгауэре, а вторую — не помню уж о чем. Влчек меня не опубликовал, по-моему, от того, что статья была написана корявым чешским языком, в котором было полно русизмов — в то время я усиленно занимался русской литературой.

Когда я жил у Влчека (было это много позже), он признался, что статью о Шопенгауэре он не издал, потому что о Шопенгауэре тогда писал Тирш. В 1875 г. у Брентано я встретился с Дурдиком; он сказал мне, что мое исследование Влчек не принял из-за того, что два писателя — Тирш и Закрейс³ — этого философа настойчиво внедряли в сознание чешского народа.

Моя докторская работа (1876) называлась «Платон о бессмертии», собственно, учение Платона о душе.

В Лейпциг я уезжал уже будучи доктором философии, осенью 1876 года. В Лейпциге я повстречался со своей будущей женой.

В университете я занимался философией и теологией; изучал протестантизм, каким он явил себя в стране протестантской и образованной. Если мне не изменяет память, в Лейпциге я написал статью о прогрессе; по ней знатоку будет видно, как шло мое развитие в области религии, как я становился зреее. В целом — еще не совсем ясный, не вполне определившийся.

Из Вены я часто писал друзьям. В ту пору в Лейпциге было много чешских филологов, готовившихся к работе в России; там был организован семинар, по моему, даже интернат, где студентов учили по-русски; одновременно в университете они проходили курс филологии. С некоторыми из студентов я общался.

Посещал я чешский кружок; членами его были в большинстве своем рабочие. Там я познакомился с сербом-лужичанином, писателем Пейхом (по-немецки Pech — Пех), страстным поклонником Гавличка-Боровского. Гавличек захватил меня еще в гимназии; мы переписывали его сатиры и все, что мы тогда — в середине 60-х годов — могли разыскать о нем. Пейх убеждал меня, что Гавличком чехи должны заниматься куда серьезнее, чем до сих пор; удивительной игрой случая я внял этому призыву.

Интересовала меня тогда судьба и история лужицких сербов. В Дрездене лужичан было больше, иногда я имел возможность разговаривать с теми, кто был связан с католическим храмом. В основном на Пейхе, немецком переводчике Пыпина и Спасовича, я видел, как лужичанин превращается в немца, и что славянского в лужичинах еще осталось. Позднее, уже из Праги, я ездил в Баутцен (Будишин) и продолжал свои наблюдения.

В Лейпциге я занимался и спиритизмом; много читал о различных видах оккультизма уже раньше, в Вене, а в Лейпциге попал к спиритам и мог за ними наблюдать. В то время, по-моему, к спиритизму был привлечен астроном и философ Зёлльнер. Интерес этот, обнаруженный в Вене, привел меня к углубленным занятиям оккультизмом. Не могу отрицать, что я увлекался спиритизмом и оккультными явлениями; существуют вещи, которым мы не находим объяснения, не понимаем их — но, Боже мой, что собственно мы понимаем?

Примечания

1. Греческие образцы листайте и ночью, и днем (лат.).
2. Псевдоним (франц.).
3. Дурдик Йозеф (1837—1902), чешский философ и эстетик; Закрейс Франтишек (1839—1907), чешский прозаик, драматург и критик.

Мисс Гарриг

В Лейпциге — это произошло летом 1877 — случилось событие, определившее мою судьбу, ставшее решающим для всей моей жизни, для моего духовного развития; это было знакомство с Шарлоттой Гарриг.

О ней и о всей ее семье, особенно об отце, я много слышал от Гёрингов, г-жа Гёринг держала в Лейпциге пансионат, в котором я тогда жил. Я узнал, что Гарриги ведут свою родословную от древнего гугенотского рода. М-р Гарриг, родом из Гдыни, познакомился с Гёрингами, когда работал в Лейпциге в книжном магазине. Он эмигрировал в Америку; его жена, мать Шарлотты — урожденная Виттинг — была родом с американского Запада, и тоже принадлежала к очень древнему роду. Отец ее был потомком гугенотов, мать — из рода пионеров, осваивавших дикий Запад Америки. Какие традиции, какая нравственная энергия!

В 1870 году м-р Гарриг с частью своей семьи был в Германии; Шарлотта уже тогда решила посвятить себя музыке, игре на фортепьяно. Ей представился случай навестить Листа, много узнать о нем и о его музыкальном окружении. Она слушала концерты в Гевандхаузе и песнопения в костеле святого Фомы, где сохранялись традиции великого Баха, некогда регента тамошнего хора. Ближайшей ее подругой в те годы была украинка Кирпотина. В 1877 году м-р Гарриг снова отослал дочь к Гёрингам, чтобы она закончила консерваторию; однако частичное повреждение руки прервало ее музыкальную карьеру.

Естественно, я уже заранее с любопытством ждал ее появления; в день приезда Шарлотты я стоял у окна, чтобы видеть, как она будет выходить из пролетки. Однажды мы все отправились на прогулку — знаете — туда, где сохранились древние славянские поселения под Лейпцигом, они ведь произвели сильное впечатление и на Коллара; там нужно было перебраться через реку, и госпожа Гёринг упала в воду. Бедняжка была довольно полной и могла утонуть; я бросился ей помочь и вытащил из воды. Наверное, я переохладился или случилось что-то еще — словом, доктор предписал мне несколько дней посидеть дома. Я не мог посещать лекции, поэтому предложил мисс Гарриг и барышне Гёринг читать вместе. Мы взяли английские книги — стихи, по-моему, но главное — «Историю цивилизации» Бокля. Так мы и сблизились.

Шарлотта уехала в Тюрингию, в Эльгерсбург, к своей приятельнице. После ее отъезда я осознал свое отношение к ней и написал письмо, где предложил соединить наши жизни. Ответ был неопределенен; я собрался и поехал к ней — денег было только на четвертый класс поезда; в Эльгерсбурге мы обо всем договорились.

Потом Шарлотта уехала в Америку, а я вернулся в Вену. Принялся за свою доцентскую работу о самоубийстве. И вдруг получил телеграмму от м-ра Гаррига, где сообщалось, что Шарлотта упала и сильно ушиблась, нужно приехать. Пока я собирался, от нее пришло письмо — она писала, что все не так худо и что мне не нужно забрасывать дела. Но я беспокоился и все-таки поехал, в 1888 году на корабле «Гердер», через Гамбург и Гавр — в Америку. В те времена путь из Гамбурга в Америку длился двенадцать-четырнадцать дней, но наше плавание было особенно беспокойно, поэтому на него ушло дней семнадцать. «Гердер» и ряд кораблей Гамбургско-американской компании были очень ненадежны: «Гердер» затонул во время следующего своего рейса, точно так же погиб тогда и «Шиллер». Однажды ночью, когда я лежал в каюте, послышался сильный треск, и в каюты хлынула вода; я решил, что мы тонем — но — странное дело: путешествующие со мною перепугались, кричали, молились, а я оставался недвижно в постели и ждал, что будет... Между тем обнаружилось, что лопнул котел с питьевой водой. Шарлотту я нашел почти здоровой!

Ну что же дальше? Дальше я размышлял — остаться в Америке или подыскать себе работу, потому что средство существования — частные уроки в Вене — в связи с отъездом я потерял. Вероятно, и в Америке я мог бы устроиться в университете или в журналах; но я все-таки решил вернуться и закончить доцентуру. Я попросил м-ра Гаррига дать нам денег в кредит на три года, пока я не встану на ноги и не буду в состоянии обеспечить семью. М-р Гарриг был древний викинг и американец; в Америке считают так: если ты собрался жениться, значит, сумей прокормить жену сам. Поэтому он сперва отказал нам в материальной помощи — он считал эти деньги отложенными на приданое; но потом все-таки одолжил нам три тысячи марок и купил билеты на обратный путь. Какое-то время он посылал нам небольшое вспомоществование. Пятнадцатого марта состоялась свадьба — утром гражданская — в ратуше, вечером — церковная, в семейном кругу. Спустя неделю мы были на пути в Вену. Мне удалось второй раз увидеть Прагу.

Я уже говорил вам, что семья Шарлотты по линии отца была родом из Дании; мать была американка — и по данным генеалогии — обе семьи были очень древние, Гарриг — родом из Южной Франции — там есть гора Гарриг — по преданию, они — потомки Капетов, даже Людовика IX, Святого; по женской линии — это тоже древний род, у нас бы сказали — аристократический. Они из «отцов-пустынников», которые покинули Англию по религиозным убеждениям в XVII столетии. Так что, судя по всему, в жилах моих детей течет королевская кровь; мужчины они были превосходные, это славно, однако трудно предположить, что они все без исключения были отличными людьми. Для любого из нас важно осознать, что его предки

кое-что значили и были приличными людьми; однажды Толстой с воодушевлением рассказывал мне, что некоторые его предки были выдающимися личностями; иметь в семье образец, пример для подражания и древнюю традицию — это счастливая судьба. Но по мужской линии, по моей, — мои дети получили славянскую, крестьянскую кровь, и ее больше; вероятно, она ничуть не моложе — приличный предок из крестьян или рабочих ничуть не хуже. Прекрасно было то, что Шарли — по традиции — усвоила прекрасные привычки повседневного поведения и потребность чувствовать себя свободной и честной. Странно, но художник Швейгер, вращавшийся в аристократических семьях, любил повторять, что умением держать себя, в каждом своем движении, моя жена — самая изысканная аристократка, каких ему только приходилось видеть.

В 1906 году, когда рабочие вышли на демонстрацию с лозунгом — за свободное, равное, тайное право голосования, моя жена шла в их рядах.

В семье Шарлотты было одиннадцать детей; два мальчика — один — торговец, старший любил учиться, но рано умер, девочки были очень талантливы и самостоятельны, две из них до сих пор — прекрасные преподавательницы музыки. Каждый член семьи придерживался своих религиозных убеждений, был воспитан свободным, чтобы, повзрослев, умел решать вопрос о своем отношении к религии сам. М-р Гарриг был агностик — тогда агностиков часто называли атеистами, — это был человек превосходных нравственных качеств, замечательный супруг и отец — истинный американец, воспитавший детей правдивыми и трудолюбивыми. Шарлотта была членом униатской церкви.

Внешне она была красавица; прекрасная форма головы, лучше моей; примечательно, она любила математику. Всю жизнь она стремилась к точным знаниям, но эмоции ее от этого не страдали. Она была глубоко религиозна; для нее умереть было как перейти из одной горницы в другую, настолько неколебимо верила она в бессмертие. С точки зрения нравственной — у нее не было ни капли того нравственного анархизма, который так распространен в Европе, на континенте; потому она была столь точной и твердой в политике и в решении социальных вопросов. Она была абсолютно бескомпромиссна и никогда не лгала, ее правдивость и бескомпромиссность оказали на меня большое благотворное влияние. С ее помощью я из протестантизма взял самое лучшее и полезное для жизни: единство религии и жизни, религиозную практичность, религию на каждый день. В Лейпциге во время наших общих дебатов она поражала меня глубиной суждений; ее любимыми поэтами, так же как и моими, были Шекспир и Гете, но она понимала и чувствовала их куда сильнее меня, и она умела Шекспиром корректировать Гете. Мы все делали сообща, даже Платона прочитали вместе; все наше супружество было совместным трудом. Она была чрезвычайно музыкальна; любила Сметану и написала в «Наше время» статью о его втором квартете; об этом сочинении говорили, что там как раз видна душевная болезнь Сметаны. О Сметане она написала несколько работ, может, когда-нибудь их издадут.

Что тут говорить! Это была такая сильная связь... Во время войны Шарлотта занемогла, я это почувствовал даже на чужбине. В 1918 году, возвращаясь в ореоле славы на родину, я не мог дождаться мгновения, когда окажусь рядом с больной.

Американка стала чешкой, нравственно и политически; она уверовала в гений нашего народа, помогла мне в моей политической борьбе и во всей политической деятельности. В военное время, за границей, где мне приходилось работать без нее, я знал, что она направляет мои действия. Вообще, случались минуты, когда я, находясь вдали от нее, прямо чувствовал даже на расстоянии единовременность наших мыслей. Я не думаю, что это телепатия, но это и одинаковые ощущения родственных душ, и общее умонастроение людей, которые во всем согласны друг с другом и одинаково смотрят на мир. Жена — таково было ее убеждение — живет не только ради мужа, так же как муж живет не только ради жены; оба должны соблюдать законы Божьи и проводить их в жизнь.

На пороге

Ну вот — супружество завершило мое воспитание, мои *Lehr und Wanderjahre*¹, как я повторил бы вслед за Гете. Мне исполнилось 28 лет; до 1882 года я работал доцентом в Вене. Я вынужден был изо дня в день заботиться о хлебе насущном,

а между тем ко мне без конца ходили банкиры, предлагали услуги — из-за миллионов американки-жены. Однажды во время каникул в Клобоуках ко мне явилась депутация со всего края с просьбой — провести дорогу из Густопечи до Клобоук. Право, и смех, и грех: один клобоуцкий горожанин навестил нас и долго что-то мямлил, пока не проговорился, что пришел посмотреть на мою жену, потому что ему никогда еще не доводилось видеть... негритянку.

Заботы о хлебе еще усугубились, когда я в очередные каникулы подцепил тиф и вернулся в Вену с опозданием; но с помощью г-жи Гартманн, вдовы нашего немецкого писателя-революционера Морица Гартманна, получил лекции. Среди моих слушателей были и дамы, входившие в кружок знаменитого хирурга Биллрота. Свои первые лекции я посвятил проблеме пессимизма. Будучи доцентом, я обязан был углублять свои знания; хотя объем моих сведений был вполне приличен, но нужно было углублять и систематизировать их. Как я упоминал, я изучал литературы ведущих народов и пытался создать философский синтез теоретически и практически. Благодаря активной деятельности наших депутатов, в Праге было начато преподавание на чешском языке; в 1882 году я получил там место профессора философии. De facto я предпочел бы получить кафедру социологии, но тогда их в Австрии не было; социология как наука уже была признана во Франции, Англии, Америке, Италии, но в Германии и Австрии специалисты о ней и слышать ничего не хотели. В Германии более или менее признавали лишь философию истории, однако было непонятно, какое отношение философия имеет к социологии и к истории. И мое исследование о самоубийствах, которое я защищал в университете как свою доцентскую работу, как-то ни к чему не относилось — ни к одному университетскому направлению. Какой-то профессор даже высказал мнение, что я должен был бы передать ее на юридический факультет, другому она казалась чем-то социалистическим — так что я должен благодарить Брентано и Циммермана за то, что — вопреки всем этим мнениям — ее засчитали как доцентскую.

Исследование самоубийств — с точки зрения методологической — это философия истории, то есть оно относится к социологии, а со стороны фактической — это анализ нашего великого переходного времени. Некоторые критики тогда отмечали, что я привношу в философию новое направление, и особенно хвалили за то, что я не избегаю жгучих проблем текущей жизни.

В то же время это мое сочинение обнаруживает и мой характер как ученого — синтетичность наряду с анализом; а все-таки, несмотря на это, тогдашние мои пражские оппоненты долго считали меня крайне аналитическим, критично-скептическим человеком. Меж тем о критическом воздействии я поначалу и не помышлял; в свою бытность в Вене я не написал ни одной критической или полемической строчки, хотя журналы предлагали мне сотрудничать с ними. Готовился к своим лекциям, основательнее продумывал свежие идеи; я хотел изложить их в нескольких теоретических работах — да ведь что поделаешь, натура все равно себя проявит; вероятно, и на чужбине я избрал бы путь практической деятельности. Переселившись в Прагу и увидев недостаток критики и литературы, я дал в «Атэнэум» несколько небольших критических работ и использовал страницы этого журнала, я бы сказал, как своего рода «пульверизатор идей». Вероятно, я был несколько нервозен и нетерпелив, собственно, я с неохотой перебрался в Прагу, однако — *polentem fata trahunt*². Потом уже все начало развиваться само собой, помимо моей воли; во всех схватках я участвовал, сам не желая того и совершая ошибки по причине незнания здешних отношений. Позже, уже став политиком, я тоже не хотел основывать новую политическую партию; собственно, ко всему меня вынуждали обстоятельства. Я и теперь не терплю собраний, выступаю только по необходимости. Разумеется, если передо мной поставлена та или иная задача, я не уклоняюсь от ее решения, и то, что задумал, всегда стараюсь довести до конца. Я сообщаю вам только голые факты; но мой переезд из Вены в Прагу явился для меня еще одним кризисом, такой я уже пережил в Вене — я боялся «малости» Праги, оказался там едва ли не чужаком, был далек от жизни народа, хотя изредка выступал как чешский писателишка. Это отчуждение в Праге в определенной степени возросло не только во время споров о подлинности или поддельности «Рукописей», но и из-за последующего моего участия в политике. Национальную государственность я основывал на нравственности, поэтому вступил в конфликт не только с политическими партиями,

но и с более узким кругом знакомых, которые так называемый национализм ставили превыше всего и считали *vis motrix*³ всей жизни личности и общества. Теперь я вижу, что тогда я не был до конца ясен и потому допускал просчеты, просчеты не только в политической практике, а и в теории, но об этом я, наверное, расскажу Вам несколько позже.

Что, уже скоро десять? Пора принять рапорт — то, о чем сегодня мне докладывают. Знаете, с тех пор как я в Чейче стал учиться на кузнеца, я трудился изо дня в день. Когда я стал президентом, ко мне приехал немецкий философ Фриц Маутнер — он, мол, желает поглядеть, как выглядит счастливый человек. Счастливый — а почему бы нет? Но даже если бы я остался в Чейче кузнецом, я наверное был бы так же счастлив, как и теперь. Главное — дни человека должны быть богаты событиями и наполнены жизнью духа — и тут я могу быть доволен. *Visuri!*

(Продолжение следует)

Примечания

1. Годы учений и скитаний (нем.)
2. Не желающего судьба тащит (лат.)
3. Движущей силой (лат.)

Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х годов)

А. Ю. Полунов

Полтора десятилетия в конце XIX в., перед эпохой войн и революций начала нынешнего столетия, оказались последней полосой длительного «затишья», дававшей Российской империи шанс решить многие из проблем, порожденных модернизацией. К их числу, безусловно, относится и вопрос о роли церкви в обществе, ее отношениях с государством. В отечественной литературе ему посвящено немного работ. До 1917 г. появлялись сочинения главным образом официального и официозного описательского характера¹, а затем эта тема надолго отошла на периферию исследовательских интересов. В трудах советских авторов церковь трактовалась как архаичный институт, целиком подчиненный самодержавию и игравший в течение всей пореформенной эпохи сугубо реакционную роль². Лишь в конце 1980-х годов наметился иной подход к церковной истории: были поставлены вопросы о церковных реформах и контрреформах второй половины XIX в., о противоречиях между светскими и духовными властями, о конкретных формах воздействия церкви на общественное сознание³.

Более детально церковная история конца XIX в. освещена в зарубежной литературе⁴, но труды западных ученых, как правило, не опирались на архивы церковных учреждений. Исключение составляет монография Г. Фриза⁵, однако этот автор сосредоточился главным образом на одном аспекте — «социальной истории» духовного сословия. Таким образом, история русской церкви конца XIX в. до сих пор остается одной из наименее изученных страниц в истории пореформенной России.

Между тем в 1880-х—1890-х годах вопросы, связанные с религией и церковью, играли важную роль. Общее обновление страны после реформ 60-х — 70-х годов XIX в. способствовало росту инаковерия, укреплению его традиционных ветвей (старобрядчества) и появлению новых течений, главным образом протестантского толка («пашковщина», «штундизм»). Вставал вопрос о корректировке конфессиональной политики властей, снятии вероисповедных ограничений, предоставлении российским подданным права свободно избирать и исповедовать любую религию. В то же время болезненная ломка патриархально-сословных структур в пореформенной России сопровождалась глубоким духовным кризисом — падением морали, ослаблением семейных связей, постепенным разрушением религиозного мирозерцания народа. Ситуация настойчиво требовала проведения реформ в православии, укрепления влияния церкви на общество.

Нельзя сказать, что власти не сознавали остроты возникавших в духовной сфере проблем, не пытались отреагировать на них в своей церковной политике. В 1860-е

Полунов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, Институт государственного управления и социальных исследований МГУ им. М. В. Ломоносова.

годы был принят целый ряд мер, призванных «раскрепостить» и оживить господствующую церковь. Вводилась выборность благочинных (священников, ведавших рядом церквей епархии), были утверждены положения о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах — добровольных союзах клириков и мирян. Отменялась передача приходов по наследству с целью превратить духовенство из сословия в профессиональную группу. В жизнь духовно-учебных заведений вносились начала выборности и самоуправления, приходский клир получил право собираться на съезды для обсуждения мер по материальному обеспечению духовных семинарий и училищ⁶. Однако подобные начинания в большинстве не привели к сколько-нибудь заметным изменениям в жизни церкви.

Неприязнь духовенства (особенного высшего) к реформам была вызвана уже тем, что власти не восстановили канонический церковный строй (патриаршество, соборность), а попытались «облагодетельствовать» церковь извне — вверили подготовку преобразований разного рода правительственным учреждениям, в которых духовенство не имело решающего голоса. Кроме того, Великие реформы сопровождался некоторым ослаблением административных ограничений, налагавшихся в России на иновере, что вызывало в церковных кругах резкий протест.

Преобразования в православной церкви, как и другие реформы 60-х—70-х годов XIX в., страдали изначальной ограниченностью и половинчатостью. Выборность благочинных без пересмотра их статуса (благочинные остались органом надзора архиерея за духовенством епархии) фактически теряла смысл. Съезды духовенства были правомочны решать только материальные проблемы духовной школы. Церковно-приходские попечительства не могли распоряжаться церковными доходами и имуществами и влиять на выбор клира; в результате они так и не решили материальные проблемы духовенства, постоянно требуя в то же время расширения своих прав.

Проводя реформы, государство имело в виду прежде всего собственные интересы, а не потребности церкви. Отменив наследственность приходов, власти так и не обеспечили пенсией заштатных священников, вдов и сирот духовенства, в связи с чем «ликвидация духовного сословия» во многом осталась на бумаге.

В руках бюрократии внешне либеральные принципы нередко служили орудием более жесткого подчинения церкви государству. Особенно «отличился» на этом поприще обер-прокурор Святейшего Синода в 1865—1880 гг. Д. А. Толстой, одновременно являвшийся с 1866 г. министром народного просвещения. «Я смотрю на духовенство... — излагал свое credo Толстой, — не более, не менее, как на силу, которая должна находиться в подчинении правительству и которой умное правительство может искусно пользоваться для своих целей»⁷. Расширяя права приходского клира и преподавателей духовно-учебных заведений, Толстой не столько стремился «оживить» церковь, сколько ограничить самостоятельность епископов, глубже инкорпорировать их в механизм государственного управления. Сознывая истинные мотивы действий обер-прокурора, архиереи дружным отпором провалили выдвинутый им в 1870-е годы проект реформы церковного суда.

Постепенно реформы зашли в тупик, и власти начали охладевать к церкви, перенося акцент на чисто светские методы управления, чему способствовали и личные качества Толстого — человека равнодушного к религии, относившегося к духовенству с недоверием, а подчас и с презрением. Председательство в губернских училищных советах, руководивших начальными школами разных ведомств, было передано в 1874 г. от архиереев губернским предводителям дворянства. Церковно-приходские школы, довольно многочисленные в начале 60-х годов, передавались земствам и Министерству народного просвещения. Наконец, с 1869 г. началось укрупнение приходов и сокращение состава причтов, призванное, по мысли властей, решить материальные проблемы духовенства. В результате количество священников и диаконов сократилось за 1870-е годы на 10% (с 53 712 до 48 360), число причетников — на 19% (с 61 907 до 50 105), количество церковных школ для народа — больше чем в 4 раза (с 18 597 до 4440)⁸.

Перемены в политике властей наметились только на рубеже 1870-х — 80-х годов, когда волна народовольческого террора и угроза социальных потрясений заставили правительство вновь обратиться к полузабытой церкви. В 1879 г. Комитет министров выразил «единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не мо-

жет быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами». Два года спустя убежденный либерал-западник министр финансов А. А. Абаза заявил: «Цель правительства — доставить народной школе нравственно-религиозное основание — столь неоспоримо верна и составляет вопрос такой первостепенной важности, что Министерство финансов даже при самом неблагоприятном состоянии казначейства считало бы себя обязанным изыскать потребные на то средства»⁹.

Смена правительственного курса совпала с назначением в апреле 1880 г. главой духовного ведомства К. П. Победоносцева. Бывший наставник Александра III, Победоносцев получил после его воцарения огромное влияние на ход государственных дел. От своих предшественников новый обер-прокурор отличался не только личным благочестием и фамильными связями с духовенством, но и особой политической программой: религиозное мировоззрение он считал главным противовесом разрушительным тенденциям, а залогом оздоровления общества — не столько законодательные меры, реформы или контрреформы, сколько нравственное перерождение людей. «В той области, которая выпала мне на долю... — писал обер-прокурор Александру III, — главные ключи всякого добра и правды для нашей земли; в ней лежит еще запас той простоты душевной и веры, который составляет суть народного характера и который надобно нам оберегать превыше всего»¹⁰.

По словам Б. Б. Глинского, Победоносцев «сразу выдвинул с необычайной силой значение своей должности, потребовал почтения и внимания к церковным вопросам, к нуждам православной церкви и ее представителей»¹¹. С первого же дня нового обер-прокурорства началось постепенное разукрупнение приходов и расширение состава причтов, а в 1885 г. были введены новые штаты духовенства, официально закрепившие этот курс. В результате число священников и диаконов выросло за 1881—1894 гг. на 20%, достигнув 56 900. Численность черного духовенства увеличилась на 64% — с 27 700 до 45 500. Ежегодно в 80-х годах XIX в. открывалось до 250 храмов и 10 монастырей.

С 1893 г. возобновился начатый еще при Николае I перевод приходского духовенства на казенное жалование, для чего ежегодно выделялось 500 тыс. руб. с перспективой постепенного увеличения ассигнований. Рост числа церковных школ способствовал закреплению в народном сознании традиционных норм православия. Количество таких школ увеличилось в 1881—1894 гг. в 7 раз, достигнув 31 835, число учащихся в них — в 10 раз (со 105 317 до 981 076). Размер казенных ассигнований на церковные школы возрос в 40 раз, достигнув 657 200 рублей¹².

В октябре 1880 г. Победоносцев добился назначения в Комитет министров, став первым из обер-прокуроров членом этого органа, а в 1882 г. вошел в Верховную комиссию по печати, получившую право закрыть административным путем любое издание. В пользу духовного ведомства урезывались права некоторых светских организаций, Синоду передавался ряд учреждений, компетенций и бюджетных статей. Особенно заметна эта тенденция сказалась в деле начального образования. И. Д. Делянов, министр народного просвещения в 1882—1897 гг., был ставленником Победоносцева и стремился во всем содействовать своему патрону, даже идя наперекор интересам собственного ведомства. Непрерывно наращивая дотации Синоду, правительство постепенно сократило финансирование начальных школ Министерства народного просвещения — настолько, что рост их числа практически прекратился. Местному учебному начальству предписывалось содействовать открытию церковных школ. Изданные в 1884 г. «Правила о церковно-приходских школах» полностью вывели эти училища из ведения светской администрации и подчинили Синоду.

Церковь вновь, как и при Николае I, выдвинулась на первый план в официальной идеологии и стала важной частью «образа самодержавия», складывавшегося при Александре III. На официальную пропаганду «работала» и реставрация древних святынь, и строительство новых храмов в «древнерусском стиле», и юбилейные церковно-общественные торжества (1000-летие со дня кончины св. Мефодия, 900-летие крещения Руси, 50-летие присоединения к православию униатов Западного края и др.). Порой эти празднества принимали форму грандиозных массовых действий. 500-летие со дня кончины Сергия Радонежского (1892 г.) было отмечено крестным ходом из Москвы в Троице-Сергиеву лавру с участием пяти архиереев, генерал-губернатора и войск московского гарнизона, торжественным собранием

в Московской духовной академии, обедами для народа, раздачей религиозной литературы, чтениями о Сергии Радонежском во всех учебных заведениях Российской империи.

По почину Победоносцева после двухвекового перерыва возродились архиерейские соборы, прежде рассматривавшиеся как недопустимая угроза прерогативам государства. Состоялось три всероссийских миссионерских съезда (1887, 1891 и 1897 гг.). Прибавилось церковных братств, основывались новые библиотеки, читальни, больницы, богадельни. Реорганизованные Победоносцевым синодальные типографии в Москве и Петербурге в несколько раз увеличили выпуск своей продукции, возник целый ряд новых церковных газет и журналов, главным образом — недорогих изданий для народа, выходивших массовыми тиражами¹³.

Усиление в жизни общества церковных начал предполагало борьбу с секуляризационными тенденциями нового времени, закрепленную в ряде государственных мер. Были запрещены театральные представления в Великий пост (1881 г.), ношение знаков и венков на похоронах (1886 г.), ведение питейной торговли и строительство мирских зданий вблизи храмов и монастырей (1885, 1886, 1887 гг.). Вводились дополнительные торжественные вечера по воскресеньям и праздникам (1889 г.), хозяевам промышленных предприятий запретили требовать работы от православных в эти дни (1893 г.). В гимназиях расширилось преподавание церковно-славянского языка и Закона Божия, духовные власти вмешивались в деятельность светской цензуры и бдительно надзирали за литературно-художественной жизнью страны. Строго соблюдались многочисленные стеснения и ограничения, связанные с церковными нормами в сфере семьи и брака.

Либерально настроенные современники воспринимали подобные меры как некий прорыв в прошлое, поворот ко временам Московского царства. Сами же власти полагали, что возвращаются на естественную стезю государственной политики, от которой их предшественники уклонялись исключительно по «легкомыслию» и «незнанию истории». «Это была эпоха великого оживления церковной жизни во всех ее сторонах и проявлениях», — говорилось в официальном «Обзоре деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III». Царь «молился единою молитвою с народом и в этом духовном единении почерпал для своей души тот нравственный мир, который сказывался непреодолимо-твердой силой во всех ее начинаниях»¹⁴. На деле же поворот в политике правительства создал целый ряд сложнейших проблем, которые в конечном счете разрушили церковно-государственный курс 1880-х — первой половины 90-х годов.

Прежде всего, резкое возвышение статуса «господствующей церкви» сразу же обострило ее отношения с неправославными конфессиями. На окраинах Империи было немало районов со сложной религиозной ситуацией, где власти, не желая раздражать население, закрывали глаза на отпадение приписанных к православию «иноверцев» в лоно прежних конфессий. В новых условиях такой курс продолжаться не мог. В Прибалтике в 1885 г. были восстановлены отмененные с 60-х годов предбрачные подписки с разноверных супругов об обязательном воспитании детей в православии. Все люди, внесенные в православные метрические книги, объявлялись паствой «господствующей церкви»; их браки, заключенные по лютеранскому обряду, признавались недействительными, они не могли воспитывать детей в лютеранстве и занимать общественные должности. На Холмщине (восточная Польша) ужесточилась политика по отношению к униатам, насильственно обращенным в 70-е годы XIX в. в православие. Если раньше гражданские власти часто соглашались перечислить таких людей в католичество, то с 1882 г. вопрос о вероисповедной принадлежности бывших униатов решался в духовном ведомстве, бдительно отстаивавшем интересы православия¹⁵. Осложнилось также положение религиозных диссидентов — сектантов и старообрядцев.

Вопрос о судьбе инаковерия остро волновал общество в конце XIX в., причем большинство общественных деятелей отстаивало принцип свободы совести¹⁶. Наиболее активно выступал в этом духе Владимир Соловьев, видевший в прекращении религиозных преследований ключ к нравственному оздоровлению России, решению ее экономических, социальных и политических проблем. Иначе рассуждали иерархи церкви и власти духовного ведомства: они считали инаковерие угрозой духовному единству России, плодом иностранных подстрекательств. «Это зло, — заявлял

о «штунде» в 1882 г. экзарх Грузии, — не церковное только, но и политическое, народное... В народной массе, заражаемой штундизмом, готовятся враги России и пособники протестантской Германии»¹⁷. В духе подобных установок инаковере подверглось репрессиям: в 1884 г. было закрыто пашковское Общество поощрения духовно-нравственного чтения, его издания конфискованы, руководителям движения полковнику В. А. Пашкову графу М. М. Корфу предложили выехать из России. «Штундистам», как «наиболее вредной секте» с 1894 г. запрещалось проводить молитвенные собрания. Продолжалось государственное стеснение старообрядчества¹⁸.

Итоги подобных мер были негативными. В Прибалтике пришлось заводить уголовное дело на каждого пастора, исполнявшего требы для формально приписанных к православию (а таких, по данным властей, числилось свыше 10 тыс. человек). В результате к 1892 г. из 141 пастора Лифляндской губернии 90 состояли под судом¹⁹. В Холмском крае бывших униатов за неисполнение православных обрядов штрафовали, сажали под арест, продавали за неуплату штрафов имущество, наиболее упорных выслали во внутреннюю Россию. В результате на западных рубежах Империи складывался контингент недовольных, озлобленных политикой правительств людей, которые после объявления свободы совести в апреле 1905 г. массами перешли в католичество²⁰.

Хотя правительство всеми мерами пыталось закрепить первенство православия на окраинах Империи, этот курс наталкивался на объективные преграды — большую роль местных элит в управлении и социальной жизни окраин, государственное узаконение «иноверных» конфессий. В Прибалтике на страже прерогатив лютеранства стояли немецкие дворяне, и хотя правительство в 80-е годы сильно ограничило их традиционные привилегии, но коснуться основы дворянского влияния — земельладения — оно не могло. В Польше и Западном крае властям приходилось действовать через местное чиновничество, состоявшее, по словам Победоносцева, «из поляков или из русских, принявших польскую окраску». Для востока Империи реакционно-охранительная пресса и церковные власти наметили обширную программу переустройств (ликвидация духовных управлений мусульман Поволжья и Приуралья, ламаитов Забайкалья, сокращение числа мулл, мечетей и ламаитских монастырей-дацанов, ограничение участия «иноверцев» в сельском и родовом самоуправлении)²¹, однако реализовать удалось лишь некоторые из названных мер.

Власти в 1880—90-е годы, разумеется, понимали, что религиозный вопрос не решить силами государства: административным органам они отводили преимущественно «оборонительную» роль (пресечь возможные насилия «иноверцев», обеспечить условия для духовной проповеди). На деле такой симбиоз оказался нереальным: имея возможность в любой момент обратиться в полицию, священники и миссионеры предпочитали не утруждать себя духовной работой. Это было заметно и в Прибалтике, и в Холмском крае, и в других районах. «Многие несут наказание от судов и высылаются административным порядком... — писал в 1893 г. Победоносцев архиепископу Полтавскому Иллариону по поводу «штунды». — Но эти меры составляют лишь вспомогательное средство... Главное лекарство против штунды надо искать в церкви. К сожалению, однако, во всех почти епархиальных донесениях о штунде пишется о формальных увещаниях да об административных мерах, но не видно исследования о том, каков священник в приходе и как он действует»²².

Все чаще религиозные кампании духовного ведомства сползали к голому административному принуждению: полиция и сельские власти избивали «штундистов», земские начальники штрафовали их и сажали под арест, губернские власти — высылали в отдаленные местности. Подобные меры вызывали шумный резонанс в России и за рубежом, широко использовались «левыми» в антиправительственной пропаганде, переключали религиозные движения в русло социального и политического протеста, отталкивали от правительства многих вполне лояльных и консервативных людей.

При этом гражданские власти в 1880-е годы далеко не сразу подключились к политике религиозных гонений, которая шла вразрез со сложившимся в России общественным и административным строем. Губернские власти отвечали отнюдь не за вероисповедную чистоту края, а за спокойствие и порядок на местах и избегали провоцировать общественные волнения своим вмешательством в религиозную

жизнь. Отказываясь высылать последователей «штунды», один из южнорусских губернаторов заявил архиерею: «Никакого преступления эти штундисты не сделали — живут они тихо, платят повинности, повинуются властям и потому пусть остаются»²³.

К середине 1880-х годов, однако, состав местной администрации Победоносцеву удалось значительно изменить. Но тогда преградой на пути религиозных гонений оказался Сенат, призванный блюсти формальную законность. Он протестовал против «растяжимого» толкования местными властями законов о вероисповедных преступлениях: требовал не инкриминировать прибалтийским пасторам «свертанный из православия», не разлучать супругов — бывших униатов, заключавших брак в костеле (закон карал только неисполнение православных обрядов крещения и погребения). При наказании «штундистов» Сенат требовал точно установить факт общественного богомоления и принадлежность сектантов именно к «штунде» (что было нелегко: по вероучению «штундизм» является фактически баптизмом, то есть признанным в России исповеданием)²⁴. И хотя власти всегда находили возможность «обойти» решения Сената и наказать инаковерующих административным путем, все же разлад между духовным и судебным ведомствами влиял на работу государственного механизма.

Между тем, раздражая и озлобляя своими гонениями сектантов, светские власти, по сути, были бессильны справиться с ними: административные рычаги были слишком грубы, чтобы «ухватить» столь зыбкую и нематериальную субстанцию, как религиозное инакомыслие. Когда вышло распоряжение изъять из воинских частей «пашковскую» литературу, начальство тифлисского гарнизона, не мудрствуя лукаво, запретило низшим чинам читать какие бы то ни было религиозные издания. Полиция южнороссийских губерний, где распространялся «штундизм», стала арестовывать всех крестьян, замеченных в хорошем знании Библии, имевших дома Евангелие и религиозную литературу (даже синодального издания)²⁵. Сбылось предсказание, сделанное еще в 60-е годы М. Н. Катковым: «Успешно противодействовать ереси или расколу может только сама же церковь... Система религиозных гонений — это значит церковь, вооруженная и организованная, как государство... Никакое правительство в настоящее время не может стать органом религиозных преследований»²⁶.

Второе крупное препятствие на пути церковно-государственного курса 1880 — первой половины 90-х годов касалось отношений между православной церковью и русским обществом. Россия второй половины XIX в. далеко продвинулась по пути секуляризации общественной жизни, и ее нельзя было вернуть к прежним церковным нормам путем прямолинейных административных запретов. Когда в 1881 г. обер-прокурор потребовал отменить гуляния в канун праздника Воздвижения, столичный обер-полицеймейстер ответил ему отказом: формально в этот день увеселения не запрещались, и представитель властей не мог действовать на основе личного усмотрения, а не законов; кроме того, устроители гуляний могли заявить претензии об убытках²⁷. Впоследствии пришлось ослабить запрет и на открытие вблизи храмов питейных заведений; дважды (в 1885 и 1891 гг.) указывалось местным властям на необходимость твердо соблюдать все законы о браке и разводе. В конце 1890-х фактически отпал запрет на театральные представления в Великий пост.

Неловкие попытки перевоспитать общество административным принуждением нередко давали обратный эффект. Касаясь великопостных ограничений, известный публицист К. А. Скальковский недоумевал, «почему продолжается запрещение именно на все нравственные и разумные зрелища..., а рядом процветают цирки, фокусники, соблазнительные живые картины, куплеты и как венец всего — оперетка, распеваемая девицами самого невеликопостного направления, декольтированными не только сверху, сбоку, но и снизу»²⁸. Стремление точно соблюсти многочисленные стеснения и ограничения в сфере брака и развода привело, по мнению многих современников, к падению популярности семейной жизни, росту проституции, увеличению числа внебрачных детей и незаконных сожительства²⁹.

Третья и, пожалуй, самая сложная проблема касалась отношений между православной церковью и государством. Как только на рубеже 1870-х—80-х годов была осознана необходимость возвысить роль церкви в обществе, сразу же встал вопрос о ее освобождении от бюрократической опеки. «Задача церкви, — писала в 1881 г. популярная газета «Церковно-общественный вестник», — нравственное возрождение

человечества, и в этом отношении следует возратить ей всю необходимую свободу действия... Собственный интерес государства требует наивозможно большей деятельности средств нравственного развития человечества, находящихся в распоряжении церкви, а это возможно только при полной свободе церкви, при независимости от стесняющих ее пут бюрократии». Либеральная и славянофильская пресса («Голос», «Восток», «Русь», «Современные известия», «Церковно-общественный вестник») выдвинула программу церковных преобразований: передача власти на всех уровнях соборным органам, участие в них мирян; введение выборности священников (возможно, и архиереев); децентрализация власти³⁰. Однако в условиях авторитарно-охранительного режима Александра III казенный контроль над церковью остался неизменным.

Сказались и личные склонности Победоносцева, разочарованного в доброй природе человека, убежденного в опасности всяких свободных, неподконтрольных действий. Ober-прокурор провел в церкви серьезные переустройства: уже в марте 1881 г. была отменена выборность благочинных, съезды духовенства ставились под жесткий контроль архиереев. Согласно духовно-учебным уставам 1884 г. выборы учебных начальств заменялись назначением (в семинариях эта мера коснулась и преподавательского состава), расширялись prerogative ректора и власть архиерея над духовной школой.

В духовном ведомстве при Победоносцеве установился жесткий дисциплинарный режим; клириков, пытавшихся отстаивать свои права перед лицом начальства, ждала скорая и решительная кара. «С молодыми либеральными батюшками тогда не стеснялись... — вспоминал о 80-х—90-х годах видный церковный деятель митрополит Евлогий (Георгиевский). — Многие оказались со сломанными душами, случалось, попадали под суд и, не выдержав тяжелых испытаний, кончали идеалисты пьяницами, погибали»³¹.

Тщательная богословская подготовка пастырей стала казаться начальству источником опасности и неким «излишеством», не оправданным условиями реальной жизни. Русские священники, подчеркивал ober-прокурор, «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят и падают... Избави нас Боже дожидаться той поры, когда наши пастыри... станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты»³². Власть взяла курс на «опрошение» клира, пытаясь таким путем решить его материальные и пастырские проблемы. Епископ Дмитровский Амвросий (Ключарев) предложил в преддверии разукрупнения приходов (1880 г.) официально восстановить наследственность церковной службы, ставить в священники диаконов без семинарского образования и начетчиков-простолюдинов, обладающих скромными потребностями.

«Вместо бесплодного пересыпания религиозных понятий, стремления следить за современными идеями и развитием богословствующей мысли, — писал Амвросий в составленной по поручению ober-прокурора записке, — они будут отличаться практическими подвигами благочестия... Не охлажденные рационализмом школы, они будут ревнителями церковных уставов и блюстителями дорогой для народа церковной обрядности»³³. И хотя большинство архиереев, которым была разослана для отзыва записка Амвросия, испугалось радикализма его предложений³⁴, все же часть «опростительских» идей была реализована: Положение о духовенстве 1885 г. разрешало назначать священниками лиц без специального образования, простолюдины усиленно привлекались к «противораскольнической» и «противосектантской» работе.

В духовной школе уменьшалось число общеобразовательных предметов; большинство учебных курсов в академиях стало обязательным для всех студентов, ограничивалось время для самостоятельной научной работы. Диспут при защите магистерских диссертаций заменялся коллоквиумом без участия посторонних; докторские степени присуждались вовсе без защиты. С 1887 г. штат студентов-богословов был ограничен в соответствии с потребностью духовно-учебного ведомства в наставниках, в связи с чем число учащихся в академиях сократилось за 1883—1888 гг. на треть (с 1127 до 765).

Усиление утилитарно-прикладного характера духовной школы возрождало порядки времен Николая I — в некоторых семинариях и духовных училищах

возобновилось преподавание иконописания, медицины, агрономии. Усилилась словесная замкнутость духовной школы: вольнослушатели допускались в духовные академии лишь в виде исключения, а от своекоштных студентов требовалось проживание в общежитии. Усложнялся доступ в семинарии для иносословных. Повседневная жизнь воспитанников проходила под строгим надзором: запрещалось самовольно отлучаться из общежития, участвовать в публичных чествованиях общественных деятелей, собирать сходки, читать «неблагонадежную» литературу, под которой подразумевались и почти все периодические издания³⁵.

Основами церковной проповеди провозглашались простота, опора на традиции, отдаленность от злобы дня. «Пастырь церкви нарушит свой долг, — говорилось в указе Синода 1883 г. — если в своей проповеди выступит судьей общественных дел и явлений не по разуму Богопреданного учения, хранимого церковью, а по мудрствованию человеческому, по духу своего века». Священники, в чьих проповедях было усмотрено нечто сомнительное, были обязаны предъявлять их начальству для предварительного просмотра³⁶. Сам Победоносцев с недоверием относился ко всякому яркому деятелю в церковной среде, будь он даже убежденным консерватором — протоиереем Иоанном Кронштадским, епископом Антонием (Храповицким)³⁷.

В итоге усилия духовного ведомства по ограждению духовной школы от современности оказались сродни попытке вычерпать море решетом: обер-прокурору приходилось постоянно напоминать учебным властям о необходимости строгого надзора за воспитанниками. «Нередко случалось, — констатировал Победоносцев в 1890 г., — что то же развращающее чтение, которое запретным своим евойством привлекало воспитанников, составляло в то же время любимую духовную пищу... у самих начальников и преподавателей»³⁸. Когда в академиях и семинариях сокращалась выписка периодики, учащиеся заводили тайную библиотеку, начинали издавать рукописный журнал; несмотря на преследования, такие «кружки самообразования» возрождались каждые несколько лет. Их руководителей (по признанию администрации, самых способных и прилежных студентов) исключали из учебных заведений, высылали на родину, отдавали под надзор полиции³⁹. Духовная власть, таким образом, сама рубила сук, на котором сидела.

Политика духовных властей вела и к иным тяжелым последствиям: принудительная церковность, насаждаемая в духовной школе посредством обязательного посещения богослужений, участия в церковном пении и чтении, давала, как правило, обратный эффект. «Нельзя молиться по приказу, из-под палки, в продолжение четырех часов, — писал преподаватель семинарии. — Воспитанник стоит и проклинает все. Я никогда нигде не слышал более страшных проклятий, чем за семинарской службой»⁴⁰. Озлобление учащихся обращалось не только против учебных начальств и церкви, но и против всего государственного порядка в целом, о чем говорили непрерывные волнения в семинариях; обер-прокурор отмечал в 1890 г., что почти во всех делах о политических заговорах было зафиксировано участие семинаристов⁴¹.

Намеченная Победоносцевым реформа приходского клира, будь она доведена до логического финала, понизила бы духовный, интеллектуальный облик священников до уровня основной массы мирян и, по сути, привела бы к отказу от пастырской роли церкви. В программе Амвросия — Победоносцева, замечал один из архиереев, звучит «неладная нота: ни к чему заботиться о духе, была бы соблюдена форма в деле удовлетворения религиозных потребностей нашего темного народа»⁴². Курс на «опрошение» был одним из симптомов кризиса самодержавной государственности: он подразумевал возвращение даже не к дореформенным, а к допетровским временам и предполагал отказ от важнейшей государственной традиции времен Империи — опоры на просвещение.

Централизация и авторитарный режим, царившие в духовном ведомстве, оброчивались пассивностью и безынициативностью духовенства, которое вяло и неохотно подключалось к победоносцевским программам развития церковной школы, проповедничества, миссионерства. Пассивность клира власти пытались «сломать» приказами, постоянно предписывая ему вдохновение при богослужении, образцовое поведение в быту и др.⁴³, однако эффект подобных директив был невелик. «Много тяжкого, — писал в 1885 г. Победоносцев С. А. Рачинскому, — в инерции или даже в глупом противодействии нашей духовной среды и, Боже! какие крепкие нервы нужно иметь и сколько терпения, чтобы в ней вращаться и действовать»⁴⁴.

Не добившись оживления церковной жизни, Победоносцев в то же время спровоцировал своей политикой трения с рядом гражданских ведомств, прежде всего с учебной администрацией. Чиновники Министерства народного просвещения не без основания видели в экспансии церковных школ угрозу своим позициям и исподтишка вредили духовному ведомству. Без энтузиазма отнеслось к церковно-школьному замыслу и Министерство внутренних дел, тем более что его с 1882 г. возглавлял бывший обер-прокурор Толстой. «Попы обманывают, что имеются у них какие-либо школы, — откровенно заявлял Толстой. — Я на их школы 15 копеек не дам»⁴⁵.

Следует упомянуть и о печальной судьбе богословской науки, развитие которой было стеснено распоряжениями духовных властей, и о церковной журналистике, уровень которой снижался до простой назидательности»⁴⁶. Все это было особенно опасно на пороге XX в., в условиях резкого обострения социальных проблем, все более настойчивого обращения интеллигенции к религиозным вопросам. Бюрократизм духовного ведомства мешал развитию движения церковных братств, не удалось нормализовать и отношения между пастырями и паствой в приходах: миряне по-прежнему были лишены права распоряжаться церковным имуществом, влиять на выбор клира и неохотно жертвовали средства на обеспечение духовенства⁴⁷.

Церковь вступила в XX в. не только связанной бюрократическими путями, во многом отчужденной от общества и преисполненной обид на светскую власть, но и глубоко разобщенной внутренне: политика Победоносцева закрепляла в церкви застарелую рознь между белым и черным духовенством. Именно этот разлад во многом помешал созыву в 1905—1907 гг. церковного собора, негативно сказавшись на дальнейших судьбах русского православия.

В связи с тем, что Победоносцев явно благоволил черному духовенству (архиереям отошла большая часть прерогатив, отобранных у преподавательских корпораций и приходского клира, прекратился вызов священников в Синод, к руководству в духовной школе усиленно продвигались представители монашества), его нередко обвиняли в «клерикализме», называли «делегатом монахов перед правительством». Однако на деле самостоятельность высшей иерархии не расширилась: сильно сомневаясь в способности епископов правильно осознать интересы церкви, обер-прокурор сохранил прежние всевластие канцелярии над Синодом. «Главное... назначение присутствующих в Синоде — это подписывать, — вспоминал один из крупных иерархов победоносцевской эпохи, лично близкий к обер-прокурору архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович). — Синодальных протоколов и журналов приносят по домам множество, и все их приходится подписывать; согласен ли ты с их содержанием или нет, об этом никому не нужно знать, а все-таки требуется: „подписать“»⁴⁸.

Первые же попытки возвысить роль религии показали Победоносцеву, что его предшественники оплетали церковь бюрократическими формальностями отнюдь не по злой воле и не только из-за «чиновничьего недомыслия». Ощувив некоторый прирост своего влияния, архиереи начали затяжную борьбу с гражданским начальством за верховенство на местах, чем доставили немало хлопот обер-прокурору. Епископы, кроме того, потребовали реального расширения своих управленческих прав, а Победоносцев все-таки был не «Никоном в вицмундире», а государственным чиновником, и поступиться прерогативами светской власти не мог. Наконец, архиереи, соединяя в своих руках административную власть с судебной, крайне неохотно наказывали клириков, виновных в конфликтах с прихожанами (чтобы не создавать впечатления о неблагополучии своей епархии). Это мешало бороться против распространенных в духовенстве пороков — пьянства, вымогательства и др.

В результате обер-прокурору приходилось все ужесточать контроль за архиереями. Епископов непрерывно перемещали из епархии в епархию, причем зачастую на значительные расстояния. В 1882 г. на кишиневскую кафедру был переведен архиерей из Казани, на его место поставлен рязанский преосвященный, на место последнего — сибирский. Из 49 епархиальных архиереев, перемещенных в 1881—1894 гг., 8 были переведены по два, и 8 — по три раза.

В среднем за год перемещалось по 3 епархиальных архиерея и по 3 викарных епископа, 4 викария получили назначения на самостоятельную кафедру; срок пребывания епархиального архиерея на одной кафедре ограничивался в среднем 5 годами.

Архиереи, вызванные в Синод, находились здесь в среднем около полутора лет, но с 1888 г. на летние месяцы их стали увольнять в епархии, вызывая на этот срок других епископов, прозванных «статистами». «Вот этим-то статистам, — писал управляющий синодальной библиотекой А. Н. Львов, — предлагают подписать удобное чиновникам решение по тому делу, по которому уже состоялось действительное определение Синода... Те, понятно, подписывают, и вот иногда митрополиты, помнящие, как они решали известное дело, получают указ, где говорится, что... Синод определил по этому поводу совсем другое»⁴⁹.

Неудивительно, что со временем образ действий обер-прокурора начал вызывать острейшую неприязнь архиереев. Архиепископ Тверский Савва (Тихомиров), которому Победоносцев в 1889 г. указал на «возмутительную нетрезвость» духовенства его епархии, потребовал от обер-прокурора не пользоваться сведениями из сомнительных источников, не порицать архиерея при третьих лицах, зачастую прихожанах его епархии. «Жестокие слова Ваши, неизвестно на чем основанные, — писал архиепископ обер-прокурору, — распространяясь по епархии, возбуждают в духовенстве чувство глубокого оскорбления»⁵⁰. Разговаривать подобным тоном с Победоносцевым мог позволить себе далеко не каждый архиерей: Савва был широко известен как ученый (историк, филолог, археограф), хорошо знакомый с царской семьей, однако и он постоянно с испугом выпрашивал свои знакомых — синодальных чиновников, не грозит ли ему перевод в захолустную епархию.

Примерно с конца 1880-х годов началась серия инцидентов, навсегда подорвавших влияние Победоносцева и фактически разрушивших проводимую им политику. Религиозные гонения в Прибалтике вызвали шумные скандалы на Западе, в российской прессе развернулась кампания, связанная с насильственным крещением бурят во время путешествия по Сибири наследника Николая Александровича (1891 г.). Недовольные засильем обер-прокурора церковно-общественные круги в начале 90-х годов подняли вопрос о восстановлении патриаршества и созыве церковного собора. Голод 1891 г. подчеркнул необеспеченность значительной части сельского духовенства, а последовавшие затем холерные беспорядки выявили его пастырское бессилие. Все это стало тяжелым ударом лично для Победоносцева. Петербургская знакомая архиепископа Саввы писала ему в 1892 г., что в Страстную пятницу в храме во время богослужения обер-прокурор опустился на колени и зарыдал, а стоявший рядом сановник прошептал соседу: «Помоги ему, Господи, вынести»⁵¹.

Как соотносилась эта церковная политика с предшествовавшим курсом? Можно ли говорить о контрреформах в церкви? Сам Победоносцев был противником резких переустройств, расценивал свои начинания как частные «поправки», призванные лишь создать необходимые условия для духовно-учительской деятельности церкви. Однако основные мероприятия 1880 — первой половины 1890-х годов — отмена выборности благочинных и ограничение самостоятельности съездов духовенства, духовно-учебные уставы 1884 г. и положение о духовенстве 1885 г., меры относительно Прибалтики и «штунды» — постепенно накапливаясь и наслаиваясь друг на друга, привели к пересмотру ключевых преобразований 60-х—70-х годов. В духовном ведомстве возродились многие принципы политики Николая I, что имело самые тяжелые последствия на пороге XX века.

К середине 1890-х годов обер-прокурор Победоносцев фактически отошел от дел, передоверив их своему заместителю В. К. Саблеру. «Победоносцев постарел и одряхлел, — отмечал в 1893 г. Львов. — Никто не верит в долговечность и его самого, и его начинаний. Да и у него нет энергии»⁵². Каждый раз к новому году в духовном ведомстве возникали слухи о предстоящей отставке обер-прокурора. И хотя Победоносцев пробыл на своем посту до октября 1905 г., крупных начинаний в своем ведомстве он больше не предпринимал. В церковно-государственной политике воцарилась стагнация, прерванная только предреволюционным общественным брожением и революцией 1905—1907 годов⁵³.

В обстановке революционного возбуждения, грандиозных общественных перемен имя Победоносцева стало символом всех темных сторон «старого порядка»: обер-прокурора именовали «русским Торквемадой», «великим инквизитором», губителем православия. Вряд ли можно полностью согласиться с этой оценкой — большинство проблем в жизни государственной церкви возникло задолго до эпохи Александра III и Победоносцева. И все же нельзя отрицать, что власти в 1880 —

первой половине 1890-х годов сильно способствовали своей политикой усложнению и обострению этих проблем. События конца XIX в. показывали, что реально возвысить роль церкви, нормализовать ее отношения с иными конфессиями в условиях авторитарно-бюрократического режима было практически невозможно.

Примечания

1. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб. 1901 (далее — Обзор); РУНКЕВИЧ С. Г. Русская церковь в XIX веке. СПб. 1901; АЙВАЗОВ И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М. 1913; его же. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М. 1914.
2. НИКОЛЬСКИЙ Н. М. История русской церкви. М. 1985. (1-е изд. — 1930); ГРЕКУЛОВ Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М. 1969.
3. ЛИТВАК Б. Г. Русское православие в XIX веке. В кн.: Русское православие: веки истории. М. 1989.
4. SMOLITSCH I. Geschichte der russischen Kirche. 1700—1917. Bd. 1. Leiden. 1964. Bd. 2. Brl. 1991; SIMON G. Konstantin Petrovič Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod. Göttingen. 1969; BYRNES R. Robedonostsev. Bloomington—Lnd. 1968.
5. FREEZE G. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Princeton. 1983.
6. FREEZE G. *Op. cit.* p. 196, 335, 220—221, 239—243, 317—318; РИМСКИЙ С. В. Церковная реформа Александра II. — Вопросы истории, 1996, № 4.
7. ФЕОКТИСТОВ Е. М. За кулисами политики и литературы. Л. 1929, с. 169.
8. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91 гг. СПб. 1897, с. 29, 81.
9. Исторический обзор деятельности Комитета Министров. Т. 4. СПб. 1902, с. 417, 418.
10. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1925, с. 302.
11. ГЛИНСКИЙ Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии). — Исторический вестник, 1907, № 4, с. 262.
12. Обзор, с. 152—155, 68—69, 405—410, 700, 710. Количественный рост церковных школ продолжался до 1903 года. К этому времени их стало 44 421 с 1 909 684 учащимися, они составляли половину всех начальных училищ Империи и охватывали треть всех детей-школьников. Размер казенных ассигнований на церковные школы вырос к 1903 г. в 600 раз — до 10 341 916 руб. (Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884—1909). СПб. 1909. Приложение, с. 14—15, 21).
13. РУНКЕВИЧ С. Г. Русская церковь в XIX веке. СПб. 1901, с. 208—210.
14. Обзор, с. 1, 20.
15. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 57, отд. 2, ст. 3, д. 85, л. 1—33об.; оп. 51, отд. 2, ст. 3, д. 128, л. 124—126об.; оп. 58, отд. 2, ст. 3, д. 281; оп. 60, отд. 2, ст. 3, д. 386, л. 91—96.
16. В этом духе выступала печать либерального («Порядок», «Неделя», «Новости», «Страна», «Русские ведомости», «Голос», «Вестник Европы») и отчасти славянофильского («Русь», «Современные известия») толка.
17. РГИА, ф. 797, оп. 54, отд. 2, ст. 3, д. 63а, л. 384об. — 385.
18. Старообрядцам было отказано в ходатайстве о распечатании алтарей храмов Рогожского кладбища, об отмене порицаний на старые обряды, содержащиеся в синодальных изданиях. Было сорвано признание старообрядческой иерархии Константинопольским патриархатом, местная администрация препятствовала починке старых и открытию новых старообрядческих «моленных».
19. РГИА, ф. 797, оп. 60, отд. 2, ст. 3, д. 386, л. 79(в)об.
20. По официальным данным, в западных губерниях за 1905—1907 гг. в католичество отпала 171 тыс. чел. (Отчет. 1905—1907, с. 29).
21. Церковный вестник, 1882, № 33; 1883, № 6. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева за 1883. СПб. 1885 (далее — Извлечение), с. 170, 175—177. Отчет. 1890—1891, с. 98—99, 109—111.
22. Письма К. П. Победоносцева преосвященному Иллариону, архиепископу Полтавскому. — Русский архив, 1916, № 1—6, с. 153.
23. РГИА, ф. 797, оп. 59, отд. 2, ст. 3, д. 110б. — 12.

24. См.: КОНИ А. Ф. Униатские дела. Штундисты. Пасторские дела. В кн.: КОНИ А. Ф. На жизненном пути. Т. 1. М. 1913, с. 572—654.
25. РГИА, ф. 797, оп. 54, отд. 2, ст. 3, д. 63а, л. 116об., 120—120об.; КОНИ А. Ф. Штундисты, с. 620—621.
26. КАТКОВ М. Н. О церкви. М. 1905, с. 78—79, 33.
27. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М. — Пг. 1923, с. 90.
28. СКАЛЬКОВСКИЙ К. А. Современная Россия. Т. 2. СПб. 1890, с. 336.
29. См.: РОЗАНОВ В. В. Семейный вопрос в России. Т. 1—2. СПб. 1903.
30. См.: Мнения печати по церковным вопросам. — Церковный вестник, 1881, № 5, 6, 12, 29.
31. Митрополит ЕВЛОГИЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ). Путь моей жизни. М. 1994, с. 34.
32. ПОБЕДОНОСЦЕВ К. П. Московский сборник. М. 1896, с. 214.
33. Цит. по: Архиепископ САВВА (ТИХОМИРОВ). Хроника моей жизни. Т. 6. Сергиев Посад. 1906, с. 304.
34. См.: РГИА, ф. 797, оп. 50, отд. 3, ст. 5, д. 182, ч. 1, л. 10об., ч. 2, л. 24, 99—100, 135об., 208—208об.
35. Обзор, с. 491—511, 559—567, 572—574, 591—621.
36. Там же, с. 431—434.
37. ГЛИНСКИЙ Б. Б. Ук. соч, с. 264—265.
38. РГИА, ф. 797, оп. 60, отд. 1, ст. 2, д. 63, л. 11.
39. Там же, д. 64, л. 5об—6, 8—8об., 21об., 24—24об.
40. Духовная школа. М. 1906, с. 82.
41. РГИА, ф. 797, оп. 60, отд. 1. ст. 2, д. 63. л. 11.
42. Там же, оп. 50, отд. 3, ст. 5, д. 182, ч. 2, л. 208—208об.
43. См.: Извлечение, 1882, с. 37, 79, 83; 1883, с. 23; Отчет, 1884, с. 181; 1885, с. 35; 1886, с. 85; 1887, с. 107; 1888—1889, с. 264—276; 1892—1893, с. 324.
44. Архиепископ НИКАНОР (БРОВКОВИЧ). Записки присутствующего в Святейшем Всероссийском Правительствующем Синоде. — Русский архив, 1906, № 8, с. 512.
45. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. Апрель—июнь 1885 г., л. 177об.
46. ФЛОРОВСКИЙ Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991, с. 415—424.
47. Бюджетных средств, выделяемых на эти цели, было совершенно недостаточно: к 1905 г. пособия от казны получало около 60% причтов, средняя сумма ежегодного пособия составляла примерно 430 руб. на причт (подсчитано по: Отчет, 1905—1907. Приложение, с. 102).
48. Русский архив, 1906, № 8, с. 505.
49. ЛЬВОВ А. Н. Князь церкви. — Красный архив, 1930, № 2, с. 114—115.
50. Архиепископ САВВА (ТИХОМИРОВ). Хроника моей жизни. Т. 7. Сергиев Посад. 1807, с. 588—590.
51. Там же. Т. 9. Сергиев Посад. 1811, с. 236.
52. Красный архив, 1930, № 3, с. 108.
53. См.: ПОСПЕЛОВСКИЙ Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века. — Вопросы истории, 1983, № 1.

Астраханские казаки в эмиграции

О. О. Антропов

Астраханское казачье войско было одним из самых малочисленных, территориально располагалось в Прикаспийской низменности с центром в Астрахани. Насчитывая 60 станиц с населением свыше 40 тыс. человек, оно несло в основном внутреннюю службу. В годы революции и гражданской войны в Астраханском крае казаки потерпели поражение в борьбе с превосходящими силами большевиков, потеряли войсковую землю, казну, регалии и подверглись практически тотальному уничтожению. Уцелевшие после подавления Астраханского восстания (январь 1918 г.) казаки ушли от преследования большевиков на Дон и Урал и принимали участие в гражданской войне в составе Донской, Добровольческой, Уральской и Оренбургской армий.

Войсковые структуры астраханцев были воссозданы на Дону в 1918 г., под покровительством Донского атамана и правительства. Изначально малочисленные астраханские части не имели источников пополнения, так как область войска все время прочно удерживалась большевиками. Постоянно используемые в боевых действиях они быстро таяли и в начале 1920 г. потеряли значение самостоятельной боевой единицы. После поражения Вооруженных Сил Юга России и гибели Уральского казачьего войска, остатки астраханских частей были перевезены в Крым и сведены с остатками терских частей в Отдельную Терско-Астраханскую казачью бригаду, которая принимала активное участие в боевых действиях в Северной Таврии, на Правобережной Украине и в Крыму.

9—11 ноября 1920 г.¹, когда Красная Армия ворвалась в Крым, Терско-Астраханская казачья бригада генерала К. К. Агоева дислоцировалась в районе Симферополя, ведя борьбу с «зелеными», расчищая пути отхода для других воинских частей. 12 ноября бригада получила приказ прибыть для погрузки в Феодосию, за сутки проделала 120-верстный марш, пересекая Крым вдоль отступающей линии фронта, и глубокой ночью 13 ноября прибыла к месту назначения. Здесь, согласно общему плану эвакуации, грузился на суда Кубанский корпус под командованием генерала Фостикова. Терско-Астраханская бригада разместилась на транспортах «Дон» и «Владимир», которые 14 ноября вышли в открытое море и на третьи сутки прибыли на Константинопольский рейд². Бригада Агоева насчитывала в этот момент до 1400 казаков, входивших в состав трех полков (Терский и два Астраханских). Большая часть бригады (около 1000 чел.) находилась на «Владимире».

Астраханские части, эвакуированные из Крыма, были малочисленнее и неустойчивее терских. Во-первых, природные казаки составляли в полках менее 40% (при

Антропов Олег Олегович — аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

формировании бригады в Крыму в полки были влиты «иногородние» и горцы); во-вторых — калмыцкий фактор: до 1917 г. 98% казаков имели русское происхождение, однако в сентябре 1917 г. в войско были приняты астраханские калмыки³ и удельный вес самих казаков сократился до 17% (в 1918—1920 гг. калмыки играли в астраханских частях значительную роль, составляя в них 70—80% общей численности); в-третьих, у астраханцев не было в тот момент своего командования, ими командовали даже не казаки, а офицеры, назначенные по необходимости в период боевых действий, и никаким образом с астраханцами не связанные. Поэтому, объективные условия для скорейшего развала и распыления астраханских частей существовали изначально.

19 ноября, сразу после прибытия в Константинополь командир 2-го Астраханского казачьего полка полковник Грауг покинул казаков и сошел на берег. Вслед за ним, сославшись на польское подданство, перешел на беженское положение командир 1-го Астраханского казачьего полка полковник Зелио. Неудивительно, что среди перешедших на беженское положение чинов Терско-Астраханской бригады большую часть составляли разнородные, предоставленные сами себе кадры астраханских полков.

20 ноября Кубанский корпус получил приказ Главнокомандующего Русской Армии генерала П. Н. Врангеля следовать на остров Лемнос. Во исполнение приказа транспорт «Владимир» вместе с другими «кубанскими» судами, снялся с якоря и в тот же день вышел в открытое море, в то время как транспорт «Дон» по техническим причинам замешкался на рейде.

В связи с предстоящим распылением корпусов Русской Армии, генерал Агоев решил добиваться от Врангеля включения Терско-Астраханских частей в Донской корпус. Оставив бригаду он отправился к главному для разрешения данного вопроса. Приказ на включение Терско-Астраханских частей в корпус был получен 20 ноября. В этот же день Агоев прибыл в порт, где застал лишь 350 человек личного состава бригады. В соответствии с приказом генерал Агоев с оставшимися чинами бригады (ее штаб, Сводно-Астраханский полк со Сводной артиллерийской сотней и Сводно-Терский полк) выгрузились и по железной дороге переправились в лагерь Санджак-Тепе.

Судьба большей части Терско-Астраханской бригады была иной: их сразу перебросили на Лемнос. 21 ноября транспорт «Владимир» прибыл в Мудросскую бухту и казаки были размещены в палатках на полуострове Колоераки⁴. На Лемносе прибывшие жили в ужасных условиях. Многие палатки были рваными, не давали защиты от ветра. Почти все, включая женщин и детей, спали на голой земле. Продукты выдавались из интендантства, расположенного на пристани, в 2 км. от лагеря. Паек был крайне скудным (немного хлеба, консервов, картофеля, соли, бульонов и чая) и составлял всего лишь 2 тыс. калорий в сутки — на треть меньше минимальной нормы. Однако уже в этот период, казаки приложили немало сил для того, чтобы обеспечить себе выживание. Так, для обслуживания чинов и их семей было развернуто два лазарета и Донской госпиталь. Кроме того, при полках создавались околотки, а в Терско-Астраханском полку — открыли свой лазарет на 25 кроватей⁵.

В начале декабря эту часть бригады вернули на Константинопольский рейд для переправки в Санджак-Тепе, но выгрузиться не дали и продержав там до 25 декабря, отправили обратно. В результате поездки 350 чинов бригады, в большинстве астраханцы, перешли на беженское положение. Вернувшись на Лемнос, бригада вошла в состав Донского корпуса. 28 декабря 1920 г. Терско-Астраханская бригада была сведена в Терско-Астраханский полк следующего состава: терцев — 86 офицеров, 12 чиновников и 340 казаков; астраханцев — 23 офицера и 200 казаков. Полк разбили на 1—4 терские, 5—6 астраханские, 7 артиллерийскую, 8 офицерскую сотни и сводную пулеметную команду. Командование ими принял полковник Цугулиев⁶. Все оружие полка (за исключением 30 винтовок и спрятанных пулеметов Льюиса) было отобрано французами.

Условия, в которых оказались другие части генерала Агоева, были не лучше. Лагерь Санджак-Тепе представлял собой ряды дощатых барачков с железной кровлей. Помещений на всех не хватало, многие жили в землянках, продовольственное обеспечение, обещанное союзниками, оказалось отвратительным. Все это порождало массовое дезертирство казаков, стремившихся вернуться в Россию или искать

пристанища в славянских странах. Но лагерь Санджак-Тепе все же отличался спокойствием и дисциплиной. Сюда перевели исключительно конные казачьи части, которые всегда характеризовались жесткой спайкой и непримиримостью к большевикам. Побегов отсюда было меньше чем из других лагерей. Здесь, с 26 ноября 1920 г., для Астраханцев началась монотонная изнурительная лагерная жизнь: «де-лежка продуктов... костры и варка пищи... дрожание на холоде и под дождем чуть ли не по целым дням», протянувшаяся до середины января 1921 года ⁷.

Чтобы обезопасить себя от озлобленной массы казаков, сохраняющих военную организацию и частично вывезенное из Крыма вооружение, французское командование решило перебросить их на Лемнос. Большинство казаков было против переброски, опасаясь неизвестности. Перевозка сопровождалась столкновениями, порой выливающимися в кровопролитие. Погрузка первых частей в эшелоны была назначена на 12 января. К этому дню в лагере Санджак-Тепе сложилось в высшей степени напряженное положение. Командование сомневалось: подчинятся казаки приказу или пойдут на вооруженный конфликт. Ситуацию разрешил наиболее многочисленный и устойчивый Терско-Астраханский полк, который первым подчинился приказу и двинулся на погрузку. К 24 марта все части и гражданские беженцы, находившиеся в Санджак-Тепе, были вывезены, и лагерь прекратил свое существование.

В середине января часть Терско-Астраханского полка под командованием генерала Агоева прибыла на Лемнос и разместилась в уже разбитом Терско-Астраханском лагере — одном из лучших в корпусе по внешнему виду и благоустроенности. В результате проведенной 20 марта проверки, был зафиксирован численный состав полка — 934 офицера и казака и две семьи (в том числе 2 женщины и 1 ребенок). Пребывая на Лемносе, казачьи части сохранили дисциплину и военную организацию. Продовольственное снабжение осуществлялось по-прежнему французским командованием. Лемносское сидение закончилось 9 сентября 1921 г., когда последние части Донского корпуса, в их числе терцы и астраханцы, покинули остров и выехали в Болгарию.

Движение «возвращенчества» (возвращения белоэмигрантов на родину в связи с объявленной Советским правительством амнистией участникам гражданской войны), в сочетании с усилиями французского командования по распылению армии сильно отразилось на численности и составе казачьих частей. Например, с 30 апреля по 15 мая 1920 г., армию покинуло более тысячи человек, а к концу мая с Лемноса уехало около 10 тыс. казаков. Движение «возвращенчества» охватило астраханцев не менее других представителей казачества. Так, 30 марта на пароходе «Решид паша» в Россию отбыло 2755 казаков, из них 214 чинов Терско-Астраханского полка (в основном калмыки). Из всех эвакуировавшихся астраханцев в первые 6 месяцев эмиграции половина вернулась в Россию или перешла на беженское положение. В дальнейшем этот процесс приостановился. Сокращение войска шло и за счет смертности. В период с 1921 — по 1924 гг. на Лемносе и в Болгарии умерли 21 человек из чинов полка (возраст 18—35 лет, больше половины — офицеры).

14 января 1921 г. в Константинополе был создан Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. Чтобы избежать развала казачьих частей под влиянием французов и большевиков, а также ввиду тяготения казаков к переезду в братские славянские страны, казачьи правительства вынуждены были начать поиск подходящих вариантов переезда на Балканы Донского и Кубанского корпусов. Уже зимой 1921 г., астраханский атаман Н. В. Ляхов отправляется для ведения переговоров в Сербию, поручив заботу об астраханцах донскому атаману А. П. Богаевскому.

Малочисленное, лишенное собственного командования, астраханское казачество зависело от командования Донского корпуса. В свою очередь, Астраханское правительство и атаман Ляхов полностью зависели от атамана Богаевского и правительства Дона. Астраханское правительство, разделяло чаяния казачьих лидеров о скором освобождении казачьих земель и организации федеративного государства казачьих войск Юга России. Официально, Астраханское казачье войско вошло в Объединенный совет в марте 1921 г., где его представителем стал помощник атамана калмыцкий князь Тундутов, однако сколько-нибудь заметной роли в Совете не играло.

Весной 1921 г. Объединенный Совет Дона, Кубани, Терека и Астрахани начал играть заметную роль как организация объединяющая и направляющая казачью эмиграцию. Командование армии и казачьи атаманы провели переговоры

с болгарским и югославским правительствами, закончившиеся заключением договоров о размещении в этих странах воинских частей. В мае началась переброска контингентов Русской Армии на Балканы. В связи с этим, командир Донского корпуса генерал Ф. Ф. Абрамов провел реорганизацию корпуса, выделив из подчиненных ему частей всех желающих перейти на беженское положение и сведя все части в две бригады. Терско-Астраханский полк, насчитывавший 773 казака и офицера (из них 273 астраханца) был включен в состав 1-ой бригады⁸.

В сентябре 1921 г. части Донского корпуса были распродоточены по всей территории Болгарии. Терско-Астраханский полк в количестве 33 офицеров и 297 казаков занял одну большую казарму в г. Кизил-Агаче. Кроме того, в Ямболе, в отдельном здании, разместилась Офицерская сотня Терско-Астраханского полка в количестве 140 человек. Части должны были содержаться за счет средств Русской Армии, помещенных на депозит Болгарского казначейства, а паек — оплачивать из собственного заработка. При этом Врангелю подчинялись, фактически, только офицерские кадры казачьих частей, в то время как рядовые казаки, организуясь в станицы и хутора, подчинялись своим атаманам.

В 1922 г. Терско-Астраханский полк передислоцировался в район г. Ямбол. В его составе находилось 500 терцев и 250 астраханцев. Чины полка были разбиты на группы и трудоустроены в окрестностях города. Одна из таких групп строила шоссе Ямбол — Ботево. Здесь условия проживания были хуже чем у остальных ввиду трудности доставки продовольствия из Ямбола и тесного казарменного помещения⁹. Казаки полка, перешедшие на беженское положение собственных станиц не создавали, входя в состав уже существовавших донских, кубанских и общеказачьих станиц.

В начале 20-х годов в казачьей диаспоре на Балканах продолжался процесс политического размежевания. В январе 1921 г. в Болгарии состоялся первый Общеказачий съезд. Главная идея съезда — объединение всех казаков в эмиграции на основе традиционной казачьей организации (станицы, хутора, артели и пр.) в целях экономического благоустройства и подготовки возвращения на родину. Но значительная часть делегатов придерживалась взглядов командования Русской Армии. В выступлениях делегата от астраханцев генерала Ляхова отразилось двойственное положение астраханского войска. Ляхов не отделял интересы астраханцев и донцов и в равной степени занимался делами последних, однако всецело поддерживал идею неприкосновенности воинских структур и традиций Русской Армии, как единственную возможность сохранения Астраханского казачьего войска.

Таким образом, оказавшись в эмиграции, астраханское казачество сумело на первых порах самосохраниться, во-первых, потому что Войско со времен Гражданской войны было прочно впаяно в общую казачью инфраструктуру и в структуру Русской Армии, во-вторых, оно представляло собой особую сословную и субэтническую общность.

С сентября 1924 г. Терско-Астраханский казачий полк генерала Агоева входил в III отдел Русского Общевоинского Союза, охватывавший территорию Болгарии. Дислоцировался он близ Ямбола. В октябре 1925 г. в нем состояло 209 офицеров и 216 казаков, из них 172 офицера и 207 казаков числились на разных работах. Казаки размещались в нескольких корпусах пустовавших после войны казарм. В будние дни в казармах находилось только 20—30 человек — так называемая полковая группа. Остальные группами и в одиночку работали в окрестностях Ямбола. Некоторые устроились специалистами (машинисты, кузнецы, столяры, сапожники), большая часть использовалась на тяжелой черной работе (каменоломни, постройка дорог, рудники). Работы эти не были постоянными, но угрозы безработицы не существовало: рабочие группы полка перемещались по мере необходимости по всей Болгарии. Зарабатываемых денег хватало на вполне сносное существование. Казакам, привыкшим к тяжелому физическому труду, работа находилась легче, чем офицерам, но каждый мог устраиваться по-своему. Из них 14 человек служили на нестроевых должностях в болгарской армии, 3 человека — в Ямболской полиции. Заработная плата чинов колебалась от 50 до 200 левов, вполне достаточных для того, чтобы прилично жить и одеваться, но, как писал в своем донесении командир полка Агоев, «дукаяны (питейные заведения — О. А.) и картежная игра отнимают почти весь заработок». Из всех доступных работ, казаки больше всего предпочитали взрывные, однако, в основном их использовали на земляных¹⁰.

В течение второй половины 20-х годов основные трудности и проблемы казачьей эмиграции были преодолены. Казаки обжились и приспособились к существованию в новых условиях. Взаимоотношения с местным населением были хорошими, особенно в Болгарии, к чему располагали отсутствие языкового барьера, общая религия, традиционные симпатии. Местный болгарский гарнизон считал казачьи группы своими. Офицеры приглашались в болгарские офицерские собрания, занимались преподаванием военного дела¹¹. Терско-Астраханский полк прославился своим хором, гастролировавшим по Европе.

Традиционная казачья спайка помогала казакам сохранить себя как историко-культурную единицу. Это выражалось и в том, например, что и терцы, и астраханцы входя в один полк, предпочитали держаться своих, селиться по войсковому принципу. Но в целом они жили дружной семьей, на праздники собирались в казармах полка, имели общую кассу, из средств которой устраивали застолья и торжества. Также существовал совместный полковой околоток с бесплатной медицинской помощью, инвалидная касса. Командир полка Агоев периодически объезжал полковые группы, следил за дисциплиной и внешним видом казаков.

34 казака полка к концу 20-х годов обучались в вузах Чехословакии. Их материальное положение, по сравнению с другими чинами полка было наиболее тяжелым, так как правительство Чехословакии к тому времени сократило материальную помощь русским эмигрантам и студенты постоянно находились в полугодном состоянии; многие болели туберкулезом. Однако связи с полком они не теряли и, по мере возможности, казаки помогали студентам — однополчанам, выделяя средства из кассы.

На всем протяжении 20-х годов численность полка колебалась в рамках 400—500 чинов, с преобладанием терцев. В начале 30-х годов в полку состояло 225 чинов, рассредоточенных по нескольким странам: Болгария (160), Франция (40), Чехословакия (10), Бельгия (5), Люксембург (9), Греция (1 человек).

К началу 30-х годов увеличился отток казаков, особенно офицеров, во Францию, где с середины 20-х годов существовала самостоятельная Терско-Астраханская полковая группа (центр в Париже, командир — войсковой старшина Гогленков). Жила эта группа лучше болгарской из-за сезонных сельскохозяйственных работ. Связи с полком не теряли, получали из Болгарии сводки, прессу, письма. Кроме того, гражданские группы терцев и астраханцев входили в состав общеказачьих станиц (например, в Монтаргли и Коломбеле)¹². Астраханцы, расселившиеся в Болгарии, Югославии, Чехии, Франции, сохранили спайку, войсковые традиции и, несмотря на гибель и рассеяние большинства астраханских казаков, войско не прекратило своего существования.

С началом войны Германии против СССР в кругах эмигрантского казачества проснулась надежда на скорый крах большевизма. В основной массе казаки восприняли германо-советскую войну как продолжение гражданской войны против большевиков. Осенью 1941 г. атаманы Науменко, Вдовенко и Ляхов обратились к министру иностранных дел рейха Риббентропу с пожеланием победы германскому оружию и выразили готовность казачества вновь подняться на борьбу с большевизмом¹³. Так было положено начало сотрудничества части эмигрантского казачества с нацизмом, принесшим огромные бедствия на их историческую родину. Германское руководство не приветствовало участия русских эмигрантов в этой войне, поскольку не собиралось делить с ними свою победу. Однако к 1943 г. оно стало менять свою позицию и пошло по пути военной и политической консолидации казачества. В частности, 27 июня 1943 г. состоялась встреча донского, кубанского, терского и астраханского атаманов с начальником отдела связи с казачьими формированиями при Восточном министерстве Химпелем, на которой последний заявил, что «вопрос бытия казачества... разрешен в положительном смысле»¹⁴.

В составе действовавших на Балканах Русского охранного корпуса и казачьей дивизии Паннвица служили и астраханские казаки. Были они и в Казачьем стане, объединявшем беженцев с Дона, Кубани и Терека. Часть астраханцев вместе с казаками других войск, служила в автотранспортном полку «Восток» легиона «Шпеер». В феврале — марте 1944 г. астраханский атаман Ляхов и терский атаман Вдовенко посещали своих казаков, служивших в корпусе Паннвица, проводили беседы с молодыми казаками — выходцами из СССР. Представление о позиции казачьих лидеров по отношению к казачьему вопросу и участию казаков в войне дает речь генерала

Ляхова. Казачество, — говорил он, — уходит своими корнями в русский народ, является неотъемлемой частью России, и дорога в казачество открыта каждому русскому¹⁵. Будущие казачьи войска будут демократическими государственными образованиями, а не служилым сословием. Благодаря деятельности таких фигур как атаманы Татаркин, Науменко, Вдовенко и Ляхов, молодые бывшие советские казаки признали авторитет духовных лидеров эмигрантского казачества и пошли на объединение с эмигрантами.

После разгрома Германии союзники выдали советским властям большую часть граждан СССР, воевавших в составе вермахта и находившихся на оккупированной ими территории. Многие русские эмигранты, не являвшиеся советскими гражданами (в том числе 3—4 тыс. казаков) также подверглись насильственной репатриации. Их судьба была трагичной; они подверглись жестоким репрессиям.

Вторая мировая война разрушила единство казачьей эмиграции. Занятие советскими войсками части Европы привело к рассеянию уцелевшей части казачества и массовому переселению казаков в Южную и Северную Америку. И хотя отдельные казаки-астраханцы продолжали существовать в составе донских и кубанских землячеств за рубежом, в целом вторая мировая война привела к окончательному исчезновению Астраханского казачьего войска.

Примечания

1. Все даты приводятся по новому стилю.
2. Уход в изгнание. — Терский казак, № 28. — июль 1938, с. 14—16.
3. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926, с. 139.
4. Уход в изгнание. — Терский казак, № 30. сентябрь 1938, с. 14—15.
5. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920—1921 гг. Белград, 1924, с. 56—57.
6. Уход в изгнание. — Терский казак. № 30. сентябрь 1938, с. 15.
7. Казаки в Чаталдже и на Лемносе, с. 35.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6046, оп. 1, д. 1, л. 25, 39—40; ф. 6461, оп. 1, д. 247, л. 97.
9. Казаки за границей, 1921—1925 гг. София, 1925, с. 5.
10. ГАРФ, ф. 6711, оп. 3, д. 47, л. 14; оп. 1, д. 323, л. 5, 29.
11. Крестная ноша. — Трагедия казачества. М. 1994, с. 407.
12. ГАРФ, ф. 6679, оп. 1, д; 4, л. 1—5.
13. ШКАРЕНКОВ Л. К. Агония белой эмиграции. М. 1986, с. 217.
14. ГАРФ, ф. 5761, оп. 1, д. 10, л. 78.
15. На казачьем посту, № 5, I.VII.1943, с. 15; ЧЕРКАСОВ К. С. Генерал Кононов. Т. 2, Мюнхен, 1965, с. 32—59.

А. В. Колчак и возрождение русского флота. 1906—1911 годы

А. В. Шмелев

А. В. Колчак был одним из тех передовых морских офицеров, которые искали способы залечить раны, нанесенные флоту России Русско-японской войной. Работая в Морском Генеральном штабе (МГШ), он не только по долгу службы, но и в силу своих личных качеств уделял много внимания роли и значению будущего российского флота.

Решение задачи восстановления флота после почти полного уничтожения лучших его кораблей в ходе Русско-японской войны упиралось в несколько проблем. Одной из них была необходимость учета изменений во внешнеполитической обстановке. Внимание России все больше приковывала опасность войны с Германией, и военно-морской стратегической мысли надо было это учесть и начать разработку соответствующих мероприятий. Другая проблема была связана с развитием техники: новые возможности линкоров, подводных лодок и судов береговой обороны (мониторов) указывали на различные пути развития флота, которые также надлежало учесть и привести в соответствие со стратегическими задачами флота и бюджетными возможностями государства.

Строительство Англией «Дредноута» — линейного корабля нового типа, водоизмещением 17 250 тонн с ходом в 21 узел произвело революцию в умах судостроителей и морских офицеров. Совершенствование техники меняло все условия войны на море и вызывало горячие споры о путях дальнейшего развития флота на страницах газет и журналов. В «Морском сборнике» даже появился призыв одного корабельного инженера построить всего лишь один броненосец, но водоизмещением 80 тыс. тонн! Проблема не осталась без внимания С.-Петербургского военно-морского кружка, одним из основателей которого был лейтенант Колчак. На заседании 20 марта 1906 г. он выступил с идеей построить линейный корабль с мощной броней водоизмещением 18 тыс. т и с двенадцатью 305 мм орудиями (на два больше, чем у «Дредноута»), а главное, чтобы скорость была большая, чем у него, учитывая то, что «даже 1 узел превосходства в скорости дает большое тактическое преимущество»¹.

Вопрос о восстановлении русского флота с учетом новшеств техники стал одним из основных на заседаниях кружка в 1907—1908 годах. «С осени 1907 г. в печати и обществе началась сильная агитация в пользу подводного флота», — начинается резолюция кружка по вопросу о том, какой флот нужен России², и продолжается: «Признавая такую агитацию не соответствующей интересам Родины, способной ввести в заблуждение общественное мнение страны и воспрепятствовать правильному развитию флота, необходимым условием которого является гармоническое сочетание судов и средств разного рода, определяемое общим термином «линейный флот» кружок организовал ряд докладов, чтобы поближе познакомиться с вопросом». Доклады были самые разные — большая часть касалась тактики и техники подводного плавания, был и доклад о минах Уайтхеда. Особняком стоял доклад Колчака

Шмелев Анатолий Всеволодович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира. США.

«Какой нужен России флот» (21 декабря 1907 г). Отвечая тем, кто считал подводный флот панацеей для обороны государства, член Думы В. М. Пуришкевич (правда, немного позже, в 1912 г.) выразился так: «наряду с знатоками пишут все, кому не лень. Вот у меня брошюра какого-то Андрея Семенова-Тянь-Шанского, который, очевидно, знаком также с вопросами о флоте, как и с Тянь-Шанем. Тем не менее он нам предлагает строить флот подводный, контр-флот, а не строить флота дредноутного»³.

«Какой нужен России флот?» — вопрос, который будоражил русскую общественность в то время. Но название доклада, а позднее и известной статьи Колчака лишены вопросительного знака — это не вопрос, а ответ. Его работа в МГШ, где он, как заведующий Отделением русской статистики, отвечал за программу кораблестроения⁴, придавала его утверждениям дополнительный вес. За ним также стояли его друзья, офицеры МГШ и члены военно-морского кружка, которые приняли резолюцию в поддержку строительства прежде всего линейного, а не подводного флота. Подводные лодки, подчеркивалось в резолюции, «не могут заменить собой в настоящее время ни один из типов судов надводного флота»⁵.

Фактическим начальником действующего флота и Морского министерства был длительное время (1882—1905 гг.) великий князь Алексей Александрович. «За 23 года его управления флотом — писал академик А. Н. Крылов — бюджет возрос в среднем чуть ли не в пять раз: было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров, но это «множество» являлось только собранием отдельных судов, а не флотом... В смысле создания флота деятельность генерал-адмирала... была характерным образцом бесплановой растраты государственных средств, подчеркивая полную непригодность самой организации и системы управления флотом и Морским Ведомством»⁶. Это сознавалось не только людьми, стоявшими близко к флоту, как Крылов в 1907 г. назначенный Главным инспектором кораблестроения, или офицеры МГШ (а соответственно и СПб военно-морского кружка), но и Государственной Думой и Советом министров. Требование общества реорганизовать все Морское министерство заново и в кратчайшие сроки было, конечно, неосуществимо, но ввести плановое начало в судостроение было не только под силу, но и настоятельно необходимо, ибо морские границы Империи были уязвимы.

Идея судостроения по плану были не нова, но по разным причинам осталась неосуществленной. Последний из проектов МГШ по флоту был выработан на следующих основаниях: «Исходя из военно-тактических соображений, МГШ предлагал строительство флота вести методом закладки целых боевых эскадр, каждая из которых должна была состоять из 8 линкоров, 4 линейных крейсеров, 9 легких крейсеров и 36 эсминцев». Предлагались на выбор 4 варианта программы, которые предполагали распределение эскадр по разным театрам. Николай II, которому программа была представлена в марте 1907 г., одобрил самый дешевый и простой вариант — четвертый, предусматривавший закладку одной эскадры для Балтийского моря и строительство нескольких мелких судов на Черном. Эта «малая программа» была выработана в основном Колчаком⁷.

Хотя офицеры МГШ были убеждены в необходимости строить флот именно на основе линейных кораблей (что подтверждалось постройкой «Дредноута» Англией), им предстояло побороть течения в правительстве, обществе и даже самом флоте в пользу казавшихся более дешевыми и целесообразными минного или подводного флота. Колчак, по своему опыту в Порт-Артуре, было хорошо знаком с минным делом. Даже в свою бытность в штабе, загруженный другой работой, он находил время для разработки вопросов минного дела — тут и доклады «О минах плавучих» и «Об организации партии траления», и участие в совещании по вопросам, касающимся минной обороны Владивостока. Относительно последнего Колчак и контр-адмирал Лошинский высказали особое мнение. Хотя представители военного ведомства настаивали на применении гальванических мин, Лошинский с ними не согласился и в качестве эксперта привлек Колчака, который указал на неудобства гальванических мин, их устарелость, тяжелые условия установки, легкость нарушения работы электрического кабеля и т. д. Колчак и Лошинский предлагали гораздо более современные и совершенные гальваноударные и ударные мины: «минная война на море ведется автономными минами, использование которых заключается в осуществлении основного принципа: мина заграждения должна употребляться как оружие нападения и ставить заграждения надо так, чтобы заставить неприятеля на него наткнуться, а не ждать, когда случайность приведет его на поставленные заблаговременно мины». Через 7—8 лет эти идеи превратятся в дело, именно рискованные походы минной дивизии под командованием Колчака к германским берегам для постановки минных заграждений явились одной из блестящих страниц, вписанных российским флотом в летопись первой мировой войны. Записка Колчака «Основания для организации постановки мин заграждения» (30 января 1908 г.) была принята как инструкция.

Другая его записка на имя Морского министра от 20 июня 1907 г. содержала один из основополагающих моментов в военной мысли ее автора. Он писал: «Идея воссоздания флота в виде реальной морской силы, долженствующей поднять уничтоженное последней войной морское могущество России выразилась в настоящее время после двухгодичного обсуждения различными учреждениями, комиссиями и совещаниями решением строить в ближайшее четырехлетие два линейных корабля и около 70-ти миноносцев ограниченного водоизмещения с 30-ю подводными лодками, предлагаемых для целей «подвижной обороны». Понятие об «обороне», совершенно не существующее в военной науке в том смысле, в каком этот термин понимается у нас, уже стоил России многих миллионов, ушедших на постройку негодных судов. Эти суда носили наименование «броненосцев береговой обороны», теперь же называются «миноносцами подвижной обороны», но сущность остается та же»⁸.

В то же время Колчак выступал и против сторонников всемогущества подводных лодок — в основном это были офицеры — представители этой молодой отрасли военно-морского дела. Весь петербургский Военно-морской кружок выступил против одностороннего взгляда на этот вид оружия как на ответ на все вопросы морской обороны. Колчак еще до опубликования резолюции кружка, перевел и опубликовал в «Морском сборнике» статью француза М. Лебефа о подводном плавании, полагавшего что подводный флот не может обеспечить оборону морских границ государства. Близкую этому точку зрения высказал морской министр адмиралу И. М. Диков на заседании Совета Государственной обороны 9-го апреля 1907 г.: «Флот России как великой державе необходим, и она должна его иметь и быть в состоянии послать его туда, куда его потребуют государственные интересы»⁹. Это высказывание было поддержано тут же министром иностранных дел А. П. Извольским.

Работа Колчака и других офицеров в военно-морском кружке и МГШ в конце концов принесла плоды, во многом благодаря тому, что их взгляды разделялись не только моряками, но и государственными деятелями ранга Извольского и Столыпина. Приходилось, правда, убеждать Думу выделять кредиты на судостроительную программу. Но и к этому МГШ был выработан свой подход, который, если и не сразу оправдал себя по более широким политическим соображениям, то вполне заложил основу будущего взаимопонимания между Думой (верней, ее большинством) и Морским министерством.

В это же время Колчак много работал над вопросами морской тактики и стратегии, пытаясь выявить наиболее существенные их элементы для судостроения России и ее морской политики вообще. Все свои разработки в ряде записок и докладов, сделанных им в МГШ, выводы, вынесенные им из докладов и прений военно-морского кружка — все было синтезировано им в статье «Какой нужен России флот», опубликованной в «Морском сборнике» в 1908 году.

В отличие от авторов, защищавших в то время ту или иную точку зрения на флот на страницах печати, Колчак подошел к проблеме всесторонне. Он принял во внимание как политический, так и экономический, стратегический, тактико-технический и дипломатический аспекты. При этом автор учел и выводы ряда предыдущих своих работ. Среди них — «Сравнение судов открытого моря с судами береговой обороны» — доклад МГШ 29 марта 1907 г., где Колчак доказывал нецелесообразность строительства специального флота для обороны берегов России. Основной его вывод по этой проблеме был таким: «существование вооруженной силы специализированной для пассивной обороны противоречит основному принципу стратегии — обороняться всегда активно». Он считал, что «оборона берегов состоит в борьбе за обладание водами, омывающими эти берега, достигаемое единственным путем — боем с вооруженной силой неприятеля, оспаривающей это обладание, флот построенный для обороны берегов должен быть способен к такому бою»¹⁰.

Задача флота, по мысли Колчака, состоит не в том, чтобы парировать возможные удары противника на свои берега, а отодвинуть морскую границу к неприятельскому берегу и таким образом обеспечить себе возможность выбирать, где и когда будут наноситься удары, и в то же время быть в состоянии поддерживать эти удары непрерывным подвозом людей и снабжения. Но обладание морем имеет не только положительный смысл для обладающего им, но и отрицательный смысл для потерявшего это обладание — «обладание морем заключается в невозможности в период военных действий противнику выполнить какую-либо морскую операцию».

Анализ внешнеполитического аспекта проблемы приводит Колчака к выводу, что вероятный враг возможной войны — Германия, и что ее действия в этом случае вполне могут быть направлены к вторжению в Финляндию или Прибалтийские губернии, которые политически взбудоражены в последние годы (1905—1907 гг.). Но Колчак смотрит еще шире: Балтийский флот России, как противовес флоту Германии, одной из сильнейших держав мира, одним своим существованием — по его мнению — обеспечивает безопасность русских границ и на Черном море, и на Дальнем Востоке.

На основании своего опыта и работы в МГШ и кружке Колчак отвергает попытки деления флота — на флот минный, подводный и береговой обороны. Исходя из того, что задачей флота является обладание морем, и что это обладание достигается боем с противником — он приходит к заключению, что такой бой под силу только линейному кораблю. Другие же типы судов являются лишь более или менее полезным приложением к линейным кораблям и броненосным крейсерам.

Как ответственный за Балтийский театр Отделения русской статистики в штабе, Колчак уделял много внимания исследованию военно-статистического и военно-географического положения на этом театре. Его записная книжка за 1907 и 1908 годы свидетельствует о детальном знакомстве с Финским заливом на основании плаваний в его водах. Желание расширить свои познания вынуждали его заниматься этим, тем более, что даже в 1910 г. Оперативная часть штаба не имела «вообще военно-географического, военно-статистического и стратегического описания театра — Балтийского моря и его заливов»¹¹.

В марте 1909 г., уже покинув свой пост в МГШ, но все еще находясь в Петербурге, Колчак, вместе с капитан-лейтенантом Пилкиным и капитаном 2-го ранга графом Капнистом, участвует в работе совещания военных и морских ведомств о положении приморских крепостей. Тогда шла острая борьба этих ведомств за контроль над приморскими крепостями — военные не хотели их отпускать из своего ведения, моряки же доказывали, что они не имеют значения для сухопутной обороны, а только для обороны морской (как защитники баз и портов). Колчак, выступив первым, указал на угрозу Кронштадту, где зимовали русские корабли при отсутствии у России линейного флота. Представители армии, не принимая во внимание доводы Колчака, настаивали, что Балтийское море имеет для германцев второстепенное значение, так как их первоочередная задача будет состоять в разгроме русской армии, а вовсе не в овладении Петербургом и всем побережьем с моря.

Колчак согласился, что Балтийский театр остается второстепенным по отношению к западному (русскому) но он, как и Пилкин с Капнистом, настаивал на том, что Балтийский театр должен быть признан самостоятельным, с подчинением флота непосредственно Главнокомандующему. В итоге совещание закончилось, так и не определив задачи ведомств в спорном вопросе.

В 1909 г. Колчак ушел из МГШ, чтобы участвовать в полярной экспедиции. Но в конце 1910 г. успев добраться только до Дальнего Востока, он был вызван вновь в МГШ чтобы возглавить I оперативный отдел (Балтийский театр). Конечно, выбор его на эту должность не был случайным. В это время русская общественность и в частности думские круги были встревожены усилением турецкого флота. Они требовали ответного усиления русского Черноморского флота. Но это грозило свести на нет всю работу и все планы по восстановлению Балтийского флота, которые Морскому министерству с таким трудом удалось наладить. Необходимо было вернуть человека, уже не раз доказавшего свою преданность Балтийскому театру и умение убеждать других в важности этого направления.

Именно Колчаку предстояло провести через Думу «Закон о флоте», предполагавший усиление в первую очередь Балтийского флота. Обосновывая необходимость решения этой задачи Колчак написал 23 февраля 1911 г. доклад о воссоздании Балтийского флота. Основное положение доклада: «Политическое значение России как великой державы создается на водах Балтийского моря»¹². В Думе за время отсутствия Колчака мало что изменилось в отношении строительства линейных кораблей для Балтийского моря — в 1909 и 1910 гг. она опять исключила кредиты на строительство линейных кораблей (правда, восстановленные Государственным Советом). «Конфликт (Думы с морским министерством, — А. Ш.) затягивался, принимал хроническую форму». Но в 1910 г. в этот конфликт предстояло как-то разрешить. К тому же Государственный Совет вследствие ошибки при составлении морской сметы не восстановил кредиты на строительство линейных кораблей. При встрече со Столыпиным весной 1910 г. члены Думы настаивали на том, чтобы уделить большее внимание усилению Черноморского флота. Начальник МГШ, однако, возражал против этого, сказав, «если у нас есть средства на постройку сверх балтийских дредноутов еще нескольких кораблей подобного типа, то их следует строить на Балтике, а не на Черном море»¹³. Думцы не соглашались с этой точкой зрения, тем более, что летом 1910 г. отправившийся в Константинополь глава октябристов А. И. Гучков убедился, что Турция действительно серьезно намерена усилить свой флот. В этих условиях снова назревали прежние тенденции в отношении Балтийского моря, и хотя Дума и Морское министерство уже как будто бы поняли необходимость прийти к соглашению для пользы дела, оно могло быть достигнуто только со сменой морского министра и переменной курса министерства.

Действительно, назначение адмирала И. К. Григоровича министром в марте 1911 г.

привело к тому, что в первые же дни отношения его с Думой наладились, и последняя наконец-таки утвердила кредиты и на балтийские линкоры, и на усиление Черноморского флота, и на погашение долгов министерства¹⁴. Вместе с тем становится понятной роль Колчака во всей этой истории: он был призван, как убежденный балтоцентрист и поборник линейного флота, спасти новую судостроительную программу от тех, которые, ратуя за усиление Черноморского флота (или по каким-либо другим причинам), считали, что строящиеся 4 линкора вполне достаточны для Балтики и, во всяком случае, там можно обойтись «оборонительным» флотом.

Еще в 1909 г. в МГШ была разработана программа развития морских вооруженных сил на 1909—1919 гг., но в связи с отношением Думы к министерству она так и не получила хода. Усиление турецкого флота с одной стороны и давление командования балтийским флотом с другой — привели к необходимости переработать программу, учитывая как нужды Черного моря, так и Балтийского¹⁵. Позиция Колчака в отношении этой новой разработки ясна из его доклада от 20 февраля 1911 года.

Приобретенный им опыт пропаганды линейного флота на встречах с членами Думы еще в 1908 г. и здесь пригодился. Исходные его позиции — те же. Германия усиливается на Балтийском море, а Россия теряет свои позиции. Ввиду того, что Германия является «наиболее вероятным и опасным противником России» и обладает линейным флотом, то нужно исходить из того, что и борьба «возможна только однородной силой, т. е. линейным флотом». Только с его помощью можно обеспечить оборону не только столицы, но и всего побережья Прибалтики и защитить правый фланг армии. Только такая морская сила обеспечит «наше политическое могущество в Финляндии и Прибалтийском крае, создавшееся исключительно благодаря Балтийскому флоту». Колчак определяет критический срок, к которому русский флот должен быть готов — 1915 год, хотя пишет, что «военно-морская политическая обстановка определяемая судостроением Германии, Австрии и Турции указывает на 1914 и 1915 годы как в высшей степени угрожающие»¹⁶. Таким образом он достаточно точно предвидел время начала войны.

«Главная цель существования вооруженной силы есть создание прочного основания для внешней политики», — писал Колчак. И не случайно его доклад в апреле 1911 г. был отпечатан типографским способом и распространен как «Объяснительная записка к программе усиленного судостроения Балтийского флота на 1911—1915 гг.». Колчак в полной мере отдавал себе отчет, что флот строится не только для обороны морских границ государства, но как проводник внешней политики, а таким проводником может быть только линейный флот — способный ходить туда, куда требуют государственные интересы.

«Закон о флоте» завяз во всевозможных комиссиях благодаря сложности его проведения, но первая и главная его часть «Программа усиленного судостроения Балтийского флота на 1911—1915 гг.» была утверждена Думой 13 июля 1912 г. Присутствовал ли Колчак на этом заседании Думы, на которое Григорович специально пригласил строевых офицеров флота¹⁷ — неизвестно; к этому времени он уже ушел из штаба и командовал эсминцем Балтийского флота. Вклад его в успешное проведение «Программы» через Думу отмечался как Григоровичем, так и Министром финансов В. Н. Коковцовым, писавшим, что докладчики Думы Савич и Звегинцов отделились от своего однопартийца Гучкова (противника ассигнований на линейный флот): «Их, да и не их одних, видимо, поколебала искусно приготовленная адмиралом Григорьевичем защита судостроительной программы с технической ее стороны целую плеядою молодых морских офицеров, привлеченных для дачи объяснений. В числе их... находился, между прочим, и капитан первого ранга Колчак»¹⁸.

Таким образом Колчак являлся одной из ключевых фигур как в возрождении русского флота, так и в русской военно-морской мысли в период между Русско-японской и первой мировой войнами. Он органически сочетал теоретические знания с практическим опытом, что позволило ему защищать и проводить в жизнь тот план восстановления флота, который, как верили он и его сослуживцы, способствует укреплению мощи Российского государства.

Примечания

1. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 703, оп. 1, д. 2, л. 46—47.
2. Резолюция С.-Петербургского морского кружка по вопросу о том, какой флот нужен России. — Морской сборник. 1908. № 2, с. 1—2.
3. Историческое заседание Государственной Думы 6 июня 1912 года. — Морской сборник. М. 1993, № 3, с. 34.

4. РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1156, л. 6об-7.
5. Резолюция С.-Петербургского морского кружка...; РГАВМФ, ф. 703, оп. 1, д. 9, л. 8.
6. КРЫЛОВ А. Н. Мои воспоминания. Л. 1984, с. 142—143.
7. ШАЦИЛЛО К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.). М. 1968, с. 57; РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 269, л. 4.
8. РГАВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 22, л. 6; д. 7, л. 16—24; ф. 418, оп. 1, д. 1543, л. 45.
9. Цит. по: ШАЦИЛЛО К. Ф. Ук. соч., с. 59.
10. РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1543, л. 36—40; Морской сборник. 1908. № 7, с. 10—16.
11. РГАВМФ, ф. 11, оп. 1, д. 65; ф. 418, оп. 1, д. 269, л. 21.
12. Там же, ф. 418, оп. 1, д. 1263, л. 48.
13. Возрождение. Париж. 20.XII. 1929, № 1662, с. 3; О настроениях в Думе см.: ШАЦИЛЛО К. Ф. Ук. соч., с. 163—201; САВИЧ Н. В. Воспоминания. СПб. — Дюссельдорф. 1993, с. 50.
14. САВИЧ Н. В. Ук. соч., с. 47—48.
15. ШАЦИЛЛО К. Ф. Ук. соч., с. 66, 70.
16. РГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1263, л. 50, 51, 60.
17. См. ШАЦИЛЛО К. Ф. Последняя военно-морская программа царского правительства. — Отечественная история. 1994, № 2, с. 162—164; ГРИГОРОВИЧ И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб. 1993, с. 89.
18. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. 2. М. 1992, с. 60—61.

Делегация Московской городской думы на Демократическом совещании (сентябрь 1917 г.)

С. Е. Руднева

Всероссийское демократическое совещание 14—22 сентября 1917 г. проходило в Петрограде в условиях политического кризиса, наступившего после корниловского путча. В нем приняли участие более 1500 делегатов, включая 500 представителей от земских и городских организаций. Городская группа, в которую входила и делегация Московской городской думы, сыграла в Совещании заметную роль.

Состав этой Думы сформировался в результате выборов, состоявшихся 25 июня 1917 года. Старое цензовое городское самоуправление уступило место городской Думе демократического состава, избранного всем населением Москвы. Победу на выборах одержали эсеры. Они получили в Думе больше половины мест, и вместе с меньшевиками располагали 70 процентами голосов. За кадетов высказалось 17 процентов избирателей, за большевиков — 11 процентов общей суммы голосов¹. Всего избирательных списков, по которым были избраны новые гласные, было пять — четыре социалистических и один «буржуазный» — партии народной свободы, включавший нескольких беспартийных². Эсерами по партийной принадлежности были также вновь избранные председатель Думы О. С. Минор и Городской голова В. В. Руднев.

Готовиться к предстоящему форуму руководство Московской городской думы начало сразу же по получении телеграфного сообщения от президиума Центрального Исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов.

Руднева Светлана Евгеньевна — аспирантка Института российской истории РАН.

В выписке из журнала Московской городской думы за № 33 от 5 сентября 1917 г. значится: «Городской голова доложил, что от президиума ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов поступило телеграфное предложение избрать восемь представителей городской думы на имеющее открыться 12 сего сентября в Петрограде Демократическое совещание».

Избрание представителей как и было намечено, состоялось 9 сентября 1917 г. на чрезвычайном собрании думы под председательством Минора, в присутствии 117 гласных, городского головы Руднева, его товарищей П. А. Бурышкина, И. Н. Коварского и С. А. Студенецкого и пяти членов городской управы, не состоявших гласными.

Руднев объявил, что им с Минором и председателем московского губернского исполнительного комитета В. А. Левицким удалось добиться увеличения числа представителей Московской городской думы в составе совещания, и теперь она может делегировать 20 представителей (вместо первоначально разрешенных Москве восьми), тогда как всем городам предоставлено 300 мест, а земствам и исполнительным губернским комитетам 200³.

Вопрос об отношении городской думы к созываемому 12 сентября Демократическому совещанию был вторым в повестке дня. Представитель фракции эсеров Д. С. Розенблюм указал, что идея созыва совещания демократических организаций неразрывно связана с вопросом о кризисе власти, который явился результатом заговора Корнилова. Представители кадетов во Временном правительстве уклонились от борьбы с мятежом, и страну спасла от гражданской войны только решительность Керенского, Скобелева и Авксентьева. Фракция эсеров желала принцип коалиции сохранить, но положить в основу ту программу-платформу, которая была оглашена Н. С. Чхеидзе на Московском Государственном совещании от имени демократических организаций. «Все те классы и слои населения, которые готовы сплотиться вокруг этой платформы, должны участвовать в создании новой революционной, демократической власти, твердой и сильной своей опорой в массах». Розенблюм отметил, что каждый раз кризис власти означал отход от революции некоторых слоев буржуазии. Корниловщина знаменовала отход значительной части торгово-промышленной буржуазии и всей землевладельческой. «Принцип коалиции всеми прошедшими событиями не подорван, раз мы продолжаем стоять на той точке зрения, что наша революция совершается в пределах капиталистического строя. Но коалиция должна ограничиться только силами, верными революции, а потому в ее рядах не может быть места кадетам. Слабость власти до сих пор обуславливалась отсутствием контролирующего органа. В революционное время, естественно, приходится на первых порах жить без парламента. Но до Учредительного Собрания придется создать представительный орган демократии, который контролировал бы власть и в то же время явился бы ее надежной опорой», — сказал в заключение представитель эсеров.

От кадетов выступил в прениях Н. В. Тесленко. Он стремился снять с партии народной свободы обвинения в содействии Корнилову, полагая, что только беспристрастный суд сможет разобраться в этом деле.

От социал-демократов интернационалистов (большевиков) выступил И. И. Скворцов-Степанов. Он пытался разоблачить кадетов, указав на роль кадетского министра П. П. Юренева, отказавшегося в решительную минуту борьбы с Корниловым выполнить поручения Керенского. Эсеры Скворцов обвинил в соглашательстве с кадетами. «Напрасно социалисты-революционеры и социал-демократы меньшевики полагают, что буржуазия способна быть революционной. Вы, социалисты-революционеры, — обращаясь к центру сказал Скворцов, — оказывали содействие контрреволюции своим бездействием. Предоставив Временному правительству отвечать лишь перед своей совестью, вы тем самым сняли с него ответственность перед демократией». Анализируя состав Демократического совещания, представитель большевиков указывал, что эсеры и меньшевики не отказывались от соглашательства. «Туда приглашены представители земств, а это означает, что туда пройдут цензовые элементы. Это попытка проташить Некрасова и подобных ему к власти. Наше отношение к Совещанию заключается в том, что бы разоблачить именно эти попытки соглашательства».

С речами выступили также гласные С. М. Зарецкая, Л. Б. Залкинд, Л. Д. Брюхатов, В. И. Яхонтов, П. И. Новгородцев, П. Г. Смидович, Л. Е. Гальперин, Ф. А. Данилов. Председатель поставил на баллотировку проекты резолюций, предложенные фракциями социалистов-революционеров, объединенных социал-демократов, с.-д. интернационалистов и партии народной свободы. Фракция меньшевиков заявила, что «присоединяясь к проекту резолюции социалистов-революционеров, находит нужным огласить проект своей резолюции, которую, не внося на голосование, просит приложить к журналу [заседания]».

Большинством 44 против 17 голосов, при 22 воздержавшихся, прошел проект резолюции, предложенный фракцией эсеров, которая доминировала в Думе⁴. В резолюции отмечалось,

что ЦИК Советов созывает совещание демократических организаций в момент, «когда измена и контрреволюция сделали угрозой самым основам нашей демократической государственности...

По мнению Думы, в данном составе и в данной исторической обстановке Совещание должно явиться представительным органом российской демократии, уполномоченным говорить и действовать от ее имени.

По основному вопросу Совещания — вопросу об организации временной центральной власти Российской демократической республики — Дума остается при прежнем, неоднократно ею высказанном убеждении, что в основу этой организации должно быть положено начало коалиции всех социальных сил, за исключением групп контрреволюционеров»⁵. К таковым резолюция относил прежде всего те группы, самое существование которых было несовместимо с развитием революции и достижением ее конечных целей, те элементы, которые так или иначе были причастны к контрреволюционному заговору, а также те, которые не отмежевались публично от заговорщиков. «Такие элементы должны быть решительно и без колебания устранены при составлении Временного правительства. Общенациональной программой, которая должна быть положена в основу деятельности центральной власти, должна считаться программа, провозглашенная декларацией демократических организаций на Московском Совещании. Только твердое и неуклонное осуществление этой программы даст возможность вывести страну из состояния хозяйственного и политического хаоса и довести ее до Учредительного собрания».

Таковы были основные положения резолюции. Как видим, приверженность идее коалиции сохранялась, но лишь коалиции определенного свойства — исключая силы, причастные к контрреволюционному заговору. Против такого условия выступили народные социалисты. Их представитель Брюхатов предложил исключить ту часть резолюции, где говорится о недопустимости включения в состав правительства тех лиц, «которые не отграничили себя в глазах широких народных масс от заговорщиков контрреволюции». Однако это предложение собранием было отклонено.

Проекты резолюций, предложенные фракциями социал-демократов интернационалистов, социал-демократов объединенцев и народной свободы большинством голосов были отклонены.

В кадетском проекте резолюции подчеркивалось, что назначенный на 12 сентября съезд демократических организаций созывается не на основе национального объединения, а на односторонней партийной основе. Вследствие этого такой съезд «не может считаться полномочным ни для организации власти, ни для определения начал, долженствующих руководить деятельностью Временного правительства; что указанная односторонность съезда будет тем более противоречить основным требованиям государственного строительства демократической России, чем более широкие и длительные полномочия съезд себе присвоит; что посягательства такого съезда на руководящее значение в Государстве являются особенно пагубными перед лицом величайших опасностей для страны от внешнего врага и от распада народа на разрозненные группы». Фракция партии народной свободы полагала, что, как представительница всего населения Москвы, Московская городская дума «не должна участвовать в означенном Совещании»⁶. Таким образом, кадетское представительство в Московской городской думе с самого начала отвергло идею однородного демократического правительства и его право на решение общегосударственных вопросов.

Фракция объединенных социал-демократов предложила проект резолюции, выдержанный в стиле дальнейшего нагнетания напряженности. Акцентировалось внимание на «корниловском заговоре против революции и свободы», обнаружившем «огромную опасность, угрожающую демократии со стороны дворянско-чиновнических и крупных буржуазных слоев населения России». В проекте резолюции отмечалось, что эта опасность «усугубляется растущим недовольством среди обездоленных масс ввиду увеличивающихся народных бедствий, ввиду наших военных поражений, ввиду надвигающихся холода и голода в тылу и на фронте. Но бедствия народа неизбежно будут умножаться и увеличиваться, потому что продолжится гибельная война, растет хозяйственная разруха, гибнут люди, гибнут силы и средства».

Четко обозначив своего классового врага, объединенные социал-демократы выражали уверенность в том, что «неминуемо должны повторять попытки вернуть свою былую власть над народом все те, которые эту власть потеряли, от землевладельцев до крупной буржуазии, от военных генералов до дипломатов империалистов». Фракция ссылалась на «весь опыт русской революции, который... показал, что участие представителей дворянско-помещичьих и торгово-промышленных классов в управлении страной только тормозило разрешение насущнейших задач революции, что движущей общественной силой революции была и есть только революционная демократия в городе и деревне, что авторитетными представительными

органами всей революционной демократии, и в том числе армии на протяжении всей революции были только советы Р., С. и К. Д.». Из анализа политической обстановки фракция делала вывод о необходимости участвовать в Демократическом совещании «с целью самой решительной борьбы против всяких попыток привлечь к власти представителей дворянско-буржуазных партий, в целях борьбы за создание революционного Временного правительства постоянными революционными органами демократии — Советами Р., С. и К. Д. и перед ними ответственного в лице их съездов и ЦИК».

Созданное на таких началах Временное правительство должно было, по мнению объединенных социал-демократов, обеспечить трудовой народ топливом и продовольствием путем проведения ряда «демократических» мероприятий, «реквизируя для этой цели наличные у помещиков и торговцев запасы, сократить печатание бумажных денег, перейти к принудительным внутренним займам и к достаточному для нужд страны обложению капитала». Вновь созданное Временное правительство должно было также «специальным декретом незамедлительно обеспечить переход всей земли к народу», «неуклонно и настойчиво вести борьбу с контрреволюцией, прекратить поход против революционной печати и против революционных организаций, немедленно освободить жертвы выступлений 3—5 июля, отменить смертную казнь и провести до конца демократизацию армии».

Третий проект резолюции Московской городской думы был предложен фракцией социал-демократов интернационалистов (большевиков). Эта фракция отказывала в поддержке Временному правительству, освободившему себя, по их мнению, «от всякой ответственности перед органами революционной демократии и от их контроля». В предложенном ею проекте говорилось, что «выход из теперешнего кризиса способна дать только действительно революционная власть, созданная органами революционной демократии, ими направляемая, перед ними ответственная и им подконтрольная. Содействовать созданию такой внутренне однородной сильной революционной власти может только Совещание, составленное из представителей организаций пролетариата, солдат и революционного крестьянства».

В целом, резолюция фракции социал-демократов интернационалистов (большевиков) содержит много общего с аналогичным документом объединенцев. И те и другие считали, что в основу деятельности революционной власти пролетариата и беднейшего крестьянства должны быть положены установление демократической республики, немедленное предложение народам воюющих государств всеобщего демократического мира, немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведование крестьянских комитетов вплоть до решения Учредительного собрания, организация рабочего контроля в государственном масштабе над производством и распределением, прогрессивное обложение крупных капиталов и имущества и конфискация военных прибылей».

Однако, по мнению социал-демократов интернационалистов, претворить перечисленные требования в жизнь было «возможно лишь при полном разрыве с политикой соглашения и примирения с буржуазией и при решительной борьбе широких народных масс за власть».

Проект резолюции, поданный меньшевиками, как уже отмечалось, не ставился на голосование, но приложен к журналу заседания. Проект констатировал слабость центральной власти: «В этот острый момент, когда русская армия осталась без верховного командования перед внешней опасностью, когда с часа на час могла начаться кровопролитная гражданская война, не оказалось в Российской республике государственной власти, которая сумела бы твердой и властной рукой повести борьбу с контрреволюционными силами, объединить вокруг себя всю демократическую Россию, укрепляя в широких народных массах веру в силу государственной власти и в способность ее защищать добытую народом свободу. Временное правительство оказалось в этот момент парализованным».

В резолюции отмечалось, что Советы и примыкающие к ним организации в центре и на местах, а также вновь избранные демократические самоуправления положили предел корниловской агитации. «Для спасения государства местные органы самоуправления С. Р. С. и К. депутатов заменили собой государственную власть Временного правительства. (Такое положение не может быть терпимо в будущем. Уроки истории должны быть учтены во избежание распада государства.)». Меньшевики находили более невозможным привлечение буржуазных классов и групп к управлению государством. «Участие представителей этих классов и групп (партии к.-д. и торгово-промышленных организаций) во Временном правительстве, подрывая доверие широких народных масс к государственной власти, ведет страну к анархии. Твердо и неуклонно осуществлять программу 8 июля, как это необходимо для спасения страны и революции, может лишь Временное правительство, составленное из представителей революционной демократии и примыкающих к ней демократических слоев, решительно отмежеввавшихся от корниловщины и ее политических вдохновителей».

Фракция меньшевиков отмечала в проекте резолюции, что до Учредительного собрания Временное правительство должно быть ответственным перед временным революционным парламентом, составленным из представителей Советов, а также городских и земских органов местного самоуправления, профессиональных союзов, кооперативов и других демократических организаций.

Приняв за основу эсеровский проект резолюции, дума выразила тем самым свою приверженность умеренной, центристской политике, отмежевываясь равно как от партий крайне правого, так и крайне левого спектров. Принципиальным положением в документе, принятом Московской городской думой, оставалась приверженность к идее коалиции (за исключением контрреволюционных групп) в вопросе организации власти.

На этом второй вопрос повестки дня был исчерпан и председатель предложил перейти к избранию 20 представителей Городской думы в Демократическом совещании.

Гласный Н. И. Астров заявил, что «фракция народной свободы участия в избрании принимать не будет, так как полагает, что Московская городская дума, как представительница всего населения г. Москвы, не должна участвовать в означенном совещании, составленном лишь из представителей отдельных групп демократии».

После этого дума единогласно постановила избрать в состав Совещания 12 эсеров (В. В. Руднева, О. С. Минора, В. И. Орлова, В. Я. Безель, В. С. Морозова, Л. М. Арманд, Е. М. Ратнер, М. С. Аносова, А. П. Гельфгот, Н. И. Артемьева, А. В. Владимирова, В. Ф. Сахарова), а также народного социалиста Л. Д. Брюхатова, трех меньшевиков (С. М. Зарецкую, А. Ф. Девяткина, В. И. Яхонтова — от оборонцев, объединенцев и от группы «Утро»), четырех большевиков (В. Н. Подбельского, Г. А. Усевича, позднее замененного на И. П. Бондаренко, С. С. Белорусова, И. Е. Фрадкина)⁷. 11 сентября Минор обратился к комиссару Временного правительства по г. Москве Н. М. Кишкину за разрешением на выезд делегатов из Москвы в Петроград с правом возвращения. В итоге разрешение на поездку в Петроград было выдано 21 лицу⁸.

На третий день работы Демократического совещания от городской группы выступил московский городской голова Руднев. Он отметил, что величайший в России муниципалитет образовался путем всеобщих выборов и вся его деятельность основана на принципах коалиции элементов трудовых и буржуазных — без различия партий. «В этой же плоскости следует рассматривать и деловую работу правительства. Совершенно немислимо, чтобы вся ткань органической и хозяйственно-правовой жизни на местах была построена по принципу коалиции, а чтобы центр, организующий и регулирующий всю эту жизнь на местах, был построен по другому принципу. Вне этого дальнейшее движение революции невозможно». По мнению Руднева, в вопросе об организации власти могут существовать лишь две последовательные точки зрения: одна, заключающаяся в коалиции для данного момента с представителями прогрессивной буржуазии, а другая — власть Советов. Вопрос о партии кадетов, сказал он, является частно-политическим эпизодом. Практический вывод из решения Совещания по поводу одного из этих вариантов решения вопроса о власти должен сделать тот орган, который останется после Демократического совещания. Из опыта общения с народом Руднев вынес заключение, что со времени событий 3—5 июля и погрома на галицийских полях широкие обывательские слои отходят от линии поведения, которая была намечена Советами. Это обстоятельство революционная демократия должна учесть, потому что страна его уже ушла. Если эта линия поведения будет положена в основу организации центральной власти, то произойдет разрыв между отрядами демократии и более широкой обывательской массой. Такой разрыв привел бы к роковым для революции последствиям. Таким образом, в своем выступлении на Демократическом совещании Руднев акцентировал основное внимание на необходимости сохранения принципа коалиции, т. е. отстаивал стратегическую линию, выработанную на собрании Московской городской думы 9 сентября, посвященном подготовке к участию в Демократическом совещании. Он утверждал, что на местах нет такого страстного политического настроения, которое господствовало в зале Александринского театра (где прошло Совещание), а в деловой работе коалиция необходима как на местах, так и в центре⁹.

Председатель Московской городской думы Минор выступил на четвертый день работы Демократического совещания. Он убеждал собрание, что без кадетов, цензовиков и других элементов, «которые нам, социалистам, являются враждебными как класс», социалистическое правительство проживет не дольше коалиционного. Разумеется, сказал Минор, коалиция с представителями крупного землевладения невозможна. Но он не рекомендовал изолироваться от капитала, занятого в области промышленности и торговли: «Я не знаю, как вы будете в капиталистическом обществе совершать дальнейший процесс своего развития... Без коалиции вы не обойдетесь. Отрицание коалиции в лучшем случае может привести к уличной борьбе».

На совещании городской группы, проходившем 18 сентября, под председательством председателя Петроградской городской думы А. А. Исаева, также выступал Минор. Будучи сторонником коалиционного предпарламента, он настаивал на необходимости привлечь в него представителей ученых обществ и учреждений, так как Демократическое совещание показало, насколько революционная демократия бедна действительно культурными силами¹⁰.

Итак, руководители Московского городского общественного управления на Демократическом совещании отстаивали позицию умеренной части социал-демократии, выступали за сохранение коалиционного принципа организации власти. Они полагали, что в практической хозяйственной жизни необходима добрая воля и стремление к сотрудничеству представителей всех социальных слоев общества. Крайний политический радикализм для такой работы был, по мнению Минора, Руднева, абсолютно разрушителен.

Примечания

1. КАРЖАНСКИЙ Н. С. Как избиралась и работала Московская городская дума. М. 1950, с. 42.
2. БУРЫШКИН П. А. Москва купеческая. М. 1991, с. 308.
3. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 179, оп. 21, д. 3757, л. 1, 3, 22; Известия Московского Совета рабочих депутатов, 10.IX.1917.
4. Известия Московского Совета, 10.IX.1917.
5. ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 3757, л. 3об.
6. Там же, л. 3—4.
7. Там же, л. 4—5. В списке эсеровских делегатов кандидатура Е. М. Ратнер была заменена на М. Н. Рабиновича. Но 14 сентября гласной Ратнер также было выдано официальное уведомление в том, что она действительно является представителем Московского городского управления на Демократическом совещании. Рабинович же числился заместителем представителя (там же, л. 19).
8. Список гласных Московской городской думы на 1917—1918 годы. Приложение к № 89 Ведомостей Комиссариата московского градоначальства; Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), ф. 8654, оп. 1, д. 1343, л. 18, 19, 21. Список кандидатов в гласные городской думы и депутаты Моссовета от фракций большевиков за 1917 год.
9. Известия, 18.IX.1917; Самоуправление, 1917, № 9, с. 15.
10. Известия, 19.IX.1917; Самоуправление, 1917, № 9, с. 17.

Семен Иванович Шаховской-Харя

Л. Е. Морозова

Начало жизненного пути не предвещало князю Семену никаких особых несчастий и сложностей в будущем. Он происходил из знатного и древнего рода, предком которого был Рюрик, владел значительными богатствами, доставшимися от родителей (обширные вотчины под Москвой и Галичем). Прозвище «Харя», видимо, было дано князю для отличия его от других многочисленных Шаховских. В то время оно, скорее всего, намекало на его склонность к церковному писательству и происходило от слов «хартия», «харита» — крюковой знак. Придворную карьеру Семен начал при царе Василии Шуйском в 1606 г. в должности стольника, вполне почетной для его молодого возраста (например, в должности стольника был знаменитый полководец Дмитрий Пожарский). Ни в каких порочащих его связях с только что свергнутым Лжедмитрием I он замечен не был, поэтому казалось, что служба будет вполне успешной. Вскоре молодой стольник получил назначение под Елец и поехал туда для борьбы с восставшими Северскими городами. Тут на него внезапно обрушилась опала. В автобиографии Шаховский писал, что царь Василий не сказал ему никакой вины, но велел с приставом отправиться в Новгород «в мор», то есть во время свирепствовавшей там эпидемии¹.

Хотя сам Шаховской полагал, что пострадал безвинно, исследователи его биографии высказали предположение, что причиной опалы были родственные связи с Г. П. Шаховским («главным заводчиком» новой авантюры с Лжедмитрием), который бежал из Москвы с государственной печатью и распускал всюду слухи о чудесном спасении царя Дмитрия. Семен Иванович был племянником смутьяна, поэтому царь заподозрил его как соучастника новой смуты².

К счастью для себя до Новгорода князь Семен доехать не успел. По дороге он получил указание — ехать к себе в деревню до нового распоряжения. Очевидно, никаких свидетельств вины С. И. Шаховского не обнаружилось, но на всякий случай подозрительный царь Василий решил его изолировать.

Так, Семен Иванович безвинно пострадал в первый раз, став жертвой политических баталий Смутного времени. Два года прожил он в своей вотчине, и только в 1608 г. царь Василий разрешил ему вновь появиться при дворе. Ситуация в Москве в это время сильно изменилась. Под стенами столицы в Тушино стояло войско нового Лжедмитрия, многие бояре и дворяне превратились в «перелетов», служа то одному царю, то другому, получая от каждого богатые пожалования.

Трон под Василием Шуйским шатался, поэтому он готов был приблизить к себе любого, даже опального князя Семена, лишь бы тот встал на его защиту. Два года С. И. Шаховской честно оправдывал доверие царя и мужественно сражался с его недругами на Ходынском поле, потом под стенами Троице-Сергиева монастыря, способствуя снятию 16-ти месячной его

Морозова Людмила Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

осады. Но отвага, бесстрашие и преданность князя Семена не были оценены по достоинству коварным и подозрительным Шуйским. Поэтому в самом начале 1610 г. «в великий мясоед» Шаховской изменил царю и перешел на службу к самозванцу. Но в Тушинском лагере он пробыл недолго, убедившись в бездарности и полной ничтожности нового Лжедмитрия.

В это время среди многих русских дворян вынашивалась идея посадить на московский престол польского королевича Владислава. Она показалась правильной и князю Семену: королевич представлялся более достойным царского титула, чем явный самозванец или злобный старик Шуйский, — он был молод, происходил из королевского рода; его избрание примирило бы две страны и покончило бы со Смутой на Руси. Поэтому в феврале 1610 г. Шаховской отправился к польскому королю Сигизмунду и даже получил от него поместья. Король имел свои виды на русский престол и щедрыми пожалованиями пытался привлечь на свою сторону русскую знать.

Но очень скоро многие русские люди поняли, что союз с поляками может привести только к потере независимости и разграблению страны. Вместе со всеми прозрел и князь Семен. Он покинул ставку короля в Смоленске и поехал в Новгород. Однако и здесь он оказался в гуще трагических для России событий — захвата Новгорода шведами. В автобиографических записках Семен Иванович отмечает: «И я, князь Семен, на том новгородском взятии был»³. Теперь перед ним, как и перед многими русскими людьми, встали вопросы: Куда податься? Что делать? Ответ пришел из-под Москвы. Там собиралось народное ополчение для борьбы с поляками и очистки столицы от их войск. Князь Семен присоединился к патриотам и по назначению руководителей ополчения поехал «походным воеводой» в Торопец, на границу с Литвой.

В Москву Шаховской вернулся в феврале 1613 г. во время избрания нового царя Михаила Федоровича Романова. С тех пор он стал служить «верой и правдой» молодому царю. В течение двух лет постоянно был в военных походах, дважды ранен: то на юге бился с войсками И. Заруцкого и М. Мнишек, то на севере — с «воровскими казаками», то на западе — с отрядами поляков. За эти годы умерла его горячо любимая жена Матрена, на которой князь хоть и был женат три года, но «лишь очами видел» из-за постоянной ратной службы. Эта утрата и ранения подточили здоровье Шаховского, и он стал проситься на отдых, написав в челобитной царю, что «заволочен со службы да на службу»⁴. Однако в правительстве просьба князя вызвала возмущение: страна лежала в развалинах, польский и шведский короли готовились к новым походам на Русь. Отдыхать в это время мог только враг отечества. И как враг Семен был сослан на Унжу, на далекий Север. Опять ситуация в стране трагическим образом сказалась на судьбе Шаховского.

В 1616 г. ссылку заменили назначением воеводой в далекий Ядрин. Только в августе 1618 г. смог опальный князь вернуться в Москву. Осенью он участвовал в защите столицы от нашествия войск королевича Владислава, пытавшегося теперь уже силой сесть на русский престол, и вместе с князем Прозоровским стоял за Язуой⁵. На этот раз польский претендент уже не нашел поддержки в русском обществе и бесславно вернулся на родину.

После этого Шаховской был окончательно прощен царем Михаилом и весной 1619 г. отправлен полковым воеводой в Пронск против татар.

В перерывах между походами князь Семен пытался наладить свою семейную жизнь. Женился второй раз на девушке Настасье. (К сожалению, данных о происхождении жен князя нет). Только полтора года дарила она ему счастье и умерла, не успев оставить мужу даже ребенка. Такой же недолговечной оказалась третья женитьба — на Татьяне, которая умерла через 19 недель после свадьбы во время Пронского похода мужа. Что послужило причиной смерти жен Шаховского — неизвестно. Возможно, что тяготы Смутного времени не только уносили жизни воинов, но и подтачивали здоровье молодых женщин.

В итоге, в достаточно молодом возрасте, чуть более 30 лет, Шаховской оказался один, без жены и детей-наследников. Если бы продолжалась война, он мог бы посвятить себя ратной службе. Но к этому времени поляки и шведы были отогнаны, Заруцкий разгромлен, казаки усмирены. Страна вступала в полосу относительно мирной жизни. Князь мог постричься в монахи, но это его не прельщало. Поэтому он решил пренебречь церковными законами и женился в четвертый раз на молодой девушке. Брак оказался удачным, и вскоре в семье появилось на свет трое сыновей.

Однако князю Семену не суждено было стать счастливым. Сам патриарх Филарет обрушился на него с нападками за блуд и грехопадение в связи с четвертой женитьбой и грозился признать сыновей незаконнорожденными. В оправдание Семен писал, что «умершу ми трем женам в маловременной родине и ни со единою довольно пожих, толко очима своима видех и»⁶.

К этому несчастью подоспело и второе — царская опала за родственные связи с несколькими проштрафившимися Шаховскими: Матвеем, Афонасием, Андреем и Иваном. Вина их заключалась в том, что на вечере у одного из своих приятелей И. Бочкина князя устроили шутовское представление, состоявшее в том, что князя Матвея они провозгласили царем, а остальных — его боярами. В то время даже в шутку нельзя было принимать на себя царский сан, поэтому братьев Шаховских приговорили к смертной казни. Князя Семена обвинили в укрывательстве преступников, хотя он уверял, что ничего не знал о шутовском представлении, так как и в Москве в то время не был. Началось следствие, которое шло достаточно долго. Выяснилось, что особо важными преступниками братья Шаховские не были, поэтому их лишь сослали «в понизовые города по тюрьмам». Семена же почему-то лишили всего имущества и посадили в тюрьму, но потом сослали в Тобольск, где он пробыл в 1621 по 1622 год. До нас дошли письма Шаховского этого периода к Д. М. Пожарскому, которого он просил о помощи и заступничестве. Некоторые исследователи полагают, что в Тобольске князь Семен работал над Сибирской летописью, ставшей источником для Есиповской и Строгановской летописей⁷. Однако первые сведения о Сибири скорее всего были записаны Киприаном, первым тобольским архиепископом, составившим потом Новый летописец.

В тюрьме, судя по всему, Шаховской написал свое первое крупное произведение — «Повесть известно сказуема в память великомученика благоверного царевича Дмитрия». Тема была выбрана неслучайно. Царевич Дмитрий был сыном седьмой жены Ивана Грозного. По церковным законам он — дитя блуда — должен быть объявлен незаконнорожденным. Однако его провозгласили святым. По аналогии не могли считаться незаконными и дети самого князя Семена, которые появились на свет только от четвертой жены. Эта главная мысль подробно развита в «Повести». Шаховской писал, что никто не порицал многобрачие царя Ивана, тем более, что «от него изыде Божий страдалец и мученик». Из этого он делал вывод: «Не осудится бо всяк, родившийся от многобрачия». На ребенке не могут лежать родительские прегрешения, не может быть грехом и многоженство. Для доказательства этого автор приводил многочисленные примеры из Библии Ветхого завета.

Все эти рассуждения и примеры нужны были Шаховскому, чтобы доказать законность своего четвертого брака и отсутствие греха на себе и своей жене. Поэтому, возвращаясь к теме царевича Дмитрия, он писал: «И како может быть святой от беззаконных родителей?». Ни дети, ни родители в этом случае не могут считаться греховными⁸. Очевидно, что в деле защиты своего брака и детей князь Семен преуспел, так как его дети были признаны его наследниками и впоследствии успешно служили при царском дворе.

Активная позиция Шаховского в защите своих прав выразилась и в ряде соображений относительно власти царя, высказанных в «Повести». Так, он писал, что власть царя только тогда крепка, когда она строится на основе Божьих заповедей. Если же бесы служат подручниками гордыни царя, сам он творит зло, верит лжи, придает мучительству своих подданных, «смерти горькой сподобляет», то за все это он получает от Бога наказание и даже казнь. В качестве примера Шаховской использовал правление Бориса Годунова. Вполне возможно, что данными высказываниями автор намекал на свое безвинное осуждение и предостерегал царя Михаила от скоропалительных решений по поводу наказания подданных.

Тема наказания царя за преступления была продолжена в другом произведении — «Повести о некоем мнисе». В ней на примере истории о Гришке Отрепьеве было показано, как Бог отомстил царю Борису за убийство царевича Дмитрия. Сами события мало интересовали князя Семена, поэтому всю фактическую основу для данной повести он заимствовал из сочинения своего родственника И. А. Хворостинина «Словеса дней и царей». Главное для него — показать неотвратимость наказания царям за преступления против своих подданных, а также за убийства, совершенные ради власти⁹.

Сочинения Шаховского показывают, что он был хорошим знатоком Священного писания и церковной истории и не желал слепо подчиняться уставлениям русских иерархов. Защищая свою семью, он обвинял в неправоте даже патриарха Филарета. Критиковал он и царей, которые за злое и бессмысленное мучительство своих подданных получали жестокое наказание от Бога. Правда, в качестве примера он достаточно осторожно использовал лишь правление Бориса Годунова, особо нелюбимого новой династией.

В целом повести Шаховского — не обычные литературные творения. Они остроупубличистичны и написаны автором для защиты своих прав на семью и справедливый суд. Князь Семен не желал безропотно подчиняться всем ударам судьбы и, как мог, противодействовал им. В свою защиту и с просьбами о помощи он написал несколько посланий к влиятельным людям. Так, в послании к бывшему тобольскому архиепископу Киприану, ставшему митрополитом Крутицким, он писал о себе: «Четыре года гоним и прогоним и всячески озлоблен и расхищен в нищете и убожестве» без всякой своей вины.

Литературные труды князя, высоко ценимые на Руси, ходатайство Д. М. Пожарского и Киприана сыграли положительную роль. В 1625 г. Шаховской вновь оказался в Москве. Здесь он был введен в число книжников патриарха Филарета и занялся литературным трудом. Написал письмо персидскому шаху, в котором от лица Филарета убеждал его принять православие. В «Повести о пожаре 1626 г.» описал это страшное стихийное бедствие. К этому же времени относится, видимо, переделка Шаховским сочинения Хворостинина о Смутном времени, очевидно, незаконченного, поскольку в одном и том же 1626 году появилось несколько редакций этого труда: Повесть Катырева-Ростовского, Рукопись Филарета и Хроника Шаховского¹⁰. В своей редакции князь Семен снова выразил мысль о том, что цари не должны жестоко расправляться со слугами, которые даны им от Бога. За несправедливое наказание подданных Бог накарает самих царей. Эти утверждения не были чем-то новым в русской публицистике. Наиболее отчетливо они выражены в посланиях Ивану Грозному А. Курбского (дальнего родственника князя Семена), в сочинении И. Хворостинина. Шаховской их повторил и развил на новых примерах из эпохи смуты, поскольку постоянно был вынужден защищаться от несправедливой опалы.

Благодаря своей активной литературной деятельности князь Семен получил полное прощение и был вновь восстановлен на царской службе. В 1628 г. — послан в Енисейск, где пробыл до 1631 г., затем назначен в Тобольск, в то время главный город Сибири. В Москву он вернулся лишь в августе 1632 г., когда здесь заканчивались приготовления к новой русско-польской войне.

В 1633 г. после смерти патриарха Филарета все родственники князя Семена Шаховские были прощены. Им предлагалось хорошей службой покрыть свои вины. Семен Иванович был послан на войну с поляками, а после ее неудачного завершения ему даже поручили вести дипломатические переговоры с Речью Посполитой, особенно важные для России. Они оказались довольно успешными, так как удалось окончательно убедить Владислава, теперь уже польского короля, отказаться от притязаний на русскую корону.

В 1638 г. С. И. Шаховского назначили воеводой в Крапивну, где он должен был вместе с князем С. Гагиным выступить против крымцев. Но князь Семен затеял местнический спор и в итоге был наказан — в феврале 1639 г. его даже посадили в тюрьму. Затем его направили воеводой на Терек, где он находился до 1642 года. Служба в отдаленных городах не была постоянной. Временами князь Семен возвращался в Москву и служил «за государевым столом».

В конце 1643 г. Шаховскому была вновь поручена важная дипломатическая акция — встретить датского королевича Вольдемара, жениха царевны Ирины, старшей дочери царя Михаила Федоровича. Эта встреча должна была состояться в Твери. Оттуда следовало сопроводить именитого гостя в Москву.

Очевидно, князь Семен близко познакомился с королевичем, поскольку позднее, когда возникла сложность с вероисповеданием Вольдемара (он был лютеранином и отказывался перейти в православие), королевич советовался с ним по этому вопросу. Семен Иванович написал для Вольдемара послание, в котором советовал ему не перекрещиваться «в три погружения», а лишь проклясть свою веру и принять православный символ веры. Этот совет явно противоречил желаниям царя Михаила, который непременно хотел перекрестить Вольдемара, не соглашаясь без этого на его брак с дочерью.

Послание князя Семена было резко осуждено и за то, что он «пристал к королевичу», его сослали на воеводство в далекую Колу, где он пробыл до 1646 г., затем переведен в Устюг Великий, потом — в Сольвычегодск. После недолгого пребывания в галицкой вотчине его вернули в Москву, где в 1649 г. началось новое разбирательство по делу королевича Вольдемара. Боярская дума решила, что в деле королевича Вольдемара Шаховской дошел до смертной вины. В документах судного дела было записано следующее: «Как был на Москве дацкой королевич Вольдемар, и ты, забыв Бога и святую православную христианскую веру и потом государево крестное целование, пристал к королевичу и с своими советами во всем ему добра хотел и безпрестанно мыслил и делал еретическое и богомерзкое дело, и говорили многжды, и в письме своем написал, что мочно королевичу ходити в святую церковь некрещену и еретика люторской веры приобщить к православным христианам»¹¹.

Вина Шаховского заключалась в том, что он «хотел добра» королевичу, который должен был стать мужем царской дочери, и пытался найти компромиссное решение сложного вопроса о крещении Вольдемара. Если бы царь Михаил прислушался к совету князя Семена, то проблема могла бы быть успешно решена. Однако царь счел совет неблагим, наказал Шаховского, а намечавшийся выгодный для России брак не состоялся.

В результате нового разбирательства о послании Шаховского Вольдемару бояре вновь

приговорили князя к смертной казни за «еретичество и великое воровство». Ему было велено написать завещание и было отказано в причастии. 4 января 1649 г. на Пожаре была сооружена плаха, на которую возвели несчастного князя Семена. Должна была состояться его казнь, но вдруг от царя Алексея Михайловича прискакал гонец и объявил, что казнь заменяется ссылкой в Томск¹². Ее на этот раз Шаховской воспринял с радостью.

На 1649 г. заканчиваются автобиографические записки Шаховского. Но, очевидно, из Сибири он вернулся в Москву, так как сохранились его письма от 1653 г. к Симону Азарьину, известному троичному писателю. В них он писал о пожаре в его вотчине, остановленном иконой Сергия Радонежского. Симон в это время писал книгу о чудесах Сергия Радонежского и, видимо, собирал о них всевозможные сведения.

К концу жизни Шаховской стал очень набожным человеком. Постоянно возил с собой икону Сергия Радонежского, которого считал своим покровителем. Именно ему он приписывал свое чудесное спасение во время сильной бури на море, когда ему пришлось переправляться из Колы в Архангельск. В честь этого святого писатель создал ряд церковных сочинений. Все свои труды на церковную тематику он собрал в один сборник, достаточно внушительный по объему. В него вошло 27 произведений и 26 молитв. В числе сочинений писателя ныне известны: стихеры в честь святых митрополитов московских Петра, Алексея и Ионы, «Повесть о перенесении ризы Спаса от шаха Аббаса», «Слово похвальное святым Прокопию и Иоанну Устюжским», «Послание некоему другу, зело полезно о божественных писаниях», стихотворная эпистолия князю Д. М. Пожарскому, Моления к патриарху Филарету, к митрополиту Киприану и др., молитвы-заговоры. Интересна его молитва о семье: «Помилуй, Господи Царю, // И сохрани жену мою, // Аще и незаконно поях ю, // И чада моя, // Еже еси даровал, // Призре мои согрешения»¹³.

Частые опалы, обрушивающиеся на Шаховского, вызывали сочувствие и удивление его современников. Один из них так писал князю Семену: «По благодарному дару, могущему в бедах утешати, от благоразумия твоего насладитися хошу, христоподобной любви твоей ишу. Еже имаши и вино словом Божиим разтворенное, сим напои мя. Шествия твоя права по добродетельному ти пути слышу. Ты был в опале, тепер — в чести. Еже часто светоподобная писания твоя прочитати, благолепный разум, братолюбие... Ибо аз слышах тя прежде скорбная претерпевша. Честь же достоинства твоего всех разумевша не погубивша. Юже по печал ей тризне терпения мзду приял еси. Философию Божия помощи, мню, сию стяжал еси»¹⁴.

Дьяк Т. Васильев называл Шаховского исключительно благочестивым человеком, «предивным, шествующим путем правды, и немало разумеющим божественного писания, и приемшим по дару Божию много здравого учения»¹⁵.

К нему обращались многие известные люди с вопросами о вере, именно Семену Ивановичу поручал патриарх Филарет написать послание персидскому шаху по вопросу о принятии православия. И в то же время именно Шаховского обвинили в еретичестве и за это хотели подвергнуть смертной казни. Таково было сложное и противоречивое послесмутное время, постоянно вторгавшееся самым трагичным образом в судьбу князя-писателя.

Сочинения Шаховского глубоко религиозны, по форме напоминают богословские трактаты, содержат религиозно-нравственные поучения. В то же время в них видна активная жизненная позиция автора, выступавшего в защиту своих человеческих прав на семью, праведный суд и справедливость. Это, очевидно, и вызывало негативное отношение к нему со стороны властей, которые в послесмутное время старались всячески упрочить свое положение. За непокорство и достаточно смелые высказывания в свой адрес они ссылали писателя подальше «с глаз долой»: то в далекую Сибирь, то на крайний Север, то на беспокойный Юг. За 50 лет службы вряд ли наберется у князя спокойных десятков лет. Но в ссылках он не предавался отчаянию, а активно занимался литературной деятельностью, вел переписку с известными людьми своего времени. В итоге получилось, что жизнь Шаховского оказалась самым тесным образом связанной с судьбой страны, со многими важнейшими событиями того времени.

Примечания

1. Московский вестник за 1830 г. Ч. V, с. 62—63.
2. ПЛАТОНОВ С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб. 1888, с. 232.
3. Московский вестник, с. 63—64.
4. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 234.
5. Московский вестник, с. 65.
6. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 234.
7. СЕРОВА И. Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей. В кн.: Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. 1988, с. 37—38.
8. Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб. 1909, стб. 838—844, 843—849.
9. Там же, стб. 853—857, 863.
10. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 236; СЕМЕНОВА Е. И. Исторические произведения С. И. Шаховского. В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л. 1983.
11. ГАЛЬЦОВ В. И. Сведения о С. И. Шаховском в Описи Архива Посольского приказа 1673 г. В кн.: Археологический ежегодник за 1976 г. М. 1977, с. 79—80.
12. ПЛАТОНОВ С. Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л. 1925, с. 95—96.
13. Государственная национальная библиотека, Отдел рукописей, ф. 173, № 213 и 214; БЫЛИНИН В. К. Небольшой фрагмент из русской поэзии начала XVII в. Памятники культуры. Новые открытия, с. 34—36; СЕМЕНОВА Е. И. Об источнике «Повести преславной» С. Шаховского. — ТОДРЛ. Т. 39. Л. 1985, с. 335—340; ГОЛУБЕВ И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРЛ. Т. 17. М.-Л. 1961; КУКУШКИНА М. В. Повесть о пожаре 1610 г. в Великом Устюге. — Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги библиотеки АН СССР. 1985. Л. 1987, с. 176.
14. БЫЛИНИН В. К. Стихотворное послание князя к князю. В кн.: Литература и искусство в системе культур. М. 1988, с. 228.
15. ПЛАТОНОВ С. Ф. Древнерусские сказания, с. 239.

Страницы из истории подмосковного Царицына

И. Н. Сергеев

Деятнадцатый век в истории Подмосковья отмечен немецким паломничеством в Царицыно. Началось это паломничество после войны 1812 года. Немцы как союзники в войне против Франции получили определенные льготы в России. Немецкое влияние на русскую культуру стало проявляться еще в XVIII в., когда Екатериной II были изданы два манифеста: «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» (1762 г.) и «Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правам» (1763 г.).

В Россию начали переселяться жители различных областей Германии. Основными причинами массового переселения немецких крестьян можно считать малоземелье на родине, высокие подати и налоги, войны, голод, притеснения со стороны местных властей, в ряде случаев — гонения за веру. Одновременно с крестьянами в Россию стали переселяться представители немецкой науки и культуры, нашедшие для своих занятий «свободные ниши» в городах России. Они стали преподавать различные предметы в учебных заведениях России и открывать собственные учебные пансионаты для подготовки дворянских детей к поступлению на учебу в высшие учебные заведения России и в заграничные университеты. Передавая русским юношам нравы добропорядочности, педантичности и прилежания, они, несомненно, внесли свой значительный вклад в историю культуры России. Так, находившийся в немецкой слободе пансион профессора Московского университета немца Шадена воспитал для России историка Н. М. Карамзина. Здесь он проучился около четырех лет и приобрел довольно обширные знания по русской истории, литературе, в совершенстве овладел французским и немецким языками.

Отгремела война 1812 года. В газете «Московские ведомости» было опубликовано объявление: «Экспедиция Кремлевского Строения извещает Почтеннейшую Публику: 1-е, что в Царицыне можно гулять повседневно, ибо сад приведен уже в первобытное состояние. 2-е, позволяется по правую сторону пруда гулять на дрожках, в линейках и верхами, но не иначе как по назначенным колушками местам, на которых предполагается быть деланным дорогам. 3-е, что в Царицыне по-прежнему имеется кофейный дом, в котором за умеренную цену можно иметь завтрак, обед и ужин, равномерно кофе, шоколад, чай и прочие позволительные напитки, также фрукты и разного рода конфеты, сверх того содержатель кофейного дома обещает иметь по воскресным дням музыку. 4-е, желающим привозить с собою кушанье, или припасы для стола, позволяется по примеру прошедших годов в имеющихся в саду кухнях разогревать и приготовить себе кушанье и вместе с сим не возбраняется, буде кто пожелает, привозить с собою и свою вокальную или инструментальную музыку. 5-е, равномерно дозволяется, кто пожелает, зжечь фейерверк, но о месте сего спросить наперед у тамошнего

смотрителя, и 6-е, сим объявлением подтверждается, что в Царицыне имеются целые дома и порознь комнаты для найма за умеренную плату». Это же объявление было напечатано и по-немецки. Тем самым отдавалась дань немцам как союзникам в войне 1812 года. Немцам Царицыно понравилось. Они до 1914 г., до начала первой мировой войны, любили отдыхать здесь. После постройки в 1868 г. Московско-Курской железной дороги Царицыно приобретает еще большее значение как дачная местность. Здесь появляются частные заведения, о чем свидетельствуют «Оценочные ведомости на промышленные помещения» 1877 г., составленные старшиной Царицынской волости Ф. Клоповым в присутствии сельского старосты С. К. Волчкова. Из этого документа мы узнаем, что в 1875 г. немец провизор К. Ф. Фарбрихер в деревянном строении, крытом железом, открывает первую в Царицыне аптеку, стоимостью в 1 тыс. руб., с доходом 190 руб. в год, не подлежащую платежу земского сбора¹.

В следующем, 1876, году гессен-дармштадтский подданный К. Шиндель открывает первую в Царицыне фотографию. Впоследствии его сменяет М. О. Световидов, живший внизу, у старого кладбища, которое местные старожилы называют немецким. В 1899 г. в Царицыне проживали: Вебер А. Ф., жена гессен-дармштадтского подданного; Дипман Б., саксонский подданный; Кемпфе В. Ю., прусский подданный; Котц М. К., австрийская подданная; Риш К. И., швейцарский гражданин.

Летом 1903 г. газета «Московский листок» сообщала: «Царицыно, как ведомо всем, замечательно развалинами древнего дворца, роскошными прудами и обилием немцев. Оно с давних пор сделалось подмосковною немецкой колонией, и когда вы попадаете на царицынскую почву, вам кажется, что вы заглянули в какой-то германский уголок. Царицыно — одно из старинных дачных мест — давно уже обзавелось всеми необходимыми атрибутами дачных развлечений: танцевалкой, детским кругом, театром и рестораном, который содержит немец Балтазар Дипман. Дачники-немцы посещают ресторан охотнее, чем танцевальные вечера»².

В начале XX в. обрусевшими немцами было организовано правление «Общества благоустройства дачной местности Царицыно». Активными членами общества были А. Л. Кирхгоф (Керков), Э. Э. Виллер и Э. А. Кейзер. Уплачивал членские взносы в кассу общества и царский садовод К. А. Фришвельд, имевший два дома: один на улице Воздушный сад, другой — у немецкого кладбища, где выращивал цветы для венков. О нем очень хорошо отзывались старожилы Царицына как о человеке, который «дешево торговал рассадой помидор». Немцы Кирхгоф, Кейзер и Фришвельд соседствовали, проживая на улице Воздушный Сад в Царицыне³.

В Царицыне имели дачи немцы — владельцы московских фабрик и заводов. Кирхгоф заведовал коммерческой частью товарищества мануфактуры «Эмиль Циндель». Кейзер и Дангауер были совладельцами котельно-литейного аппаратного и машиностроительного завода. Сын Г. Листа, получивший высшее образование и диплом инженера-механика, Николай имел пять дач. После смерти отца он стал владельцем механического завода по производству паровых машин и насосов. К югу от Царицына на речке Битце построил дачи и разбил плантации лекарственных растений аптекарь К. Феррейн.

Немцы — царицынские дачевладельцы — всячески поддерживали Дипмана, имевшего, помимо ресторана, три зимних и шесть летних дач. Накануне событий 1905 г. 15 сентября 1904 г. страхование от огня деревянных строений в саду Дипмана было произведено уполномоченным царицынских дачевладельцев А. Л. Керковым. То же самое повторилось и во время событий 1917 года. Электростанцией в саду Дипмана заведовал также немец — электромеханик Н. О. Клессендорф. Накануне первой мировой войны вдова Дипмана продала свой сад с рестораном и летним театром четырем своим официантам — Осину, Климушину, Алынову и Гоглидзе. Фабрикант Кейзер, который вошел в историю как «мельничный король» Москвы, в то же время продал свою царицынскую дачу, имевшую восемь комнат, скототорговцу Воронову. На участке этой дачи до сих пор растут пробковые деревья. Н. Лист в 1916 г. предпочел оформить недвижимость в Царицыне на имя своей русской жены. Построенные Листом в Царицыне дачи были затем национализированы советской властью и переданы в распоряжение районной больницы⁴.

16 октября 1918 г. в Царицынский поселковый Совдеп поступает ультиматум от германского генерального консульства в Москве: «Германский подданный Фриц Винтер сообщает мне, что принадлежащая его отцу германскому подданному Христиану Вильгельму Винтеру дача вместе с мебелью в Царицыне на Покровской стороне реквизирована. Ввиду того, что господином Винтер уплочены все причитающиеся с него налоги, покорнейше прошу реквизицию эту отменить и сообщая Вам, что мною будет потребовано возмещение всех убытков, если таковые будут причинены германскому подданному Винтер. Исполняющий дела

Императорского германского генерального консула» (подпись неразборчива). На этом ультиматуме стоит резолюция: «Тов. Озолину. Дача Винтер конфискована по распоряжению Московского уездного совета за неуплату уездных налогов до 15 июля с.г. Настоящее препроводить на усмотрение Московского уездного Совета в спешном порядке».

В марте 1922 г. в исполком Волгорсовета Царицына поступило заявление немки Кемпфе о разрешении уплаты ей арендной платы за дачу, переданную ею во время войны Кржижановской и занятую «клубом имени Шулева» за время с июля 1920 года. Заявление рассматривалось на заседании исполкома 17 марта 1922 года. Постановили: «Усматривая из заявления гр. Кемпфе, что ею дача во время войны была передана Кржижановской, то ей как не владелице в уплате арендной суммы с июля 1920 года отказать»⁵.

28 июля 1924 г. на заседании Волисполкома Московской губ. и уезда Ленинской объединенной волости происходил разбор заявления бывшего царского садовода Фришвельда о демунципализации второй дачи размером 15,5 квадратных саженей на улице Воздушный Сад. Постановили: «Ввиду того, что гражданину Фришвельд одна дача в 1922 году была возвращена, а другая сдана по договору ГПУ, в просьбе отказать». Немец О. Рюдберг, служивший в органах ОГПУ, решает помочь Фришвельду, и на рассмотрение волисполкома поступает отношение ОГПУ от 23 октября 1924 г., о том, что ОГПУ не возражает против возврата дачи Фришвельду⁶. Однако и на этот раз вопрос решается не в его пользу. Фришвельду остается лишь обслуживать территорию дачи ОГПУ в качестве садовника и сторожа. На этом и закончилась история немецкой колонии в Царицыно.

Примечания

1. Московские ведомости, 1813, № 47; Центральный архив истории Москвы (ЦАИМ), ф. 286; ф. 11, оп. 1, д. 1233, л. 30об.
2. Московский листок, 11.VIII.1903, № 222.
3. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), ф. 674, оп. 1, д. 132, л. 16об.
4. Там же, л. 5об; ЦАИМ, ф. 301, оп. 1, д. 62, л. 1, 7; ф. 364, оп. 21, д. 134, л. 253.
5. ЦГАМО, ф. 674, оп. 1, д. 39, л. 48, 82.
6. Там же, д. 213, л. 177; д. 214, л. 2, 4, 9 об.

ТРЕХТОМНИК «ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XX ВЕКА».

История России. XX век.
М. Изд-во АСТ. 1996. 607 с.

Рецензируемый учебник, написанный группой авторов (А. Н. Боханов, П. Н. Зырянов, В. П. Дмитренко, Н. С. Симонов, А. К. Соколов, М. М. Горинев, А. С. Сенявский, А. А. Печенкин, Е. Ю. Зубкова, В. А. Шестаков) вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, хорошо, что академические историки, наконец, собрались с духом и познакомили нас со своим взглядом на отечественную историю XX века. С другой стороны, взгляд этот получился мозаичным, глаза косят, а создаваемая картина то отличается высокой фактической точностью, то растворяется в тумане общих слов и рассуждений.

Книга зафиксировала переходное состояние нынешней исторической науки, поиски новых концепций и объяснений истории России XX века. Десять авторов изложили десять точек зрения. Наверное, это даже хорошо, что в книге присутствуют разные точки зрения и данные, в том числе и об одном и том же событии или факте. На то она и наука, чтобы были разные взгляды! Но поставим себя в положение студента, которому два «образовательных» министерства рекомендовали данную книгу в качестве учебного пособия. Чему он должен, например, верить? Тому ли, что, как пишет Горинев, СССР потерял в советско-финляндской войне «до 75 тыс. человек убитыми и до 170 тыс. ранеными и обмороженными» (с. 298), или тому, что пишет Печенкин: «советские войска потеряли 126 875 убитыми и пропавшими без вести, раненых, заболевших и обмороженных было 264 908» (с. 414)?

Волюющими противоречиями отличается первая глава. Пять параграфов, написанных Бохановым, не согласуются с последним, шестым параграфом, принадлежащим перу Зырянова, текст ко-

торого отличается объективностью и спокойным тоном изложения. Бохановская же «проза» вызывает не только возражения с точки зрения ее содержания, но и прямо-таки неприятное чувство. Если бы за двумя его главами не следовали серьезные и ответственные главы, написанные восемью другими исследователями, то можно было бы ставить вопрос о том, что учебник этот ни в коем случае не должен был бы попасть в руки студента, а оба министерства или ошиблись в своей рекомендации, или были введены в заблуждение. Как могли ответственный редактор и «ведущий редактор» издательства Н. А. Еремина соединить в рамках одной главы столь разнородные по содержанию и идейной направленности тексты? Для Зырянова первая русская революция все-таки революция, а для Боханова — «хаос и анархия» (с. 23). Кадеты — у него это «либеральные краснобаи», солидаризирующиеся с «кровавыми убийцами», эсерами (с. 29). Или вот еще образчик авторской мысли: «Но, пожалуй, самое отталкивающее в либерализме милюковского толка было то, что он по сути дела выступал соучастником кровавых преступлений левых радикалов-убийц» (с. 37). Манифест 17 октября лишь открыл собой волну преступлений в «эти первые недели «весны свободы»... В середине декабря дошло даже до вооруженного восстания в Москве» (там же). Боханов видит в революции 1905 г. только два «вектора общественных устремлений: традиционное, государственно-охранительное, и реформистско-разрушительное» (с. 42). Даже С. Ю. Витте изображен негодяем. Лишь «Государь», в описании Боханова, единственное светлое пятно: он кроток и вежлив, день и ночь печется о добре и будущем любимой России. Автор до того увлекся, что во второй главе занялся реконструкцией мыслей и чувств Николая II, повествуя, о чем тот думал, что понимал и пр. (с. 131).

Да, и с фактической стороны главы Боханова

содержат много ошибок, подчеркивающих односторонность изложения им истории России начала XX века. Так, еще в 1966 г. С. Н. Семанов, изучив источники, доказал, что большинство рабочих демонстраций 9 января 1905 г. было расстреляно на окраинах Петербурга, а у Дворцовой площади пострадали только случайные зрители. Боханов же пишет, что «состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу» (с. 23). Все описание этого дня в книге — откровенное издевательство над памятью сотен людей, убитых царской властью. Съезд земских деятелей в 1904 г. открылся не 7 ноября, а 6-го (с. 30). Царь пункт о выборных в указе от 12 декабря вычеркнул, а не просто об этом «в нем не было ничего сказано» (с. 31). Депутация рабочих, которую принял царь, была специально подобрана в «Экспедиции заготовления государственных бумаг». Неправильно излагается содержание Манифеста 17 октября 1905 года. Это была не «декларация о намерениях», не «обещания», а закон прямого действия, который немедленно вводил режим прав и свобод (с. 35, 39). Правила о печати были не «новые» (старых вообще не было!), а «временные» (с. 39). Нет возможности в рамках рецензии перечислять многие десятки умолчаний, искажений, передержек, которыми полны главы Боханова.

В противоположность этому Зырянов спокойно и объективно излагает историю всех русских социалистических партий до 1917 года. Некоторые неточности есть и в его очерке. Приведем одну: К. А. Гвоздев и другие члены «рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете были посажены перед Февральской революцией не в Петропавловскую крепость, а в тюрьму «Кресты» (с. 83). Удачен очерк Зырянова о судьбе столыпинской аграрной реформы, который, к сожалению, оказался втиснутым в параграфы Боханова во второй главе. Из пятого и шестого параграфов второй главы студент ничего не узнает о Февральской революции в Петрограде, демонстрациях 23—25 февраля, расстреле рабочих 26 февраля по приказу Николая II. Для Боханова Февральская революция всего лишь «кульминация монархической драмы». События 27 февраля — 2 марта 1917 г. излагаются так, как их видел царь (с. 133—145).

Несколько разочаровывает и глава третья, написанная Дмитренко. Здесь много ярких авторских суждений о революции, но чрезвычайно мало фактов и событий. А те, что изредка встречаются, не всегда точны. Временное правительство было создано 2 марта, а не 28 февраля 1917 г. (с. 156). В его составе не было «социалистов», а был всего один, и тот — А. Ф. Керенский. Солдатам предоставлялось не «гражданское право», а «права». Ленин рассмотрел в советах «инструмент борьбы за власть», не «вернувшись в Россию в апреле 1917 г.», а еще до начала революции, в середине февраля 1917 г., работая над темой «Марксизм о государстве» в цюрихских библиотеках (с. 159).

На с. 161 говорится о «трех кризисах», но ни один из них даже не назван, не то что раскрыт. Государственное совещание в Москве никак нельзя назвать смотром «демократических сил», скорее наоборот (с. 162). В то же время хотелось бы поддержать мысль Дмитренко о том, что правые социалисты, эсеры и меньшевики «укреплялись во власти» перед Октябрем. Фактически большевики свергли эсеров с меньшевиками, а не мифическую буржуазию. Удачен пятый параграф этой главы («Эпилог»). Обобщая всю фактическую историю революции и гражданской войны (оставшуюся, увы, за пределами книги), Дмитренко показывает, что Ленин и большевики хотели и после ее окончания строить социализм военно-коммунистическими методами (с. 190—196).

Сердцевиной книги являются второй и третий разделы — половина объема книги, охватывающие 30 лет существования Советской власти (до 1952 г.). Эти разделы — лучшие в книге и имеют самостоятельное значение. Здесь много новых концептуальных идей. Приводятся и некоторые новые сведения и факты.

Четвертая глава начинается с констатации «всеобщего и глубочайшего кризиса, пик которого приходится на конец 1920 г. — начало 1921 г.» (с. 197). Авторы — Симонов и Соколов — справедливо замечают, что советская историография «отрицала» этот кризис. Между тем причина его заключалась именно в том, что в наступившее мирное время Советская власть во главе с Лениным твердо придерживалась стремления строить социализм военно-коммунистическими методами, сохраняя продрозверстку, трудовую повинность, пайки, держа курс на скорую отмену денег и введение натурального продуктообмена. Ветераны советского «нэповедения» Э. Б. Генкина, Е. Г. Гимпельсон яростно отрицали этот несомненный факт. Среди последствий этого курса выделяется падение роли городов. Хотелось бы отметить, что положение Петрограда было куда хуже, чем Москвы, город потерял не половину, как пишут авторы, а две трети своих жителей (в 1917 г. в тогдашней столице проживало 2,5 млн. чел.). Хотелось согласиться с мнением авторов о том, что дискуссия о профсоюзах явилась «ярким проявлением кризиса в партии» (с. 210). Вполне обоснованным выглядит в учебнике и описание обстоятельств принятия новой экономической политики, хотя, может быть, следовало бы подчеркнуть вынужденность перехода и к ней, и к рынку вообще, трактовку этого перехода Лениным и Троцким как «отступления». В главе содержится тонкий анализ положения в РКП, процесса выделения правящей номенклатуры уже в ленинский период. Несколько недоказанным выглядит утверждение о том, что «не совсем так» обстоит дело с якобы отсутствием политических реформ в период нэпа. Увы, кратковременное участие среднего крестьянства в перевыборной кампании 1925 г. не отменяет, а подчеркивает не-

желание большевиков делиться с кем-либо даже тенью власти (с. 226). Спорным является и толкование авторами «завещания» Ленина (с. 230). И уже совершенно неправильно утверждение о том, что позиция Ленина по поводу объединения советских республик была «неясной», «недостаточно определенной» (с. 236). Нет, 30 декабря 1922 г., в день подписания союзного договора, он каялся перед «рабочими России», что не успел вмешаться в образование СССР, что этот шаг является преждевременным¹. Нельзя согласиться и с оценкой личности Троцкого, как человека, который «стушевался» после окончания гражданской войны (с. 248). Наоборот, именно он был намечен Лениным в качестве своего энергичного преемника, и только третий инсульт в начале марта 1923 г. помешал Ленину осуществить эти планы. Впрочем, общий очерк борьбы с оппозициями можно признать вполне удовлетворительным.

Самой интересной, хотя и во многом спорной главой является пятая — «Черты новой общественной системы», написанная в основном Гориновым. Это скорее очерк, содержащий многочисленные историографические отступления, обращения к «читателю» (то есть очевидно к студенту). Здесь есть мнения «тоталитаристов» и «ревизионистов» от истории, хотя автор и не объясняет, кто это такие. Приводятся мнения Ш. Фитцпатрик, еще трех-четырех западных историков, а вот из российских этой чести удостоился один О. Хлевнюк. В этой главе Горинов рассуждает о развитии капиталистического мира между двумя войнами, касается сюжетов, рассматриваемых в предыдущих и последующих главах. На с. 285 он рассуждает о концепции автора «Ледокола» В. Суворова и выводах М. И. Мельтюхова, кое в чем совпадающих с суворовскими. Вроде это и ни к чему, но автор соответствующей главы Печенкин начисто обходит проблему подготовки то ли к отражению возможного нападения Германии (на немецкой территории!), то ли превентивной войны против нее.

Горинов допускает немало ошибок. На с. 296, говоря о содержании секретного протокола к пакту от 23 августа 1939 г., он расшифровывает понятие «Восточная Польша» как «Западная Украина и Западная Белоруссия». Между тем в протоколе шла речь и о присоединении к СССР собственно польских земель — Варшавского и Люблинского воеводства, тогда как Литва не включалась по этому документу в зону влияния Советского Союза. Обмен территорий произошел уже в секретном протоколе к Договору о дружбе и границе. Буковина — исконная австрийская территория, хотя в ходе первой мировой войны и была на несколько месяцев оккупирована русской армией. Северная Буковина никогда не была российской территорией (с. 300).

Решительно нельзя согласиться с неоднократным повторяемым выводом Горинова, оправдывающего и сверхбыструю индустриализацию в связи с неизбежной войной, и аресты и репрессии (ради

недопущения «пятой колонны»). Не спасает Горинова и оговорка (со ссылкой на мнение Хлевнюка), что все же Сталин совершал «преступление» (с. 383). Тем более, что на предыдущей странице (с. 381) автор оценивает первый процесс 1936 г. как «замечательный механизм социальной профилактики»!

Но хочется поддержать брошенное Гориновым походя утверждение о том, что пик развития российской экономики приходится не на 1913 г., а «на середину 1916-го» (с. 302), хотя полагаю, что здесь следует добавить — и на начало 1917 года. В Петрограде, например, численность рабочих и выпуск промышленной продукции увеличились в 1917 г. в полтора раза по сравнению с 1913 годом. Имелись десятки авиационных, автомобильных, радиотелеграфных, электротехнических, химических заводов и фабрик. Все это было уничтожено и разворовано в гражданскую войну, и эти отрасли пришлось заново создавать в годы первой пятилетки.

Интересен написанный Сенявским параграф об урбанизации. Печенкин в основном традиционно освещает историю Великой Отечественной войны. В то же время в этой главе впервые в учебной литературе нашли отражение многие факты, опубликованные ранее исследователями и журналистами. Хотя автор и не подчеркивает это, но данные факты развенчивают миф о том, что сталинские пятилетки были необходимы, ибо именно благодаря им мы-де победили в Отечественной войне. Строительство новых заводов велось в основном на юге страны. А, как показывает Печенкин, на территории, оккупированной гитлеровцами находилось 32% рабочих и служащих, производилось 33% валовой продукции промышленности страны. Победили же мы потому, что за два года создали на Урале и в Сибири то же, что строилось ранее в течение двух с половиной пятилеток. Этот патристический подвиг спас страну, а не сталинская принудилка.

Нет возможности в рамках рецензии разобрать подробно и три заключительные главы учебника. Они, с одной стороны, богаты новым материалом, а, с другой, слишком коротки. И все же нельзя не отметить характеристику слоя «победителей» в советском народе после войны, предложенную Зубковой. Новый взгляд на общество, вышедшее из войны, яркое и эмоциональное изложение делают главы 7 и 8 интересными и привлекательными. Богат новыми фактами рассказ о борьбе в ЦК после смерти Сталина, привлекают нарисованные автором портреты Маленкова, Бери, Хрущева. Зубкова пользуется термином «оттепель» в политическом смысле (хотя и не упоминает повести с этим названием), цитирует некоторые места из мемуаров И. Эренбурга. Она рассказывает о повести В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым». Слишком кратка 9 глава, хотя Шестаков и сумел нарисовать впечатляющую картину формирования многомиллионного номенклатурного

господствующего класса и возникновения в нем тяги к реальному обогащению и владению частной собственностью. Скороговоркой перечислены основные события «перестройки» и 1991—1995 годов.

Учебник очень плохо оформлен. Нет ни карт, ни хронологической таблицы, иллюстрации выполнены отвратительно. Рис. 10 имеет подпись: «А. Корнилов (хотя его звали Лавром) и А. Керенский. Групповой портрет». Последнее верно, но в группе есть князь Г. Е. Львов, генералы Алексеев и Клембовский, вот только Корнилова нет! Рис. 68 имеет подпись: «Б. Ельцин дает присягу при вступлении в должность Президента России. Москва. 10 июня 1991». Но сами-то выборы прошли только 12 июня 1991 года!»

В целом можно сказать, что «История России. XX век» — интересный сборник маленьких монографий и авторских эссе, но, к сожалению, плохой учебник.

В. И. СТАРЦЕВ

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 356—362.

История России с начала XVIII до конца XIX века. М. Изд-во АСТ. 1996. 544 с.

Учебник по истории России XVIII—XIX вв. написан А. Н. Сахаровым, Л. В. Миловым, П. Н. Зыряновым, А. Н. Бохановым. Авторы стремятся положить в основу изложения принципы объективности, историзма, многофакторного подхода к истории страны. Они не слишком связывают себя рамками формационного подхода, не рассматривают русскую историю исключительно сквозь призму классово-борьбы и выступлений прогрессивных сил общества против царизма. Уточнена периодизация освободительного движения. В спокойном, доброжелательном тоне анализируется история русского либерализма. На страницах учебника можно встретить немало ярких, метких характеристик главных действующих лиц русской истории, в том числе и исторические портреты монархов. Перед читателем предстают живые люди со своими особенностями, причудами и странностями. Привлекают внимание характеристики политических и общественных деятелей XIX в., особенно тех, которые изображались в учебной литературе предыдущих десятилетий по строго определенным канонам, —

В. Г. Белинского, А. И. Герцена, В. И. Ульянова. Менее удалась портреты реформаторов XIX в.; в частности, очень скупо сообщается о многих видных деятелях Великих реформ.

Насыщены интересным фактическим материалом параграфы, посвященные истории русской православной церкви в XIX веке. К сожалению, аналогичные параграфы отсутствуют в первых двух разделах, посвященных истории XVIII века. В стороне осталась и история других религиозных конфессий. Вопросы истории русской культуры излагаются в общем в традиционном ключе, хотя и добавлены некоторые редко упоминавшиеся ранее имена, например, архитектор К. А. Тон.

Удачно и увлекательно написаны главы и параграфы, рассказывающие о социально-экономической истории XVIII в., войне 1812 г. (в особенности о сложном клубке взаимоотношений между П. И. Багратионом, М. Б. Барклаем де Толли, М. И. Кутузовым и Александром I), движении декабристов (рассуждения о его сущности, достоинствах и недостатках), истории общественной жизни в России в 30—80-е гг. XIX в., народничестве, возникновении и распространении марксизма в России, финансовой реформе 1890-х годов, внешней политике России во второй половине XIX в., социально-экономическом облике страны на основе материалов переписи 1897 года.

Недостатки и пробелы издания особенно явно выступают в свете заявки авторов на концептуально новый учебник. Названное учебным пособием это издание лишено какого-либо учебно-методического аппарата. Важные даты не выделены в тексте, отсутствуют хронологические таблицы, список важнейших источников и литературы. Несколько листов иллюстраций — неважного качества, нет карт и схем.

В книге не учтены результаты ряда исследований последних лет, в первую очередь, работ петербургских историков. В частности, изложение политической истории России в разделе «Россия при Петре I» основано преимущественно на работах Н. И. Павленко, что неоднократно подчеркивается. Но сам Павленко отнюдь не игнорирует, а напротив, внимательно анализирует точку зрения тех историков, с которыми он не соглашается, например — Е. В. Анисимова и В. Е. Возгрина. Можно, конечно, не разделять взгляды Анисимова на царствование Анны Иоанновны и понятие «бионовщина», но совершенно игнорировать их в учебнике для будущих историков неправильно.

Заявив о новых подходах к истории крестьянского движения, авторы в главе «Крестьянская война 1773—1775 гг.» прошли мимо размышлений современных российских (А. П. Богданова, А. Б. Каменского и др.) и зарубежных историков о предпосылках и сущности мощных казацко-крестьянских выступлений XVII—XVIII веков. В этой главе

пересказаны только основные события восстания под руководством Е. И. Пугачева, причем в традиционном русле советской историографии.

Учебник не производит впечатления единого целого. Части, подготовленные каждым из авторов, разнородны не только по стилю, но и по характеру изложения материала и даже по оценке некоторых исторических явлений. Так, утверждение о том, что крепостное право во второй половине XVIII — начале XIX вв. еще нельзя было отменить, основанное на выводах Милова, заявлено в первых двух разделах не только в «обнаженной» (термин Сахарова), но и в безапелляционной форме, и при том не как дискуссионное, а скорее, наподобие марксистских догматов — как не подлежащее обсуждению. Тем не менее, применительно к XIX в. теория Милова не развивается, а в третьем разделе о ней не упоминается вовсе.

История России XVIII в. изложена весьма — порой даже излишне — подробно. При изложении истории войн автор постоянно отвлекается на частности, и довольно трудно проследить логику развития основных событий. Впрочем, в первых разделах встречаются и неожиданные пробелы. В параграфе о царствовании Павла I не упоминается указ 1797 г. о престолонаследии, сыгравший значительную роль в дальнейшей истории монархии. В противоположность XVIII в. большая часть истории XIX в. изложена весьма кратко, даже эскизно. По сути, остались за рамками учебника или в лучшем случае оказались намеченными лишь пунктирно проблемы внешней политики России в царствование Александра I и Николая I, за исключением войн 1812 г. и Крымской, история общественной жизни второй половины царствования Александра I (увлечение мистицизмом, религиозные искания и их влияние на внутреннюю политику, деятельность Библейского общества, история масонских лож — кстати, и ранее о масонах только упоминается), ряд проблем внутренней политики Николая I (особая роль Собственной его императорского величества канцелярии в управлении страной, деятельность многочисленных секретных комитетов). Лишь частично, отрывочно анализируется национальная политика российских императоров XIX века. В частности, не упоминается о присоединении униатов к православию; в стороне остались и такие сложные проблемы, как польский вопрос и положение евреев. Это создает несколько искаженное представление о политике Николая I, Александра II и Александра III.

Отказавшись от «преувеличения масштабов рабочего и крестьянского движения в XIX в.», авторы в своем стремлении показать, что в реальности это был век сравнительно «тихий», зашли, как представляется, слишком далеко. Крестьяне первой половины XIX в. с их помыслами и стремлениями, определенными Д. Л. Мордовцевым как «ненасытная и неутоляемая жажда воли», недоверием, а иногда и ненавистью к властям, которые прояви-

лись во время восстания новгородских военных поселян, выступления государственных крестьян Зауралья в ходе реализации реформы П. Д. Киселева, волнений в русских и украинских губерниях в связи с формированием ополчения в годы Крымской войны, наконец, широкого трезвенного движения конца 1850-х годов, на страницах учебника вообще отсутствуют и появляются вдруг только после объявления манифеста 19 февраля 1861 года. Рассмотрение этих тем и проблем русской истории XIX в. весьма существенно для будущих историков.

Некоторые факты, имеющие значение для понимания дальнейшего развития событий, лишь комментируются как хорошо известные и автору, и читателям. Например, в параграфе, посвященном 14 декабря 1825 г., не сообщается о том, что П. Г. Каховский выстрелил в графа М. А. Милорадовича и смертельно ранил его.

Особняком выглядит последняя — 24 глава, которая состоит из пяти параграфов, в несколько раз превышающих по объему все остальные, за исключением тех, что повествуют об истории культуры. Подробные очерки посвящены смерти Александра III и личности последнего императора, а также С. Ю. Витте. Приступая к характеристике Николая II, автор заявляет о своем стремлении к объективности. Думается, что это ему не вполне удалось. Исторический портрет Николая II приближается к апологетическому, напоминая скорее икону, на светлом лике которой автор не замечает ни малейшей пылинки. Не совсем понятно, почему, предоставив такую значительную площадь учебника для характеристики Николая II и Витте, авторы не сочли возможным столь же обстоятельно охарактеризовать других императоров, из династии Романовых, влиятельных фаворитов и реформаторов, таких, например, как «птенцы гнезда Петрова», И. И. Шувалов, Г. А. Потемкин, М. М. Сперанский, А. А. Аракчеев, императрица Мария Федоровна, П. Д. Киселев, Н. А. и Д. А. Милютины, вел. кн. Константин Николаевич и другие.

Можно предвзвешивать претензии к структуре книги и заголовкам ее разделов. Так, анализ внешней политики России в 80 — начале 90-х годов XIX в. выпал из глав, посвященных царствованию Александра III, и оказался в последнем параграфе последней главы («Место России в «концерте мировых держав»), что не вытекает из его названия. 22-я и 24-я главы носят сходные заголовки («На пороге XX века» и «Империя двуглавого орла на пороге XX века»), но различаются по содержанию. Раздел II («Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II») почему-то включает и рассказ о царствовании Павла I.

Встречаются и фактические неточности. Например, вовсе не доказано, что крестьянин Комиссаров «толкнул в руку» Д. В. Каракозова, когда тот стрелял в Александра II; первое открытое женское среднее учебное заведение — Мариинская гимназия — появилось не в 1862, а в 1858 году.

Лучшие учебники и в прошлом, и в нынешнем столетии отличались высокой языковой и стилистической культурой, чего, к сожалению, нельзя сказать о рецензируемой книге. Особенно настораживает употребление современных речевых штампов («неформальная компания» Петра I, его «референт» Б. А. Голицын).

В целом же данное учебное пособие можно рассматривать как определенный шаг на пути к созданию целостной системы новых, более объективных учебников по российской истории.

Т. Г. ФРУМЕНКОВА

История России с древнейших времен до конца XVII века. М. Изд-во АСТ. 1996. 576 с.

Первая книга трехтомного учебного пособия по истории России посвящена допетровской Руси. Значительный объем тома дал возможность авторам подробнее остановиться на тех периодах русского средневековья, которые ранее в подобных изданиях освещались крайне скупо или опускались вовсе.

Немало нового найдет читатель уже в первых главах книги, принадлежащих перу А. П. Новосельцева. Здесь впервые в учебной литературе дается широкая панорама жизни Восточной Европы в I-ом тысячелетии; с учетом современных достижений археологии и лингвистики тщательно прослеживается смена культур и этносов на этой территории. Автору удалось создать ясное представление об этнической природе, контактах и взаимовлиянии скифов, готов, гуннов, хазар и иных обитателей южных степей, выгодно отличающееся от сумбурной картины «Великого переселения народов», предлагаемой обычно большинством учебных пособий. К сожалению, авторы последующих разделов не сумели сохранить подобный полиэтнический подход, вернувшись к привычному славяноцентризму (а, начиная со II раздела, — и «москвоцентризму»).

Богатством фактического материала и оригинальностью его интерпретации отличаются главы о социально-политическом развитии Северо-Восточной Руси и становлении Российского государства в конце XIV — середине XVI в., написанные В. Д. Назаровым. Опережая появление специальных научных исследований, впервые на страницах учебного пособия столь подробно излагается история Московского великого княжества на рубеже

XIV—XV вв. (при Василии I Дмитриевиче), показывается его место в политической системе Восточной Европы, в контексте русско-литовских и русско-ордынских отношений. Не менее обстоятельно (может быть, даже с излишней для учебника детализацией) рассказывается обо всех перипетиях междоусобной войны второй четверти XV в.; полно и всесторонне освещаются внутри- и внешнеполитические аспекты образования единого Русского государства при Иване III и дается выразительная характеристика этого выдающегося политического деятеля. Большой удачей можно считать написанный с хорошим знанием жизненных реалий социальный портрет слоев русского общества XV—XVI вв.: от крестьян и горожан до знати и духовенства. Что же касается политической истории XVI в., то внимание читателя концентрируется на реформах 50-х годов, во многом определивших дальнейшее развитие страны.

В то же время подробно разработанные сюжеты сочетаются с необъяснимыми лакунами. Так, политическая деятельность Владимира Святославича сведена только к его религиозным реформам; подробный рассказ об эпохе Ярослава Мудрого и событиях рубежа XI—XII вв. сменяется крайне фрагментарным изложением отдельных фактов из истории Руси XII — середины XIV века. К сожалению, книге присуща традиционная для учебных изданий недооценка значения региональной истории. Всего по несколько страниц уделено судьбам Владимиро-Суздальского, Галицко-Волынского, Киевского и иных княжеств домонгольской поры, а о богатой политической истории Новгорода и Пскова периода их самостоятельности читатель вообще ничего, кроме самых отрывочных сведений, не узнает. Не освещена история великих княжеств Тверского и Рязанского. Шагом назад по сравнению с ранее вышедшими пособиями можно считать отказ авторов от изложения истории Великого княжества Литовского и вошедших в его состав русских земель (Смоленска, Брянска, Северщины и др.). Недостаточное внимание уделено развитию древнерусского права в период между Русской правдой и Судебником 1497 года. Псковская Судная грамота и другие памятники удельной эпохи даже не упоминаются. Ничего не говорится о ереси стригольников, внутренней политике в 80—90-х годах XVI в. и в период царствования Бориса Годунова, учреждении патриаршества, русско-шведской войне 1656—1658 гг. и деятельности выдающегося дипломата А. Л. Ордина-Нащокина.

Переходя к анализу концептуальной основы издания, отметим, что содержащиеся в нем оценки во многом отразили современные тенденции развития отечественной историографии. Авторы отказались от свойственного советской науке преувеличения роли классовой борьбы в истории общества. Не отрицая наличия социальных

противоречий в Древней Руси, они подчеркивают, что различные слои тогдашнего общества не только конфликтовали между собой, но и нуждались друг в друге, были взаимосвязаны и взаимозависимы (см. с. 149—151). Термин «крестьянская война» не используется в учебнике ни применительно к событиям начала XVII в. (Смута в соответствии с современными научными представлениями определяется как первая в истории страны гражданская война — с. 470—471, 491—495), ни — к Разинскому восстанию.

Намного больше внимания, чем прежде, уделено процессу христианизации Руси и судьбам православной церкви, влияние которой на многие стороны жизни древнерусского общества признается очень значительным, а роль ее на разных этапах истории страны оценивается в целом как позитивная (с. 82—83, 124, 130, 278, 390—398 и др.).

Нельзя не заметить, что взгляды и оценки, высказанные авторами, не образуют целостной концепции, а порой и прямо противоречат друг другу. Последнее обстоятельство признается и редколлекгией: в предисловии «некоторые противоречия в трактовке одних и тех же периодов истории, особенно спорных проблем Древней Руси», объясняются «предоставленными авторам возможностями» для выражения своей позиции, своих творческих и стилистических особенностей (с. 8). Соединение противоположных взглядов на ту или иную проблему в учебном издании вряд ли можно считать уместным. Это будет создавать большие трудности для студента-первокурсника.

В главе об образовании Древнерусского государства Новосельцев характеризует Киевскую державу IX—X вв. как «своеобразную федерацию полунезависимых княжеств, подчинившихся великому князю киевскому» (с. 66); и здесь же ссылаясь на новейшие исследования, утверждает, что «города как такового, т. е. экономического центра, на Руси до конца X в., вероятно, еще не было» (с. 67). Ниже, в главе, написанной А. Н. Сахаровым, утверждается, что к началу XI в. Русь обозначилась «как единое, с централизованным управлением, восточнославянское государство» (с. 100), а «рубежом появления всех наиболее крупных древнерусских городов» называется IX век. По мнению автора, «все они сложились, как крупные городские центры, именно в IX—X вв., т. е. в период укрепления и развития экономики восточнославянских земель» (с. 144). Как согласовать столь различные взгляды на уровень экономического развития городов и форму государственного устройства Киевской Руси?

Авторы не имеют единого мнения и о том, когда на Руси начался процесс закрепощения крестьян. На с. 261 утверждается, что к XIV в. все бояре «владели зависимыми от них крепостными крестьянами» (автор данной главы, к сожалению, не указан). В другом же разделе пособия Назаров называет XV — середину XVI столетия «золотым

веком» российской деревни (с. 366—370), а становление крепостнического режима, в соответствии с общепринятыми в современной науке представлениями, он начинает с конца XVI в. (с. 461). Появились ли крепостные на Руси еще при Иване Калите или это произошло два с половиной века спустя, так и остается неясным.

Другим существенным недостатком рецензируемого учебника, к сожалению, традиционным для подобного рода изданий, является отсутствие обзора источников и историографии хотя бы о важнейших событиях и наиболее спорных вопросах. Без привлечения материалов научных дискуссий излагаются, например, такие проблемы, как форма древнерусской государственности, вопрос о наличии феодализма на Руси и его особенностях; односторонне изображается деятельность Александра Невского, обстоятельства присоединения Левобережной Украины к России в середине XVII в. и т. д. Даже в тех редких случаях, когда альтернативные точки зрения упоминаются (например, по вопросу о целях и сущности oprичнины, статусе разных категорий русских крестьян XIV—XVI вв. и т. п.), сами участники дискуссии остаются неназванными, анонимными, а их аргументы (а это самое главное!) не приводятся. Между тем без анализа аргументации сторон, без выявления сути научного спора невозможно воспитать в студенте черты самостоятельного мыслящего историка-исследователя.

Странное впечатление оставляют главы, посвященные русской средневековой культуре. Анализ творчества древнерусских зодчих, иконописцев, книжников зачастую подменяется простым перечислением их произведений. Сам стиль изложения, сухой и невыразительный, лишен необходимой в таких случаях эмоциональности. Не спасает положение и изобразительный ряд — чернотелые иллюстрации, выполненные на низком полиграфическом уровне.

Нельзя не упомянуть и о таком изъяне рассматриваемого пособия, как недостаточное внимание авторов к хронологии. Удивляет, что на страницах учебника не указаны годы смерти князя Олега, похода Игоря на Константинополь, его гибели от рук древлян, смерти Александра Невского и Ивана Калиты, правления Даниила Московского и его сына Юрия, похода Ермака, введения заповедных лет и др. Если применительно к событиям IX—X вв. еще можно, как это делает Новосельцев (с. 60, 72), оправдать отсутствие дат ссылкой на сбивчивость и неточность летописной хронологии, то чем объяснить упомянутые пропуски для XIII—XIV и последующих столетий? Восполнить эти пропуски, не привлекая дополнительной литературы, студент не сможет, поскольку в учебнике не помещена хронологическая таблица.

Наконец, несколько слов о языке, которым написана книга. Не подвергая сомнению право каждого автора на свой стиль изложения, хотелось бы заметить, что последний должен соответствовать

литературным нормам. Едва ли этому условию отвечают фразы типа: «Рождение народа шло одновременно по нескольким линиям» (с. 215), или: «Эти нормы (права. — М. К., Т. П.)... одной ногой еще стояли на почве разлагающихся родоплеменных отношений, но другой сделали уже шаг в развивающееся раннефеодальное общество» (с. 120). Вызывают удивление такие словосочетания, как «первый состав русских святых» (с. 131), «рукоделие народа» (с. 215). Вместе с тем в тексте встречаются сложные понятия и термины, едва ли знакомые студенту: «дворность поселений», казачки «чуры»,

урожайность «сам-3, сам-4» и т. д., — вероятно, их следовало бы пояснить.

Из-за многих отмеченных выше серьезных недостатков (к ним следует также отнести отсутствие карт и списка рекомендованной литературы) издание не отвечает всем требованиям, предъявляемым к современному вузовскому учебнику. Вместе с тем ряд интересных, насыщенных новым фактическим материалом глав может быть рекомендован студентам по нескольким темам программы в дополнение к существующим учебным пособиям.

М. М. КРОМ, Т. И. ПАШКОВА

Г. СОЛСБЕРИ. *900 дней. Блокада Ленинграда*. М. Издатель Пресс. 1996. 592 с.

Вышедшая почти тридцать лет тому назад и впервые переведенная на русский язык книга известного американского публициста и историка Гаррисона Солсбери (1908—1993)¹ уже подвергалась критическому разбору, в частности в выдержанной в духе холодной войны статье генерал-полковника И. В. Шикина «За фасадом благожелательности» в журнале «Вопросы истории» (1970, № 7). Написанная в крайне тенденциозном и «разоблачительном» духе она содержит многочисленные упреки автору книги: он де недостаточно акцентировал мужество и героизм защитников Ленинграда, сосредоточился на их муках и страданиях, а также на провалах и неудачах советского руководства и командования войсками, оторвал историю обороны Ленинграда от хода событий на всем советско-германском фронте, не показал вклада ленинградцев и воинов, оборонявших город, в дело победы над фашистской Германией.

Тогда рядовой советский читатель не имел возможности познакомиться с текстом этой книги и оценить, насколько обоснованной была эта критика. Сейчас у Российского читателя такая возможность появилась и он сам может убедиться, что труд Солсбери не устарел. Во время войны автор работал в России корреспондентом «The New York Times». Он не скрывает своей неприязни к советскому строю, но все же на первом месте для него объективное изложение фактов. Многие из того, о чем говорится в этой книге давно известно нашему читателю и к тому же более плотно и точно нежели автору. И все же свидетельства о трагедии Ленинграда, о стойкости и мужестве его защитников, граждан этого города сохраняют и поныне

свое значение для объективной оценки многих эпизодов в истории блокады и обороны второй столицы России.

Солсбери видел свою задачу в том, чтобы раскрыть трагедию Ленинграда во всей ее полноте. Автор предисловия к русскому переводу О. А. Ржешевский справедливо отмечает, что Солсбери пытался описать события на разных уровнях — «от повседневной жизни и настроений граждан города до оценки высшего политического и военного руководства страны, от освещения конкретных событий того времени до ближних и дальних экскурсов в историю, с ними связанных» (с. 6). Это предисловие помогает читателю осмыслить значение описываемых событий с современных позиций, вписать их в контекст всей истории Великой Отечественной войны и существенно дополняет повествование Солсбери фактами и оценками, неизвестными автору книги.

В книге собрана обширная информация личностного характера и прежде всего о действиях и решениях конкретных участников событий. Рассказав о поступавшей к Сталину информации относительно готовящегося германского нападения на СССР, автор замечает: «Никогда в истории большевизма не проявлялись так ясно губительные пороки советской монополии власти: человек, обладавший всей властью, — сам оказался во власти навязчивых идей» (с. 74). Солсбери попытался разобраться в мотивах, коими руководствовался советский лидер. Автор широко использовал при этом (как и в последующем изложении) работы советских историков и воспоминания участников событий и пришел к выводу, что «Сталин, Жданов

и его соратники жили в мире вывернутом наизнанку, где черное считалось белым, опасность казалась безопасностью, бдительность — изменой, дружеское предупреждение — провокацией» (с. 87). Автор цитирует записи одного из участников совещания в рейхсканцелярии Гитлера 14 июня 1941 года (то есть происходившего как раз в тот день, когда советская пресса опубликовала знаменитое «Заявление ТАСС» с опровержением «слухов» о готовящемся германском вторжении): «захват Ленинграда (колыбели большевизма)» относился гитлеровским командованием к первоочередным стратегическим целям, признавался одной из важнейших составных частей гитлеровского блицкрига (с. 101—102).

Большое внимание в книге отведено рядовым ленинградцам, их жизни и деятельности, реакции на происходящие события. И это составляет одно из достоинств книги. Автор сумел собрать массу красноречивых свидетельств на этот счет. Он, в частности, подчеркивает, что на защиту великого города, не задумываясь, за редким исключением, стали те люди, чьи родные и близкие пострадали от сталинских репрессий, инакомыслящие граждане, причем с огромным патриотическим воодушевлением. «В конце концов, это их город, их Россия, а для тех, кто исполнен был революционного духа, — их революция, не Сталина» (с. 137). Именно могучий патриотический порыв массы ленинградцев объясняет ту исключительную оперативность, с которой город перешел на выпуск военной продукции, быстроту и организованность мобилизации бойцов в Красную армию, массовый характер движения добровольцев, самоотверженность в строительстве полевых укреплений и противовоздуш-

ной обороне. Яркие страницы посвящены деятельности видных представителей науки, искусства, культуры, оказавшихся в осажденном городе.

Описание невероятных мук и страданий ленинградцев от голода и холода, как и их готовность оказать всемерную поддержку друг другу, по праву заняло в книге достойное место (см., напр., с. 387, 401, 495—506). Современному читателю известно, что во многом эти мученья были связаны с неспособностью руководства города решать крайне сложные задачи жизнеобеспечения его населения. Автор упоминает о плане разрушения Ленинграда в случае его занятия немцами. Подробности разработки этой сверхсекретной операции «Д» стали известны в наши дни (в том числе и благодаря разысканиям ленинградского историка В. А. Иванова²). Эта угроза была крайне серьезна. И это почувствовал автор. «Ждали все. Ждали сигнала взорвать город. Сигнала не было. Если бы немцы ворвались, Ленинград был бы разрушен» (с. 346).

Солсбери включил в свое повествование и такие эпизоды, как бои на Лужском рубеже, «Таллинскую трагедию», операции на прилегающих к Ленинграду фронтах, а также по прорыву блокады и освобождению от нее города.

К. Е. РОГОВ

Примечания

1. SALISBURY G. E. The 900 Days. The Siege of Leningrad. N. Y. 1969.
2. Известия, 10.VI.1997.

TH. C. PROUSIS. *Russian Society and the Greek Revolution*. Northern Illinois University Press. De Kalb. 1994. 259 p.

Т. К. ПРУСИС. Русское общество и греческая революция

Книга адъюнкт-профессора Университета Сев. Флориды (Джексонвилл) Теофилуса Прусиса, посвященная отношению русского общества к греческому национально-освободительному движению, — плод многолетних изысканий американского ученого в области исторических и культурных связей между Россией и Грецией.

Революция 1821 года, ставшая решающей фазой греческого национально-освободительного движения, всколыхнула волну сочувствия по всей Европе. Выражая солидарность с восставшими греками филэллин-романтики из разных стран, отправлялись в качестве добровольцев воевать на стороне греков, жертвовали деньги, поэты и художники воспевали их борьбу за независимость. Подъем филэллинизма не мог не захватить

Россию, покровительствовавшую своим единоверцам.

Тема «Россия и греческая революция» не нова для отечественной и зарубежной историографии. Существует обширная литература по этой проблеме. Однако предшествующие исследования ставили перед собой задачу осветить лишь отдельные аспекты, прежде всего официальную политику России, а также влияние греческой революции на творчество некоторых деятелей культуры. Но такой подход не давал полной и всеобъемлющей картины событий. Целью работы Прусиса является разностороннее исследование реакции как официальных кругов России, так и русского общества в целом на революцию 1821 г. и греческое национально-освободительное движение. Приступая

к анализу движения филэллинизма в России, автор попытался выявить некоторые особенности идейной жизни русского общества александровской эпохи. Отношение к греческому вопросу было различным для правительства и образованной элиты, сторонников и критиков политики Священного союза, консерваторов и либералов. Прусис тщательно проанализировал уже существующую литературу, в первую очередь российскую.

Автор использовал разные источники. В первую очередь это материалы российских архивохранилищ и Государственного архива Одесской области, долгое время бывшие труднодоступными для зарубежных исследователей. Тщательно изучена русская периодика, снабжавшая русское общество информацией о событиях в Османской империи. Особое внимание обращено на оценки этих событий и представления русской интеллигенции об исторической судьбе греков в сочинениях русских писателей и публицистов. Проанализирована весьма обширная художественная и научная литература, изданная в те годы в России и имеющая прямое или косвенное отношение к русско-греческим связям.

Изложение построено по проблемному принципу. Первый из рассмотренных вопросов — это проблема взаимосвязи и взаимовлияния греческого национального возрождения и политического, экономического и культурного развития России в последней четверти XVIII — первой четверти XIX веков. Позволив греческим иммигрантам селиться на присоединенных в то время к Российской империи землях (Новороссия, Крым), предоставив им благоприятные условия для экономического и культурного развития, русское правительство тем самым способствовало и становлению греческого Просвещения. Состоятельные греки финансировали греческие школы как в России, так и на территории Османской империи. Изучение родного языка и культуры, а также проникновение в греческую среду западного образования повлекли за собой рост национального самосознания греков и формирование национально-освободительной идеологии. Последнее обстоятельство, как показал Прусис, не было понято в официальных кругах России, и даже Александр I полагал, что просвещение, напротив, отвратит греков от идеи антитурецкого восстания.

Автор обращает внимание и на то, что экономическое преуспевание греческих колонистов способствовало освоению населенных ими районов, благоприятно отражаясь на экономике этих областей. Кроме того греческое Просвещение (в частности, издание книг на греческом языке) пробудило интерес к греческой культуре и стимулировало распространение классического образования в России.

Открытое покровительство России грекам, и ее успешные войны против Османской империи легли в основу формирования образа России как освободителя греческого народа, на чем основывалась

и вера в то, что русское правительство поддержит вооруженное выступление греков против турок. Официальная линия русского правительства шла вразрез с этими чаяниями; тем не менее, многие русские государственные деятели греческого происхождения негласно поддерживали тайное общество «Филики Этерия», стремившееся к освобождению Греции вооруженным путем. Прусис отмечает эту двойственность русской политики и объясняет ее колебаниями Александра I в греческом вопросе: роль покровителя угнетенных единоверцев толкала его к выступлению в их защиту, однако принципы легитимизма и опасения международных осложнений удерживали от этого шага.

Прусис исследует реакцию русского общества на вспыхнувшее в 1821 году восстание греков. Если правительство сделало выбор в пользу легитимизма, то общественное мнение в этом вопросе не было единым. Обширный архивный материал подтверждает мысль автора о том, что в русском обществе существовала так называемая военная партия, выступавшая за вооруженное вмешательство России в греко-турецкий конфликт, считая, что этот шаг послужит укреплению национальной экономики и политического положения страны. В число сторонников решительных действий входили видные государственные деятели, дипломаты, ряд высших военных чинов, участники движения декабристов и сочувствующая ему интеллигенция. Как свидетельствуют обнаруженные Прусисом факты, подобные настроения были широко распространены в обществе, с энтузиазмом воспринявшем греческую революцию, однако реального влияния на практическую политику они не оказали. Лозунг «военной партии» был реализован лишь в 1828 году, но тогда война с Турцией была представлена официальной пропагандой как защита национальных интересов, а не помощь единоверным грекам.

Тем не менее, «военная партия», считает Прусис, оказала сильное воздействие на рост филэллинских настроений в обществе, нашедших свое практическое выражение в материальной помощи беженцам и сборе средств на выкуп пленных греков. Нейтральная, а скорее даже благоприятная позиция официальных кругов (сам император пожертвовал в пользу беженцев крупную сумму денег) позволила филантропической деятельности принять чрезвычайно широкие масштабы, охватив многие социальные слои и регионы. Автор особо отмечает, что суммы пожертвований со стороны русской аристократии намного превосходили пожертвования осевших в России греческих купцов. Прослеживая динамику филэллинских настроений, Прусис отмечает, что наибольший их подъем приходится на 1821—1822 годы и совпадает с активизацией либеральных и демократических движений по всей Европе, а реакция второй половины 1820-х годов и в России сопровождалась и охлаждением интереса к греческим делам.

Сочувствие восставшим грекам, подчеркивает автор, было одним из проявлений политического либерализма. Именно в таком ключе он предлагает оценивать филэллизм декабристов и приывавшей к ним интеллигенции: греческое восстание для них символизировало борьбу против status quo и политики Священного союза в Европе. Вместе с тем филэллинские настроения, по мнению Прусиса, выражают возросшее национальное самосознание русской либеральной интеллигенции, поскольку филэллизм явился своего рода реакцией на долго царившую в русском обществе галломанию. Филэллизм в России отличало осознание интеллигенцией византийского наследия в русской культуре и восприятие церкви как объединяющей силы (хотя общий подъем религиозности, обусловивший популярность филантропической деятельности, был характерен для всей посленаполеоновской Европы).

Еще одной идейной основой русского филэллизма, анализу которой автор уделяет особое внимание, является вызванный Просвещением рост интереса к античности. Сам по себе этот тезис не нов, но любопытно сделанное Прусисом наблюдение, что русский классицизм XVIII в. активно перерабатывая римских авторов, практически не знал древнегреческих, проникновение которых в русскую культуру началось с издательской деятельности греческих иммигрантов. Впрочем из изложения Прусиса может создаться впечатление, будто бы греческие авторы вскоре совершенно вытеснили латинских, между тем как на самом деле они их скорее дополнили. Выводы автора о филэллизме русской культуры являются некоторым преувеличением, хотя в том, что филэллизм и прогресс классической филологии, истории и археологии в России — явления взаимосвязанные, он, безусловно, прав.

Предметом специального изучения для автора явилось отражение восприятия греческой революции в русской литературе того времени. Основным источником для исследования этого вопроса стала романтическая поэзия, которая безоговорочно поддержала греческое национально-освободительное движение. Образы греков в произведениях поэтов-романтиков олицетворяют смелость, героизм, стремление к свободе. В греческом восстании

русских филэллинов волнует тема патриотизма как гражданского долга, но если в понимании греков патриотизм носит национальный характер, то для русских поэтов это синоним политического либерализма. Современные им греки воспринимались ими не только как единоверцы, но и как потомки древних эллинов, цивилизация которых представлялась им идеальным обществом.

В творчестве А. С. Пушкина автор видит своего рода барометр русского филэллизма: поначалу Пушкин испытал широко распространенное в обществе восторженное отношение к восстанию греков, что нашло отражение в его творчестве: Впоследствии поражение других южно-европейских революций и движения декабристов привели его к политическому скептицизму, а появившиеся в России беженцы развеяли романтические представления о греческой революции: они были слишком далеки от созданного воображением романтиков идеального образа эллинов. Исследованная автором переписка Пушкина свидетельствует о сомнениях поэта в том, что эти люди являются носителями классического наследия и способны его творчески реализовать. Таким образом, в пушкинском отношении к грекам сочетаются элементы романтизма и реализма.

Прусис не учел еще один тип восприятия греков в русской литературе, отразившийся в случайно брошенной Чацким фразе «А этот, как его, он турок или грек?» В греках могли видеть представителей Востока, иного мира, противопоставленного западной цивилизации.

Автору удалось разносторонне исследовать русский филэллизм, выявить его идейную базу, проследить динамику развития и вычленить характерные особенности. Он показал, что филэллинские настроения были достоянием не только части интеллигенции, но весьма широких слоев общества. Анализ взаимосвязей между идейной жизнью русского общества и греческим национально-освободительным движением представляет собой важный вклад в изучение связей России с греческим Востоком. Книга Прусиса может оказаться полезной не только для исследователей отечественной истории, но и для специалистов по международным отношениям, национальным движениям и историков культуры.

О. Е. МИСЮРЕВИЧ

Новая английская серия монографий о средневековых авторах

Коллектив британских медиевистов приступил к публикации серии компактных монографий, посвященных западноевропейским средневековым авторам, известным поименом и анонимным. По внутренней конструкции выпущенные книги нес-

колько различаются. Это вызвано не только отсутствием строгих правил подготовки таких изданий, но и несоизмеримыми подчас обстоятельностью жизни и творчества их героев. В одних случаях к исследованию приложены тексты из некоторых

рассматриваемых сочинений, в других исследовании сопровождается крупными выдержками либо массой мелких цитат из них. В каждую книгу вошла расширенная биография того лица, которому посвящен данный выпуск.

Серия разделена на две подсерии, публикуемые попеременно. Одна, под общей редакцией проф. П. Джизри, именуется «Исторические и религиозные писатели латинского Запада»; другая, под руководством проф. М. Сэймура, — «Английские писатели позднего средневековья». Увидели свет 13 выпусков, сосредоточенные в четырех томах¹.

Майкл Сэймур в очерке о Джоне Мэндивиле (1300—1372) касается приписываемого ему и довольно популярного в ту пору описания путешествия по Востоку, во многом вымышленного и составленного частично по чужим рассказам. Литературное значение этого описания заключается в том, что оно считается первым памятником новоанглийской национальной прозы, историческое же состоит в характеристике обычаев разных народов и международных контактов XIV века. Не вполне ясно, однако, отказался ли окончательно Сэймур от ходячей версии, что подлинным автором описания был европейский врач при дворе египетского султана Жан де Бургонь.

Дэвид Фаулер, известный глубоким исследованием разных текстов поэмы XIV в. о Петре Пахаре², повествует о Джоне Тревиза (1326—1402), священнике из Корнуолла, ставшем викарием в Беркли. Он систематически переводил важные в государственном или литературном отношении сочинения с латинского на английский, чтобы сделать их доступными более широкому кругу читателей и пользователей в эпоху, когда народные массы говорили по-английски, верхи общества только еще начинали отказываться от французского, а основной корпус литературы был латиноязычным. Для исторической науки особенно интересны его переводы (с комментариями) научно-философского труда видного королевского юриста XIII в. Ранульфа Гленвилла «О свойствах вещей» и всемирной истории в семи книгах — «Полихроникона», составленного в виде хроники старшим современником Тревизы Рэлфом Хигденом. Напечатанное в 1482 г., это издание стало образцовой для Англии инкунабулой.

Рэлф Ханна-Третий рассказывает об Уильяме Ленгленде (1330—1400), шропширском священнике, обличавшем пороки английского общества перед крестьянским восстанием 1381 г. в аллегорическом сочинении «Видение о Петре Пахаре». Русским специалистам, знакомым с превосходным ее отечественным изданием (перевод, предисловие и примечания Д. М. Петрушевского)³, комментарии Ханны будут полезны сопоставлением рукописных редакций 1370, 1377 и 1393 гг. и указаниями на последователей Ленгленда, среди которых выделяется сельский медник, брошенный Карлом II Стюартом в заточение пуританский проповедник

XVII в., анабаптист Джон Бэньян, обличавший в романе «Путь паломника» аристократию и верхи буржуазии. Намеченный Бэньяном образ «ярмарки тщеславия» затем использовал в XIX в. У. М. Теккерей. Напомним заодно, что «Путь паломника» был в свое время популярен концепцией служения высокой идее у российских масонов. Знакомый с этой книгой А. С. Пушкин переложил начало ее 1-й главы своими словами в стихотворении «Однажды странствуя среди долины дикой» («Странник», 1835 г.)

Дж. Бароу воссоздает творческий портрет Томаса Хоклива (англизированная форма фамилии; правильная средневековая — Окклев) (1369—1450). Этот лондонский клерк был поклонником, воспитанником и подражателем Джеффри Чосера. Он писал поэмы в чосеровском духе — о житейских излишествах. Среди его исторических работ важны: рифмованный трактат 1412 г. «О принцевом правлении», адресованный будущему королю Генриху V Ланкастеру, и английский пересказ некоторых эпизодов из 181, вошедшего в латинскую антологию 1340 г. «Деяния римлян» (сборник коротких рассказов героического или юмористического содержания, с заимствованиями из восточных легенд, о древних и средневековых деятелях).

Констэнт Мьюз освещает жизнь и общую направленность религиозных, философских и литературных произведений Петра Абеяра (1079—1142), разрабатывавшего в рационалистическом духе проблемы схоластики, автора концептуалистских трактатов, любовных стихотворений, переписки со ставшей затем монашкой Элоизой и впечатляющей автобиографии «История моих бедствий». Тут можно найти много нового тому, кто знаком с этим героем лишь по известной у нас книге Н. А. Сидоровой⁴.

Валерия Флинт написала работу о «Ключе к физике» — загадочном манускрипте научно-философского свойства, об авторе которого теперь можно говорить уже более утвердительно как о мыслителе XII в. Гонориа из Отёна. В свое время Флинт выпустила о нем монографию, в которой учла и результаты серьезного исследования, осуществленного ранее Карлом Вольцем. В рассматриваемой же работе она в основном повторяет достигнутое ею прежде. И хотя она делает это квалифицированно, полагаем, что следовало полнее отразить суть сообщений И. Лефевра и П. Лючентини на ту же тему⁵.

Н. Блэйк останавливается на деятельности английского первопечатника Уильяма Кэкстона (1422—1491), сначала издавшего в 1475 г. в Нидерландах перевод французского сочинения «Рассказы из истории Трои», а через год основавшего в Вестминстере типографию, из стен которой вышло 96 инкунабул.

Венди Скэйз несколько критически оценивает карьеру Реджинальда Пиккока (1395—1460), уэльского прелата, ставшего в 1450 г. епископом Чиче-

стерским. Полемизируя с предреформационными выступлениями лоллардов, он проповедью «Возбудитель» и другими своими сочинениями, расхвалившимися в списках, сам вызвал негодование церковных ортодоксов и был вынужден удалиться в монастырь Торни, а 14 его книг были публично сожжены.

Дуглас Грэй рассказывает, но не очень подробно, о Роберте Хенрисоне (1430—1506), шотландском публицисте, предварившем кое в чем кальвинистскую Реформацию в рамках католического королевства, непрерывно враждовавшего тогда с Англией. Помимо сочинения «Завещание Крессиды» (увидело свет только в 1593 г.) Хенрисон оставил социально нацеленные сатирические миниатюры, из которых особенно известна «Лис, волк и попрошайка». В целом его можно отнести к представителям так называемого Северного гуманизма.

Грэй освещает, и опять же не детально, основные вехи жизненного пути служившего при дворе шотландского короля Якова IV Уильяма Данбара (1460—1517), автора сатир на купечество и придворный быт, а также философской элегии «Плач о поэтах». Представляется, что этот очерк не очень много добавляет к доброкачественному исследованию Т. Скотта⁶.

Сэймур посвятил интересный этюд Джону Кэпгрейву (1393—1464), видному члену выступавшего твердым сторонником папских установлений монашеского ордена августинцев, касаясь преимущественно его теологических трудов и 16-летнего служения Кэпгрейва в качестве монастырского настоятеля. Хотелось бы, конечно, увидеть именно здесь пояснение, каким образом устав этих нищенствующих братьев был ложно приписан Августину Блаженному.

Перу Кэрола Струу принадлежит основательное исследование деяний папы римского Григория I Великого (540—604). Обычно о нем пишут как о первом претенденте среди пап на мировое господство и организаторе церковных миссий к англосаксам и вестготам. Не забывают и об упорядочении им системы церковного песнопения, прозванной григорианскою. Струу же подробно освещает роль Григория I как крупного софиста, умело лавировавшего в сложных общественных условиях политика и автора разнообразных богословских работ, а также насыщенной идеями переписки. По

сравнению с проблемной книгой Н. Шарки⁷ здесь наблюдается большой шаг вперед.

Роджер Коллинз характеризует анонимный компилятивный сборник, вошедший в источниковедение под обобщенным названием «Хроника Фредегара» (иначе — Псевдофредегара). В середине VII в. один или несколько сочинителей переложили исторические сведения из ряда более ранних произведений, посвященных времени до конца VI в., а потом довели изложение до 642 года. Эта хроника содержит уникальные данные о политических событиях в правление Меровингов. Ценнейшей частью очерка являются параграфы о малоизвестных продолжателях Псевдофредегара, писавших вплоть до середины VIII столетия.

Думается, что наиболее полезны во всех томах страницы, на которых излагаются в деталях биографические данные о фигурантах повествований. Оценочные же характеристики в ряде случаев спорны. Вероятно, в такой серии это неизбежно.

А. Я. ШЕВЕЛЕНКО

Примечания

1. Authors of the Middle Ages. Vol. I: SEYMOUR M. C. Sir John Mandeville; FOWLER D. C. John Trevisa; HANNA R. William Langland; BURROW J. A. Thomas Hoccleve. Hampshire. 1994. 250 p. Vol. II: MEWS C. Peter Abelard; FLINT V. I. J. Honorius Augustodunensis. 1995. 190 p. Vol. III: BLAKE N. F. William Caxton; SCASE W. Reginald Pecock; GRAY D. Robert Henrison; GRAY D. William Dunbar; SEYMOUR M. C. John Capgrave. 1996. 262 p. Vol. IV: STRAW C. Gregory the Great; COLLINS R. Fredegar. 1996. 144 p.
2. FOWLER D. C. Piers the Plowman. Seattle. 1961.
3. ЛЕНГЛЕНД У. Видение Уильяма о Петре Папуре. М.-Л. 1941.
4. СИДОПОВА Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М. 1953.
5. VOLZ R. C. A. Honorius Augustodunensis. N. Y. 1966; FLINT V. I. J. Honorius Augustodunensis. Oxford. 1969; LEFEVRE Y. L'entrefilet. — Dictionnaire de spiritualité. Vol. VII, 1968/69; LUCENTINI P. Il articolo in Atti (Accademia Colombaria), vol. XXXV, 1970.
6. SCOTT T. Dunbar. Edinburgh — Lnd. 1966.
7. SHARKEY N. Saint Gregory the Greath's Concept of Papal Power. Washington. 1950.

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century. Was K. Radek Involved in the Murder of K. Liebknecht and R. Luxemburg? Articles: **L. E. Fajn**. The Military-Communist «Experiment» over Russian Cooperatives (1918—1920); **T. M. Islamov**. The Hungarian Rebellion of 1956 in Soviet and Russian Historiography. Historical Profiles: **N. A. Listopadov**. U Ne Win. History and Fates. **A. V. Golovnin**. A Memoir for the Few. Publications: **Karel Čapek**. Conversations with T. G. Masaryk. Contributions: **A. Ju. Polunov**. Church, Power and Society in Russia (the 80s — Early 90s of the 19th Century); **O. O. Antropov**. The Astrakhan' Cossacks in Exile. People. Facts. Events: **A. V. Shmelev**. A. V. Kolchak and Rebirth of the Russian Navy, 1906—1911; **S. E. Rudneva**. Delegation of the Moscow City Duma at the Democratic Conference (September, 1917); **L. E. Morozova**. Semyon Ivanovich Shakhovskoj-Kharja; **I. N. Sergejev**. Glimpses of History of Tsaritsyno, Near Moscow. Historiography. **Reviews on Books:** A History of Russia from Early 18th to the End of 19th Century; A History of Russia. The 20th Century; A History of Russia From Ancient Times Up To the Late 17th Century; *G. Salisbury*. The 900 Days. The Blockade of Leningrad; *Th. C. Prousis*. Russian Society and the Greek Revolution; A New British Series on Medieval Historians. Letters to the Editor.

Учредители: ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 11, 1997

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 05.09.97. Подписано в печать 15.10.97. Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,57. Тираж 10 100. Заказ 2852. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ИВИ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ